

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

А.В. ГРИНЕВ

ИНДЕЙЦЫ
ТЛИНКИТЫ
В ПЕРИОД
РУССКОЙ АМЕРИКИ
(1741 — 1867 гг.)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
С.Г. Федорова

НОВОСИБИРСК
“ НАУКА ”
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 63.3(7)
Г85

Рецензенты
член-корреспондент АН СССР *Н.Н. Болховитинов*
кандидаты исторических наук *И.Н. Гемуев, С.Я. Серов*

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Гринев А.В.

Г85 Индейцы тлинкиты в период Русской Америки
(1741—1867 гг.). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-
ние, 1991. — 320 с.

ISBN 5-02-029741-0.

В монографии раскрывается одна из интереснейших страниц истории “заокеанской России”, анализируется история контактов индейцев тлинкитов с европейцами в период Русской Америки.

Книга предназначена для историков, этнографов и всех интересующихся историей освоения русскими Аляски и жизнью населявших ее народов.

0503010000-222

Г ----- 55-91 II полугодие

ББК 63.3(7)

042(02)—91

ISBN 5-02-029741-0

© Издательство “Наука”, 1991

ВВЕДЕНИЕ

Тема данного исследования — история взаимоотношений индейцев тлинкитов с европейцами в период Русской Америки (1741—1867 гг.) и выявление влияния последних на культуру и образ жизни индейцев. Интерес к этой теме не случаен. В последние два-три десятилетия у нас и за рубежом появилось немало работ, посвященных русскому периоду истории Аляски, в том числе истории географических открытий в этом регионе, а также этнографии коренного населения Русской Америки. Широко публикуются сборники документов, монографии, статьи, научно-популярные книги и произведения художественной литературы, в которых прямо или косвенно затрагивается вопрос о контактах европейцев с туземным населением Аляски. В связи с этим сложилось ошибочное, на наш взгляд, мнение, будто этот вопрос уже достаточно изучен в советской исторической науке; сторонники такой точки зрения ссылаются на работы общего характера или отдельные статьи [143, с. 67; 155, с. 54]. Между тем следует подчеркнуть, что этнокультурные контакты на Аляске в русский период ее истории исследованы еще далеко не в полной мере. И это тем более неоправданно, что по данному вопросу имеется широкий круг оригинальных отечественных источников. Так, до сих пор слабо изучена этническая история эскимосов-конягмиутов, чугачей и некоторых других эскимосских групп, а также ряда индейских племен, чьи земли в конце XVIII—XIX вв. входили в состав Русской Америки. Это замечание может быть полностью отнесе-

*Здесь и далее под собирательным термином “европейцы” подразумеваются носители евро-американской культуры в широком смысле слова: русские, англичане, испанцы, американцы и т.д. Соответственно в данной работе употребляется и термин “европейская культура” — как собирательное название, служащее для противопоставления “индейской культуре”, “традиционной культуре тлинкитов”.

но и к индейцам тлинкитам. Здесь уместно, помимо всего, сказать, что история взаимоотношений туземцев с русскими является частью истории Русской Америки и тем самым — частью прошлого России.

Оживление в последние годы советско-американского диалога весьма способствовало росту интереса к историческому прошлому Аляски. В нашей периодической печати стали появляться материалы, так или иначе связанные с историей и этнографией Русской Америки [148, 193—195, 255]. Однако встречающиеся в них оценки, суждения и факты порой довольно далеки от исторической истины. Надо сказать, что авторы подобных публикаций нередко и сами признают свою слабую компетентность в обсуждаемых вопросах. Так, А. Шумилов пишет: “О славном прошлом Русской Америки вспомнил только для того, чтобы с горечью отметить: американцы знают ее историю значительно лучше, чем мы” [257, с. 6]. Здесь А. Шумилов допускает довольно смелое обобщение, хотя и вполне справедливое, если относить его к самому автору, который сообщает, например, в своей заметке, что столица Русской Америки (Ново-Архангельск) была заложена на о-ве Кадьяк, в то время как в действительности она была основана на о-ве Баранова (Ситха). Что же касается художественной, а иногда и научно-популярной литературы, то здесь фантазия авторов порой не знает границ. Пожалуй, наиболее красноречивый пример такого рода мы находим в книге И.Ю. Скарбека “За тридевять земель”: “Тлинкиты, что в дословном переводе означает “люди повсеместные”, обитали вдоль северо-западного берега Аляскинского залива и по прилегающим к материку островам в широте от 52 до 62°, то есть примерно от острова Ванкувер до горы Святого Ильи. Дикие эти племена не искали постоянного места и переселялись ежегодно по удобности. Все они имели шаманов и руководствовались исключительно их вымыслами, которые сводились черт знает к чему. Во всяком случае, главным персонажем их являлся, как правило, сам Дьявол. Россияне впервые познакомились с названным народом в 1783 году” и т.д. и т.п. [237, с. 51]. Оставив “изящность” стиля на совести автора, заметим, что в приведенной цитате ни одно предложение не соответствует действительности (см. гл. 1 монографии). Подобные книги, а они выходят в свет, как правило, большим тиражом, формируют у широких читательских масс превратные представления об истории и этнографии Русской Америки.

Досадные ошибки встречаются даже в современной справочной литературе. Так, в “Морском энциклопедическом справочнике” указывается, что известный русский купец и мореход Г.И. Шелихов “построил верфи в Ново-Архангельске” [215, т. 2, с. 422]. Это было абсолютно невозможно, поскольку Ново-Архангельск основан в 1804 г., тогда как Г.И. Шелихов скончался в 1795 г. Даже “Большая Советская Энциклопедия” не избежала подобных погрешностей. Так, в ней утверждается, будто бы нынешний американский г. Ситка (на о-ве Баранова) был основан Российско-Американской компанией в 1799 г., а в 1804 г. назван Ново-Архангельском (т. 23, с. 480). В действительности г. Ситка был заложен именно в 1804 г. и назван Ново-Архангельском (бытовало также его неофициальное название Ситха), в то время как в 1799 г. русские основали на о-ве Баранова Михайловскую (Новоархангельскую) крепость, уничтоженную тлинкитами в 1802 г. (см. гл. 2, разделы 2.2, 3.1, 3.2).

В собственно научной литературе также нередки противоречия и неточности в указании дат, цифровых данных, в интерпретации отдельных событий, а также односторонность и тенденциозность в их оценке. Это, видимо, отчасти обусловлено тем, что исследователи привлекают недостаточно широкий круг источников и литературы, да и в самих источниках встречаются разночтения и неточности.

В то же время нельзя забывать, что любая этноисторическая тема требует от исследователя критического анализа и комплексного подхода при разрешении тех или иных проблем. Подобное рассмотрение истории контактов тлинкитов с европейцами (и прежде всего с русскими) и последствий этих контактов для индейцев вызвано тем, что многие этнографические и собственно исторические сюжеты данной темы до настоящего времени исследованы далеко не в достаточной мере. В этнографическом плане это, например, вопрос об инновациях в культуре тлинкитов в период Русской Америки. Что же касается исторического аспекта контактов тлинкитов и европейцев в указанный период, то и здесь много спорных и нерешенных вопросов. Например, такой эпизод, как захват индейцами русской крепости на о-ве Баранова в 1802 г., почти не исследован.

Источниками при изучении избранной темы служили архивные документы, записки путешественников, труды историков XIX в., этнографические работы, содержащие

полевой материал, а также музейные коллекции, географические атласы, рисунки, акварели и фотографии XVIII — начала XX в.

Среди довольно широкого круга источников следует выделить в первую очередь материалы центральных архивов Москвы и Ленинграда и отделов рукописей двух крупнейших библиотек Советского Союза (ОР ГБЛ и ОР ГПБ). Наиболее значительные собрания документов по истории Русской Америки находятся в фондах Архива внешней политики России (АВПР). Особенно много среди них материалов Российско-Американской компании (РАК), под управлением которой в 1799—1867 гг. находились русские колонии на Аляске.

Использование архивных данных не только значительно обогащает любое исследование фактическим материалом, но и помогает уточнить и перепроверить сведения опубликованных источников, а также переосмыслить некоторые сложившиеся в науке представления об отдельных сюжетах по истории и этнографии Русской Америки.

Ряд архивных документов по этой теме был опубликован еще во времена существования российских колоний на Аляске. Так, видный историк РАК П.А. Тихменев издал в качестве приложения к обеим частям своей работы о деятельности компании множество ценнейших материалов самого разнообразного характера: официальные дипломатические и юридические документы, переписку должностных лиц, донесения служащих РАК и т.д. [66, ч. I, Прил.; ч. II, Прил.]. Кроме того, публиковались ежегодные отчеты Российско-Американской компании [51, 52], а также “Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний” (1863 г.) [22, 23] и др.

Возросший в 1930-е гг. интерес исследователей к истории царской дипломатии на Дальнем Востоке и к географическим открытиям русских на Тихом океане в XVIII—XIX вв. вызвал публикацию нескольких сборников документов. Начиная с 1940-х гг. и до сегодняшнего дня продолжают издаваться различного рода архивные материалы (11, Сер. I, т. III—VII; Сер. II, т. I—VI; 32, 58—62]. Хотя в этих сборниках имеются отдельные данные по истории взаимоотношений европейцев с тлинкитами, а также по этнографии этих индейцев, основное внимание составителей было направлено на подбор материалов, касающихся вопросов дипломатии, экономики русских колоний в Америке, истории российского море-

плавания на Тихом океане. Пожалуй, самые важные для нашей темы сведения содержатся в сборнике "К истории Российско-Американской компании", вышедшем в Красноярске в 1957 г. Среди материалов сборника особую ценность для исследования представляет донесение И.А. Кускова А.А. Баранову от 1(12) июля 1802 г. о захвате индейцами русской крепости на о-ве Ситха [32, с. 106—123].

Несмотря на то, что архивные данные представляют собой, казалось бы, наиболее достоверный источник, они также требуют осторожности в использовании. Нельзя, например, слепо доверять архивным документам, исходящим из Главного правления РАК, поскольку последнее порой было заинтересовано в намеренном и тенденциозном искажении фактов. Так, основную и единственную причину выступления индейцев в 1802 г. Главное правление усматривало в подстрекательствах иностранцев [Там же, с. 134], чтобы оправдать таким образом свои просчеты в колониальной политике на Аляске.

Хотя архивные документы чрезвычайно важны, лишь на их основании нельзя ни создать целостную картину прошлого Русской Америки, ни дать обзор этнографических особенностей ее коренного населения. Это возможно только при комплексном использовании различного рода источников. Большим подспорьем при изучении истории и этнографии тлинкитов служат записки и мемуары европейских (и в первую очередь русских) путешественников, побывавших в русских колониях на Аляске. Сведения о тлинкитах содержатся в трудах таких выдающихся российских мореплавателей, как А.И. Чириков, В.М. Головнин, О.Е. Коцебу, Ф.П. Литке, и особенно много их в работе Ю.Ф. Лисянского [6, 7, 14, 18—21, 28—31, 34—43, 63, 68, 73—76]. Не умаляя ценности этих работ, содержащих, как правило, информацию очевидцев, нельзя забывать, однако, о субъективном характере этого вида источников. Данное замечание касается прежде всего общих оценок и суждений авторов и их экскурсов в историю Русской Америки. Так, например, О.Е. Коцебу в своей книге о путешествии вокруг света в 1823—1826 гг. давал крайне отрицательную характеристику тлинкитам. "Нельзя описать, — читаем у него, — сколь отвратительным кажется сей народ" [35, с.212]. С другой стороны, его современник И.Е. Вениаминов, наблюдавший тлинкитов в течение ряда лет, высказывал по этому поводу противоположную точку зрения: "Мне удалось видеть и жителей берегов Берингова моря, и

Уналашкинцев [алеутов о-ва Уналашка]*, Кадыакцев [эскимосов о-ва Кадыак], Колош [тлинкитов] и Калифорнийских индейцев — разноязычных, и по возможности узнать их способности и свойства — мне кажется, что Колоши из всех их лучший народ по своим способностям и деятельности“ [8, с. 112—113].

В описании путешествий некоторых зарубежных исследователей также содержатся данные о тлинкитах и их взаимоотношениях с европейцами. Особого внимания заслуживают записки о плаваниях знаменитого французского командора Ла Перуза, испанского мореплавателя А. Маласпины, английского капитана Дж. Ванкувера и мемуары одного из директоров Компании Гудзонова залива — Дж. Симпсона [108, 43, 7, 125].

К источникам можно отнести также работы историков XIX в. о Русской Америке. Наибольшей известностью среди них пользуются сочинения К.Т. Хлебникова П.А. Тихменева и американца Г.Г. Бэнкрофта [69—72, 66, 77]. Именно в трудах этих авторов огромный фактический материал по русскому периоду истории Аляски был впервые обобщен и логически изложен. Все эти исследователи пользовались архивными документами, записками современников описываемых событий и рассказами очевидцев. Многие из приведенных у них данных ныне утрачены, поэтому их работы могут в известной мере служить первоисточником (сказанное относится прежде всего к сочинениям К.Т. Хлебникова). В то же время нельзя полностью доверять любой приводимой в них информации, что обычно делают авторы научно-популярных и художественных книг (см., напр., [210]).

Проблема влияния контактов с европейцами на культуру тлинкитов диктует необходимость обратиться к такому виду источников, каким являются этнографические исследования. Первый крупный и вполне научный для своего времени обзор этнографии тлинкитов принадлежит перу видного русского миссионера и гуманиста И.Е. Вениаминова. Его сочинение “Записки об островах Уналашкинского отдела“ было опубликовано в 1840 г. В нем Вениаминов основное внимание уделил вопросам социальной организации индейцев, их обычаям и в особенности религиозным верованиям. Последнее вполне понятно, поскольку его, как священника, не могли не волновать “заблуждения“ чужой веры.

*Здесь и далее в квадратных скобках даются примечания автора.

Самое раннее этнографическое описание тлинкитов, сделанное профессиональным этнографом, относится к первой половине 1880-х годов. В те годы проводил свои исследования на Аляске немецкий ученый А. Краузе. Его книга как бы подводит итог предшествующему почти столетнему изучению тлинкитов и является своеобразной этнографической “энциклопедией” об этом индейском племени [101].

Спустя почти три десятилетия после А. Краузе полевые исследования среди тлинкитов проводил один из известных американских этнографов Дж.Р. Свэнтон. Результатом его научных изысканий стала крупная работа, посвященная главным образом вопросам социальной жизни тлинкитов, их религиозным воззрениям и языку [127].

В 1930-е годы этнографическими исследованиями среди тлинкитов селения Клакван занимался американский этнограф К. Оберг, монография которого “Социальная экономика индейцев тлинкитов” увидела свет только в 1973 г. [119]. Книга Оберга посвящена преимущественно разработке социальных аспектов тлинкитского общества до прихода европейцев. Правда, в отличие от Дж.Р. Свэнтона автор отводит заметное место также и экономическим вопросам (слово “экономика” вводится даже в название работы). В монографии Оберга содержатся ценные данные, полученные исследователем непосредственно от информаторов-индейцев, и касающиеся, например, хозяйственного цикла тлинкитов, их торговой деятельности и т.д., что также позволяет отнести эту работу к числу источников по традиционной этнографии тлинкитов. В другой работе — небольшой, но весьма интересной статье “Преступление и наказание в тлинкитском обществе” [118] — тот же автор подробно рассмотрел вопросы традиционной этики тлинкитов.

В 1950-е годы полевые исследования среди тлинкитов вел американский этнограф Р.Л. Олсон (он был даже “усыновлен” индейцами). Как и его предшественников, Олсона привлекали прежде всего проблемы социальной жизни индейского общества. Собранный им материал определенным образом дополнял сведения Дж.Р. Свэнтона и К. Оберга. Важность этого этнографического источника определяется скорее собранием интересных, а порой и уникальных преданий и фактов.

Ограниченность тематики работ Дж.Р. Свэнтона, К. Оберга, Р.Л. Олсона в значительной мере преодолена в трудах одной из выдающихся представительниц амери-

риканской исторической науки Ф. де Лагуны. Принципиальное значение для исследования по избранной теме имеет ее монография по истории и культуре тлинкитов в Аляске [104] — крупнейшая из известных нам работ о тлинкитах. В отличие от трудов ее соотечественников, представляющих собой этнографические исследования, эту работу Ф. де Лагуны правильнее было бы назвать этноисторической. В первой части своей монографии де Лагуна дает довольно подробный очерк истории тлинкитов, их традиционной культуры, появления в ней инноваций и заимствований. Диапазон научных изысканий Ф. де Лагуны значительно шире, чем у ее предшественников. Он охватывает все основные характеристики объекта изучения: от аспектов материальной культуры до антропоники, фольклора, шаманизма и т.д., что вероятно, и определило изменение в методологии исследования — Ф. де Лагуна прибегает к комплексному применению методов истории, этнографии и археологии [103]. Этим обусловлен и необычайно широкий круг привлекаемых ученым источников: здесь и данные археологических раскопок, и индейские легенды, и сведения исторических документов, и собственные полевые материалы. Все это делает труд Ф. де Лагуны ценнейшим этнографическим и историческим источником.

При раскрытии темы монографии важную роль сыграла также научная литература. В ней можно выделить две группы работ: в одной преобладают этнографические, а в другой — исторические сюжеты.

Описания различных аспектов этнографии содержатся в работах одного из основоположников советской американистики Ю.П. Аверкиевой [135—141]. Ценность ее исследований состоит в том, что впервые в советской науке подробно изложены и проанализированы такие темы, как социальная организация индейского общества, семейные отношения индейцев и потлач.

Отдельные сведения по различным аспектам материальной и духовной культуры тлинкитов имеются в работах таких современных советских ученых, как Г.И. Дзенискевич, А.А. Истомина, Р.С. Разумовская, Е.М. Мелетинский и др. [166—168, 170, 171, 174, 176, 185, 211, 212, 230, 233, 253]. В них нередко поднимаются важные вопросы, а в научный оборот вводится новый материал. Тем не менее достоинства этих работ снижают порой не достаточное использование источников и не всегда точная интерпретация фактического материала (см. гл. 1 и 3 монографии).

Зарубежная научная литература по этнографии тлинкитов достаточно многообразна. Здесь и обзорные статьи, и целые монографии, посвященные, как правило, описанию культуры индейцев Северо-Западного побережья [258, 272, 274, 275, 280, 285, 287, 292, 301, 304—306, 309, 310]. Эти работы помогают увидеть параллели и связь культуры тлинкитов с культурой других индейских племен и в то же время выявить ее специфику.

Среди собственно исторических работ зарубежных исследователей, посвященных истории Аляски, можно выделить крупные монографии К.Л. Эндрюса, С.Р. Томпкинса, К.К. Халлея, Дж.Р. Гибсона [259, 308, 289, 282]. В трудах этих авторов нас привлекает в первую очередь материал по истории Русской Америки и особенно — описание контактов между тлинкитами и европейцами в данный период. Приходится, однако, констатировать, что эти вопросы рассматриваются американскими историками на основании довольно ограниченного круга русских опубликованных источников; архивные материалы по истории Русской Америки при этом почти не используются.

В советской исторической науке первое исследование деятельности русских на Аляске в XVIII—XIX вв. принадлежит С.Б. Окуню, написавшему монографию об истории Российско-Американской компании [222]. На основании большого фактического материала, с широким привлечением архивных документов автор рассмотрел освоение русскими Северо-Американского материка и роль в этом процессе Российско-Американской компании и царской дипломатии. С.Б. Окунь не только вскрыл политические и экономические причины возникновения компании и рассказал о ее дальнейшем функционировании, но и уделил немало внимания взаимоотношениям РАК с коренным населением Аляски. Правда, к оценке этих взаимоотношений автор подходит односторонне, делая упор на негативные аспекты русской колонизации. В то же время исследователь верно, на наш взгляд, усмотрел в сопротивлении тлинкитов колонизации один из основных факторов, подорвавших господство русских на Аляске.

Тема освоения русскими Аляски затронута в двух солидных монографиях Н.Н. Болховитинова [153, 154; см. также его статьи: 155—156], в которых освещается широкий спектр проблем русско-американских отношений в 1775—1815 и 1815—1832 гг. Используя огромный фак-

тический материал (в том числе и неопубликованные архивные документы), автор подробно рассмотрел становление и эволюцию этих отношений в указанные периоды. В разделах об истории Русской Америки Н.Н. Болховитинов коснулся и американо-русско-тлинкитских контактов на Аляске и их влияния на дипломатические связи между Петербургом и Вашингтоном. Впервые в науке этот вопрос был подробно исследован. В 1990 г. опубликована третья монументальная монография Н.Н. Болховитинова "Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867 гг.", являющаяся логическим завершением двух предыдущих работ и, безусловно, представляющая интерес для любого исследователя истории Русской Америки.

Одна из первых и весьма удачных историко-этнографических работ в советской американистике принадлежит перу С.Г. Федоровой [246]. Автор описывает формирование и этнические особенности русского населения Аляски и Калифорнии (XVIII в. — 1867 г.), анализирует направления русской колонизации, ее темпы, методы и последствия. Особого внимания заслуживает разработанная С.Г. Федоровой периодизация истории Русской Америки, в основу которой положены главные направления русской колонизации. Структура работы и порядок освещения фактического материала имели для нас методологическое значение.

Кроме вышеперечисленных крупных работ о русском периоде истории Аляски несомненный интерес для нашей темы представляет статья А.А. Истомина, посвященная русско-тлинкитским отношениям [185]. Статья написана на основании достаточно широкого круга источников, в ней дается глубокий анализ взаимоотношений тлинкитов с русскими — это до сих пор, пожалуй, наиболее удачный очерк о контактах тлинкитов и русских. Правда, очевидно, рамки статьи не позволили ее автору рассмотреть все стороны этих контактов и выявить инновации в культуре тлинкитов в период Русской Америки во всем их многообразии.

Таким образом, касаясь степени изученности данной темы в советской и зарубежной исторической науке, можно сказать следующее.

История и этнография индейцев тлинкитов уже неоднократно привлекали внимание ученых. Однако приходится констатировать, что в подавляющем большинстве исследований не используется все многообразие имеющихся источников (в том числе опубликованных). Так,

даже Ф. де Лагуна, которая в своем монументальном труде об истории и культуре индейцев зал. Аляска [104] постаралась максимально охватить весь материал о тлинкитах этой группы, ни в библиографии, ни в тексте не упоминает такую важную работу, как монография Р.Л. Олсона [121] о тлинкитском обществе. В советской же историографии последняя работа практически неизвестна, как и многие другие зарубежные исследования о тлинкитах, а данные из трудов Ф. де Лагуны привлекаются также далеко не в полной мере. В связи с этим следует подчеркнуть, что и советские, и зарубежные этнографы либо вообще не используют неопубликованные материалы архивов СССР, США, Канады и Великобритании, либо используют их далеко не достаточно.

Имеющийся в распоряжении исследователей материал по истории взаимоотношений тлинкитов с европейцами не всегда подвергается достаточно подробному и глубокому анализу, примером чего может служить интерпретация событий 1802 г., встречающаяся в научной литературе (см. гл. 2 монографии). Наконец — и это самое главное — контакты тлинкитов с европейцами в период Русской Америки и их последствия для культуры индейцев не стали до сих пор предметом всестороннего исследования в СССР.

*
* *
*

Считаю своим приятным долгом высказать слова благодарности всем, кто содействовал появлению этой работы. Это относится прежде всего к моему бывшему научному руководителю, видному исследователю истории и этнографии Русской Америки Светлане Григорьевне Федоровой.

Я искренне благодарен за ценные советы, замечания и поддержку член-корреспонденту АН СССР Н.Н. Болховитинову, докторам исторических наук В.А. Тишкову и Л.А. Файнбергу, кандидатам исторических наук Р.В. Макаровой, С.Я. Серову, А.В. Ващенко, И.Н. Гемуеву.

Я глубоко признателен за оказанное мне внимание и помощь таким сотрудникам Института этнографии АН СССР, как Л.С. Шейнбаум, Н.Н. Кулакова, В.Г. Стельмах, Ш.А. Богина, А.А. Бородатова, П.В. Грибанов, М.Т. Котовская, Э.Г. Александренков, И.Ф. Хорошаева, Э.Л. Нитобург, Л.Н. Фурсова, И.А. Амирьянц,

З.Ф. Бурнацева, Е.Э. Носенко, Н.С. Соболев, Л.С. Перепелкин, В.В. Шинкарев, И.И. Крупник и другие, а также сотрудникам Алтайского политехнического института — профессору Ю.Н. Гарберу, доценту А.А. Гусевой, начальнику РИО В.Б. Малахову.

Приношу также благодарность работникам центральных советских архивов, и в первую очередь сотрудникам Архива внешней политики России.

Наконец, не могу не отметить поддержку моей матери — Нелли Михайловны Гриневой, чья бескорыстная помощь и терпение в значительной мере способствовали появлению этой монографии.

ИНДЕЙЦЫ ТЛИНКИТЫ ДО КОНТАКТОВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ

1. ПЛЕМЯ ТЛИНКИТОВ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

1.1 Природные условия и ресурсы территории тлинкитов к моменту их первых контактов с европейцами. К концу XVIII в., а именно к этому времени относится начало регулярных контактов, индейцы тлинкиты занимали полосу побережья Юго-Восточной Аляски от зал. Портленд-Канал (55° с.ш.) на юге до зал. Якутат (60° с.ш.) на севере с прилегающими к побережью скалистыми островами архипелага Александра. Материковое побережье и гранитные берега островов сплошь изрезаны фиордами и заливами, и только от прол. Кросс-Саунд до Якутата прибрежная полоса относительно ровная: ее прерывают лишь две довольно крупные бухты — Льтуа и Айси-Бэй. Мощные хребты Скалистых гор с белыми шапками вечных снегов отделяли “страну тлинкитов” от внутренних районов материка. На островах горы, хотя и ниже материковых, тоже достаточно внушительны — высотой до полутора километров. Наиболее высокие горы располагались на севере тлинкитской территории, и среди них возвышались такие гиганты, как г. Феруэйтер (по-тлинкитски Тцалхан — 4663 м) и г. Св. Ильи (Уаси-ша — 5489 м). Некоторые из них представляют собой уснувшие вулканы, например г. Эджкумб (Тлук) на о-ве Круза архипелага Александра. Реликтами былой вулканической деятельности являются горячие серные источники на о-ве Баранова, целебные свойства которых были известны индейцам с незапамятных времен. С горных вершин сползают огромные ледники, некоторые из них, достигая океана, обрушиваются в него и рождают айсберги. Вечные снега и ледники дают начало многочисленным речкам и ручьям, бурным и коротким. Лишь несколько небольших рек выделяются среди других своими размерами: Стикин (Стахин), Таку, Чилкат, Алсек (Алцех).

Тихий океан, который был естественной западной границей территории тлинкитов, и особенно теплое Аляскинское течение смягчали суровый климат этих северных мест. Самая низкая температура здесь в январе обычно около 0°C , хотя случаются и кратковременные морозы — до -20°C . Теплее всего в августе, когда среднесуточная температура составляет около 13°C [101, р. 54—55]. Близость океана способствует высокой влажности: среднегодовое количество осадков достигает 2000—3000 мм. Наиболее дождливый месяц — октябрь, ясная же погода характерна для июля. “Беспрестанная мрачность, мелкий дождь и сырость воздуха есть обыкновенное явление атмосферы, — писал старожил Русской Америки К.Т. Хлебников, — но здесь, как и везде, нет правил без исключения и случается хорошая погода... Но господствующая погода есть пасмурность и дождь, т.е. круглый год осень” [72, с.71].

Температура воздуха и количество осадков определялись в значительной степени ветрами, что было подмечено самими тлинкитами, в языке которых существовало несколько обозначений для ветров различных направлений. Так, юго-восточный ветер, приносящий дождь и сырость, они называли “саннахет”, южный, сопутствующий обычно ясной погоде, — “декинахет”, северо-западный, дующий чаще осенью и зимой и переходящий нередко в сильные шквалы с градом, дождем и снегом, — “хун” (север).

Зимой в ясную погоду почти на всей территории Аляски бывает видно северное сияние (“кицук”). Тлинкиты верили, что это души погибших в битвах воинов разжигают на небе огни. Появление полярного сияния, по представлениям индейцев, предвещало войну и смерть [8, с. 59—60; 112, pt 1, р. 79].

Мягкий и влажный климат, теплое морское течение способствовали богатству и разнообразию растительного и животного мира Юго-Восточной Аляски и омывающих ее вод. Побережье материка и островов, даже скалы и горы почти до самых вершин покрыты пышной растительностью с преобладанием хвойных пород. Здесь растут ель, кедр, лиственница, хемлок и сосна. Широколиственные представлены в основном ольхой, ивой и различными кустарниками. В сумрачных влажных лесах в изобилии водятся различные животные: олени, медведи, волки, горные бараны, выдры и т.д. Из птиц здесь обитают вороны, белоголовые орлы, чайки, утки, гуси и другие, а летом сюда залетают даже колибри. Море у

побережья богато различными видами рыб и морских млекопитающих: тюленей, каланов, китов и др. С марта по октябрь в прибрежные воды и реки Аляски заходят на нерест многочисленные косяки ценных промысловых рыб: сельди, рыбы-свечи (эулахона) и лососевых.

Богатые экологические ресурсы были одним из основных факторов, предопределивших относительно высокую степень развития тлинкитского общества. Сходные природные условия характерны для всего Северо-Западного побережья, что обусловило формирование оригинальной индейской культуры, базирующейся на ловле лососевых и охоте на морских и лесных животных. Тлинкиты обитали на севере этого культурного ареала.

1.2. Антропологический тип, этногенез, языковая принадлежность и формирование этнической территории тлинкитов. Антропологически тлинкиты принадлежат к американской расе большой монголоидной расы. Описания физического облика тлинкитов у различных авторов в целом совпадают. Это в основном стройные, сильные люди высокого и среднего роста (средний рост тлинкита, по Боасу, 173 см) с черными густыми и жесткими волосами, темными глазами и медным цветом кожи. Головы у тлинкитов довольно крупные, а лица обычно широкие и плоские. Носы, как правило, прямые или вогнутые, губы средней толщины [119, р. 6—7]. Среди тлинкитов встречается и чисто “индейский” тип с относительно длинным выгнутым (орлиным) носом и четкой профилировкой лица, а некоторые индейцы имеют довольно густые бороды и усы.

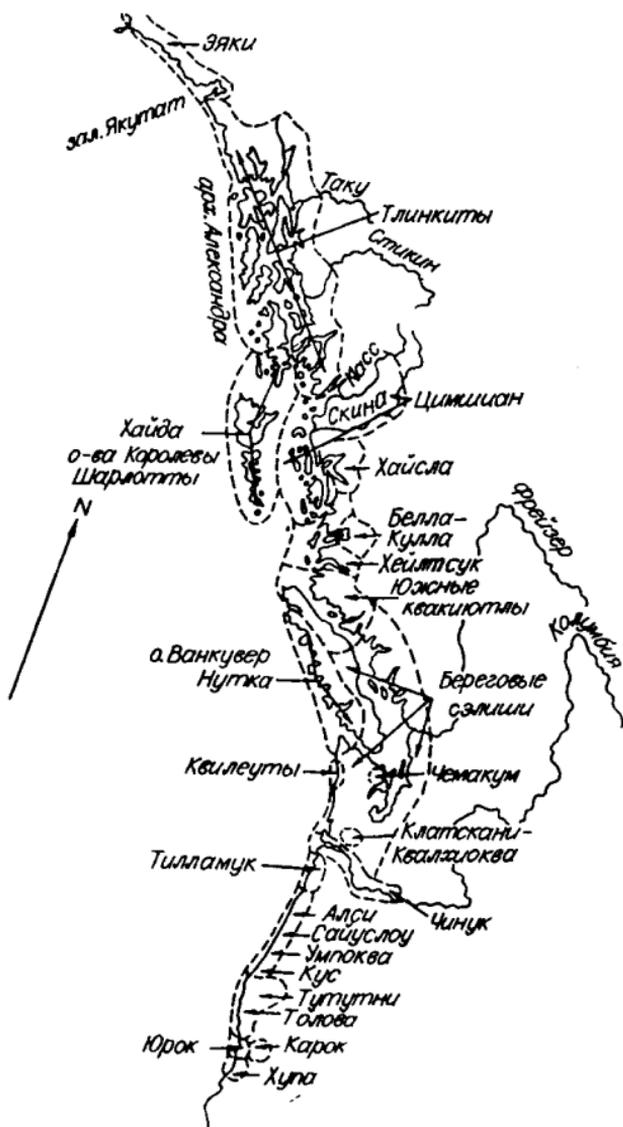
Вот какое описание внешности тлинкита мы находим у архимандрита Анатолия, данное последним в конце прошлого века: “Аляскинский индианин, или тлинкит, высок ростом, нередко выше шести футов, имеет длинное, почти круглое туловище, сильно развитую грудь и руки, несколько выгнутыя в коленях наружу ноги, как у истых наездников степи. Впрочем, на кривизну ног могло не мало влиять постоянное сиденье в узкой лодке. Походка медленна и некрасива с покачиванием в стороны... Безобразие нижней части тела скрашивается верхнею — головой, обыкновенно прямо и гордо сидящей на толстой шее поверх широких могучих плеч. Лицо типичного индианина выразительно, сильно очерчено и подвижно. В большинстве случаев лицо кругло и безбородо, но встречаются нередко лица продолговатыя, сухия, с орлиными, хищными носами. Лоб не высок, но достаточно широк и почти всегда откидывается несколько на-

зад. Глаза узки, но не так, как у китайцев или японцев. Нередко встречаются совсем правильные глаза... Встречаются очень красивые лица, особенно между женщинами... Если бы не цвет кожи, слегка отливающей медью, иного статного индианина или индианку трудно было бы распознать и отличить от европейца" [1, с. 11—13].

Данные об этногенезе тлинкитов довольно скудны. Можно предположить, что они как самостоятельный этнос начали формироваться около 4 тыс. лет до н.э. Это может быть соотнесено с наиболее ранней дифференциацией культур побережья и глубинных районов Северо-Американского материка. К этому же времени относится, по-видимому, отделение тлинкитского языка от общего ствола лингвистической семьи на-дене (в которую помимо языка тлинкитов входят языки атапасков и вышедший из живого употребления буквально в последнее время язык эяк) [190, с. 149—151, 154—156; 288, с. 67]. На особенности звукового состава тлинкитского языка указывали уже первые путешественники и исследователи, побывавшие у тлинкитов. Так, французский путешественник Ла Перуз отмечал в 1786 г., что тлинкиты не выговаривали "б", "ф", "п", "в" и некоторые другие звуки. С другой стороны, звук "к", как пишет Ла Перуз, встречается почти в каждом слове [108, р. 410—411]. И.Е. Вениаминов выделял четыре фонематических варианта "к" [8, с. 145—146]. Поэтому следует иметь в виду, что написание некоторых тлинкитских слов, данное в этой монографии, весьма условно.

Первоначальная прародина тлинкитов, согласно индейским преданиям, располагалась к юго-востоку от их современной этнической территории, в районе устьев рек Насс и Скина, откуда и началось расселение тлинкитских родов в северном направлении [8, с. 28, 82; 127, р. 407, 414]. Предания некоторых родов, правда, указывают на их происхождение из глубин материка или с о-вов Королевы Шарлотты. Предки этих родов так же, как и местное население (скорее всего, атапаски и эяки)¹, полностью смешались с расселявшимися тлинкитами.

Тлинкиты не мигрировали в южном направлении. Это можно объяснить тем, что на юге и юго-востоке обитали воинственные племена индейцев хайда и цимшиан, не уступавшие тлинкитам по уровню социально-экономического развития. И хайда, и цимшиан принадлежали вместе с тлинкитами к культуре оседлых рыболовов северо-западного побережья Северной Америки, которая в

Расселение основных лингвистических групп индейцев северо-западного побережья Северной Америки (конец XVIII в.).

конец XVIII в. охватывала туземное население на береговой линии материка от 45° до 60° с.ш. Именно давление цимшиан с юго-востока и привело, очевидно, к миграции тлинкитов в северном направлении. Индейцы хайда также стремились к внешней экспансии. Часть северных хайда переселилась около 1730 г. с о-вов Королевы Шарлотты на север, в область обитания тлинкитов, и заняла южную половину о-ва Принц Уэльский [101, р. 206]. Эта отделившаяся группа хайда получила на-

звание “кайгани”. Свидетельством того, что до кайгани на этих землях жили тлинкиты, являются тлинкитские названия селений кайгани: Касаан или Ка’сиан (“Прелестное селение”), Суккуан (“Травяное селение”) и др. [127, р. 408]. Вторжение хайда с юга привело к переселению ряда тлинкитских родов (прежде всего текуеди) с о-ва Принц Уэльский на побережье материка, а также к ассимиляции и оттеснению автохтонного атапаскского населения. Такая судьба постигла, например, атапасков цецаут (самоназвание — “веталтх”, ответвление племени атапасков талтан), которые жили в районе заливов Бем-Канал и Портленд-Канал [85, р. 22—23]. Цецаут оказались, таким образом, как бы между молотом и наковальней: с запада на них надвигались тлинкиты, а с юго-востока — ниска-цимшиан. В начале XX в. Ф. Боасу удалось встретить несколько индейцев цецаут, которые еще помнили свой язык. В то время жалкие остатки их племени обитали в верховьях залива Портленд-Канал на положении рабов одного из вождей цимшиан [81, р. 1]. В настоящее время язык цецаут вышел из живого употребления.

Тлинкиты не переселялись на восток, за хребты Скалистых гор (по крайней мере до прихода европейцев), а двигались вдоль побережья в северном и в северо-западном направлениях. Глубинные районы материка в то время не привлекали тлинкитов: более суровые климатические условия и скудные природные ресурсы, а также определенные трудности адаптации их традиционной культуры к новой экологической среде ограничивали экспансию тлинкитов на восток. Их соседями на востоке и севере были охотничьи племена атапасков — цецаут, талтан, таку (таку-тине), тагиш и тутчен.

Атапаски, жившие на побережье, довольно быстро ассимилировались тлинкитами. Так, одно из крупнейших тлинкитских селений в северной части их этнического ареала — Клакван — было, по данным К. Оберга, еще около 300 лет назад селением атапасков [119, р. 56]. Атапаски района Драй Бэй (родственные южным тутченам) и смешавшиеся с эяками атапаски атена в области зал. Якутат уже во второй половине XVIII в. были поглощены мигрирующими с юго-востока тлинкитами. Давление тлинкитов привело, вероятно, к переселению эяков на правобережье р. Коппер (Медной) и к вытеснению чугачей из области зал. Контроллер в конце XVIII в. В это же время тлинкиты захватили о-в Каяк,

бывший некогда территорией обитания чугачей [104, pt 1, p. 18, 82, 102—103].

Об экспансии тлинкитов в северном направлении могут свидетельствовать, на наш взгляд, и данные топонимики. Так, один из районов в северной части их племенного ареала назывался “хуна”, т.е. “северный” (по-тлинкитски “хун” значит “север”). Очевидно, некогда этот район был *ultima tule* племени тлинкитов, так как впоследствии они переселились еще дальше к северу, вплоть до зал. Якутат (по-тлинкитски — Тлахаик). На эякское происхождение слова “тлахаик” и ряда других топонимов к северу и югу от залива указывает также Ф. де Лагуна [104, pt 1, p. 58—59], из чего и следует, что первоначальными насельниками этого района были эяки. Район же зал. Драй Бэй обозначался тлинкитами как “Гонахо” (“Кунахо”). Это название произошло от выражения “кунана хо” — “среди атапасков” [112, pt 1, p. 23—24].

Данные лингвистического анализа языка тлинкитов также подтверждают факт расселения носителей этого языка в северном направлении. “В пределах ареала языка тлинкит наибольшие различия между диалектами наблюдаются на южной оконечности, что является следствием более позднего распространения языка на север”, — пишет видный аляскинский лингвист М. Краусс [190, с. 155—156].

1.3. Этническое самосознание и этноним “кóлоши”. Сами себя индейцы называли “тлинкит” (“тлингит”, “лингит”, “клинкит”) — “человек”, “народ”, “люди” — с прибавлением слова “антукуан”, т.е. “люди всех селений” или “люди повсеместные” [8, с. 28]. Правда, В.Л. Поол, один из современных лидеров тлинкитов, указывал, что сам термин “тлинкит” не тлинкитского, а цимшианского происхождения и означает “люди, обитающие у пролива” [119, p. IX].

Тлинкиты отличали себя от хайда (“декина”), цимшиан (“чучхан”), эяков (“яткуан”), атапасков (“кунана”), квакиютлов (“тойят”) и чугачей (“котех” или “кутех”). Они рассматривали хайда и цимшиан как “равных” себе людей “высокой культуры”, от которых тлинкиты заимствовали многие песни, танцы, церемониальные принадлежности и предметы обихода. У тлинкитов даже было выражение “работа цимшиан” для обозначения прекрасно изготовленной вещи [127, p. 414; 104, pt 1, p. 213—216]. Некоторые тлинкитские роды (например, тихиттан и каскагуеди) ведут свое начало от

цимшиан и хайда, и наоборот, у цимшиан был род “канахада”, восходивший к тлинкитскому роду “канахтеди”, или “канахади” [127, р. 411; 121, р. 24, 31, 33—34; 272, р. 114]. Несколько снисходительно относились тлинкиты к эякам, рассматривая их, по свидетельству Ф. де Лагуны, как бедных, немного отсталых родственников [104, рт 1, р. 213]. Собирательным термином “кунана” (“чужаки”, “чужой род”) тлинкиты обозначали почти все атапаскские племена и перенесли в XIX в. это название на своих родственников — внутриматериковых тлинкитов [112, рт 1, р. 22, 49]. Исключением являлись только атапаски атена, жившие в долине р. Медной и добывавшие самородную медь, для которых тлинкиты использовали особый термин “иккахакуан” (“выкапыватели меди”). С атапасками, отмечал А. Краузе, тлинкиты обходились почти как с рабами, презирая их за простодушие и бедность [101, р. 137]. Не выше атапасков стояли в глазах тлинкитов и “тойят” (“плоскоголовые”), прозванные так за обычай искусственно деформировать голову. Этот обычай был характерен для южных индейских племен, в частности для квакиютлов и сэлишей, которые попадали к тлинкитам обычно в качестве рабов, купленных у хайда и цимшиан.

Эскимосов-чугачей тлинкиты буквально ненавидели и презирали как своих заклятых врагов. Ф. де Лагуна, в частности, указывает на то, что в списке тлинкитских слов, составленном участниками испанской экспедиции А. Маласпины (1791 г.), слово “кутеф” (или “кутех”) переведено как “враг”, а в современном языке тлинкитов зал. Якутат это слово означает “чугач” [104, рт 1, р. 213]. Тлинкиты презирали чугачей еще и за отсутствие у них экзогамных родов: по представлениям индейцев, эскимосы вступали в брачные отношения беспорядочно, подобно животным. Даже внешний вид эскимосов вызывал у тлинкитов отвращение: их мужчины носили втулки в прорези под нижней губой подобно тлинкитским женщинам.

В русских источниках тлинкитов, как правило, обозначали словом “кóлоши”, или “кóлюжи” (также “колюши”, “калюжи”, “калоши”). Этноним “кóлоши” (эта форма встречается в источниках чаще всего) произошел, очевидно, от обычая тлинкиток носить в проколотой и растянутой нижней губе деревянную, костяную или каменную втулку — калужку. Слово “калужка” произошло, вероятно, от алеутского слова “калуга”, обозначающего деревянную посуду, которое было заимствовано

Тлинкитские женщины со вставленной в нижнюю губу деревянной втулкой (по-тлинкитски “хентаḡа”).

жившими на Алеутских островах русскими [8, с. 28]. Тлинкитские втулки по форме напоминали деревянные тарелочки или ложки, что и привело, очевидно, к рождению этнонима “колюжи” — “колоши”. Кроме тлинкиток эти губные украшения носили индианки хайда, цимшиан, северных квакиютлов, а судя по археологическим данным, они были известны также белла-кула и береговым сэлишам [102, р. 163].

Этноним “колоши” употреблялся русскими в отношении не только тлинкитов, но и других индейцев Северо-Западного побережья, а изредка даже для обозначения эяков (угаленцев) и внутриматериковых атапасков (“тундровских колошей”) [165]. В пределах Русской Америки к колошам относили прежде всего тлинкитов, а также хайда-кайгани. Поскольку среди всех племен Северо-Западного побережья наиболее продолжительные и интенсивные контакты у русских были именно с тлинкитами, этноним “колоши” употребляется чаще всего по отношению к последним. Это привело к тому, что в научной литературе XX в. данный термин соотносится, как правило, только с тлинкитами [216, с. 151, 652; 198, с. 225; 289, р. 22, 397], хотя это и не совсем верно, так как русские обозначали им и другие племена Северо-Западного побережья. Для удобства изложения и при использовании цитат в дальнейшем под “колошами” будут подразумеваться только тлинкиты. При этом будут особо

оговариваться те случаи, когда речь пойдет об индейцах других племен.

1.4. Внутриплеменное этническое и территориальное деление. Численность тлинкитов. Этническую общность тлинкитов ко времени прихода европейцев можно рассматривать, используя типологию Ю.В. Бромлея, как племя-этнонос [159, с. 35, 247]. Ему были присущи лишь собственно этнические признаки: общность территории, языка (с незначительными диалектальными различиями), мифологии (эпос о Человеке-Вороне), обрядов и этнического самосознания (это нашло отражение в общем самоназвании "тлинкит"). Племя у тлинкитов не функционировало как единый этносоциальный организм, отсутствовали и централизованные органы власти.

С этнографической точки зрения в племени тлинкитов можно было выделить четыре главные группы: к одной относились южные (береговые) тлинкиты, к другой — северные (береговые), к третьей — тлинкиты зал. Аляска и, наконец, последнюю группу составляли внутриматериковые тлинкиты [104, pt 1, p. 15].

Южные тлинкиты занимали побережье материка с прилегающими островами от Портленд-Канала на юге до проливов Фредерик и Читам на севере. К северу от этой границы до зал. Льюта жили северные тлинкиты. В районе Якутата и Драй Бэй к концу XVIII в. сложились общины тлинкитов зал. Аляска, а уже позднее в XIX в., в верховьях рек Таку и Юкона сформировались две современные общины внутриматериковых тлинкитов.

В языке двух первых групп существовали лишь незначительные диалектальные различия² [127, р. 398]. Язык тлинкитов зал. Якутат (якутатцев) отличался уже в большей степени и выделялся в особый диалект еще ранними авторами [10, с. 4, 7]. Внутриматериковые тлинкиты говорили на языке своих предков — тлинкитов северной ветви из общины Таку [112, pt 1, p. 8, 49], вероятно, с небольшим инфильтратом атапаскских слов.

Культурные различия резко противопоставляли тлинкитов первых трех групп (жителей побережья) их внутриматериковым родственникам, которые мало чем отличались по образу жизни от соседних атапасков. Среди береговых тлинкитов все же существовала незначительная культурная дифференциация. Так, южные группы испытали более сильное влияние своих соседей с юга — хайда и цимшиан, чем северяне. В то же время тлинкиты зал. Аляска еще сохранили некоторые культурные особенности атапаско- и эякоязычных предков.

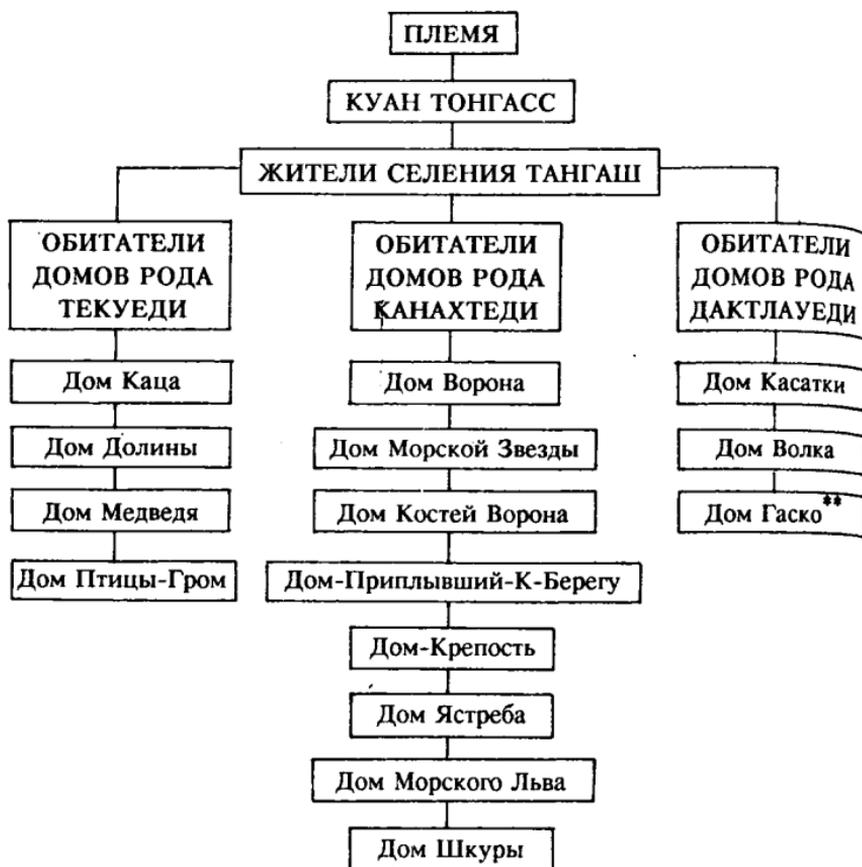
Этнотерриториальное деление племени тлинкитов

Подразделение тлинкитов	Название куана*	Примечание
Тлинкиты залива Аляска	Якутат (Тлахаик) Акой (селение Аквецкое, Гонахо, Драй Бэй) Льтуа (Литуя)	Указываются не всегда, причем район Льтуа относят к куану Хуна, а иногда к куанам Акой или Якутат
Северные тлинкиты	Хуна (селение Какнау, Ледянопроливское) [гавань Асанки] Чилкат (селение Чилькатское, Чильхат) [Чилкут] Аук (селение Акутское, Аку, Ак) Хуцнуву (селение Куцновское, Хутсину, Киллисну, Ангун) Таку (селение Такуцкое) [Самдам (Саодан)] Ситка (селение Ситхинское, Шитка)	
Южные тлинкиты	Кэйк (селение Кекувское, Кек, Кеку) [Кую] Хенья (селение Генувское, Ханего, Главак, Клавак) Стикин (селение Стахинское, Стахин, Шкаткуан) Тонгасс (селение Тангаское, Танкаш, Танта) Санъя (селение Санаханское, индейцы Кэйп Фокс)	
Внутриматериковые тлинкиты	Атлин Теслин	Сформировались во второй половине XIX в.

* Названия куанов даны в основном по американским источникам, с учетом, однако, их старых русских обозначений (см. "селение..."). В круглых скобках даются синонимичные обозначения куанов или их фонетические варианты; в квадратных — подразделения куана, выделяемые иногда в качестве самостоятельных вариантов.

К моменту появления европейцев в Юго-Восточной Аляске племя тлинкитов распалось на социально-территориальные единицы — куаны (табл. 1). Научная трактовка этого понятия связана с известными трудно-

Схема 1. Социально-территориальная структура тлинкитского общества (фрагмент)

* Схема составлена по материалам Р.Л. Олсона [121, р. 10–11].

** Гаско — название острова у западного побережья о-ва Принц Уэльский.

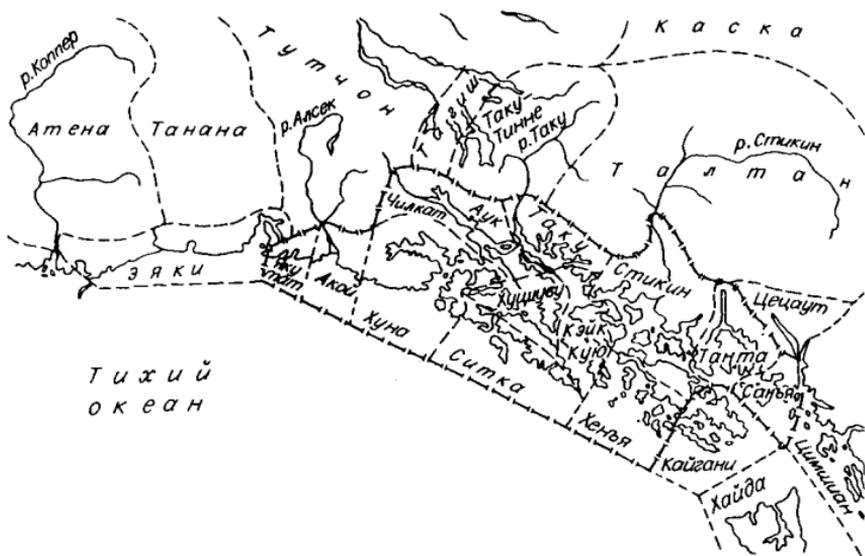
стями: мнения ученых на этот счет противоречивы. В ранних русских источниках куан определяли обычно словом “селение”. В зарубежной научной литературе его называют то “община”, то “локальная группа”, то “племя”. Правда, большинство исследователей ссылается на то, что куан не был племенем в строгом смысле слова, а лишь географическим подразделением племени. Американский этнограф Ф. де Лагуна, в частности, отмечала, что трактовка куанов как самостоятельных племен, а их ареалов — как племенных территорий не отражает ни фактической ситуации, ни мнения по этому вопросу самих тлинкитов. Несмотря на то, что члены одного куана были объединены чувством местного патриотизма,

родственными и соседскими связями, они не образовывали племени в смысле политически организованной и автономной группы. Для самих индейцев принадлежность к определенной фратрии и роду была гораздо важнее принадлежности к одному куану [104, pt 1, p. 212].

Чем же был в действительности куан? Рассмотрим подробнее этот вопрос, тем более что на него нет четкого ответа в справочной литературе [217, с. 443]. При анализе этого понятия можно выделить два аспекта: территориальный и социальный. С одной стороны, куан являлся географическим районом со своими природными особенностями и границами (схема 1). С другой стороны, он был неким социумом — объединением жителей данного района, территориальной формой существования общества, результатом его пространственной организации. И.Е. Вениаминов писал: “Сверх общего названия *тлинкит*, Колоши имеют еще названия по местам, например: Ситхинские Колоши называют себя *Ситхакуан* или правильнее *Шиткакуан*, т.е. буквально: *живущие там, на морской стороне острова, называемого шиг*. Так и другие с прибавлением к месту селения слова *куан*, которое собственно значит *там* или *тамошний* и прилагается к названиям всех народов” [8, с. 28—29]. Сходное объяснение термина дает и Ф. де Лагуна: “Куан — обитатели такого-то места” [105, p. 71].

Именно с социальным аспектом связана трактовка куана в советской историографии, которая была дана Ю.П. Аверкиевой, определившей куан как “развивающуюся соседскую общину, аналогичную сельской общине земледельцев” [140, с. 146]. С этим, однако, вряд ли можно согласиться. Куан не представлял собой единого производственного и социально-бытового коллектива — отдельные его селения отстояли порой друг от друга на несколько десятков километров и не имели, помимо прочего, единого органа власти. Рассматривая куан с социальной точки зрения, его, пожалуй, можно определить как начавший формироваться территориальный союз общин.

В XVIII в. в племени тлинкитов насчитывалось до четырнадцати куанов. Ю.П. Аверкиева приводила в одной из своих работ [137, с. 12] таблицу тлинкитских куанов, составленную на основе списков И.Е. Вениаминова, П.А. Тихменева и Дж.Р. Свэнтонна [8, с. 29—30; 66, ч. II, с. 341; 127, p. 397]. Однако Ю.П. Аверкиева не всегда правильно идентифицировала куаны, отмеченные в этих списках. Например, тлинкиты куана Хенъя (генувцы)

Юго-Восточная Аляска: территория расселения тлинкитских куанов и соседних индейских племен и групп (конец XVIII в.).

неверно соотносятся с индейцами куана Хуна, а куан Льюа (Акой) — с куаном Аук. Перечень тлинкитских куанов (с синонимичными названиями), составленный автором монографии, приведен в табл. 1.

Куаны различались как по размерам территории, так и по численности жителей (от нескольких сотен до нескольких тысяч). Наиболее густонаселенными были, по-видимому, куаны Чилкат, Ситка и Стикин (Стахин).

Родовые связи у тлинкитов все еще доминировали над территориальными. Территориальное единство осознавалось индейцами слабо. Лишь иногда, обычно при отражении внешней опасности, происходило сплочение представителей различных родов, живущих в селениях одного куана.

По численности племя тлинкитов было одним из самых больших на Северо-Западном побережье, а в пределах Русской Америки это было крупнейшее индейское племя. Определить точное число тлинкитов к концу XVIII в. не представляется возможным: данные источников на этот счет неясны и противоречивы (табл. 2).

Первую известную нам оценку численности тлинкитов дал в 1805 г. Ю.Ф. Лисянский, определив ее в 10 000 чел. [41, с. 151]. Однако у него отсутствует указание на то, учитывались ли при подсчете женщины и дети. Почти одновременно с Ю.Ф. Лисянским (в 1806 г.)

Данные о численности тлинкитов в XIX в. — 1930 г.

Год	Источник	Численность, чел.
1805	Ю.Ф. Лисянский [41, с. 151]	До 10 тыс. (только мужчин?)
1806	Н.П. Резанов [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., л. 1, папка № 35, л. 150об. — 151]	Более 10 тыс. боеспособных мужчин (без учета куанов Тонгасс, Санъя и Хенъя) Санъя и Хенъя
1839	И.Е. Вениаминов [8, с. 29—30]	До 10 тыс. тлинкитов и кайгани (только мужчин?) до 1835 г.; 4500 тлинкитов (только мужчин?) или 4650 [9, с.57]
1839	Дж. Дуглас [122, р. 36—37]	5455 (без учета куанов Ситка и Якутат)
1841	Данные РАК [22, с. 132]	До 25 тыс. тлинкитов и кайгани (только мужчин?)
1861	С.А. Костливицов [33, с. 67]	До 40 тыс. тлинкитов и кайгани (только мужчин?)
1861	П.Н. Головин [15, с. 51]	15—20 тыс. тлинкитов и кайгани (только мужчин?)
1861	Ф.К. Верман [66, ч. II, с. 341]	7839
1870	Скотт [101, р. 79, 81, 83]	6,5 тыс. (без учета куанов Якутат, Ситка, Кую)
1880	И.И. Петров (ценз переписи населения Аляски) [122, р. 31—32]	6431
1890	Ценз переписи населения Аляски [264, с. 36]	4737
1920	» [259, с. 315]	3895
1930	»	4462*

* Вызывает удивление цифра, приводимая в справочнике "Народы мира" [217, с. 443] о численности современных тлинкитов, — всего 1 тыс. чел., в то время как по американским материалам к концу 1970-х гг. их было около 10 тыс. (см., напр., [190, с. 160]).

Н.П. Резанов на основе сведений, собранных русскими промышленниками и союзными эскимосами, произвел приблизительный подсчет жителей известных русским тлинкитских селений. Из его списка следует, что племя тлинкитов насчитывало только боеспособных мужчин более 10 000 чел. При этом не учитывались куаны южных тлинкитов Тонгасс, Санъя, Хенъя [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 150 об.—151].

Отсюда напрашивается предположение, что общая численность племени могла составлять в то время 25 000—30 000 чел. (см. Документальное прил., с. 263—265).

Современные же исследователи [290, р. 18; 301, р. 294], а также некоторые более ранние авторы [101, р. 63] определяют общую численность тлинкитов к моменту прибытия европейцев на Аляску в XVIII в. примерно в 10 000 чел. Ю.П. Аверкиева ошибочно полагала, что в начале XIX в. в Русской Америке проживало 6 000 тлинкитов [140, с. 145], ссылаясь при этом на И.Е. Вениаминова. Однако последний в 1839 г. писал: “Число Колош, живущих в пределах Российской Америки, т.е. от Кайган до Якутата, ныне не простирается более 6,000; до 1835 года [sic!], или до появления оспы, число их было до 10,000“ [8, с. 29]. Следует добавить, что Вениаминов учитывал при подсчете не только тлинкитов, но и хайда-кайгани.

Кроме того, при оценке численности отдельных куанов и групп в ряде работ встречаются неточности. Так, авторы коллективной монографии об индейцах Америки [306, р. 120] считают, что до прихода европейцев численность северных тлинкитов достигала 2500 чел., в то время как южная ветвь насчитывала 7500 чел. Эти данные взяты, очевидно, из исследования американского этнографа Т. Кребера³ [103, р. 205]. Нельзя согласиться с приведенными цифрами, поскольку даже в начале европейской колонизации, когда, как известно, в силу разных причин число индейцев стало сокращаться, только куаны северных тлинкитов Ситка и Чилкат насчитывали, по данным источников [8, с. 29—30; 66, ч. II, с. 341], каждый около 1200—1800 чел. В своем исследовании о тлинкитах К. Оберг, опираясь на сведения ранних авторов (которых он, правда, не называет), пишет, что в долине р. Чилкат (куан Чилкат) в старину жили около 8000 туземцев, хотя эта цифра и кажется ему самому преувеличенной [119, р. 11]. Куан Чилкат был одним из самых крупных, однако численность его населения преувеличена, на наш взгляд, по меньшей мере в 1,5—2 раза.

2. ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЛИНКИТОВ

2.1. Основные занятия. У тлинкитов, как и у остальных индейцев Северо-Западного побережья, основой хозяйства было рыболовство, которое достигло довольно высокого уровня развития. Ловля лосося и заготовление его впрок были главными занятиями тлинкитов во время летнего трудового сезона. Помимо различных пород лосося индейцы добывали также сельдь, палтуса, треску, рыбу-свечу и т.д. Лучшие рыбалки сельди находились у о-ва Баранова, куда съезжались для ловли рыбы и заготовления икры тлинкиты различных куанов. Рыба-свечка чей жир высоко ценился индейцами как побережья, так и глубин материка, добывалась в районе Линн-Канала. Но самыми богатыми угодьями был район устья р. Насс; сюда прибывали на ловлю рыбы-свечи не только цимшиан, но и их соседи — хайда и южные тлинкиты [121, р. 88]. Рыба и рыбий жир заготавливались тлинкитами ежегодно в огромных количествах как на зимний период, так и для пиров и обмена. Индейское рыболовное хозяйство (как ведущая отрасль экономики) находилось на достаточно высоком уровне, чтобы обеспечивать производство значительных излишков продуктов, что вело к важным социально-экономическим последствиям. Наличие излишков продуктов создавало необходимую основу для развития обмена, ремесла, накопления богатства и возникновения эксплуатации чужого труда [137, с. 137].

Охота и собирательство имели для тлинкитов важное, но все же второстепенное значение. Охотились как на лесных животных (оленей, горных баранов, медведей и т.п.), так и на морских (тюленей, каланов, бурых дельфинов). Охота была занятием мужчин. Женщины же занимались собирательством, заготавливая различные ягоды, корни, клубни, кору хвойных деревьев. Кроме того, они собирали птичьи яйца на островах, а также моллюсков, крабов и водоросли в прибрежной полосе во время отлива.

Тлинкиты не занимались земледелием до прихода европейцев, если не считать выращивания одной из разновидностей табака. Наличие небольших огородов, где произрастало это растение, отмечал, например, знаменитый английский путешественник Дж. Ванкувер [7, кн. 5, с. 482]. Единственным домашним животным тлинкитов была собака мелкой породы, использовавшаяся при

Типичное каноэ индейцев Северо-Западного побережья.

охоте на медведей, оленей и горных баранов [103, р.114].

2.2. Зарождение ремесла. Достаточно высокая производительность труда в главной отрасли индейского хозяйства создавала основу для развития ремесла. Мужчины изготовляли орудия труда, утварь, лодки, оружие; женщины ткали накидки, плели корзины, циновки и шляпы, шили одежду.

Постройка быстроходных каноэ, вырезание тотемных столбов, изготовление ложек из рога и деревянных боевых шлемов требовали уже специальных навыков. Резчики по дереву и мастера-лодочники постепенно выделялись из общей массы людей [119, р. 84]. “Некоторые искусства, — писал Ф.П. Литке, — доведены между Колошами до значительной степени совершенства. Главнейшее есть построение лодок, или, как здесь [в Русской Америке] называют, батов (выражение Сибирское), из коих самые большие вмещают от 40 до 60 человек” [42, с. 162].

Тлинкитские женщины достигли большого мастерства в плетении разного рода изделий. Прочные и изящные корзины, не пропускавшие воду, сплетенные из корней канадской ели, а также шляпы из того же материала, нередко украшенные геометрическим или тотемным орнаментом, пользовались большим спросом у соседних племен. Особенно известны были изделия тлинкиток куанов Якутат и Хуна [85, р. 231—232].

Тканые церемониальные накидки, техника изготовления которых была заимствована тлинкитами у цимшиан, были одним из лучших образцов искусства и ремесла индейцев Северо-Западного побережья. Тлинкитки ткали их из пуха и шерсти горных коз на лыковой основе, обычно с очень сложной тотемной композицией.

Особенно славились изделия из куана Чилкат, поэтому в англоязычной литературе эти церемониальные накидки получили название “чилкат-блэнкит” или просто “чилкат”.

Обработка самородной меди была знакома тлинкитам еще до открытия Аляски европейцами. Медь накаляли до ковкого состояния, а затем ударами каменных молотов придавали ей нужную форму. Археологические раскопки в Якутате показали, что индейцы использовали различные изделия из меди: наконечники стрел, копий и гарпунов, лезвия ножей, шила, крючки и украшения [106, р. 85—88]. Тлинкитские мастера-медники выковывали также медные пластины определенной формы, очень высоко ценившиеся у индейцев Северо-Западного побережья [136, с. 74—77]. Указание К. Оберга [119; р. 9] на то, что местная медь использовалась только для изготовления этих пластин, не выдерживает критики в свете археологических изысканий, проведенных Ф. де Лагуной в Якутате [106, р. 85—88]. Нельзя, однако, согласиться и с Ф. де Лагуной, когда она полагает, что крупные пластины стали изготавливаться индейцами из металла, полученного от европейских торговцев только после их прибытия на Северо-Западное побережье [104, pt 1, р. 354]. Этому противоречит свидетельство Ю.Ф. Лисянского, который описал большую пластину высотой около 90 см, особо отмечая, что она была сделана из самородной меди, в чем, по его мнению, и состояла ее ценность [41, с. 11—12].

Еще до прихода европейцев тлинкиты, очевидно, знали и могли обрабатывать железо. Во всяком случае, индейцы-информаторы сообщали Ф. де Лагуне, что их предкам железо было известно еще до прихода русских и что они искали его в плавнике и обломках судов на побережье [106, р. 88—89]. Обрабатывать железо могли научить тлинкитов оставшиеся в живых члены экипажей потерпевших крушение японских джонок, занесенных течением на Северо-Западное побережье [287, р. 251]. Как бы то ни было, уже первые европейские путешественники, встретившись с тлинкитами во второй половине XVIII в., отмечали у них наличие железных изделий [75, с. 102].

2.3. Товарообмен. Довольно высокая производительность труда, специализация и возможность регулярного получения прибавочного продукта способствовали развитию товарообмена как внутри племени, так и между тлинкитами и соседними племенами. Этому благоприят-

ствовали также экологические различия отдельных районов тлинкитской территории и разница между природными условиями побережья и глубин материка.

Товарообмен внутри племени, по крайней мере до прихода европейцев, не был торговлей в полном смысле этого слова. Это был своеобразный обмен подарками между жителями отдельных селений и куанов (обычно родственниками). Подлинный торговый обмен существовал между тлинкитами и соседними племенами.

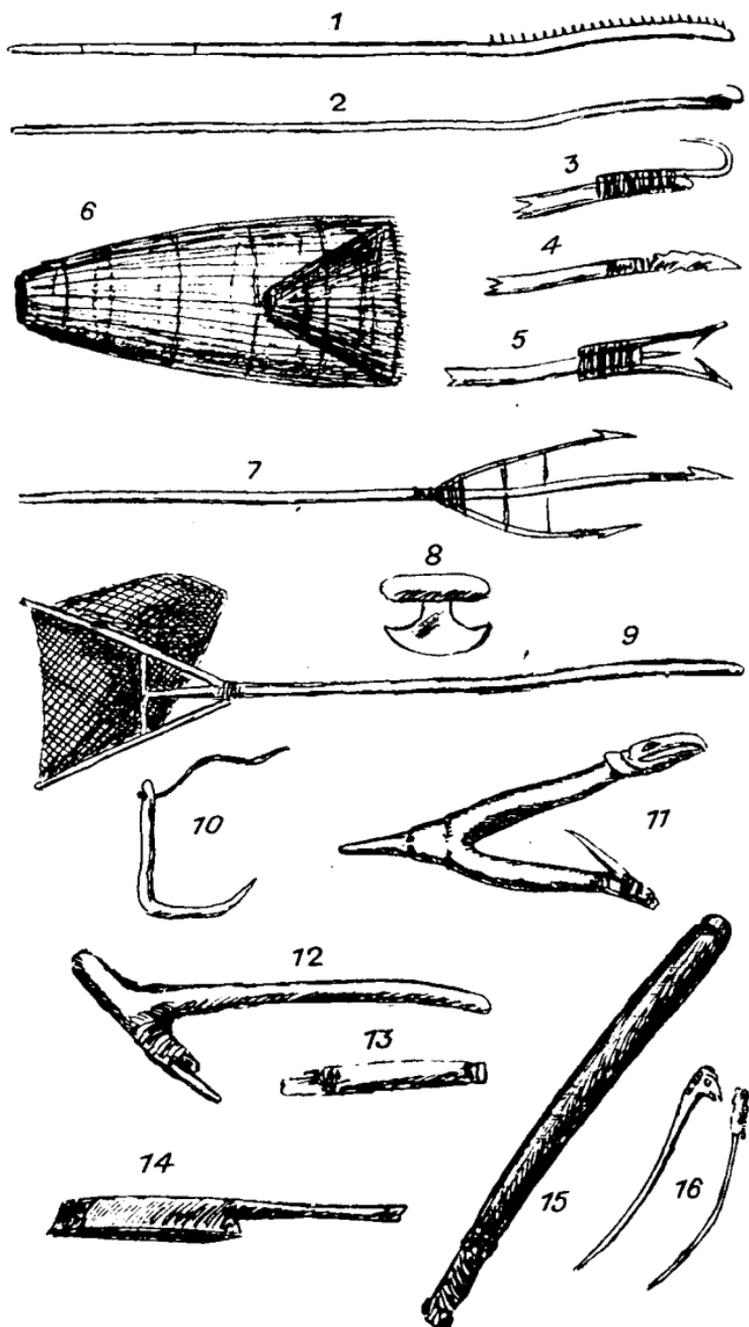
Торговые экспедиции тлинкитов плыли вдоль океанского побережья от селения к селению или уходили в глубь материка по специально проложенным тропам. Самородную медь тлинкиты получали от атапасков атена с р. Коппер (Медной) обычно при посредничестве эяков. Часть полученной меди тлинкиты перепродавали племенам юга—хайда и цимшиан — за рабов, каноэ, резные изделия и раковины денталии. Хайда же получали от них рога горных коз, из которых изготовляли резные рукоятки ковшей и ложки, а также козий пух и шерсть для тканых накидок [96, S. 16—17; 305, p.36]. Взамен тлинкиты приобретали у хайда каноэ, которые славились на всем побережье. Эти каноэ, выдолбленные из огромных стволов красного кедра, вмещали до 100 человек. Меха, шкуры лосей и карибу, накидки из меха и одежда, украшенная иглами дикобраза, поставлялись тлинкитам внутриматериковыми атапасками. Индейцы побережья предлагали атапаскам жир рыбы-свечи, водоросли и сушеных моллюсков, ремесленные изделия, раковины и т.д. Торговый обмен приобретал в тлинкитском обществе значение регулярного занятия [166, с. 114—115].

2.4. Хозяйственный цикл. Прежде чем характеризовать хозяйственный цикл у тлинкитов, следует, пожалуй, выделить традиционные единицы времени, которыми они пользовались. Год был, очевидно, наиболее крупной единицей экологического времени, известной им. Естественная смена времен года нашла свое отражение в сознании индейцев: они различали зиму (“таку”), весну (“такуити”, букв. “место, где была зима”), лето (“кутан”) и осень (“еес”) [104, pt 2, p. 799]. Кроме того, год делился на месяцы — “дис” или “диси”, что означает “луны”. Большинство названий месяцев тлинкитского календаря фиксирует изменения, происходящие в природе, и прежде всего — относящиеся к жизнедеятельности животных и растений [Ibid., p. 800—801]. Например августу соответствовал месяц, название которого

по-тлинкитски звучало как “квакаха́дис” (“месяц, когда все животные готовят свои норы”), а марту — “хин та́нах кайя́ни диси” (месяц, когда водоросли растут из-под воды“) [127, р. 426].

Начало “календарного” года, по данным К. Оберга и Ф. де Лагуны, приходилось на июль [119, р. 65; 104, рт 2, р. 799], а по сведениям А. Краузе и Дж.Р. Свэнтона, — на август [101, р. 238; 127, р. 426]. Это время, когда в реки Аляски устремляется на нерест лосось — основной продукт питания индейцев Северо-Западного побережья. Не случайно именно указанный период, игравший первостепенную роль в жизни тлинкитов, стал естественным хронологическим рубежом. Однако собственно хозяйственный год начинался у индейцев, как сообщает К. Оберг, в марте [119, р. 65], а по материалам ранних русских авторов, — в феврале [42, с. 163—164], когда начинался нерест сельди. В марте — апреле тлинкиты отправлялись на весеннюю охоту, женщины в это время собирали водоросли и ракушки. В мае они заготавливали дикий ревень, клубни камчатской лилии (сараны) и внутреннюю мягкую кору хэмлока и т.д. В мае же к устьям больших рек Аляски подходят для нереста косяки рыбы-свечи, из которой индейцы вываривали в больших количествах ценный рыбий жир [168, с. 120—121]. Апогей хозяйственной деятельности тлинкитов приходился на июль — сентябрь. В эти месяцы ловили и запасали впрок лососевых, в огромных количествах заходящих для нереста в реки Аляски. Их регулярный приход на Северо-Западное побережье был основой стабильности традиционного образа жизни индейцев. Во время нереста лосося тлинкиты обычно переселялись из своих зимних селений в рыболовные лагеря для сбора своеобразного рыбного “урожая” [119, р. 70]. Заготовив достаточные запасы рыбы, тлинкиты отправлялись на осеннюю охоту. Охотой они занимались всю осень и зиму. Одновременно они уделяли в этот период довольно много внимания различным ремеслам: плели корзины, вырезали тотемные столбы, изготавливали различную утварь и орудия труда.

Подобно тому как у земледельческих народов после сбора урожая наступала пора праздников и церемоний, у тлинкитов вторая половина осени и зима становились периодом наиболее активной религиозно-церемониальной жизни, пик которой приходился на ноябрь. В этом месяце главы тлинкитских домохозяйств созывали своих родственников и друзей на потлачи, которые продолжа-

Орудия труда индейцев тлинкитов.

1 — сельдевые грабли, 2 — острога-багор для добычи лосося и рыбы-свечи, 3 — наконечник остроги-багора, 4 — наконечник гарпуна, 5 — наконечник остроги для ловли рыбы, 6 — сплетенная из корней канадской ели рыбная ловушка, 7 — острога для ловли лосося, 8 — нож для разделки рыбы, 9 — сачок для ловли рыбы-свечи, 10 — концевой рыболовный крючок, 11 — деревянный крючок для ловли палтуса, 12 — индейский

лись и в декабре. Соблюдение всех стадий хозяйственного цикла имело для тлинкитов жизненно важное значение. В противном случае им угрожали голод и даже голодная смерть. Так, необходимость своевременной заготовки жира рыбы-свечи явилась одной из главных причин, побудивших индейцев пойти на перемирие с русскими в 1802 г. у устья р. Алцех (см. гл. 2 монографии).

Анализируя годовой цикл функционирования хозяйства тлинкитов, можно прийти к выводу, что он определялся в основном нерестом различных промысловых рыб. Подобный цикл (с небольшими локальными отличиями) был свойствен и другим племенам Северо-Западного побережья (хайда, цимшиан и др.).

Четкий ход хозяйственного механизма шлифовался на протяжении тысячелетий. Периодичность прихода промысловой рыбы и частая непогода, препятствовавшая рыболовству, вынуждали индейцев добывать большее количество рыбы, чем ее нужно было для непосредственного кратковременного потребления. Рыбу надо было не только поймать, но и, переработав, сохранить на достаточно длительный срок, так же как и продукты охоты и собирательства. Все это требовало от людей определенных усилий и навыков. Природные условия Северо-Западного побережья в целом и их сезонные изменения способствовали оптимальному сочетанию регулярного и интенсивного труда с достаточно длительным досугом, посвященным церемониальной жизни, искусству, а порой и ничем не заполненному отдыху. Вот что писал по этому поводу в начале 1820-х годов русский морской офицер В.П. Романов: "Колюжи живут в своих шалашах как сибариты: ежели есть готовая пища, то они в состоянии лежать весь день между женами. Наскучив в хижине, накидывают плащ и выходят на берег, садятся по камням или ложатся на песке" [57, с. 28]. Богатые экологические ресурсы и высокая специализация индейского хозяйства создавали благоприятные условия для производства существенных излишков пищевых продуктов. Наличие прибавочного продукта обусловило появление в тлинкитском обществе имущественного и социального неравенства, возникновение патриархального рабства.

тесло для отделки каноэ с нефритовым лезвием, 13 — нож-резец с деревянной ручкой и каменным лезвием, 14 — деревянная колотушка для отбивания коры, 15 — деревянная дубинка для глушения рыбы и раненых тюленей, 16 — костяные шпильки, на которых закреплялась петля для ловли сурков.

Экология, таким образом, явилась фундаментальным фактором, определившим достаточно высокую степень развития тлинкитского общества на базе присваивающего хозяйства, сравнимую с уровнем развития раннеземледельческих народов. При этом уместно заметить, что хозяйственный цикл тлинкитов (как хронологический аспект взаимосвязи экологии и экономики) структурно очень напоминал производственный цикл земледельцев средних широт, для которого характерен сдвиг максимальной активности по производству жизненно важных продуктов на май — октябрь, а ремесленной деятельности — на ноябрь — март.

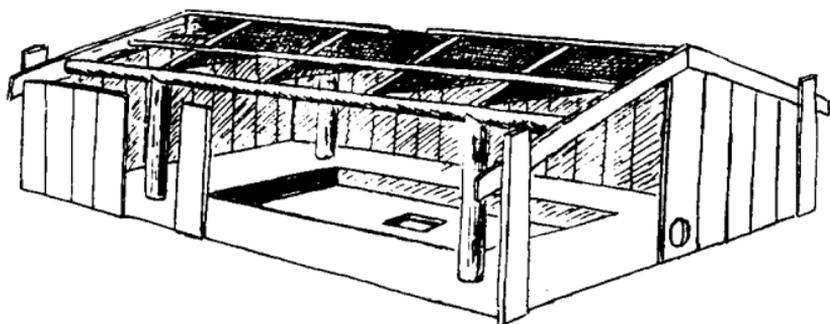
3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

3.1. Орудия труда и транспортные средства. Орудия труда, применявшиеся тлинкитами на промысле, хорошо соответствовали условиям лова различных пород рыбы и специфике охоты на морских и сухопутных животных. Первоначально они изготовлялись из дерева, коры, костей, кости, камня и меди.

Рыбу добывали при помощи деревянных или каменных запруд (запоров) или рыбных ловушек, а также крючков, острог, гарпунов, сачков, сетей. Сельдь и рыбу-свечу во время нереста отлавливали своеобразными граблями, представлявшими собой деревянную планку с зубцами из кости или меди [117, р. 292]. Для ловли палтуса изготовлялся огромный У-образный крючок с резным изображением человека, духа, животного или птицы. Каждый такой крючок имел название по этому резному изображению [104, р. 1, р. 388—389]. Все орудия рыбного промысла были очень эффективны и хорошо приспособлены к местным экологическим условиям.

Охотились тлинкиты на суше и на море. Основными орудиями, использовавшимися на охоте, были лук и стрелы, копья, пращи, дротики, ножи-кинжалы, дубинки и гарпуны (для охоты на тюленей и дельфинов). Применялись также всевозможные ловушки и силки.

При изготовлении различных предметов тлинкиты пользовались теслами, резцами, ножами, скребками, молотами и другими инструментами. Их лезвия делали из камня, кости, раковин или меди и прикреплялись к рукоятке сухожилиями животных. Для полировки гото-

Конструкция типичного зимнего дома индейцев тлинкитов.

вых изделий применялись пёсчаник и акулья кожа. Законченные изделия нередко раскрашивали различными изображениями при помощи кисточек из меха гризли.

Универсальным транспортным средством было каноэ, представлявшее собой лодку-долбленку различных размеров. Небольшие каноэ использовались для рыбной ловли и охоты на морских животных, более крупные — для путешествий и торговых экспедиций. Самые большие лодки применялись на войне. Все эти каноэ обладали сходной формой корпуса с приподнятыми носом и кормой, а крупные лодки обычно украшались резьбой и разрисовкой и имели даже собственные названия. На севере, в Якутате и вдоль побережья зал. Аляска, индейцы пользовались большими кожаными лодками, аналогичными умиакам эскимосов, которые были, очевидно, заимствованы эякскими и атапаскскими предками тлинкитов этой области у чугачей. Индейцы сообщали Ф. де Лагуне, что их предки изготовляли также однолючные каяки и двухлючные байдарки [104, рт 1, р. 330—331]. Кроме кожаных лодок в указанной области было распространено еще несколько видов деревянных каноэ, отличных от общётлинкитского типа [Ibid., р.330—334]. При торговых экспедициях в глубинах материка тлинкиты использовали плоты, сплавляясь на них по рекам [112, рт 1, р. 271]. Зимой они передвигались по глубокому снегу на снегоступах, а для транспортировки грузов применяли примитивные индейские сани-тоббоганы.

3.2. Поселения и жилища. Тлинкитские селения состояли из домов, вытянувшихся вдоль побережья бухты или реки. Их фасады были всегда обращены к воде. Небольшие селения имели 4—5 домов и менее чем сто человек населения, в то время как крупнейшие — до 25

Бытовая утварь индейцев тлинкитов.

1 — церемониальное деревянное корыто для подачи пищи на потлачах, 2 — деревянная миска в форме тюленя, 3 — церемониальный черпак, вырезанный из рога горного козла, 4 — раскрашенный деревянный ковш, 5 — деревянная чашка, вырезанная

домов и около тысячи человек населения [121, р. 5]. В таких постоянных селениях индейцы жили зимой. Летом же, во время рыбной путины, тлинкиты создавали около морских заливов и рек временные лагеря, состоявшие из легких хижин, шалашей, навесов и коптилен.

Как и другие индейцы Северо-Западного побережья, тлинкиты жили зимой в больших четырехугольных домах с двускатной крышей. Существовали региональные различия в конструктивных особенностях жилищ различных племен. Северный тип дома был распространен среди тлинкитов, хайда, цимшиан и хайсла [272, р. 54—55].

Дом строился из толстых досок с четырьмя несущими опорными столбами внутри и часто с еще четырьмя снаружи. Небольшое круглое или овальное дверное отверстие завешивалось шкурой или циновкой, а иногда имело дверь в виде доски с деревянным запором. Внутри дома выкапывалось четырехугольное углубление, в центре которого помещался очаг. Над очагом в крыше было проделано отверстие для выхода дыма. Вдоль стен располагались деревянные полаты для сна. Глава домохозяйства и члены его семьи спали за перегородкой у противоположной от входа стены. Рядом находились кладовые. У входа спали рабы. Фасад и перегородка внутри дома иногда покрывались тотемными рисунками, а угловые столбы — резьбой. Тотемные столбы, выставлявшиеся перед фасадами домов или включенные в них в качестве элементов конструкции, были, вероятно, не столь характерны для тлинкитов, как для хайда и цимшиан [101, р. 86—89]. Каждый большой дом имел собственное название (например, “Большой Дом”, “Дом Долины”, “Дом Касатки”, “Дом Лягушки” и т.д.), которое могло указывать на тотем рода, владевшего этим домом, на его местоположение, размеры, конструкцию и т.п. При постройке или реконструкции дома обычай требовал, чтобы были убиты несколько рабов, а их тела брошены в ямы для опорных столбов дома.

Помимо больших “зимних” домов в тлинкитских селениях сооружались парные бани, а в летних рыболовных лагерях — шалаша, ветровые заслоны, хижины из жердей, покрытых кедровой корой, и деревянные домики — коптильни [104, рт 1, р. 302—305].

форме ворона для хранения табака, 6 — деревянная и костяная лопаточки-ложки, 7 — плетеная из корней канадской ели корзина, 8 — вырезанная из рога горного барана миска, 9 — деревянный раскрашенный сосуд, 10 — плетеная корзина, 11 — раскрашенный резной сундук.

3.3. Бытовая утварь. Внутри тлинкитского дома было мебели в полном смысле этого слова. Обстановку составляли деревянные ящики и сундуки, циновки из травы или кедровой коры, одеяла из шкур зверей, корзины и корзинки для хранения припасов. Освещался дом при помощи как костра, так и каменных ламп-жировиков. Принадлежностью каждого тлинкитского домохозяйства были также деревянные ведра для воды, по форме напоминавшие ящики, щипцы для вытаскивания раскаленных камней, деревянные тарелки, блюда и чаши, плетеные кубки, черпаки, ковши и ложки из дерева и рога [Ibid., p. 306—308]. При различных церемониях пищу брали небольшими костяными или деревянными лопаточками с деревянных или плетеных тарелок. Многие предметы повседневного обихода были сделаны очень изящно и украшены геометрическим орнаментом или тотемными изображениями с инкрустацией перламутром или зубами животных и раковинами. Иногда форма церемониальной чаши стилизованно воспроизвела внешний вид того или иного тотемного животного.

3.4. Одежда и украшения. Одежда тлинкитов делалась не только на женскую и мужскую, но и на летнюю и зимнюю, на повседневную и праздничную. Летняя повседневная одежда мужчин состояла из меховых накидок или рубахи из оленьей либо тюленьей кожи, а иногда — из набедренных повязок. Наиболее ценными мехами для одежды считались шкуры калана, волка, бобра, сурка; особенно куницы, чей мех могли носить только богатые и знатные индейцы [104, pt 1, p. 436]. Женщины носили туникообразные рубахи-платья из дубленой кожи оленя, карибу или тюленя и меховые накидки. В целом мужской и женский костюм различался очень незначительно. Летом ходили обычно босиком, а голову прикрывали плетеными шляпами, особенно во время дождя, так как они были непромокаемы. В непогоду использовали также не пропускавшие воду лыковые накидки [119, p. 116].

В холодное зимнее время тлинкитский костюм дополняли штаны из замши, составлявшие единое целое с макасами, и сами макасины, а также теплые куртки из кожи и замши. Все эти предметы туалета были, очевидно, заимствованы тлинкитами у атапасков. Мягкие теплые накидки и одежды, часто с капюшоном, изготовлялись из шкурок птиц; их носили в холодную погоду. В Якутате, кроме того, шили длинные непромокаемые р-

Повседневная традиционная одежда тлинкитов (летом).

бахи, шапки и рукавицы из тюленьей кожи — их надевали охотники, когда предстояло охотиться в зимнюю пору на побережье [104, рт 1, р. 425—437].

Праздничная одежда у тлинкитов несколько отличалась от повседневной. Особенно роскошной она была у вождей, которые имели накидки-чилкат, длинные рубахи, отороченные мехом куницы или калана, и ноговицы из замши с нашитыми клювами топорков, а также широкие кожаные передники с длинной бахромой, украшенные тотемной символикой. Головные уборы знатных индейцев представляли собой цилиндрический деревянный каркас с прикрепленной спереди раскрашенной резной пластиной из дерева, нередко с инкрустациями из перламутра и меди. Сзади к головному убору подшивалась мантия из высоко ценившихся тлинкитами горно-

Церемониальная одежда тлинкитских вождей.

стаевых шкурок, а в верхней части его вертикально крепились сивучьи усы [117, р. 264]. Плетеные шляпы вождей были, как правило, очень тонкой работы, с цветными тотемными изображениями и имели цилиндрические деревянные или плетеные надставки, количество которых определялось числом потлачей, проведенных этим вождем. Разновидностью головного убора вождя, и в особенности шамана, была кожаная повязка с прикрепленными к ней по окружности головы рогами горных коз. Вместо настоящих рогов иногда использовалась их имитация из дерева. Другой вид головного убора, который имели право носить только вожди по особо торжествен-

ным случаям, — деревянные шляпы с изображением родового тотема.

Наиболее популярными украшениями до прихода европейцев были раковины денталии, костяные шпильки и акульи зубы, которые носили как подвески в ушах и носу. Богатые индейцы имели украшения из меди — кольца, браслеты и ожерелья. Излюбленным украшением шамана были подвески из медвежьих зубов, нередко с символической резьбой на них.

Особое место среди женских украшений занимала овальная деревянная, костяная или каменная втулка, которая вставлялась в разрез под нижней губой. Ее размеры зависели от возраста женщины и могли достигать у старух 8 см. Втулка указывала на определенный социальный статус: рабыням не разрешалось ее иметь [117, р. 257].

Мужчины-тлинкиты носили волосы до плеч, иногда распушенными, а чаще, особенно во время военных походов, связывали их в пучок на макушке. У женщин были, как правило, еще более длинные волосы, которые они иногда заплетали в косы. Шаманы никогда не стригли волос (считалось, что в них заключена магическая сила), заплетая их в несколько кос. Волосы при этом они склеивали сосновой смолой, отчего при ходьбе и танце издавался громкий треск [1, с. 122].

Во время церемоний тлинкиты обсыпали волосы орлиным и другим птичьим пухом. Обычной была раскраска лица, а иногда и тела. Она предохраняла кожу от солнца, холода и moskitov и часто соотносилась с тотемом носителя [272, р. 90]. Самыми употребительными были красный и черный цвета. Татуировка практиковалась только у богатых индейцев.

3.5. Пища. Разнообразие животного и растительного мира Аляски определило пищу тлинкитов до прихода европейцев. Она отличалась высокой калорийностью. Почти постоянным компонентом тлинкитских блюд был тюлений или рыбий жир. Основным продуктом являлась рыба, особенно сушеная или вяленая лососина, которую ели, обмакивая ее в тюлений жир. Лакомыми блюдами были икра сельди, лососей и других рыб, сушеные водоросли, моллюски, крабы. Кроме того, в пищу шло мясо различных сухопутных животных (оленей, снежных коз, горных баранов, медведей, сурков и т.д.), а также морских (тюленей, морских львов, каланов, бурых дельфинов, китов и касаток). Указания Г.Г. Лангсдорфа [107, Bd II, S. 96] и И.Е. Вениаминова [8, с. 60] на то, что

тлинкиты якобы не ели китовое мясо и жир, опровергаются как свидетельствами путешественников [72, с. 82], так и самими индейцами [99, р. 119]. По этому поводу Ф.П. Литке писал: “Жир китовый пьют ковшами: это лакомство, занимающее у них место шампанского за нашим обедом“ [42, с. 164].

В пищу употреблялись многие виды птиц и птичьих яйца. Различные сорта ягод, коренья, корнеплоды и зелень дополняли индейское меню. Ягоды и другую растительную пищу обычно консервировали с помощью бараньего, медвежьего, тюленьего или рыбьего жира. Значительную часть питания тлинкитов составляла внутренняя кора хвойных деревьев. Срезанной коре придавали форму квадратной лепешки и, высушив, ели с рыбьим или тюленьим жиром [117, р. 277]. Следует отметить, что в составе пищи наблюдались значительные сезонные колебания.

Способы приготовления пищи были у тлинкитов весьма разнообразны. Продукты они жарили над огнем, тушили на углях или, зарыв в горячую золу, варили в больших корзинах, бросая в воду раскаленные камни, вялили на солнце или огне, сушили на ветру, заливали рыбьим или тюленьим жиром и заквашивали в ямах. У европейцев некоторые из тлинкитских яств не вызывали большого аппетита. Вот что писал по этому поводу в конце 1890-х гг. архимандрит Анатолий: “Все кушания готовятся непременно в жиру. Самым изысканным блюдом и до сей поры у индиан считаются моренья головки рыбы или оленей... Самой вкусной частью считаются позеленевшие мозги. Нужна, конечно, не малая привычка даже для того, чтобы только присутствовать при таком столе“ [1, с. 9].

У тлинкитов существовал ряд пищевых табу. Так, например, они никогда не охотились на воронов и альбатросов и не употребляли их в пищу, что объясняется, очевидно, религиозными запретами.

4. ТРАДИЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЛИНКИТОВ

4.1. Родовая структура и община. В основе социальной организации тлинкитов лежала материнско-родовая структура. Именно родовые связи и отношения составляли тот каркас, тот базис, на котором строились или от которого прямо или косвенно зависели почти все осталь-

ные связи и отношения, да и само нормальное функционирование тлинкитского общества.

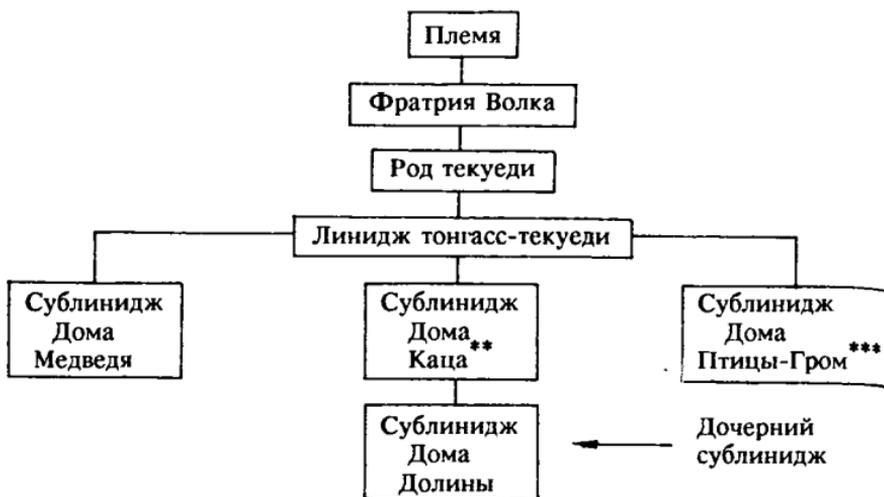
Племя тлинкитов разделялось на две экзогамные фратрии — Ворона и Волка (у северных тлинкитов — Орла). Существовал, правда, род нехади (главный тотем — Орел) в куане Санъя, члены которого могли заключать браки с представителями обеих фратрий. Ф. Драккер предполагал, что нехади являются относительно недавно адаптированной тлинкитами группой цимшианского или атапаскского происхождения [272, р. 111]. Р.Л. Олсон однозначно трактует нехади как людей, произошедших от цимшиан [121, р. 1].

Главной функцией фратрий было регулирование брачных отношений. Фратрии делились на роды. Тлинкитский род был экзогамным, матрилинейным, он также имел собственное имя (например, тлюкнахади, дешитан, вушкетан, киксади/хихчади, кагвантан и т.д.). Среди других племен Северо-Западного побережья матрилинейный тип социальной организации был также у хайда, цимшиан и хайсла (северных квакиютлов) [272, р. 108].

Род в тлинкитском обществе давно потерял свое экономическое значение, превратившись в основном в надстроечное явление. Он выполнял социодифференцирующие и религиозно-идеологические функции. По данным Ф. де Лагуны [104, рт 1, р. 451], определенные легенды, танцы, имена, эмблемы-тотемы, речи на потлачах, рисунки, наносившиеся на лица, боевые кличи и даже духи, “посещавшие” шаманов, считались собственностью рода и ревниво оберегались от посягательств чужаков. Так, воины рода киксади во время атаки ухали, как совы, поскольку, согласно легенде, одна из женщин их рода превратилась якобы в сову [127, р. 417].

Миграции и переселения привели к тому, что представители того или иного рода оседали в различных куанах, образуя локализованные сегменты рода — линиджи. Так, члены рода вушкетан жили в куанах Аук, Хуна, Хуцнуву, а текуеди широко расселились во многих куанах от Санъя на юге до Якутата на севере этнической территории тлинкитов (схема 2). Некоторые (обычно мелкие) роды, например васхинеди (вашинеди) в куане Кэйк, не имели подразделений (линиджей) в различных куанах, а были сосредоточены лишь в одном из них. В этом случае род и линидж совпадали. Порой это были давно обособившиеся части более древнего рода. Например, род ватанеди являлся, по существу, ответвлением рода киксади (ситка-киксади) [Ibid., р. 398—400].

Схема 2. Родовая структура племени тлинкитов*
(фрагмент)

*Схема составлена по материалам Р.Л. Оксона [121, р. 11].

**Кац — герой мифа, женившийся на Медведице.

***По данным Дж.Р.Свэнтона, этот дом назывался "Ванда'ит, т.е. "Дом Ванда". "Ванда" — накидка, обшитая орлиными шкурками, которая использовалась во время церемониальных танцев [127, р. 400].

Линидж осуществлял политические и военные функции, определял права наследования. Он представлял собой ядро хозяйственно-локальной группы — родовой общины (клана)⁴. Хотя у тлинкитов существовал матрилинейный счет родства, главенствующую роль в общине играли не женщины, а мужчины, что было обусловлено авункулокальностью брака (см. раздел 4.4 настоящей главы), поэтому именно они выступали как собственники основных средств производства.

Родовую общину можно определить как социально-экономическую ячейку "первого", или "высшего", уровня, объединявшую представителей различных родов. Общины у тлинкитов состояли обычно из ряда домохозяйств в отдельном селении. Домохозяйство, в свою очередь, было общиной "второго", "низшего", уровня. Это была базовая хозяйственная ячейка тлинкитского общества. Типичное тлинкитское домохозяйство состояло из главы (вождя) дома, его братьев, жены и жен братьев, незамужних дочерей, сыновей до 10 лет, племянников, их жен и детей, стариков и рабов. Число членов домохозяйства — по сути дела, братско-семейной общины — могло достигать 60 чел. В каждом домохозяйстве были представители различных родов или линиджей. Хотя домохозяйство являлось реальным производственным кол-

лективом, собственником основных средств производства считался линидж, а на более низком уровне — его ответвление, сублинидж, т.е. все взрослые полноправные мужчины, составлявшие ядро домохозяйства. Каждый сублинидж (а фактически домохозяйство в целом) владел домом в селении, важнейшими производственными и церемониальными объектами, определенными угодьями для охоты, рыбной ловли и собирательства. Таким образом, у тлинкитов господствовала общественная собственность на основные средства производства. В то же время функцию распоряжения имъ присвоила себе в значительной степени родовая верхушка. В тлинкитском обществе зарождался также процесс индивидуализации владения промысловыми угодьями. Так, Р.Л. Олсон отмечал, что некоторые ручьи становились собственностью отдельных людей, обычно глав домохозяйств [121, р. 12].

Хотя в тлинкитских селениях часто жили и трудились рядом представители различных родов и линиджей, вряд ли можно говорить, что они составляли сложившийся хозяйственный коллектив, стоявший над отдельными родовыми общинами. Кооперация собственно экономической деятельности в рамках селения практически отсутствовала. Все вопросы хозяйственной жизни решались обычно в кругу домохозяйства, а при необходимости — родовой общины. Соседские связи ограничивались главным образом брачными и церемониальными отношениями и лишь изредка проявлялись в экономической взаимопомощи и военной поддержке. До появления собственно соседской общины в тлинкитском обществе было еще далеко.

Роды, линиджи и сублиниджи у тлинкитов не были равны по статусу, поскольку общины, которые они образовывали, различались между собой по размерам своих угодий, численности членов и близости к торговым путям. Поэтому роды и линиджи могли быть высокого и низкого ранга. Статус рода и его сегмента зависел от количества имущества, раздаренного членам родов противоположной фратрии на последних потлачах. Богатые линиджи рода высокого ранга владели лучшими лососевыми речками, их дома стояли на почетном месте, как, например, дома рода канахтеди (чилкат-канахтеди) в селении Клакван [119, р. 57]. Нельзя согласиться в этой связи с высказыванием американских этнографов-структуралистов А. Росмэна и П.Дж. Рубел [305, р. 38, 67, 187] о том, что у тлинкитов якобы отсутствовало меж-

родовое ранжирование. Этому противоречат материалы, собранные целым рядом авторитетных исследователей [119, р. 57; 121, р. 24; 127, р. 427].

Родами наиболее высокого ранга были кагвантаны, киксади, канахтеди, текуеди, тлюкнахади и нанъяайи. С другой стороны, некоторые маленькие группы, такие, как, например, чуканеди (чушанеди), рассматривались как роды низкого ранга [127, р. 427]. Род кагвантан из фратрии Орла в XVIII—XIX вв. приобрел такое могущество среди северных тлинкитов, что любой оратор фратрии Орла в порыве красноречия мог назвать своих сородичей “кагвантанами”, хотя они могли относиться к другим родам [121, р. 13]. Таким образом, социально-престижные моменты постепенно заслоняли древние нормы родового общества.

Сублиниджи отдельного селения, даже если они относились к одному роду, были также ранжированы, поскольку их домохозяйства различались по степени зажиточности и численности членов. Так, по данным Ф. де Лагуны, вожди куашккуан в Якутате происходили из сублиниджа Дома Костей Ворона. После угасания этого сублиниджа его высокий статус унаследовали их сородичи из Дома-Крепости. С другой стороны, куашккуан Дома Луны считались людьми более низкого ранга [104, pt 1, р. 463].

Рассматривая эволюцию родов, линиджей и сублиниджей в исторической перспективе, можно заметить, что их положение и ранг не оставались неизменными. Некоторые некогда могущественные общины беднели, численность их членов падала, и образовавшие их роды превращались в роды низкого ранга, как это, видимо, случилось с чуканеди. Последние были когда-то, судя по материалам Дж.Р. Свэнтона, значительным родом [127, р. 408]. Однако к концу XIX в. этот древний род “сжался” до размеров линиджа в куане Хуна, а его члены стали рассматриваться как люди низкого ранга. И напротив, отдельные бедные в прошлом общины и домохозяйства богатели и увеличивали численность своих членов настолько, что образовавшие их линиджи становились лидирующими среди линиджей и родов своего селения или куана. Примечательна в этом отношении история рода дешитан, восстанавливаемая на основании преданий, записанных Ф. де Лагуной [103, р. 27, 134—135]. Первоначально дешитан жили вместе с канахтеди в куане Хуцнуву на положении бедных родственников последних, образовав свое домохозяйство. Само название

“дешитан“ (“дешу’иттан“) — “Обитатели-Дома-Конца-Тропы (Бобра)“ — свидетельствует о том, что представители этого рода ведут свое происхождение от членов отдельного домохозяйства, составлявших ядро будущего рода. Но после того, как канахтеди выселились из куана, оставив им свои угодья, дешитан настолько подняли свой статус, что стали доминирующим родом в куане Хуцнуву. Подобную эволюцию претерпел и выросший, очевидно, из сублиниджа знаменитый род кагвантан⁵. Таким образом, развитие родовой структуры шло не только по нисходящей линии, т.е. от рода к сублиниджу, но и наоборот. Непосредственное влияние на развитие этих социальных единиц оказывала деятельность образованных ими хозяйственно-локальных групп — общин и домохозяйств. Именно от функционирования последних зависел в конечном счете и ранг того или иного рода, линиджа и сублиниджа.

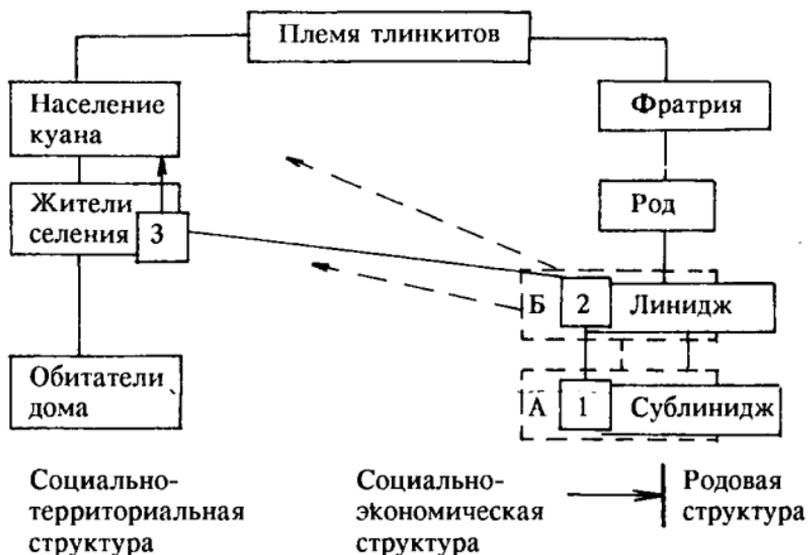
Общества с материнско-родовой структурой вообще отличаются качественной стабильностью и консерватизмом [209, с. 98]. Они очень устойчивы и склонны к эволюции по экстенсивному пути развития за счет сегментации первоначальных родов и их количественного тиражирования по мере роста численности населения и освоения новых территорий или же вследствие экспансии и “втягивания“ в свою родовую структуру соседних племен и групп. Являясь структурообразующей базой общества, родовые отношения препятствуют его качественным изменениям. Например, они в значительной степени затрудняют появление частной собственности и открытую эксплуатацию простых общинников, а также осложняют переход от уравнительного распределения к распределению по труду. Именно развитыми родовыми отношениями можно объяснить большую устойчивость тлинкитской культуры к внешним влияниям (см. гл. 3)⁶.

Родовая организация тлинкитов уже давно привлекала внимание исследователей. Однако в ее интерпретации много спорного и противоречивого, а некоторые сформировавшиеся в науке стереотипы без должной проверки и аргументации переходят из одной работы в другую. Это касается, например, определения тлинкитского рода как тотемного, с одной стороны, и смешивания его с близкими, но достаточно автономными социальными единицами, каковыми были община и линидж, — с другой. Так, еще в свое время Ю.Ф. Лисянский [41, с. 151] и И.Е. Вениаминов [8, с. 32—35], а вслед за ними немецкие этнографы А. Краузе [101, р. 30] и Л. Адам [258, S.

95—98] в качестве основной структурной единицы тлинкитского общества выделяли тотемный род и полагали, что фратрии племени тлинкитов состояли из родов Волка, Медведя, Ворона и т.д. Аналогичная точка зрения высказывалась также американскими исследователями XIX в. Л.Г. Морганом [213, с. 60] и А.П. Ниблаком [117, р. 217], а в советской историографии — Ю.П. Аверкиевой [137, с. 20; 140, с. 143], С.А. Токаревым [241, с. 134], Г.И. Дзенискевicia [174, с. 61—62; 176, с. 111, 114] и др. Ю.П. Аверкиева, например, полагала, что название тлинкитского рода восходит к его тотему (Лягушке, Медведю, Касатке и т.д.). Данная трактовка могла иметь право на существование, если бы не было ряда контрдоводов: во-первых, род был делокализован, во-вторых, он имел, как правило, несколько тотемов и, в-третьих, названия родов в подавляющем большинстве случаев не отражают обозначений почитавшихся в них тотемов. Так, например, название рода текуеди означает не “род Медведя” (хотя главным тотемом этого рода был Медведь), а “дети острова Теко”⁷. Согласно же версии Ю.П. Аверкиевой, название рода должно было бы звучать “хуцеди” (где “хуц” — медведь-гризли, а “еди” — дети) или “хуцна” — “род Медведя” (“на” по-тлинкитски — “род”)⁸. Анализ названий родов показывает, однако, что они произошли не от тотемов, а от названия местности (род канахтеди, или канахади), а также от названия домохозяйства (кагвантан). К тому же, если принять точку зрения Ю.П. Аверкиевой, то такие роды, как текуеди и наньяайи, должны были бы быть одним родом, поскольку имели общий главный тотем (Медведь-гризли). В действительности же это были совершенно самостоятельные роды различного происхождения и в их названиях нет и намека на родовой тотем.

Отсутствует четкая дифференциация структурных единиц тлинкитского общества и в зарубежной историографии. Например, А. Росмэн и П.Дж. Рубел ставят знак равенства между “селением” и “племенем”, определяя к тому же и то и другое как “независимый географический союз” [305, р. 36]. Разнообразные термины употребляются зачастую для обозначения одной и той же социальной единицы, например, род называется и “кланом”, и “сибом”, и “линиджем” и т.д. Порой смешиваются такие понятия, как “род” и “линидж”, с одной стороны, и “клан” (община) — с другой (см., напр.: [121, р. 24]). Отсутствие четкой терминологической дифференциации особенно проявляется при рассмотре-

Схема 3. Общая структура социальной организации тлинкитского общества

Обозначения:

- ... контур социально-экономической структуры, где А — домохозяйство, Б — родовая община
 - 1 — глава сублиниджа и домохозяйства
 - 2 — вождь линиджа и родовой общины
 - 3 — вождь селения
- } потестарная структура

нии исследователями низовых ячеек территориальной, хозяйственной и родовой структур (схема 3).

4.2. Социальная структура. Еще задолго до прихода европейцев общество тлинкитов было уже социально неоднородно. Исследователи обычно выделяют три группы: знать, общинников и рабов. На самом деле индейское общество было еще более дифференцировано. На основании ряда работ отечественных и зарубежных исследователей автор попытался представить социально-потестарную структуру тлинкитского общества в виде схемы (табл. 3). Эта схема лишь в общих чертах отражает стратификацию индейского общества, поскольку каждая из групп (кроме рабов и, возможно, людей низкого статуса) подразделялась дополнительно еще на ряд рангов.

Ранг в жизни тлинкитов имел огромное значение. Высокий ранг давал право на различные привилегии. Они включали права не только на экономические ценности (например, на некоторые рыбные угодья), но также на использование церемониальных и вообще нематериальных объектов (песен, танцев, имен и т.д.). Наиболее значительным фактором, определявшим ранг человека, было богатство, накопленное и розданное затем на поплаче. В качестве единиц ценности выступали первона-

Стратификация тлинкитского общества

Термин	Пояснение
Вождь селения	Тлинкиты обозначали вождя такого ранга словом "анкау-тлен" (анкаву-тлен, атлең-анкау), которое обычно переводится как "великий богатый человек", "великий вождь", но дословный перевод означает "великий мужчина селения" ("ан" — "селение", "кау" (каву, ка) — "мужчина", "тлен" (лен) — "большой"). Анкау-тлен был главой самого влиятельного сублиниджа, самого значительного линиджа (рода) в селении. Для обозначения вождя такого ранга служило, видимо, и отмеченное И.Е. Вениаминовым [8, с. 60] слово "анцати" — "хозяин селения".
Вождь линиджа	Тлинкитский термин для его обозначения — "анкау" (ан каву, амкау), который переводится обычно как "богатый человек", "вождь", но более точный перевод — "мужчина селения". Анкау был главой лидирующего сублиниджа подразделения рода в отдельном селении.
Глава сублиниджа	Термины, служившие тлинкитам для его обозначения, достаточно многообразны: "уйтцати" ("хранитель дома"), "итцати" (хозяин дома), "на шаде хани" ("стоящий во главе рода"), "тлинкит-тлен" ("большой человек").
Знать	Люди благородного рождения и высокого общественного положения обозначались тлинкитами словом "анъяди" (анети, ан яди, аниати), которое в буквальном переводе означает "дитя селения". И.Е. Вениаминов [8, с. 108] трактовал слово "ангати" как "дворяне". Не всякий анъяди был вождем, но каждый вождь являлся анъяди. Еще одним словом, служившим для обозначения знатного человека был термин "тл'етакука" — "чистый" ("белый", "чистокровный") человек (мужчина)", "кристальная личность" [104, pt 1, p. 463].
Простые общинники Люди низкого статуса	Тлинкит или канаш-киде [119, p. 41]. Тлинкиты обозначали их словом "ничкакаку", которое можно перевести как "ничтожество" [121, p. 48]. Их, очевидно, называли также словами "хатак ку'у" — "живущие в передней части дома" [104, pt 1, p. 462] и "ишанъяди" — "бедные дети". Это были люди низкого ранга: незаконнорожденные, пауперы, отпущенные на свободу рабы и лица, имевшие предков-рабов.
Рабы	(кух, куху)

чально рабы, раковины денталии, медь и изделия из нее (особенно медные пластины) и, возможно, некоторые меха (горностай, калан, куница). При помощи богатства можно было поднять свой социальный статус, выплатить компенсацию за оскорбление или убийство, принять новое почетное имя и т.д. “Идея богатства затронула все фазы жизни индейцев северо-западного побережья...”, — пишут авторы коллективной монографии об индейцах Северной Америки [306, р. 128]. Они усматривают в этом регионе даже зачатки капитализма, хотя вряд ли можно говорить о его развитии в индейском обществе до начала европейской колонизации.

Богатство концентрировалось в основном в руках знати — глав домохозяйств, анъяди и анкау. Они владели лучшими орудиями труда и рабами и могли поэтому получить больше прибавочного продукта, чем простые общинники [137, с. 28]. Кроме того, молодые мужчины домохозяйства, если они охотились индивидуально, обязаны были приносить лучшие куски мяса главе дома [119, р. 31]. В его руках концентрировалась торговля. Будучи церемониальным лидером, он получал самые дорогие подарки на потлаче. Об имущественном расслоении среди тлинкитов свидетельствует появление специальных терминов для обозначения богатого — “тлиналх” и бедного — “ишан” [10, с. 42, 44], а также слуги (не раба!) — “кокена” [121, р. 31].

Хотя стратификация индейского общества зашла довольно далеко, следует отметить, что власть старейшин и вождей была невелика. Некоторой реальной властью обладали только главы сублиниджей/домохозяйств; вожди же линиджей (родов) и селений скорее номинально обладали своими титулами. Власть, выходящая за рамки первичного родового коллектива, имела тенденцию к ослаблению по мере подъема на более высокие иерархические уровни. Да и внутри самого сублиниджа власть старейшины в определенной мере ослаблялась тем, что он сам выступал как родственник других членов сублиниджа, т.е. как первый среди равных. Фигурально выражаясь, он еще не “оторвался от народа”, не противопоставил себя сородичам, тем более что его статус и ранг зависели в значительной мере от результатов их экономической деятельности. Это обстоятельство позволило Ф. де Лагуне утверждать в одной из своих работ, что в тлинкитском обществе якобы отсутствовал “класс” простых общинников, так как полноправные члены домохозяйства являлись младшими родственника-

ми вождя и владели обычно какой-нибудь “профессией” (шамана, художника-скульптора, оратора и т.д.) [105, р. 74]. С этим, однако, нельзя согласиться, поскольку и фактически, и терминологически в обществе тлинкитов уже выделилась родовая знать (анъяди): статус вождя был в два (и более) раза выше, чем у простого человека, что наглядно проявлялось во время выплаты виры за убийство [104, рт 1, р. 462; 118, р. 210; 123, р. 41].

Развитие института власти в тлинкитском обществе сдерживалось также его дуально-фратриальной организацией, особенно при переходе на территориальный уровень. Вождь селения всегда имел соперника в лице вождя лидирующего линиджа противоположной фратрии. У некоторых индейских племен с дуально-родовой организацией возникающее в результате конкуренции социальное напряжение частично снималось путем учреждения двух высших племенных должностей: “мирного” (гражданского) и военного вождя. У тлинкитов же подобные должности на общеплеменном уровне отсутствовали. Развитие их потестарной структуры не продвинулось дальше ранга вождя селения (если в куане было только одно селение, то его вождь становился чисто номинально главой куана).

Особые регалии отличали вождя от его сородичей: накидка из меха куницы, длинный жезл и церемониальная шляпа. Кроме того, богатый вождь, как правило, появлялся в сопровождении толпы рабов и племянников-телохранителей. “Без свиты, — писал архимандрит Анатолий, — тойон не делал и шагу. Для того, чтобы сесть только в свою лодку или передвинуться из одной бараборы в другую, некоторые тойоны имели паланкины и носильщиков. Их одежда состояла из дорогих мехов: соболей [куниц], бобров, горностаев и пр.” [1, с. 29—30].

Особую прослойку, близкую по положению к знати, занимали в тлинкитском обществе шаманы. В старину жилище шамана стояло в селении на почетном месте, а занятие шаманством давало хороший доход [1, с. 126—127]. В одной из тлинкитских легенд говорится о девушке по имени Джун, которая была бедна, но с помощью своего шаманского искусства стала богатейшей женщиной среди канахтеди (канахади) Танта-куана [121, р. 115].

Шаман устраивал камлания, стремясь обеспечить успех в охоте или рыбной ловле, в военном походе или в лечении больного. Он “отгонял” враждебных духов и

Тлинкитский шаман во время камлания. Его лицо закрывает ритуальная маска; в правой руке шамана — церемониальная погремушка, в левой — священная “стрела” с изображением совы.

предсказывал будущее, получая за свои услуги часть добычи охотников и рыбаков или плату от родственников больного. Поскольку причина болезни, по мнению индейцев, почти всегда крылась в “сглазе”, “порче”, то главной функцией шамана было отыскание “колдуна”, с которым обычно жестоко расправлялись родственники заболевшего. Нетрудно представить себе то влияние, ко-

торое мог иметь шаман на людей своего рода. Щедрыми жертвоприношениями вожди покупали союз с шаманами, и, поддерживая друг друга, они часто держали в почтении и страхе всю общину [117, р. 251].

Наиболее многочисленной, хотя и довольно аморфной группой тлинкитского общества были простые общинники. Их личная свобода не была пока ограничена, а эксплуатация этой части населения носила еще зачаточный характер. Однако этот слой населения был уже отстранен от управления делами общества и постепенно отчуждался от распоряжения родовыми угодьями. Статус простого общинника был существенно ниже статуса аньяди: жизнь последнего "ценилась" в 2—4 раза дороже жизни человека более низкого ранга [104, р. 1, р. 462].

Каждый индеец стремился поднять свой социальный статус. Простые общинники могли достигнуть положения аньяди, если отличались выдающимися способностями в какой-либо области. Так, резчик по дереву мог разбогатеть благодаря своему искусству, поскольку, как отмечал Ф.П. Литке, только за резную фигурку на носу большого каноэ он мог получить от хозяев лодки даже раба [42, с. 163]. В одной из тлинкитских легенд, собранных Дж.Р. Свэнтоном, говорится о танцоре, который благодаря своему таланту стал богат [128, р. 140].

В самом низу социальной лестницы находились беднейшие общинники и рабы. Последние были полностью лишены прав в тлинкитском обществе. Рабство было наследственным, что свидетельствует о длительном развитии этого института у тлинкитов. Вопрос о значении рабства в обществе индейцев Северо-Западного побережья уже рассматривался достаточно подробно в нашей научной литературе Ю.П. Аверкиевой [135, 137, 140]. Поэтому здесь будут затронуты лишь наиболее характерные его черты.

Рабами у тлинкитов были чужеплеменники и их потомство, захваченные во время набегов или купленные у племен юга. Были также рабы из собственного племени, происходившие обычно из отдаленных куанов и взятые в плен на войне. Тлинкит не мог держать как раба человека своего рода, но ему разрешалось это по отношению к членам других родов своей фратрии [121, р. 53].

Рабы принадлежали, как правило, главам домохозяйств. Рабский труд применялся во всех тяжелых домашних работах, рыболовстве, на охоте, при транспортировке (рабы-гребцы, рабы-носильщики), а иногда и на войне [140, с. 151]. Тем не менее рабы не были в тлин-

китском обществе основной производящей силой, а количество их было невелико — менее 10 % населения, по мнению Р.Л. Олсона [121, р. 53].

4.3. Потлач. Этот социальный институт, имевший огромное значение в жизни тлинкитов, уже неоднократно привлекал внимание ученых. В советской этнографической литературе потлач был достаточно подробно освещен в работах Ю.П. Аверкиевой [137, 138, 140], поэтому имеет смысл остановиться лишь на самых существенных его чертах.

В целом тлинкитский потлач представлял собой сложную церемонию, праздник, длившийся не менее четырех дней, наиболее важными элементами которого были угощения, торжественные речи, песни, пляски и раздача подарков (продуктов, мехов, ремесленных изделий, рабов). Такое празднество могли устроить как отдельные люди, так и целые линиджи. Конечно, помимо потлачей у тлинкитов имелись и другие праздники, церемонии. Отличительной чертой потлача было обязательное присутствие на нем представителей противоположной фратрии, которым в конце праздника непременно вручались богатые подарки. Кроме того, поводом для потлача служило всегда социально значимое событие, а во время потлача непременно присутствовал поминальный мотив. Особая значимость торжеств для тлинкитов была подмечена еще ранними русскими авторами. Так, Ф.П. Литке, опираясь на записки К.Т. Хлебникова, оставил довольно колоритное описание празднеств тлинкитов: «Колоши большие охотники пировать, это значит неумеренно объедаться и после плясать. В предложениях к тому недостатка не бывает: новые союзы, новые знакомства, мир и война, всякое примечательное событие, поминки по покойным родственникам и друзьям — все бывает поводом к сим так называемым *игрушкам*. Игрушки бывают двух родов: *домашняя*, случающиеся ежегодно по нескольку раз, между ближайшими только соседями, и *общественная*, на кои созываются знакомые и имянитыя особы из отдаленнейших мест.

Первые бывают осенью, когда запасается пища на зиму. Таион, старший в роде, угощает у себя соседей несколько дней, в продолжение которых едят и пляшут непрерывно, чередуясь между собою; наконец хозяин одаряет гостей звериными шкурами, ровдугами, одеялами и проч.; и вместе со всею компаниею переходит к другому, потом третьему и так далее, при чем с большою тонкостью умеют соразмерять количество и качест-

во подарков, чтобы перевес ни в чью пользу не был слишком велик.

Общественные игрушки даются уже не семействами, но целыми коленами; на них приглашенные из дальних мест живут более месяца. В селении, где игрушка дается, каждая юрта отличается резным болваном [деревянная модель тотема], изображающим какого-либо зверя, птицу, или иной какой-нибудь предмет, и во все продолжение праздника юрта называется уже не по хозяину, но по вывеске на ней. Отбесившись под знаком орла, идут под знак ворона, медведя, солнца, луны и так далее. Приезжие гости одариваются везде соразмерно достоинству каждого и более или менее верной надежде получить от него со временем равный подарок“ [42, с. 164—165].

Участники потлача всегда распадались на три группы. Одну из них составляли устроители торжества, а две другие — приглашенные, при этом одну — жители данного селения, а вторую — представители других куанов. Если же среди гостей приезжих не было, то группы формировались из членов сублиниджей рода или родов противоположной фратрии своего селения. Так, например, на потлаче ситка-киксади гости-кагвантаны делились на группу Дома-Корзины и группу, состоявшую из кагвантанов Дома Волка и Дома Орлиного Гнезда [127, р. 434—435]. Между группами приглашенных происходило своеобразное состязание в ораторском искусстве, песнях, танцах, в еде. Это соперничество порой принимало такой острый характер, что лишь вмешательство хозяев могло предотвратить кровавое столкновение. Дж.Р. Свэнтон пишет, что устроители потлача были все время начеку и в случае конфликта бросались между гостями с изображением тотемов в руках или издавали крик животного — тотема соответствующей фратрии (Ворона, Волка/Орла) [127, р. 449].

И.Е. Вениаминов, уделивший немало внимания описанию тлинкитского потлача, выделял три его разновидности: поминки⁹, собственно потлач и потлач в честь детей [8, с. 99]. Наиболее древней, исходной формой потлача были поминки, которые чаще всего давали повод для устройства торжественной церемонии. Проведение подобного потлача было обязательным для всех лично свободных членов тлинкитского общества. Индейцы общаши Ф. де Лагуне, что даже беднейший человек домохозяйства обязан был устроить потлач в честь своего покойного родственника. Бедняку требовались иногда го-

ды, чтобы накопить достаточно имущества для подарков гостям на таком потлаче. Если же родственники не устраивали потлача по умершему, то позор падал на весь сублинидж; другие тлинкиты начинали говорить о них как о людях низкого ранга [104, pt 2, p. 606]. Индейцы верили, что пища и имущество, раздававшиеся гостям или бросавшиеся в огонь, — при этом обязательно называлось имя умершего — попадало к душе усопшего в виде “духовных эквивалентов”. Рабы, убитые на поминальном потлаче, должны были, по убеждению индейцев, прислуживать знатному покойнику в загробном мире. В торжественных речах на таких потлачах много говорилось о достоинствах усопшего, его делах и подвигах, об истории рода, обосновывались права устроителей потлача на те или иные угодья. Речи сопровождались песнями с демонстрацией тотемных регалий. Период траура после проведения поминального потлача заканчивался.

Особенно пышными были потлачи второго типа — чаще всего в связи с постройкой или реконструкцией дома, реже — при воздвижении тотемного столба или приобретении нового тотема или тотемного объекта. На этом потлаче обычной практикой было принесение в жертву не менее двух рабов (лишь изредка рабов отпускали на волю). Хозяин дома при этом полностью разорялся, раздавая не только собственное имущество, но порой и состояние жены [8, с. 103].

Более поздней формой потлача, как справедливо отмечала Ю.П. Аверкиева, был, очевидно, потлач в честь детей. На этом празднике детям богатых вождей прокалывали уши либо татуировали руки или грудь. Каждая дырочка в ушах ребенка означала один проведенный в честь него потлач. Максимальное число отверстий могло быть 8 (по 4 в каждом ухе). Люди с проколотыми ушами считались у тлинкитов “знатными”, “благородными” — “аньяди” [Там же, с. 107—108]. Рабов никогда не приносили в жертву на потлаче в честь детей. На этот потлач приглашались и получали подарки члены не только чужой, но и своей фратрии; подарки, полученные на нем, не отдавались; в обрядности отсутствовали те яркие черты тотемного культа, которые были характерны для других разновидностей потлача [137, с. 64—65].

Потлач был центром общественной жизни тлинкитов. На этих церемониях богатый индеец мог повысить свой социальный статус и взять себе новое почетное имя. Если же инициатором потлача был линидж, то он мог получить право на новые тотемы или подтвердить и под-

нять престиж прежних. Богатство давало право на более высокие статусы и привилегии, но чтобы приобрести их, необходимо было это богатство публично раздать. Как убедительно доказала Ю.П. Аверкиева, этот социальный институт был характерен для эпохи перехода от первобытного коммунизма родового строя к обществу, основанному на частной собственности: он, с одной стороны, тормозил процесс социальной дифференциации, а с другой — узаконивал общественное неравенство [140, с. 160—161, 165].

Потlach был характерным социальным институтом для всех индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Он произошел, вероятно, из древнего обычая обмена материальными благами и услугами между членами двух взаимобрачующихся родов. Изначальная суть потlacha, как и сходных с ним институтов дарения у других народов, очевидно, заключалась в создании новых и поддержании старых социальных связей [236, с. 63]. По мере развития общества в древнем обычае дарения появляются новые черты: он становится “инструментом” поддержания либо повышения социального статуса как отдельного человека, так и целого коллектива (чем больше раздавалось на потlache богатств, тем выше становился престиж дарителя). Такое раздаривание, а иногда и уничтожение имущества, как это ни кажется парадоксальным, стимулировало общественное производство. Ведь для достижения и поддержания высокого статуса человека, сублиниджа или линиджа необходимо было много работать, чтобы скопить побольше богатств и уже затем раздарить их гостям на потlache. “Гости” же, в свою очередь, должны были напряженно трудиться, приумножая свои богатства, чтобы компенсировать подарки “хозяев” на ответном потlache. Таким образом, институт потlacha оказывал определенное воздействие на индейскую экономику и социальную организацию. В потlache рельефно отразилась суть престижной экономики, которая обычно складывается у народов, стоящих на пороге классовобразования. Избыточный продукт в таких обществах используется пока еще не на накопление, а на перераспределение между родовыми коллективами.

Потlach — явление очень сложное и многофункциональное, и его нельзя трактовать лишь как специфическую разновидность обмена, основная цель которого — подтверждение или рост социального положения распределителя, а именно так определяется потlach в современном историко-этнографическом справочнике “Народы

мира“ [217, с. 592]. Устраивая потлач, тлинкит не только поднимал свой престиж, но, по сути дела, стремился привести свой внутренний мир в гармоничное единство со Вселенной: мир живых людей — с миром предков, прошлое — с настоящим, реальное — с потусторонним. Без учета духовно-психологических моментов любая характеристика потлача у тлинкитов будет носить односторонний характер.

4.4. Семья и семейно-брачные отношения. У тлинкитов господствовала так называемая “арабская модель” системы родства (с генерационным скосом типа кроу), для которой характерно различие в терминах, служащих для обозначения отца (“иш”), брата отца (“са’ни”) и брата матери (“как”).

Браки у тлинкитов разрешалось заключать только между представителями родов противоположных фратрий. Нарушение фратриальной экзогамии каралось смертью. Для тлинкитов в целом была характерна парная семья. Возраст для вступления в брак не был строго определен: юноши могли жениться с 17—18 лет, девушки выходили замуж с 15—16 лет. Последние до вступления в брак должны были пройти инициацию — длительное затворничество в отдельной хижине, продолжавшееся не менее года. Нарушение этого обычая могло, по мнению индейцев, повлечь за собой самые разнообразные несчастья [1, с. 48—50].

Выбор супруга зависел в значительной степени от рекомендации старших родственников, но ни он, ни она не были совершенно безучастны в решении этого важного вопроса, и случалось, что брак расстраивался из-за несогласия одной из сторон. Физической красоте придавалось известное значение, но это не был решающий фактор в подборе партнера. Зато огромное значение в этом имел социальный статус. Наиболее предпочтительны были, разумеется, союзы между равными по рангу людьми. Представители сублиниджа более высокого ранга заключали браки с членами равных по статусу сублиниджей из родов противоположной фратрии. Так, три наиболее влиятельных сублиниджа рода канахтеди (фратрии Ворона) в селении Клакван куана Чилкат были связаны брачными узами с сублиниджами соответствующего ранга из рода кагвантан (фратрии Орла). С другой стороны, сублиниджи чилкат-канахтеди низшего ранга были связаны с эквивалентными сублиниджами родов кагвантан, шинкукеди и даклауеди [119, р. 40].

У тлинкитов существовала тенденция к воспроизводству брачных связей между одними и теми же родами (линиджами, сублиниджами), что было вообще характерно для дуально-фратриального общества. Поэтому были нередки кросскузенные браки (индеец женился на своей двоюродной сестре — дочери брата матери или дочери сестры отца). При кросскузенном браке внук всегда наследовал статус деда, а имущество посредством механизма потлача циркулировало между двумя взаимобрачающимися родами.

Заключению брачного союза предшествовали сватовство жениха и обмен подарками между ним и родителями невесты (вожди при этом дарили очень богатые подарки: меха, рабов и т.д.). Семья невесты, желая удостоверить себя в прилежании будущего зятя, нередко устраивала “смотрины”, во время которых особое внимание уделялось рукам жениха: если они были шершавы (“как орлиные лапы”), то это указывало на его трудолюбие, если же они были мягки и нежны (“как циновки”), то жених мог быть и отвергнут, как бездельник и лентяй [127, р. 429].

Прежде чем окончательно скрепить брак, молодой индеец должен был отработать у своего будущего тестя год, а иногда и два, чтобы таким образом как-то компенсировать последующую потерю работницы. Вот как пишет об этом архимандрит Анатолий: “Для сего он переселяется в барабору своей невесты, обслуживает отцу и матери ея. Все, что добывает на охоте или других ремеслах, — он должен класть к ногам родителей невесты” [1, с. 47—48]. После “отработки” женихом положенного срока устраивается свадьба, представлявшая собой довольно скромную пирушку.

Браки у тлинкитов были, как правило, авункулокальны, т.е. жених увозил после свадьбы жену в домохозяйство своего дяди по материнской линии, чьим наследником он являлся. Хотя мужчина и считался главой семьи, положение тлинкитской женщины было тоже довольно высоким: ей полностью доверялось ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Тот же архимандрит Анатолий писал по этому поводу: “В семейном быту женщины пользуются довольно большими правами и свободой. Жена индианина — не раба для своего мужа и не рабочая только сила, как это нередко бывает у дикарей. Она скорее госпожа своего мужа. В доме, в семье она более хозяйка, чем муж. В то время, как муж занят общественными делами и охотой вдали от своей барабо-

ры, — его жена хозяйничает дома и в семье безраздельно, неограниченно. В ее заведывании находится все имущество, все припасы незатейливого, правда, индианского хозяйства. В ее распоряжение поступает и все то, что добудет на промысле глава семьи“ [1, с. 54].

В воспитании детей тлинкитке обычно деятельно помогали ее сестры, мать, ее тетки и другие родственницы, а также ее брат, в домохозяйство которого переходит жить племянник по достижении 8—10-летнего возраста (обычай авункулата). Дети воспитывались в духе уважения к старшим: “...дети во всех возрастах оказывают родителям повиновение и уважение, наипаче к престарелым и безсильным, о коих пекутся с большим вниманием“, — отмечал Ф.П. Литке [42, с. 154].

Довольно распространенным явлением у тлинкитов было многоженство. Нередко индеец имел две жены, которые были, как правило, родными сестрами (сорарат). Имел место также и обычай левирата, когда племянник не только наследовал имущество дяди после его смерти, но и должен был взять в жены его вдову, “невзирая ни на какое неравенство лет“, как писал К.Т. Хлебников [72, с. 81]. Многоженство было особенно распространено среди богатых индейцев. Приобретение новых жен предоставляло знатному индейцу дополнительные права и привилегии со стороны свойственников. “Богатые и отличные в роде Колюжи, — писал В.П. Романов, — имеют до пяти жен: они стараются сими связями получить более приданого и иметь более родственников, чтоб тем усилить свой род и состояние“ [57, с. 21].

Супружеская неверность мужчины могла в худшем случае повлечь за собой развод по требованию жены. Неверность же со стороны женщины каралась более сурово: в лучшем случае ее отсылали вместе с детьми в родное домохозяйство с требованием возвращения всех “свадебных“ подарков. В худшем — оскорбленный муж мог убить жену и любовника (“половинщика“, по ранним русским источникам), в роли которого выступал обычно брат, племянник или другой близкий родственник [72, с. 80—81].

5. РОЛЬ ВОЙНЫ В ТЛИНКИТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

5.1. Причины возникновения конфликтов. Вооружение и тактика.

Военные столкновения занимали в жизни тлинкитов важное место. В индейских легендах сообщается, что наиболее частым поводом для столкновений между родами было убийство ревнивым мужем любовника жены. Подобные конфликты нередко приводили к расколу рода и отселению его части в другой куан. Так, в преданиях, записанных Ф. де Лагуной, рассказывается о том, что после убийства на почве ревности, повлекшего за собой настоящее сражение между хуцнуву-текуеди Дома Долины и Дома Медведя, последние вынуждены были переселиться в куан Чилкат, где их потомки стали известны как род такестина [103, р. 144—146]. Кроме того, наличие в индейском обществе постоянного прибавочного продукта, который можно было насильственно присвоить и перераспределить, а также возможность захвата непосредственных производителей (потенциальных рабов) создавали базу для многочисленных внутри- и межплеменных войн. Возникновению частых военных конфликтов способствовал и своеобразный морально-этический “кодекс” индейцев, в основе которого лежал обычай кровной мести. «Главная причина такой воинственности, — писал архимандрит Анатолий, — кроется в том, что закон кровавой мести между индианами — “око за око, зуб за зуб” — царил во всей силе и исполнялся с буквальной точностью» [1, с. 7—8]. Правда, в этом обычае наметился уже отход от древних норм: убийство человека не обязательно предопределяло последующую смерть убийцы. У тлинкитов сформировалась практика выплаты своеобразной “виры” (дорогими шкурами, раковинами и другими традиционными ценностями). В случае отказа от уплаты или ее задержки потерпевшая сторона приобретала моральное право на месть. Поводом для мести (и, следовательно, возможного военного конфликта) могло служить не только крупное преступление, каковым являлось, например, убийство, но даже любое самое мелкое и непреднамеренное оскорбление или нанесение ущерба собственности того или иного человека, домохозяйства или рода. А. Краузе дополняет, что родственники должны были требовать виры или мстить, даже если их сородич не был убит, а умер

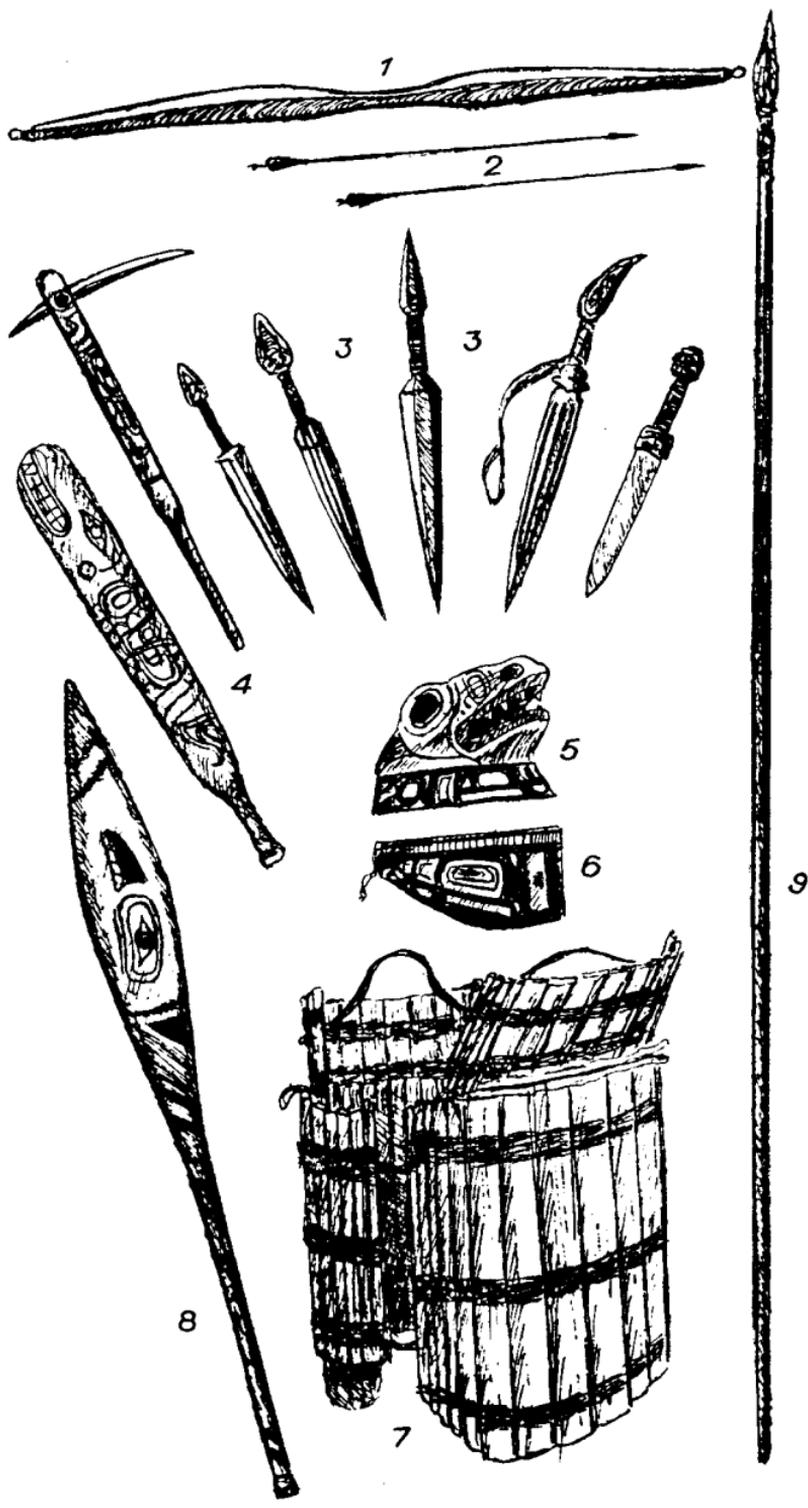
на чужой территории и среди чужих людей [101, р. 281].

Частые войны вызвали развитие военной техники и вооружения. Коллективными средствами защиты служили палисады и другие оборонительные сооружения вокруг домов, лагерей и селений. Такие поселения были особенно безопасны, если располагались на вершине утесов, с которых обороняющимся можно было издали видеть приближающихся врагов [104, р. 1, р. 582].

Индивидуальное вооружение ближнего боя состояло из длинных копий (4—5 м длины), тяжелых резных дубинок-палиц из дерева или китового ребра (реже из камня) и кинжалов. Некоторые кинжалы были двуклинковыми, их рукоятка заканчивалась еще одним, более коротким лезвием [56, с. 183—186; 285, р. 107—108, 158]. Оружием дальнего боя были дротик, лук и стрелы. Лук при стрельбе держали горизонтально — возможно, так было удобнее целиться с каноэ; не исключено и азиатское влияние. Защитное вооружение воина включало в себя тяжелый деревянный шлем и забрало, а также кирасу из деревянных палочек и планок, которая надевалась на рубаху из толстой лосиной кожи. Такие доспехи могли успешно противостоять не только стрелам и копьям, но иногда даже пулям европейских ружей. В полном вооружении тлинкитский воин напоминал средневекового европейского рыцаря.

Войны велись в виде чередования рейдов и контррейдов. Военные экспедиции тлинкитов отправлялись на флотилиях каноэ. “Отличаясь храбростью и неустрашимостью, — писал архимандрит Анатолий, — они предпринимали нередко походы морем на своих яках, — огромных лодках, — подобно викингам, на огромные расстояния, причем в одни сутки, при благоприятной погоде, проезжали по 150 и 200 миль, т.е. около 300 верст” [1, с. 4—5]. Скрытно подплыв к вражескому селению, воины неожиданно нападали ночью или на рассвете. При успешной атаке мужчин либо убивали, либо так же, как женщин и детей, захватывали в плен. Каждую военную партию обычно сопровождал шаман. Духи шамана, по представлениям индейцев, охраняли военный отряд, предсказывали появление врага, число убитых и т.д. [127, р. 450].

Родственные и соседские связи оказывали определенное влияние на характер внутриплеменных столкновений. Если ссора возникала внутри селения, то обиженная сторона после неоднократных безрезультатных

требований выплаты компенсации вызывала обидчиков на открытый бой. В таком столкновении старались не убивать, а лишь ранить и, если добивались превосходства, принуждали побежденных к уплате долга. Иначе дело обстояло, если конфликт разгорался между представителями различных селений или куанов. В этом случае месть готовилась тщательно и непременно втайне от женщин, поскольку они могли сообщить своим сородичам из селения противника о готовящемся нападении. Обидчикам при этом не приходилось рассчитывать на снисхождение в бою [72, с. 84].

Военные столкновения внутри племени происходили, как правило, только между локальными подразделениями различных родов; причем во время нападения воинов на ту часть селения, где жили их враги, члены других родов зачастую были лишь сторонними наблюдателями или же призывали остановить кровопролитие и решить спорные вопросы мирными средствами [119, р. 61]. Такие столкновения имели место, вероятно, между локальными подразделениями родов соседних куанов. При набегах на отдаленные куаны или, напротив, при отражении нападения их воинов члены различных родов одного или даже нескольких селений куана нередко объединялись. Так, в одном из преданий говорится, что для отражения набега с юга тлинкитов Хенъя куана поднялись все роды фратрии Волка в селениях Клакван и Йендестаке куана Чилкат. В ответный рейд чилкатцы послали 60 военных каноэ. Во время неожиданного нападения на лагерь хенъя было перебито около 200 чел., а около 40 женщин захвачено в плен [121, р. 79].

5.2. Воспитание воинов и военные обычаи. Воспитание мальчиков было направлено на то, чтобы они выросли крепкими, закаленными воинами. Для этого уже с трехлетнего возраста детей приучали купаться в море независимо от времени года и погоды. После продолжительного купания, в особенности зимой, устраивались публичные бичевания розгами, чтобы приучить будущего воина стойко переносить физическую боль [8, с. 97—98]. Обоснование подобных суровых процедур тлин-

Оружие индейцев тлинкитов.

1, 2 — лук и стрелы; 3 — медные и железные кинжалы; 4 — палицы-дубинки (верхняя со вставленным в деревянную рукоятку каменным ударником, нижняя — деревянная, резная, с изображением касатки); 5 — боевой шлем в форме головы тюленя — морского льва; 6 — деревянное раскрашенное забрало; 7 — защитный панцирь из деревянных дощечек и палочек, оплетенных китовыми жилами; 8 — тлинкитское раскрашенное весло; 9 — копье с каменным наконечником.

Тлинкитские воины в полном боевом облачении.

киты находили в легенде о Дуктуте (Дуктитле), который стал великим охотником на морских львов благодаря закалке в холодной воде [123, р. 258—260; 104, рт 2 р. 890—892].

Общественное мнение очень высоко ставило доблесть на поле боя, что нашло отражение в религиозных воззрениях. Душа павшего воина, по представлениям тлинкитов, становилась в загробном мире духом “первого разряда” [8, с. 124]. “В битве они смелы, — писал в тлинкитах Ф.П. Литке, — презирают смерть, не показывая однакож того равнодушия к жизни как Камчадалы Алеуты и жители Кадьяка, которые прежде при всяком маловажнейшем поводе, или даже просто от скуки, гото-

вы были повеситься или утопиться“ [42, с. 155]. И.Е. Вениаминов более скептически отзывался о смелости тлинкитов, полагая, что она носила скорее показной характер: “И если они храбры, то храбры только в безопасности и при трусах“. Об этом же, по его мнению, свидетельствует и военная тактика тлинкитов, основанная на внезапных, неожиданных нападениях [8, с. 124—125]. И все же в период Русской Америки тлинкиты сумели не единожды доказать, что они отнюдь не робкого десятка.

Военные обычаи тлинкитов были весьма своеобразны. Перед военным походом индейцы совершали маневры, имитируя сражение. За четыре дня до похода у военного предводителя и шамана начинался пост, а до этого они вместе с остальными воинами соблюдали длительное воздержание, продолжавшееся иногда в течение года. Стремясь обеспечить успех военной экспедиции, воины “убивали“ и связывали, как “пленников“, деревянные фигурки “врагов“. Такие фигурки были и у жен воинов, и непосредственно перед отплытием боевого каноэ воины и жены перебрасывали их друг другу. Считалось, что муж женщины, не поймавшей фигурку, будет убит. Во время рейда тлинкиты соблюдали ряд строгих табу. Если воин погибал в бою, то соратники на его месте в каноэ устанавливали вертикально весло, чтобы женщины могли уже издали увидеть, чей муж не вернулся из боя [127, р. 449—450].

В случае успешного набега индейцы приближались к родному селению с громкими победными песнями, на борта каноэ привязывались скальпы убитых врагов. Скальпирование было характерным военным обычаем не только у тлинкитов, но и у других индейцев Северо-Западного побережья. Эту операцию, по данным Ю.Ф. Лисянского, совершали шаманы. Волосы скальпов служили украшением воинов во время праздничных церемоний, о чем также сообщал Лисянский: “...сими волосами варвары украшаются во время игрищ“ [41, с. 144—145]. У знатных противников иногда в качестве трофея отрезали всю голову. Взятые в плен неприятели нередко подвергались жесточайшим пыткам.

Мир между враждовавшими сторонами заключался в торжественной обстановке и сопровождался выдачей заложников, которых называли “оленьями“ (по-тлинкитски — “кауакан“). К.Т. Хлебников дал следующее яркое описание обычая обмена заложниками: “...обе стороны выходят на равнину с кинжалами, мужчины и женщи-

ны, и первые, которым надобно схватить аманата [заложника] (лучшего из противников, более уважаемого по связям родства и по старшинству), показывают вид наступательный, машут копьями и кинжалами; кричат, вторгаются в середину неприятеля и схватывают избираемого заложника, который скрывается в толпе своей партии. Тут с криком, изъявляющим радость, исполнение желаний и окончание войны, поднимают его на руки и относят на свою сторону. Разменяв подобным образом, каждая сторона заложника своего содержит лучшим образом, доставляя ему всевозможные услуги; не позволяют ходить, а всегда, на первый случай, носят на руках, и проч. «...» Торжество мира заключается плясками с утра до вечера и обжорством. «...» Наконец заложники отвозятся на жилье новых друзей и проживают год и более; потом возвращаются и снова плясками подтверждают прочность союза“ [72, с. 84].

По вопросу о роли войны в тлинкитском обществе литературе высказывались две диаметрально противоположные точки зрения. Так, Ю.П. Аверкиева [140, с. 152] и А.А. Истомин [184, С. 57; 185, С. 146] писали, что война у тлинкитов имела значение регулярного промысла. В то же время К. Оберг [119, р. 78] подчеркивал, что война у этих индейцев не считалась средством достижения богатства и славы, не являясь, следовательно, существенным экономическим и социальным фактором. К. Оберг отмечал также, что в тлинкитском обществе не сформировалась особая прослойка “профессиональных воинов“, что имело, например, место у индейцев прерий.

Истина, на наш взгляд, находится между этими крайними мнениями. Известно, что тлинкиты были воинственным народом — это отмечалось во всех ранних источниках. Об этом же свидетельствовала развитая материальная часть военного дела. Однако у тлинкитов действительно, не сложилось сословие людей, посвятивших себя исключительно военной деятельности. Не выделилась из состава тлинкитской знати и особая группа военных предводителей (воинами руководили обычные главы сублинджей, их братья или племянники), хотя тенденция к появлению военных вождей уже намечалась. На это указывает возникновение специальных терминов для их обозначения. Так, индейцы сообщают Ф. де Лагуне [104, pt 2, р. 583], что в старину флотилией боевых каноэ командовал “шакати“ (“адмирал“), то время как на суше воинов возглавлял “хан кунайе“.

“генерал“). Нет, однако, никаких оснований утверждать, как это делала Ю.П. Аверкиева [140, с. 152], что у тлинкитов имелись военачальники с наследственными именами-титулами. Нельзя также согласиться и с указанием энциклопедического справочника “Народы мира“ [217, с. 443] на то, что у тлинкитов была развита военная организация. Ни в одном из известных нам источников нет данных об устойчивых военно-организационных структурах, даже на уровне линиджа, не говоря уже о военных организациях рода или племени в целом.

6. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

6.1. Представления тлинкитов об окружающем мире и их религиозные воззрения. Взгляды тлинкитов на окружающий мир отличались большим своеобразием. И.Е. Вениаминов писал по этому поводу: “...нельзя упустить из виду того, что у Колош на всякое явление в природе есть свои причины, свои легенды и басни...” [8, с. 115]. Землю они считали плоской, а небо твердым. Звезды¹⁰, в их представлении, были кострами в жилищах обитавших на небе духов, а солнце и луна — живыми существами, понимавшими человеческую речь¹¹.

Земля, согласно тлинкитским мифам, покоилась на гигантском столбе в виде передней лапы бобра, который удерживала подземная старуха Агишануку (Айишануку) [127, р. 452]. “Колоши уверяют, — писал И.Е. Вениаминов, — что земля стоит на одном огромном столбе, который хранит и поддерживает Агишануку; иначе земля давно бы опрокинулась и потонула в море“ [8, с. 84]. Землетрясения, по мнению индейцев, происходили из-за борьбы Агишануку с Человеком-Вороном Йэлом (главным героем тлинкитских мифов — см. раздел 6.3). Йэл, рассердившись на людей за несоблюдение ими его заветов, пытается оттащить старуху от столба и опрокинуть землю [8, с. 82; 127, р. 452]. Чтобы помочь Агишануку справиться с ее могучим противником, индейцы во время землетрясений выбегали из своих домов, садились на землю и начинали перетягивать друг у друга палки, сопровождая эти действия магическими песнями [1, с. 90].

Религиозные воззрения тлинкитов представляли собой целостный комплекс, состоявший из тотемизма, анимализма, фетишизма, магии, анимизма и шаманизма.

Особое место в этом комплексе занимал тотемизм. Тотемизм — это вера в сверхъестественную связь, будто бы существующую между группой людей и определен-

ным видом животного, растения, каким-либо предметом или явлением. Тотемизм был тесно связан с социальной организацией тлинкитов и являлся своеобразным отражением одного из ее компонентов — родовой структуры. Соответственно существовали тотемы фратрий (Ворон и Волк / Орел), родов, линиджей и сублиниджей.

В известной мере можно говорить и о племенном тотемизме у тлинкитов, если учесть, что мироустроителем, главным героем их мифов был Ворон (точнее, Человек-Ворон). У тлинкитов был, видимо, и такой тип тотемизма, как индивидуальный или личный (вера в то, что человек может иметь и свой личный тотем). Этот тотемизм, связанный с культом личных духов-покровителей, был распространен прежде всего среди шаманов¹².

Г.И. Дзенискевич выделяет у тлинкитов еще одну разновидность тотемизма — семейный тотемизм [176, с. 107]. Вряд ли, однако, можно говорить о семейном тотемизме в дуально-эзогамном обществе с четкой фратриально-родовой принадлежностью (у супругов были, конечно, разные тотемы, поскольку они происходили из разных родов).

При рассмотрении понятия “тотем” необходимо выделить три его компонента: (1) материальный прообраз тотема (ворон, касатка, волк и т.д.); (2) собственно тотем — сверхъестественный покровитель, духовный символ рода; (3) воплощение тотема в модели (шляпа, тотемный столб и пр.) или в плоскостном изображении (на накидках, панелях домов и т.д.). Обычно в качестве тотемов (2) выступали различные животные, гораздо реже — другие природные явления или объекты. Следует отметить, что не всякое изображение тотемного животного являлось в действительности тотемом (3), поскольку: 1) изготовление подлинного тотема могло быть поручено только члену противоположной фратрии; 2) члены определенной социальной группы должны были признать его как материальное воплощение духовной сути своего рода; 3) в честь него на потлаче должно было раздаваться имущество членам противоположной фратрии; 4) изображение тотема или право на его изображение могли быть передано людям другого рода только в экстраординарных случаях [170, с. 38].

Материальные воплощения тотемов служили как бы визуальным символом “реальности” событий, происшедших в прошлом и отраженных в родовых легендах и мифах. Наиболее популярной и ценной моделью тотема считалась церемониальная “родовая” шляпа. В этой

шляпе с жезлом в руках и прочими регалиями вождь выступал на потлачах как представитель рода, его “предок” и одновременно как его сверхъестественный тотемный покровитель. Согласно данным К. Оберга, тотемные регалии рода демонстрировались перед присутствовавшими на потлаче во время раздачи подарков гостям [119, р. 126]. Приобретенный при этом престиж распространялся на тотем, а через него — на род и его главу — родового вождя. Поэтому, с одной стороны, можно говорить о формировании у тлинкитов и других индейцев Северо-Западного побережья особой разновидности тотемного культа, возможно, даже разновидности тотемизма, а именно *престижного тотемизма*. С другой стороны, тотемизм у тлинкитов — и соответственно тотемный культ — постепенно перерастал в культ вождей и предков.

Особенность тотемизма у тлинкитов заключалась в том, что члены одного рода могли владеть несколькими тотемами; в то же время у ряда родов существовали общие тотемы¹³. В индейских легендах и мифах о происхождении тотемов предками рода выступают уже люди, а не соответствующие животные или природные объекты. Отсутствовала и табуация тотемного животного [170, с. 38—39].

С тотемами были связаны не только легенды и мифы, но и другие компоненты духовной культуры тлинкитов. Тотемам посвящались танцы и песни, речи на потлачах; погибая в бою, воин издавал крик тотемного животного; от его названия нередко происходили личные имена индейцев. Кроме того, члены того или иного рода должны были своим поведением “оправдывать” принадлежавший им тотем. Так, считалось, что индейцы рода текуеди так же “храбры”, как и прообраз их тотема медведь-гризли, а представители рода кагвантан, почитавшие Волка, Медведя, Орла и Касатку, “свирепы, горды и неустрашимы”, как и соответствующие животные [104, pt 1, р. 461].

Функции тотемов у тлинкитов были весьма многообразны. Тотемы, имея своими прообразами конкретные природные объекты или явления, служили как бы связующим звеном между группой людей и окружающим миром. Будучи в то же время сверхъестественными существами, тотемы служили “посредниками” между реальным и потусторонним миром, миром духов, оборотней и т.д. С другой стороны, тотем фигурировал в легенде о происхождении рода и в силу этого являлся как бы медиато-

ром между миром живых людей и миром предков. Кроме того, пересказ тотемных легенд и демонстрация соответствующих изображений на потлаче усиливали чувство родовой солидарности, а раздача подарков способствовала концентрации престижа на символе рода и его хранителе — родовом вожде. Наконец, изображения и модели тотемов служили для обозначения родовой собственности, использовались на церемониях заключения мира между враждовавшими ранее родами, а также как очень большая ценность при выплате компенсаций и т.д.

Тлинкитским представлениям о мире был свойствен первобытный синкретизм: человек был органической составной частью природы и не противопоставлялся всему остальному миру. Животные рассматривались как разумные существа, способные даже понимать человеческую речь. Это послужило основой для развития у тлинкитов не только тотемизма, но и анимализма. Согласно данным Дж.Р. Свэнтона, среди животных они выделяли прежде всего медведя-гризли, речную выдру и росомуху. Последняя пользовалась их расположением за свою храбрость и хитрость. У тлинкитов существовала даже поговорка: “Умен как росомуха” [127, р. 453, 455—456]. Особо почитали индейцы медведя-гризли. При встрече с ним тлинкит фратрии Волка обращался к нему со словами: “Ихони айяха’т” — “я твоей стороны” (т.е. твоей фратрии), а также: “Ка дутл канз” — “имей жалость ко мне” или “Хат ка тлахетл” — “сделай меня счастливым” [121, р. 117; 127, р. 455]. Из мелких животных внимание тлинкитов привлекала мышь, которая, по их представлениям, помогала колдунам красть имущество “испорченных” ими людей [127, р. 471]. Как это ни странно, читаем мы у Ф. де Лагуны, маленькая безвредная лягушка в глазах тлинкитов была опасным существом, а слизь на ее коже считалась очень ядовитой [104, pt 2, р. 831]. Не случайно, видимо, изображения лягушки так часто встречаются на шаманских погремушках.

Среди морских обитателей тлинкиты особо выделяли касатку и морского льва, которые, по их представлениям, могли быть могущественными помощниками индейца (чаще всего шамана). Из птиц безусловным и всеобщим почитанием был окружен ворон. Индейцы очень боялись сов, крик которых приносил будто бы несчастье [104, pt 2, р. 829—830].

Анималистические верования тлинкитов отразились на их поведении в отношении животных. Так, согласно материалам Ф. де Лагуны, индейцы не должны были

убивать животное без нужды, мучить его или смеяться над его мучениями. Это якобы приносило несчастье. И наоборот, помощь раненому животному должна была принести удачу [104, pt 2, p. 825].

Наряду с тотемизмом и анимализмом в религиозных представлениях тлинкитов существовал фетишизм. Индейцы верили в сверхъестественные свойства амулетов, которые изготовлялись главным образом из листьев, цветов и корней различных растений (реже из травы, перьев, шерсти животных, орлиных лап т.д.). Дж.Р. Свэнтон приводит целый перечень “магических растений”, названия которых говорят сами за себя, например: анкау какоши — “цветок, делающий вождем” или тлкеватутл чин наку — “снадобье, которое делает всех покорными” (изготавливалось из корня) и др. Существовали и другие фетиши. Свэнтон сообщал также о “волшебном” сундучке вождя ситка-киксади Катлиана. Вырезанный из дерева и перевязанный веревками и волосами рабов, он после соблюдения поста и определенных магических обрядов якобы приносил его обладателю богатство и счастье [127, p. 447—448].

Амулеты могли передаваться по наследству, а друзья часто обменивались ими. У шаманов особым почитанием пользовался язык выдры, считавшийся самым могущественным фетишем [8, с. 63]. Плетеный ремень шамана символизировал древесного червя, который по верованиям индейцев, мог “проникать” во вражеское селение подобно змее и визнавать, что там происходит [127, p. 464].

С фетишизмом была тесно связана магия, т.е. вера, что определенные действия и обряды могут повлиять сверхъестественным образом на явления природы, животных или человека. Тлинкиты верили во вредоносную магию, которой якобы занимались колдуны, наводящие порчу на людей при помощи различных средств и заклинаний. Колдуны, по представлению тлинкитов, были злонамеренными, опасными существами. Они будто бы летали по воздуху. Индейцы настолько их боялись и ненавидели, что обвиненного в колдовстве могли убить даже его родственники (если это не успевали сделать после пыток сородичи “испорченного”). В колдовстве обычно обвиняли женщин [8, с. 76—77; 101, p. 203]. Имела место также любовная магия, охотничья, охранительная и т.д. Для того, чтобы обеспечить, например, удачу в охоте на медведя, тлинкиты совершали определенные обряды над тушей убитого зверя: “...у убитого

медведя, — писал И.Е. Вениаминов, — по содрании шкуры отнимают голову и, украсив оную перьями, подобно шаманской голове, ставят к огню и поют особенные песни...“ [8, с. 89]. С помощью магического песнопения тлинкиты пытались воздействовать на ход луны, чтобы не допустить ее затмения, поскольку это считалось предвестником больших несчастий [Там же, с. 85].

Несоблюдение некоторых магических обрядов перед любым серьезным делом (военный поход, охота, торговая экспедиция и т.д.) влекло за собой, по мнению индейцев, различные негативные последствия: непогоду, болезни, неудачу в набеге, голод и др.

Тлинкиты верили в числовую магию. Как и у других индейцев Северной Америки, священным числом у тлинкитов было “4”. Любое заклинание или другое магическое действие нужно было повторить четыре раза или кратное число от четырех (обычно восемь).

Весь мир, как считали тлинкиты, был населен множеством духов и душ людей (что составляло основу анимистических верований). Тлинкиты верили, что в загробном мире душа человека занимает такое же место, какое он имел при жизни. Чтобы обеспечить богатого и знатного человека слугами в потустороннем мире, на его поминках убивали одного или несколько рабов, чьи души должны были прислуживать душе покойного вождя. Душу простого индейца должна была сопровождать душа собаки. Чтобы душам было тепло в загробном мире, тело покойников сжигали на погребальном костре. Останки покойного заворачивались в шкуры и помещались в ящик, а тот, в свою очередь, — в небольшой деревянный домик или на вершину тотемного погребального столба в стороне от селения. По представлениям индейцев, душа могла вернуться из потустороннего мира и вновь вселиться в новорожденного того рода, к которому относился ее хозяин до своей смерти. Это происходило, как верили тлинкиты, тогда, когда младенец рождался похожим на своего умершего сородича.

Кроме душ людей мир населяло множество духов животных. Особым почитанием пользовались духи речных выдр, как и само животное. Духи речных выдр (“кушта-ка”) могли якобы зачаровывать людей, сводить их с ума и даже превращать в оборотней. Тлинкиты верили также в существование духов скал, озер, болот, ледников и т.д. Главным подводным духом считался Конакадет, изображавшийся обычно в виде монстра с большой

головой, ногами и плавниками, один взгляд на которого будто бы приносил богатство и счастье [86, с. 82].

Многие духи ассоциировались с определенными родами. Так, например, духи Чак-ек (“Орлиный дух”) и Хустокан-шавет (“Солнечная женщина”) являлись “собственностью” рода тлюкнахади [119, р. 18]. Нанъяйи были родом очень высокого ранга, а их главный дух по имени Тлжидитин (“Невидимый”) считался верховным вождем всех шаманских духов [127, р. 465].

С анимизмом был теснейшим образом связан шаманизм. Шаманы у тлинкитов почитались более, чем у других индейцев Северо-Западного побережья [Ibid., р. 464]. Индейцы верили, что шаманы могут выступать посредниками между миром людей и миром духов — “еков”. Последние якобы помогали увидеть будущее, найти колдуна или вора, лечить болезни, предотвращать опасности и т.д. Хотя шаманом мог стать любой человек — и мужчина, и женщина, — шаманки у тлинкитов встречались относительно редко [121, р. III]. Шаман мог иметь несколько духов-покровителей. Чем больше их было, чем многочисленнее были шаманские принадлежности (маски, погремушки и пр.), тем влиятельнее он считался. Для каждого духа были свое имя и свои песни [8, с. 65]. Состояние экстаза шаман вызывал обычно пением, ударами в бубен, исступленными плясками. Судя по всему, тлинкитские шаманы использовали в своей практике гипноз и самовнушение и нередко достигали с их помощью желаемых результатов, особенно при лечении больных, а также при определении вора. Последнее было талантливо описано Джеком Лондоном в его рассказе “Великий чудесник”.

В справочнике “Народы мира” указывается, что у тлинкитов существовала система тайных мужских союзов [217, с. 443]. Это не совсем корректно. Дело в том, что тайные религиозные общества (“танцевальные общества”) появились у тлинкитов весьма поздно — только около 1870 г. — и были заимствованы ими у южных племен — цимшиан и, конечно же, квакиютлов [121, с. 118—121]. У последних система тайных религиозных союзов была наиболее развитой среди всех индейцев Северо-Западного побережья. Традиционной же духовной культуре тлинкитов не были свойственны тайные общества, да и после их заимствования они не получили широкого распространения.

Религиозные воззрения и фантастические представления о мире органически сочетались у тлинкитов с поло-

жительными знаниями в области ботаники и зоологии, которые они издревле накапливали и передавали из поколения в поколение. Эти знания помогали им охотиться, ловить рыбу, заниматься собирательством. Их торговая деятельность вела к зачаткам прикладной географии и математики. “Хотя индиане не имеют знаков чисел и не ведут писанных счетов, а считают по палочкам, которые у них перевязаны в пучки, — писал архимандрит Анатолий, — однако они великие математики и обчислить их немислимо” [1, с. 44]. Несмотря на наличие у тлинкитов определенной информации об окружающем их мире, эти знания были еще лишены систематизации, обобщения и глубины проникновения в суть вещей и явлений и, естественно, не могли поколебать вековых устоев религиозных верований и суеверий. Так, тлинкитам была известна народная медицина — лечение целебными травами и кореньями. Однако бóльшим доверием у них пользовались шаманы и колдуны-лекари.

6.2. Мораль тлинкитов. Право, как институт классового общества, у тлинкитов по понятным причинам отсутствовало. Его место занимала мораль (служившая основой “обычного права”), которая играла важную роль в регулировании отношений внутри индейского общества. Не разобравшись в традиционной морали тлинкитов, невозможно понять многие их поступки и действия.

Престижная экономика привела к появлению иерархической ранговой системы, что нашло своеобразное отражение в морали и психологии индейцев, а формирование своего рода “сословной” морали повлияло, в свою очередь, на их повседневное поведение. Позор падал на аньяди, если его видели за такой, с точки зрения индейцев, “презренной” рабской работой, как чистка рыбы или переноска дров. Считалось позорным для него участие в шумной ссоре с рабом или человеком низкого статуса [118, р. 219]. Знатный аньяди часто игнорировал члена рода низшего ранга и не говорил о нем как о брате, а только как о человеке такого-то дома [119, р.41].

Рабство как социальный институт глубоко отразилось в мировоззрении и морали тлинкитов. Оно покрывало позором не только человека, но и весь его род. Смертельным оскорблением для тлинкита высокого ранга были слова “потомок раба!” или “твои предки были рабами!” [121, р. 17]. Смыть позор с человека можно было, лишь выкупив его из рабства и потеряв его тело медными пластинами после мытья в бане. Натирание медными

пластинами, по убеждению индейцев, “очищало от рабства” [Ibid., p. 54].

Мораль в тлинкитском обществе можно охарактеризовать как “мораль эквивалентов”. Принцип эквивалентности восходил к закону кровной мести и касался возмещения любого урона: от украденной вещи до убитого человека. И.Е. Вениаминов писал по этому поводу следующее: “О Колошах говорят или, по крайней мере, говорили, что они народ зверский и кровожадный... Но едва ли Колоши заслуживают названия зверских и кровожадных, потому что мщение за обиды есть общий закон всех диких, не имеющих другого закона кроме внутреннего, врожденного. Колоша не ищет крови, но только требует кровь за кровь” [8, с. 123].

В случае убийства непременно учитывался и ранг покойного: за смерть вождя, например, должен был заплатить головой вождь того же ранга из рода убийцы — при этом сам убийца мог остаться в живых [118, p. 210]. “Характерный обычай — это плата за все: за рану, за обиду, за всякий вред, причиненный даже нечаянно”, — писал архимандрит Анатолий и добавлял: “Индианин никогда ничего и никому не дает даром. Раз дал что-нибудь кому-нибудь, он считает его на всю жизнь должником” [1, с. 42, 51]. Даже ближайшие родственники должны были возвращать долг, причем “хорошим тоном” считалось возмещение более того, что было взято, обычай, называвшийся “кейш” [101, p. 115].

Кража чужого имущества не считалась у тлинкитов серьезным преступлением. И.Е. Вениаминов свидетельствовал: “Воровство не считается за большой порок. Обличенный вор должен или возратить украденное, или вознаградить убыток чем-нибудь, но сам он ничего не терпит” [8, с. 110].

В тлинкитском обществе уже существовал неписаный “кодекс поведения”. Неприличным считалось сидеть развалясь, проявлять торопливость, любопытство. Нарочитая надменность, горделивая осанка, чувство собственного достоинства — неперемные атрибуты тлинкита высокого ранга. Ф.П. Литке подметил, что обычное выражение лица у тлинкитов “важно, мрачно и даже сурово”. Он писал также: “Одна отличительная черта характера Колош есть тщеславие. Показать Колошу презрение, значит сделать его себе врагом; напротив, некоторое внимание, маленькие угождения его самолюбию суть вернейшие средства снискать его дружбу” [42, с. 156, 159].

6.3. Устное народное творчество. Танцы и игры. У тлинкитов был очень богатый фольклор. Его основу составлял мифологический цикл о приключениях Человека-Ворона Йэла (Эля). Он выступал одновременно и как космический демиург, и как мифологический плут. Так, согласно сказаниям, Йэл путем различных хитростей достал солнце, луну и звезды, добыл у Канука (Буревестника) пресную воду, раздобыл огонь (при этом у него обгорел клюв), научил людей строить лодки и т.д. [8, с. 36—54; 101, р. 175—183; 1, с. 65—85; 128, р. 3—80]. Кроме того, Йэл внушил людям основы морального поведения. Сказания о его похождениях отражают, по убеждениям индейцев, их древнейшую историю, начало которой восходит ко времени мифического потопа [103, р. 129]. Помимо центрального эпоса о Вороне у тлинкитов было немало других преданий и мифов. Таков, например, миф о гигантской Птице-Гром по имени Хетл, брате старухи Агишануку, которая поддерживает мировой столб. Гром — это шум крыльев Хетла, молния — блеск его глаз. Питался он китами, выхватывая их из океана и относя на вершины высоких гор (здесь индейцы находили иногда кости ископаемых животных, что служило для них доказательством реальности существования Хетла) [8, с. 82—83; 1, с. 87—89]. Другим примером может служить предание о Тлиналххидак (“Приносящая Богатство”) — прекрасной женщине, блуждающей по лесам с ребенком на руках, встреча с которой приносит охотнику счастье [1, с. 90—95; 127, р. 412, 460]. Интересен сюжет легенды о гиганте-людоеде Гутикле, которого сожгли индейцы, а его пепел превратился при этом в москитов, любящих человеческую кровь не менее их прародителя [123, р. 256—257; 310, р. 73].

Общеизвестны легенды об охотнике из рода текуеди Каце, женившемся на Медведице, и о дочери вождя, вышедшей замуж за Медведя [8, с. 86—89; 1, с. 104—106; 123, р. 14; 110; и др.]. Многие из этих мифов, легенд и преданий были широко распространены не только среди тлинкитов, но и среди других индейцев Северо-Западного побережья (прежде всего среди хайда и цимшиан), а также частично и у внутриматериковых атапасков (см., напр.: [109, 110]). Центральной фигурой мифов у всех этих племен был Ворон¹⁴. Аналогично обстояло дело с преданиями о Тлиналххидак, которая была известна под именем Скил Джа'адаи у хайда и Уихаудмлк — у цимшиан [127, р. 460; 78, р. 64—71].

Кроме различных мифов значительную часть духовного наследия тлинкитов составляли предания родов об их происхождении, миграциях, о приобретении тотемов, почетных имен и т.д. Такова, например, история об индейце рода дактлауеди Нацитлане, изготовившем из желтого кедра двух касаток, которые “помогли” ему в борьбе с братьями жены. В дальнейшем это позволило его роду претендовать на тотем Касатку [128, р. 230—231]. Другим примером может служить легенда рода дешитан о сверхъестественном Бобре, который убил вождя при помощи чудесного лука и ударом хвоста разрушил селение рода [103, р. 137].

К устному народному творчеству, безусловно, относятся также речи на потлачах и песни, исполнявшиеся во время различных церемоний. Торжественные речи, произносившиеся на особом метафорическом языке, были прерогативой специально подготовленных знатных индейцев. Талантливые ораторы высоко ценились у тлинкитов, и их нередко приглашали даже в отдаленные куаны, где они за свое искусство получали большие подарки, чем им полагалось по рангу [292, р. 50, 56]. Метафоричным был нередко также и язык песен. Дж.Р. Свэнтон сообщал, что их содержание с трудом воспринимается даже самими тлинкитами. Некоторые из них восходили к мифам и объясняли их [128, р. 390]. Особенно ценились печальные поминальные песни на потлачах [127, р. 437]. Многие песни были исключительной собственностью родов и служили статьями обмена. Немало песен тлинкиты заимствовали у соседних племен, и прежде всего у цимшиан.

Не менее популярными были у тлинкитов танцы. Ю.П. Лисянский писал: “Люди сии непрестанно пляшут; и мне никогда не случилось видеть трех Колош вместе, чтобы они не затеяли пляски” [41, с. 118—119]. Танцы исполнялись под аккомпанемент бубна, погремушек, трещоток и свистулек. Применялись также деревянные барабаны в виде раскрашенных ящиков с камешками внутри. Одно из наиболее ранних и весьма эмоциональных описаний военных танцев тлинкитов содержится в сочинении И.И. Баннера “О колюжских народах” (1803 г.): “Военная пляска колюжских народов заключается в себе нечто страшное и неприятное, производится по бубну <...>, а плясуны становятся в полуцыркуля [полукруг], взяв каждый в руки по смертоносному оружию, состоящему из копий ручных двоеконечных [двуклинковых кинжалов], а некоторые употребляют лук со стре-

люю, выбрав на сей случай в начальники, который начинает пляску, напевая о своих деяниях и деяниях предков, при всяком надпоминании ударяет ногою и размахивает руками, в чем ему все помогают и, смотря на него, ровно действуют в такт. <...> При этом принимают на себя страшный и ужасный вид, изображают разными коверканьями и кривляньями зверскую ярость, высывая язык, и ужасным образом режут, делают приступ к неприятелям, производятся жестокие сражения, грозные приемы, замашки к убийству и приходят через то во иступление и могли бы в таком неистовстве сами собой друг друга переранить, если бы не имели проворства увертываться <...> Напоследок явится изрядная потеха, радость представиться о победе; с восхищением бросаются и берут в плен, тут уже совершенно окажут себя, что они злее самых хищных зверей, приготовляя бедных сострадальцев к тягчайшим мучениям и тиранству...“ [32, с. 129].

Пляски были неременной принадлежностью всех праздничных церемоний. На потлачах за танцором следили с таким ревнивым вниманием, что даже малейшая ошибка в его движениях тотчас же подмечалась и потом долго обсуждалась. Нервное напряжение исполнителя было чрезвычайно велико, и если вскоре после потлача танцор умирал, то индейцы говорили: “Людские взгляды убили его“ [127, р. 435].

Широко распространены были среди тлинкитов и различные игры. Особенной популярностью пользовалась игра в палочки. При игре вдвоем один из участников тасовал палочки и прятал их кучками под кедровой корой, а другой должен был угадать, в какой кучке лежит “козырная“ палочка с изображением осьминога. В палочки играли на всем Северо-Западном побережье. Индейцы были азартными игроками. О.Е. Коцебу сообщал, что они иногда проигрывали не только все имущество, но даже жен и детей [35, с. 217]. Подобные случаи отражены в тлинкитском фольклоре [128, р. 135—138]. Разновидностью игр были атлетические состязания: в беге, гребле на каноэ, в стрельбе из лука и т.д., в которых тлинкиты демонстрировали свою силу и ловкость.

6.4. Прикладное искусство. Значительного развития достигло у тлинкитов, как и у других индейцев Северо-Западного побережья, прикладное искусство. Как отмечал американский исследователь Н. Фидер, искусство индейцев этого региона было, пожалуй, самым развитым

и сложным в Северной Америке к северу от Мексики [88, р. 99].

В изобразительном искусстве глинокитов преобладало символическое направление, центральным мотивом которого было стилизованное изображение “глаза”. Этот элемент в виде круга, овала, закругленной выгнутой трапеции не только мог изображать глаза, как таковые, но и использовался как сочленение — “шарнир”, указывающий на соединение тела с руками, запястьем, с ногами, лодыжками, хвостом или плавником. “Глаз” не всегда нес смысловую нагрузку, иногда он выступал как часть декора для заполнения пространства [83, р. 252]. Именно по этому характерному элементу можно безошибочно распознать произведения искусства индейцев Северо-Западного побережья. Видный американский искусствовед Б. Холм полагает, что центром возникновения этого художественного стиля был район о-вов Королевы Шарлотты и противоположащее побережье материка, откуда он впоследствии распространился на север и на юг [93, р. 20].

Стилизованные изображения животных, птиц, рыб, людей или сверхъестественных существ, порой в очень сложной композиции, наносились на поверхность предметов или вырезались на ней (резьба и рисунок нередко сочетались). Изошренность и законченность этого стиля свидетельствуют о длительности его формирования в искусстве Северо-Западного побережья. Это наглядно доказывают рисунки и резьба на предметах, выполненных индейцами, в коллекциях первых путешественников [251, с. 77; 93, р. 3]. В этой связи нельзя согласиться с утверждением Р.С. Разумовской, будто бы символический орнамент появился “в искусстве северо-западных индейцев лишь к середине XIX в.” [230, с. 90].

Представления глинокитов об органической связи человека с природой, и прежде всего с миром животных, и одновременно с миром мифов нашли свое выражение в символике образов. Это было прежде всего свойственно изображениям животных, которые стилизовались под людей: они могли иметь человеческие лица, глаза, туловище, руки и т.п. Однако ряд характерных черт, например острые зубы, торчащие уши, клюв вместо носа и т.д., указывали на то, что перед нами не человек, а стилизованное животное. Так, фигура бобра на тотемном столбе или рукоятке церемониального ковша имела почти человеческие лицо и глаза, но торчащие уши, пло-

Церемониальная тлинкитская погремушка, вырезанная в форме вороны. Лежащая на спине ворона человеческая фигурка изображает, очевидно, шамана или колдуна, высасывающего магическую силу из языка лягушки, зажатой в клюве дятла.

ский нос, выступающие изо рта резцы и широкий хвост говорили сами за себя. Аналогично изображались и другие животные и птицы; например, голова ястреба на боевом шлеме очень напоминала человеческую, но имела крючковатый клюв-нос, изогнутый так, что его конец входил в рот [83, р. 186—190].

Как отмечал Ф. Боас, не все изображения в “классическом” стиле Северо-Западного побережья “расшифровываются” даже самими индейцами, в особенности когда речь заходит о трактовке многопланового узора на церемониальных накидках чилкат (см. версии, записанные Дж.Т. Эммонсом и Дж.Р. Свэнтоном, — [Ibid., р. 212—221]).

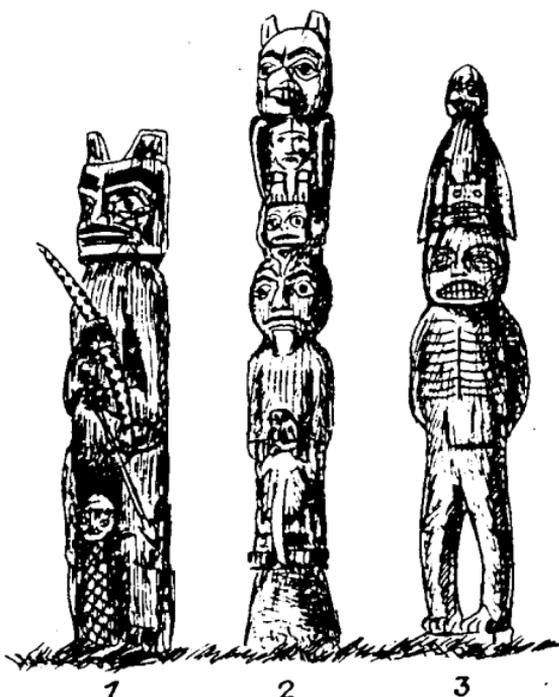
Индийский художник мог изображать как животное в целом, так и его наиболее характерные части (плавники, зубы и т.д.). Иногда форма предмета, подвергавшегося художественной обработке, диктовала необходимость “расщепления” изображения на две симметричные части; в результате получалось как бы два профильных изображения туловища, соединенных общей головой и единым хвостом. Образцами подобного приема могут служить резные деревянные чаши, выполненные в виде животных, и рисунки на плетеных шляпах. Для “классического” стиля Северо-Западного побережья были вообще характерны строгая симметрия, чистота и четкость линий. Цветовая гамма была достаточно разнообразной, но черный цвет (которым, как правило, наносились кон-

туры основного, первичного рисунка) и красный прева-лировали над другими.

Искусству тлинкитов и их соседей на побережье был свойствен и такой художественный прием, как поли-эikonия — сочетание в одном объекте одновременно не-скольких фигур или рисунков, для выявления которых обычно необходимо изменение ракурса наблюдения. Со-ветский исследователь Э.К. Фрадкин, впервые описав-ший этот прием, пытался с его помощью расшифровать символические изображения на тлинкитских церемони-альных погремушках шаманов и вождей [253, с. 91—110]. Однако предложенная им интерпретация вы-зывает серьезные сомнения: искусству тлинкитов никог-да не были свойственны эротические мотивы. Наоборот, шаманской практике при подготовке к любому обряду были присущи строгий пост и воздержание. По представ-лениям индейцев, за несоблюдение целомудрия духи могли покарать шамана и даже убить его [8, с. 65].

Многие предметы домашнего обихода (не говоря уже о церемониальных), оружие, дома, каноэ, маски и т.д. покрывались различными рисунками, гравировкой, резь-бой. Особенно известными произведениями искусства, выполненными в “классическом” стиле Северо-Западно-го побережья, являются знаменитые тотемные столбы. Такие столбы выставлялись нередко перед домами выда-ющихся вождей или на кладбищах, причем в последнем случае на них (или в них) могли помещаться ящики с прахом покойного. Резные столбы могли быть включены в фасад дома как элементы конструкции: от одного до трех. Однако в целом тотемные столбы для тлинкитов были несколько менее характерны, чем для хайда и цимшиан.

Следует сказать, что сам термин “тотемный столб” не всегда корректен, поскольку изображения на таких столбах могли соотноситься с мифом или каким-либо важным событием из истории рода, а не воспроизводить собственно тотем [233, с. 321]. Подлинно тотемные столбы выставлялись обычно лишь у могильных домиков и представляли собой фигуры тотемов соответствующего рода (Орла, Волка, Касатки, Лягушки и т.д.). Так, Дж.Р. Свэнтон описал столб, воздвигнутый в честь вож-дя чуканеди Дахукета, который состоял из двух главных элементов. Один из элементов — это фигура мифиче-ского существа Шаканайи (“Горного Жителя”) — вели-кого охотника, считавшегося чуканеди и служившего

Резные тлинкитские столбы

1 — один из опорных столбов в зимнем доме рода дешитан, изображающий сверхъестественного Бобра, который, согласно легенде, с помощью чудесного лука (зажатого в правой руке фигуры) убил вождя рода (его перевернутое лицо — знак смерти — помещено между ног Бобра) и ударом хвоста разрушил селение; 2 — тотемный столб рода чуканеди, который видел и зарисовал А. Краузе в куане Хуна в начале 1880-х гг.; 3 — могильный тотемный столб того же рода, в котором помещен прах одного из вождей чуканеди — Дахукета. Центральными изображениями на двух последних столбах являются Орел (фратриальный тотем, помещенный вверху) и мифический Горный Житель — Шаканайи — с его собакой (Шаканайи считался тотемом чуканеди).

этому роду тотемом. Второй (верхний) элемент столба — изображение Орла (фратриальный тотем). Ящик с прахом Дахукета был помещен в отверстие на “спине” Шаканайи.

Кроме “классического” стиля Северо-Западного побережья тлинкиты использовали также линейный геометрический орнамент, которым женщины украшали корзины. Такой узор имел декоративное назначение и практически не нес смысловой нагрузки (см. [53, 230, с. 76]).

Наряду с символическим и абстрактным стилем в прикладном искусстве тлинкитов существовало и реалистическое направление. Так, отдельные произведения, как, например, боевой шлем “Голова парализованного”,

хранящийся в Музее естественной истории в Нью-Йорке, поражают своей реалистичностью.

Итак, на основании изложенного материала можно сделать вывод, что к моменту первых контактов тлинкитов с европейцами их общество прошло довольно длительную эволюцию. Индейское рыболовное хозяйство обеспечивало уже получение прибавочного продукта, что стимулировало развитие торговли, ремесла, возникновение имущественного и социального неравенства, в том числе наследственного рабства. Духовная культура отражала жизнь тлинкитского общества во всем ее многообразии. Начавшееся в конце XVIII в. освоение Аляски европейцами оказало существенное влияние на различные стороны жизни индейцев-тлинкитов, ускорив дальнейшее поступательное развитие их общества.

Глава 2

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТЛИНКИТОВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

1. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ (1741—1794 гг.)

1.1. Возможность контактов тлинкитов с тихоокеанскими мореплавателями до Второй Камчатской экспедиции. Не исключается возможность того, что еще до прихода европейцев на северо-западное побережье Америки тлинкиты могли контактировать с китайскими и японскими моряками. Так, например, одна из японских джонок, потерпевшая кораблекрушение, была занесена

течением на Алеутские острова в конце XVIII в., а в 1815 г. у побережья Калифорнии американский бриг "Форестер" столкнулся с японской джонкой, потерявшей мачты во время шторма. Эта последняя дрейфовала в океане 17 месяцев, из ее команды в 35 чел. в живых осталось только трое [97, р. 109]. Уже в наши дни возможность тихоокеанского плавания из Азии в Америку доказал английский моряк Брайен Плетт, который на азиатской джонке, построенной в Гонконге, сумел в 1959 г. пересечь северную часть Тихого океана [163, с. 98]. Однако, если даже японские или китайские моряки попадали когда-либо к тлинкитам, они не оставили заметного следа в их культуре и образе жизни.

Известно, что к побережью Аляски еще в XVI в. подходили испанские корабли. Это были манильские галионы, направлявшиеся с Филиппин в мексиканский порт Акапулько. Так, испанский капитан Франсиско Гали в 1584 г. приблизился к северо-западному побережью Америки на 57° 30' с.ш., хотя контакт с туземцами, очевидно, не состоялся. Другой испанский капитан, Педро де Унамуно, в 1587 г. также плывал в северных широтах у побережья Америки [101, р. 11—12; 268, р. 7]. Вероятно, именно испанцы были первыми европейцами, с которыми тлинкиты вступили в непосредственный контакт. Во всяком случае, на предания об этом у тлинкитов ссылался в свое время архимандрит Анатолий [1, с. 3].

С другой стороны, в легендах якутатских тлинкитов, собранных Ф. де Лагуной, в качестве первых европейцев, с кем встретились индейцы, были русские, точнее, русская женщина: она попала к тлинкитам на выброшенном на берег судне, из команды которого она одна осталась в живых. Позднее она вышла замуж за индейца [104, pt 1, р. 233, 256].

Однако все эти возможные контакты не оказали никакого влияния на судьбу тлинкитов, и лишь "официальное" открытие Аляски в 1741 г. экспедицией Беринга и Чирикова имело для них далеко идущие последствия.

1.2. Вторая Камчатская экспедиция и продвижение русских на Алеутские острова. Вторая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова явилась логическим завершением того грандиозного похода "встречь солнцу", начало которому положил Ермак. Вслед за ним в Сибирь ринулись российские авантюристы и промышленники за "мягкой рухлядью", как тогда называли пушнину,

попутно “приводя под высокую государеву руку” местные племена и собирая с них ясак.

В начале XVIII в. западное побережье Тихого океана было уже хорошо известно русским, и промышленников манили неизведанные земли дальше на Востоке, о которых среди местного населения Чукотки ходили смутные слухи [246, с. 46—52]. Царское правительство внимательно следило за предпринимательской деятельностью промышленников и купцов и выступило со своей стороны инициатором исследовательских экспедиций М.С. Гвоздева — И. Федорова (1732 г.) и В.И. Беринга — А.И. Чирикова (1728 г., 1741—1742 гг.). Именно Вторая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова в июне 1741 г. открыла побережье Юго-Восточной Аляски, положив тем самым начало истории “Русской Америки”.

Тогда же состоялась первая встреча русских с тлинкитами. У 57° 50′ с.ш. к пакетботу “Св. Павел” под командованием А.И. Чирикова подходили две тлинкитские лодки, но контакт между русскими и индейцами был чисто визуальным, так как тлинкиты не приставали к кораблю, а лишь голосом и жестами приглашали русских следовать за ними к берегу (у этого берега за несколько дней до того бесследно исчезли бот и шлюпка с 15 моряками, судьба которых до сих пор не известна) [40, с. 51—60; 232].

Чуть позднее к американскому побережью у о-ва Каяк (59° 40′ с.ш.) подошло судно “Св. Петр” командора Беринга. Русские моряки высаживались на остров, где обнаружили хижину и некоторые предметы быта туземцев, но встретиться с ними самим русским так и не удалось [62, с. 263, 271—272]. По мнению Ю.П. Аверкиевой, местными жителями должны были быть индейцы тлинкиты [140, с. 141]. Однако сведения первых русских путешественников, посетивших этот район после Беринга, а также археологические раскопки XX в. опровергают это утверждение [75, с. 96; 291, S. 873—874]. Туземцы, приезжавшие на о-в Каяк во время экспедиции Беринга, были, очевидно, эскимосами чугачами или индейцами эяками.

При возвращении на родину экипажи обоих пакетботов Второй Камчатской экспедиции побывали в районе о-ва Кадьяк и Алеутских о-вов. Из этого трудного и опасного плавания моряки привезли множество шкур пушных зверей, в том числе несколько сот шкурок морского бобра, мех которого пользовался особым спросом в Китае.

Ценная пушнина и рассказы моряков об открытых на востоке землях вызвали живой интерес у камчатских мореходов, купцов и промышленников: “Молва о богатствах сей новооткрытой страны, — писал видный российский историк В.Н. Берх, — возбудила предприимчивый дух Сибирского купечества, а рассказы спутников Беринга и Чирикова воспламенили еще более желание обогатиться бобровыми шкурами” [5, с. 1]. Уже в 1743 г. к острову, получившему название о-в Беринга, отправляется на промысел первое судно, за которым последовали другие, открывая новые острова и продвигаясь все дальше на восток вдоль Алеутской гряды.

Около сорока лет осваивали русские Алеутские о-ва. Местные жители (алеуты) были покорены и обложены ясаком. Любое их сопротивление подавлялось, и нередко с большой жестокостью (см., напр.: [71, с. 86—90, 144]). Из свободного и воинственного народа, какими были алеуты до прихода европейцев (см. [200, с. 85—86]), они превратились в бесправных и зависимых людей, о которых П.Н. Головин писал: “Теперь Алеуты самый смиренный и, можно сказать, убитый духом народ” [16, № 6, с. 292]. Жалобы алеутов царскому правительству на гнет и притеснение русских промышленников оставались фактически без ответа. Уделом их (а позднее и обитателей о-ва Кадьяк) стали тяжелый и опасный труд на морских промыслах по добыче морского бобра (калана) и практически крепостная зависимость от русского колониального начальства. Под влиянием колонизации традиционная алеутская культура претерпела определенные изменения. В то же время русские охотно использовали ее отдельные элементы, и прежде всего отработанные веками навыки байдарочной охоты за морским зверем. Из покоренных алеутов стали создаваться байдарочные флотилии — промысловые партии под началом русских промышленников. В 1784 г. рыльский купец Г.И. Шелихов основал на о-ве Кадьяк поселение, послужившее базой для дальнейшего исследования и освоения Юго-Восточной Аляски. Отсюда русские предпринимали торгово-промысловые экспедиции в различных направлениях и рано или поздно должны были встретиться с тлинкитами.

1.3. Испанцы и тлинкиты (1775—1791 гг.). Успехи русских в северной части Тихого океана встревожили испанское правительство, претендовавшее на все западное побережье Америки. В 1774 г. вице-король Новой Испании маркиз А.М. Букарелли снарядил морскую экс-

педицию на северо-западное побережье Северо-Американского материка, однако суда этой экспедиции не достигли Юго-Восточной Аляски. Лишь в следующем году (1775 г.) экипажу шхуны "Сонора" удалось добраться до островов архипелага Александра и установить первый непосредственный контакт с тлинкитами.

Сначала шхуна под командованием лейтенанта королевского военно-морского флота Хуана Франсиско де ла Бodega-и-Квадра обследовала зал. Букарелли-Бэй на западном побережье о-ва Принц Уэльский, где испанцы встретились с индейцами кайгани и, возможно, тлинкитами куана Хенъя. Затем "Сонора" направилась дальше на север и достигла о-ва Баранова. Штурман экспедиции Ф.А. Маурелле зафиксировал в своем журнале такие географические объекты, как гора "Сан-Хасинто" (Эджкумб), мыс "Кабо дель Энганьо" (мыс Эджкумб) и зал. "Энсенада дель Хусто" (зал. Ситка).

Когда испанцы высадились на берег, они заметили несколько индейских (тлинкитских) воинов, засевших неподалеку от дома, укрепленного частоколом. Тем не менее испанцы невозмутимо вкопали деревянный крест — символ испанского владычества, а другой выбили на скале. Индейцы же, внимательно наблюдавшие за торжественной церемонией, но не понимавшие ее смысла, через некоторое время выкопали деревянный крест и установили его у своего дома, уверовав, возможно, в его ценность. Надо сказать, что сами испанцы обращали мало внимания на местных жителей: их интересовала не торговля с индейцами, а "юридическое" закрепление прав испанской короны на новые территории. Во время немногих, в основном случайных, встреч, как отмечал Ф.А. Маурелле, тлинкиты получили от испанцев немного бисера и сукна [114, р. 34—37; 108, р. 100—102].

После захода к о-ву Баранова "Сонора" поднялась еще немного к северу (до 58° с.ш.), а затем повернула назад, так как среди членов экипажа было много больных [108, р. 103]. Не исключено, что именно экипаж "Соноры" занес на Северо-Западное побережье оспу, которая произвела среди индейского населения страшные опустошения.

Английский мореплаватель Н. Портлок, побывавший в августе 1787 г. на восточном побережье о-ва Чичагова (куан Хуна), отмечал, что местное туземное население было очень незначительно, вероятно, вследствие эпидемии оспы, следы которой он видел на лицах индейцев. Поскольку оспенных струпьев не было на лицах детей

моложе 12 лет, то Портлок полагал, что оспа была занесена испанцами, побывавшими в этих местах в 1775 г. [101, р. 21]. Об оспе, свирепствовавшей на Ситхе в 1770-х гг., рассказывал К.Т. Хлебникову один из старейших вождей Ситка-куана Сайгинах: в каждой семье тогда выжило не более одного-двух человек (сами же тлинкиты наивно полагали, что болезнь на них наслал Ворон в наказание за частые междоусобные войны) [72, с. 82].

Эпидемия оспы могла быть занесена на Северо-Западное побережье и другой испанской экспедицией (в 1779 г.), как считает американский историк У.Л. Кук [268, р. 79]. Эта экспедиция преследовала ту же цель, что и предыдущая: разведку и закрепление новых земель за испанской монархией. Два королевских фрегата — “Ла Принцесса” (официальное название “Нуэстра Сеньора дель Розарио”) и “Ла Фаворита” (“Виргин де лос Ремедиос”) — под командованием лейтенантов Игнасио Артеаги и Бodega-и-Квадры вновь заходили в зал Букарелли, где, по утверждению Ф. де Лагуны, испанцы торговали с тлинкитами Хенъя. Сообщается также, что они купили у последних трех мальчиков и двух девочек (очевидно, детей рабов) [104, pt 1, р. 111]. Затем суда почти без остановки проследовали вдоль побережья на север до залива Принс-Вильям и повернули затем на юг к берегам Калифорнии.

После этих двух испанских экспедиций, экипажи которых имели эпизодические контакты с тлинкитами, с этими индейцами встречались еще лишь участники испанской кругосветной экспедиции Алессандро Маласпины в 1791 г. на корветах “Дескубьерта” и “Атревида”. На этот раз испанские моряки побывали у тлинкитов Якутата. За безделушки, металлические предметы, одежду испанцы выменивали свежую рыбу, пушнину и ремесленные изделия индейцев. К тому времени, по свидетельству А. Маласпины, тлинкиты были уже хорошо знакомы с европейцами, и прежде всего с английскими торговцами, и имели не только европейские топоры, котелки, одежду, но даже три книги и серебряную ложку, а молодые индейцы знали несколько английских слов [43, ч. IV, с. 168]. Якутатцы выменяли у испанских моряков столько одежды, что, глядя на их костюмы, по словам А. Маласпины, можно было подумать, что индейцы перебили команду какого-нибудь испанского судна и оделись в ее униформу [Там же, с. 177].

Поначалу между испанцами и тлинкитами складывались вполне дружественные отношения, которые, прав-

да, испортились после того, как индейцы выкрали куртку у одного из матросов. Этот инцидент едва не привел к открытому столкновению: напряженность в отношениях проявлялась неоднократно.

Простояв в Якутате с 1 мая по 6 июля 1791 г., испанские корветы снялись с якоря и отправились дальше на север, а затем возвратились в Нутку. На этом и закончились испано-тлинкитские контакты. Хотя испанцы были первыми европейцами, установившими непосредственный контакт с тлинкитами, их влияние на культуру и образ жизни индейцев было ничтожным. Испанцы не ставили своей целью торговлю с туземцами Юго-Восточной Аляски, равно как и поддержание с ними каких-либо иных связей. Как уже говорилось, для них важнее было исследовать эту территорию и попытаться закрепить ее за испанской короной. Однако Испания, не имевшая достаточных экономических, политических и военных сил для подкрепления своих притязаний на Северо-Западное побережье, была вскоре вытеснена из этого региона своей давней соперницей — Англией¹.

Касаясь контактов тлинкитов с европейцами, Ю.П. Аверкиева ошибочно писала, будто в районе расселения тлинкитов побывали такие испанские капитаны, как Габрильо (1542 г.), Л.Ф. де Мальдонадо (1588 г.), Хуан де Фука (1592 г.), де Фонте (1640 г.). Неверно также ее утверждение о контактах с тлинкитами испанского капитана Хуана Переса (1774 г.) и английского капитана Дж. Кука (1778 г.) [140, с. 141]. В этом можно убедиться, познакомившись, например, с фундаментальной работой американского историка У.Л. Кука об испанских экспедициях на Северо-Западное побережье [268], а также изучив записки самого капитана Дж. Кука [36].

1.4. Взаимоотношения тлинкитов с французскими, английскими и американскими скупщиками пушнины. Начало экспансии англичан на Северо-Западном побережье связано с именем капитана Дж. Кука. В 1778 г. он прошел вдоль всего Северо-Западного побережья от о-ва Ванкувер до Кенайского (Кука) залива². По пути на родину спутники знаменитого капитана с большой выгодой продали в Китае шкурки каланов, приобретенные у индейцев нутка на о-ве Ванкувер. Привлеченные огромными прибылями вслед за Куком с 1785 г. на Северо-Западное побережье потянулись английские скупщики пушнины. Торговые экспедиции капитанов Ханна, Мирса, Диксона, Портлока стали прологом ежегодных плава-

ний сюда английских купцов, скупавших у индейцев меха, которые они затем выгодно перепродавали в Китае. Однако первыми после испанцев в непосредственный контакт с тлинкитами вступили все-таки не англичане, а французы.

В июле 1786 г. в зал. Льюта зашли два французских фрегата, которыми командовал знаменитый мореплаватель Ла Перуз. В тлинкитской легенде, рассказывающей об этом событии, говорится, что индейцы приняли суда Ла Перуза за гигантских черных птиц с белоснежными крыльями и, решив, что это Йэл вернулся к людям, в страхе бежали в леса. Через некоторое время один старик отважился подплыть на каноэ к судну Ла Перуза и был дружески встречен французами. После его благополучного возвращения тлинкиты начали меновую торговлю с моряками французских кораблей [111, р. 121—122].

Как писал сам Ла Перуз, для французов явилось большой неожиданностью то, что индейцы очень хорошо разбирались в торговых делах и не уступали в этом европейским купцам. У индейцев французский капитан видел ожерелье из бус, маленькую латунную безделушку — вещи, по мнению Ла Перуза, русского происхождения.

Тлинкиты, как сообщал Ла Перуз, оказались не только опытными торговцами, но и отменными ворами. Они умудрились выкрасть у спящих в палатке французских офицеров одежду, спрятанную под подушки, и оправленный серебром мушкет. При этом палатку охраняли 12 часовых [108, р. 370—372].

Сам Ла Перуз был убежден, что открытый им залив будет закреплен за французской короной и дал даже ему название “Порт Французов”. Кроме того, он приобрел у индейцев маленький островок в устье залива, за что индейцы получили несколько метров красного сукна, топоры, тесла, бруски железа и гвозди [108, р. 375]. Моряки экспедиции Ла Перуза выменяли во время стоянки в зал. Льюта у индейцев около 600 шкурок калана, а затем французские фрегаты ушли к берегам Азии.

Через несколько лет после экспедиции Ла Перуза с тлинкитами торговал другой французский капитан — Этьен Маршан на корабле “Ла Солид”. В августе 1791 г. “Ла Солид” вошел в Ситхинский залив, где французы скупали пушнину у местных индейцев Ситка-куана. Всего же до конца XVIII в. на Северо-Западном побережье побывало не более четырех французских судов.

[97, р. 12, 16, 18]. Французам так и не удалось создать сколько-нибудь существенной конкуренции английским торговцам: начавшаяся Великая французская революция (1789—1794 гг.), блокада берегов Франции английским флотом и серия наполеоновских войн сделали невозможным регулярное посещение северных вод Тихого океана кораблями под французским флагом. Поэтому влияние французов на культуру тлинкитов было крайне незначительным.

Англичане на год позднее вступили в непосредственный контакт с тлинкитами. Весной 1787 г. английский капитан Дж. Мирс по пути из залива Принс-Вильям в Нутку останавливался у мыса Эджкумб и торговал с тлинкитами Ситка-куана [101, р. 20]. В мае — июне того же года с якутатцами и ситкинцами торговал другой английский капитан — Дж. Диксон. В 1788 г. у тлинкитов побывали еще три английских капитана — Дж. Колнетт, Н. Портлок и У. Дуглас. За металлические изделия, материю, одежду и безделушки англичане приобретали у индейцев тысячи шкур калана и других пушных зверей [104, рт 1, р. 125—132].

После этих экспедиций суда английских скупщиков пушнины стали все чаще появляться в водах Юго-Восточной Аляски. С 1785 по 1794 г. на Северо-Западном побережье побывало 35 британских кораблей [97, р. 59]. До середины 1790-х гг. британские купцы были главными европейскими торговыми партнерами тлинкитов, и их товары значительно преобладали по сравнению с продукцией других европейских государств и США, попадавшей в руки индейцев.

Стремясь упорядочить сведения о северо-западном побережье Северной Америки и — в перспективе — предъявить на него свои права, правительство Англии в 1791 г. снарядило кругосветную экспедицию Дж. Ванкувера, которая в 1793—1794 гг. побывала в районе Юго-Восточной Аляски. Исследуя архипелаг Александра, Ванкувер отмечал, что местные индейцы были уже хорошо знакомы с европейскими товарами и имели даже ружья, карабины и пистолеты. Участники этой экспедиции также торговали с местными жителями, но товарообмен не был главной целью экспедиции. Тлинкиты различных куанов по-разному относились к британским морякам. Так, взаимоотношения между англичанами и тлинкитами Стикин-куана носили дружественный характер, а индейцы куана Чилкат, напротив, пытались однажды атаковать гребные суда экспедиции [7, кн. 5, с.

468—474]. Ванкувер особо отмечал воинственность жителей Юго-Восточной Аляски и с сожалением писал о том, что, получив от европейских купцов огнестрельное оружие, они стали еще опаснее [Там же, с. 510]. В основе этой враждебности индейцев были, по мнению Ванкувера, нечестные методы ведения торговли европейцами [7, кн. 5, с. 237—250].

Оружие тлинкитам поставляли не только соотечественники Ванкувера, но и американские торговцы, так называемые “бостонцы”, появившиеся на Северо-Западном побережье в конце 1780-х гг. Всего до 1795 г. в этом районе побывало 15 кораблей под флагом США [97, р. 6—24]. Часть из них, несомненно, плавала также в водах Юго-Восточной Аляски, и их экипажи имели контакты с тлинкитами, что нашло отражение в индейских преданиях [121, р. 87—88].

1.5. Тлинкиты и русские (1788—1794 гг.). Как уже говорилось, впервые русские встретились с тлинкитами во время Второй Камчатской экспедиции (1741 г.), о чем сохранилась запись в судовом журнале А.И. Чирикова. Следующее упоминание о тлинкитах появляется в 1783 г. в судовом журнале П.К. Зайкова, зимовавшего в Чугатском (Принс-Вильям) заливе. Побывавший на судне Зайкова чугач сообщил ему о “колюшах”, живших к юго-востоку от Чугатского залива [66, ч. II, Прил., с. 7]. Речь в данном случае шла, надо полагать, об индейцах Якутата — самом северном куане тлинкитов.

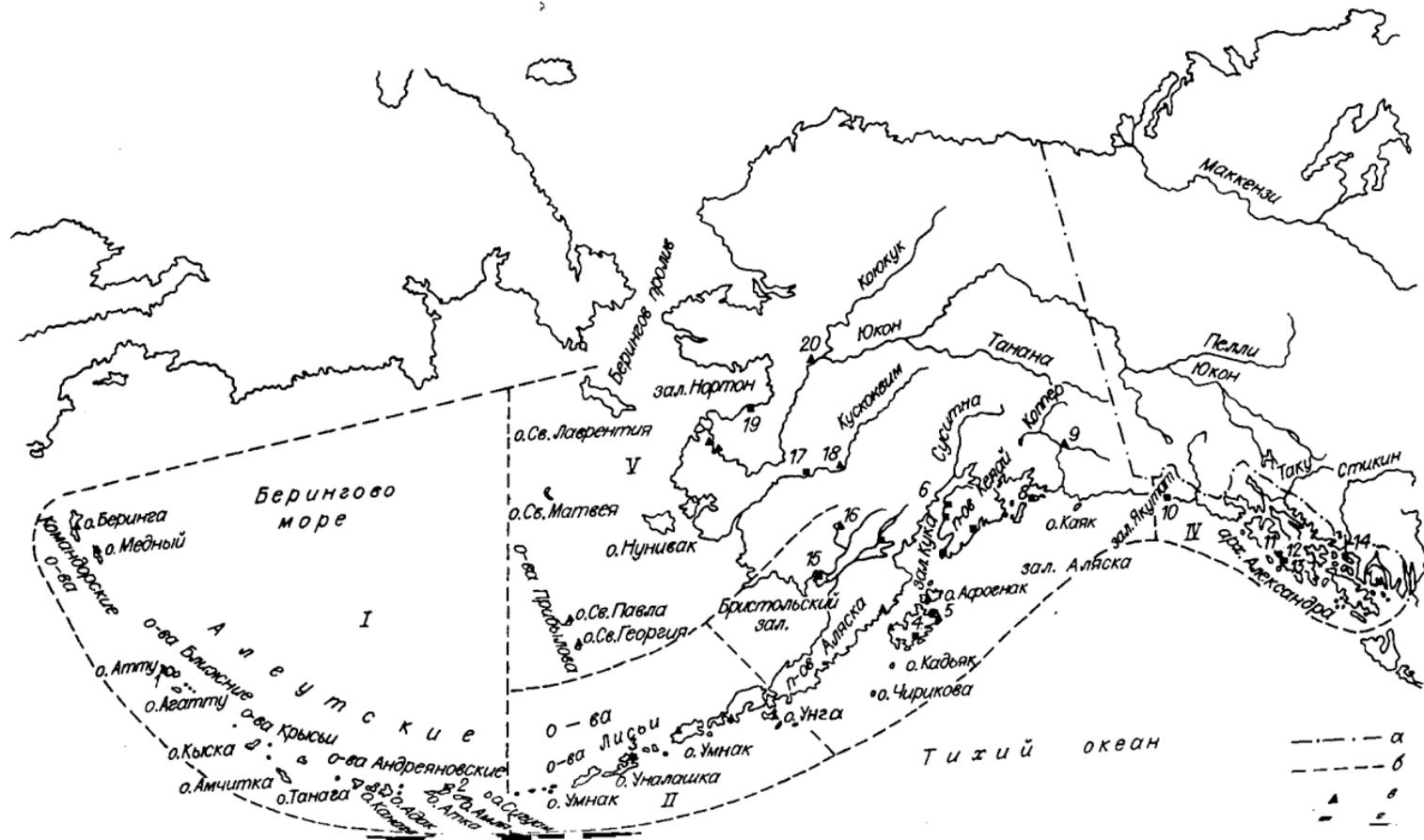
Обосновавшийся в 1784 г. на о-ве Кадьяк Г.И. Шелихов, подчинив себе местных жителей — конягов, деятельно приступил к изучению и освоению близлежащего побережья материка. С 1786 г. русские уже основывают укрепленные фактории на п-ове Кенай и исследуют прилегающие районы [246, с. 112—117].

В 1788 г. по предписанию иркутского генерал-губернатора И.В. Якоби, поддерживавшего все начинания Г.И. Шелихова по освоению Америки, галиот “Три Святителя” под командованием Д.И. Бочарова и Г.Г. Измайлова отправился с о-ва Кадьяк на юго-восток для обследования Северо-Западного побережья. Участники экспедиции побывали в заливах Якутат и Льюа, на берегах которых располагались тлинкитские селения. Между моряками галиота и туземцами установились дружественные отношения и завязалась торговля. У индейцев русские приобрели тогда не только различные меха, но и двух мальчиков-рабов (один из них был кадьякцем, а другой происходил, видимо, из индейского племени цим

шиан). Посетившим судно тлинкитским вождям были вручены медные российские гербы, а “главному тоену” (вождю) Якутата Илхаку — также портрет наследника Павла [75, с. 99—111]. Ф. де Лагуна полагает, что Илхак (Йэлхок) не являлся главой куана Якутат, а был вождем очень высокого ранга чилкат-канахтеди (в Якутат он прибыл, по всей вероятности, для торговли) [104, pt 1, p. 135]. И действительно, имя Йэлхок, или Йэлгок, было одним из самых почетных имен чилкат-канахтеди. Его носил вождь Дома Кита из чилкатского селения Клакван [86, p. 74; 119, p. 46]. Не исключено, что Йэлхок был чилкатцем, однако достоверных доказательств этого нет.

Экспедиция Бочарова — Измайлова 1788 г. имела большое значение для дальнейшего освоения русскими Аляски. Было подробно исследовано и закреплено за Россией побережье Американского материка от Чугатского залива до бухты Льюта. Впервые был установлен документально зафиксированный непосредственный контакт русских с тлинкитами и дано их этнографическое описание.

Как участники экспедиции, так и генерал-губернатор Якоби, а также сам Г.И. Шелихов полагали, что тлинкиты, приняв государственные гербы, стали подданными Российской империи [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 68, л. 1; 61, с. 299, 317; 75, с. 105]. Что же касается тлинкитов, то, на наш взгляд, вряд ли они расценивали принятие гербов как свое добровольное подчинение. Подчинение, в понимании индейцев, означало фактически рабство, и ни один свободный человек, в их представлении, добровольно не расставался со своей независимостью. Кроме того, несовершенство перевода³ и отсутствие в языке индейцев таких понятий, как “империя”, “самодержавная власть” и т.д., неизбежно приводили к непониманию речей русских. Можно предположить, что медный российский герб был воспринят индейцами как родовой тотем русских либо как дорогое (из редкого металла — меди) украшение. Торжественно подаренный портрет наследника Павла тлинкиты сочли, очевидно, за божество пришельцев, ибо Илхак в свою очередь преподнес русским железный амулет в виде головы Йэла — Ворона, мешочек с магической травой, изображение тотема и барабан — предметы не только, с точки зрения индейцев, ценные, но и имевшие для них религиозно-магическое значение. Иллюзии относительно того,

что тлинкиты добровольно стали подданными России, рассеялись уже через 4 года.

После экспедиции Бочарова — Измайлова 1788 г. в русско-тлинкитских отношениях наступил перерыв, в течение которого русские были заняты в основном освоением берегов Кенайского и Чугатского заливов. В 1792 г. правитель компании Шелихова — Голиковых, предприимчивый и энергичный А.А. Баранов, проводил исследование Чугатского залива, попутно “замиряя” его обитателей — чугачей. Баранова сопровождала партия из 150 двухключных байдарок (300 кадьякцев), 17 русских промышленников и галиот “Три Святителя” под командованием Г.Г. Измайлова. 20 июня Баранов расположился лагерем на о-ве Нучек (Хинчинбрук). В ночь с 20 на 21 июня лагерь русских подвергся неожиданному и неспровоцированному нападению тлинкитов⁴. Сражение продолжалось несколько часов. Вот как описывает А.А. Баранов начало этого столкновения: “В самую глубокую ночь пред зарею окружило нас множество вооруженных людей и со всех сторон начали колотье и резанье иноверцев [кадьякцев], и нас подкололи тут двух бросившихся со сна, хотя в карауле и стояло 5-ть человек, но они так близко подползли за мрачностью ночи, что усмотрели [их] уже в 10-ти шагах колющих в наши палатки, долго мы стреляли из ружей без успеха, ибо одеты они были в три и четыре ряда деревянными и плетеными куяками [доспехами] и сверху еще прикрыва-

Русская Америка: территориально-административное деление.

I — Атхинский отдел (центр — сел. Атхинское на о-ве Атка); *II* — Уналашкинский отдел (центр — сел. Гаванское на о-ве Уналашка); *III* — Кадьякский отдел (центр — сел. Павловская Гавань на о-ве Кадьяк); *IV* — Ситхинский отдел (центр — Ново-Архангельск на о-ве Ситха (Баранова)); *V* — Северный отдел (центр — Михайловский редут); *a* — государственная граница между владениями России и Великобритании в Северной Америке (с 1825 г.); *b* — граница между отделами — территориальными единицами Русской Америки; *в* — укрепленные селения и фактории (редуты, крепости); *г* — мелкие неукрепленные фактории и селения (одинокки, артели).

Арабскими цифрами обозначены наиболее существенные русские поселения на Аляске: *1* — селение Порта Чичагова; *2* — селение Атхинское (1795 г., 1826 г.); *3* — селение Гаванское (Доброго Соглашения, Иллилюк) (до 1800 г.); *4* — крепость, затем артель Трехсвятительская (1784 г.); *5* — укрепленное селение Павловская Гавань (1792 г.); *6* — Николаевский редут (1786 г.); *7* — крепость Воскресенская, затем преобразованная в одиночку (1793 г.); *8* — крепость Константина и Елены (Константиновский редут) (1793 г.); *9* — крепость Якутатская (Якутат) и селение Слав. россия (Новороссийск) (1796 г.); *10* — Медновская одиночка (1822 г.); *11* — крепость Св. Архистратига Михаила (Михайловская крепость) (1799 г.); *12* — Ново-Архангельск (1804 г.); *13* — Озерский редут (1810-е гг.); *14* — Дионисиевский редут (редут Св. Дионисия) (1833 г.); *15* — Ново-Александровский редут (1819 г.); *16* — Нушагакская одиночка (1830-е гг.); *17* — Колмаковский редут (1841 г.); *18* — Хулитнакская одиночка (1831 г.); *19* — Михайловский редут (1833 г.); *20* — Нулато (1839 г.).

(Владения Российско-Американской компании охватывали еще два отдела, не показанных на карте: Российский (центр — крепость Росс в Калифорнии) и Курильский отдел (центр — на о. Уруп).)

лись лосиными претолстыми плащами, а на головах со изображением лиц разных чудовищ претолстыя шишаки [шлемы], коих никаких ни пули ни картечи наши не пробивали и они подлинно в темноте страшнее самых адских чертей нам казались, и наблюдая совершенный порядок в движениях по голосу одного повелевающего стройно к нам приближались а часть только отделенная бегала туда сюда, причиняя вред нам и иноверцам... [66, ч. II, Прил., с. 37].

Сам Баранов едва не был убит в начале сражения. Его спасла лишь стальная кольчуга, которую он всегда носил под одеждой. Натиск индейцев сдерживал только огонь фальконета, из которого и стрелял Баранов. Партовщики-кадьякцы, видя, что их копья и стрелы бессильны против брони врагов, в панике разбежались. Часть из них бросилась к байдаркам и отвалила в море, другие кинулись к галиоту Измайлова, остальные в беспорядке теснились в лагере, мешая русским обстреливать противников из ружей и пушки. Битва продолжалась до рассвета: тлинкиты предприняли несколько атак, но в конце концов вынуждены были бежать, поскольку русским пришла подмога от Измайлова, оповещенного о нападении кадьякцами. Индейцы отступили к своим каноэ (Баранов свидетельствует, что их было шесть) и отплыли на них в море.

В этом столкновении с тлинкитами Баранов потерял двух русских и 9 кадьякцев (по данным К.Т. Хлебникова — 12 [71, с. 25]), а 15 человек было ранено. Кроме того, индейцы захватили в плен четырех заложников чугачей. Тлинкиты понесли более ощутимые потери только на поле боя было найдено 12 убитых воинов, а часть раненых и убитых индейцы, отступая, унесли с собой. В плен к русским попал смертельно раненный воин, который сообщил, что в атаке лагеря участвовали тлинкиты из Якутата и их союзники эяки, приезжавшие мстить чугачам за прошлогоднее на них нападение. На выступление против русских индейцы решились, полагая, что в случае победы смогут воспользоваться их имуществом. Раненый тлинкит сообщил также, что его отряд ожидает прибытия еще 10 каноэ с воинами для нападения на кенайцев. Это заставило Баранова немедленно сняться с лагеря и поспешить на Кадьяк для принятия мер предосторожности от возможного повторного нападения индейцев [Там же, с. 37—38].

Это первое столкновение с тлинкитами показало русским, что они имеют дело с серьезным противником

тлинкиты в течение нескольких часов выдерживали не только ружейный, но даже артиллерийский огонь. Они нападали не беспорядочной толпой, а стройными рядами, четко подчиняясь приказам военного вождя. Их защитные доспехи оказались достаточно эффективными, чтобы противостоять огню европейского оружия. Тлинкитов из Якутата и их союзников эяков в этом сражении было около 150 чел. (если считать, что в среднем на каждом каноэ было по 25 воинов), и хотя кадьякцев было по крайней мере в полтора раза больше, опыт показал, что они ненадежные соратники и в случае подобных нападений русским придется рассчитывать главным образом на себя.

У тлинкитов Якутата к середине XX в. не сохранилось преданий об этом столкновении с русскими. Во всяком случае, в монографии Ф. де Лагуны [104] отсутствуют указания на этот счет. Но можно предположить, что именно неудачный штурм лагеря русских и тяжелые потери замедлили быстрое до того продвижение тлинкитов в направлении Чугатского залива.

Нападечие тлинкитов задержало, но не остановило Баранова в намерении подчинить власти Российской империи все Северо-Западное побережье вплоть до о-ва Ванкувер. Уже в 1793 г. он посылает промысловую партию из 180 байдарок во главе с Е. Пуртовым к югу от Чугатского залива. Участники этой экспедиции доходили до залива Якутат, но установить контакт с тлинкитами так и не смогли из-за взаимного недоверия и подозрительности [ЦГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 352, л. 4 об.—5]. Следует отметить, что подавляющее большинство историков как в прошлом, так и в настоящем не упоминает эту первую промысловую партию, побывавшую в 1793 г. в районе Якутата. Обычно описания походов промысловых партий до Якутата и далее начинаются только с 1794 г.

В 1794 г. на промыслы с о-ва Кадьяк отправляется крупная партия из более чем 500 байдарок, на которых находилось около 1000 кадьякцев, аляскинцев и чугачей под начальством 10 русских во главе с Е. Пуртовым и Д. Куликаловым [66, ч. II, Прил., с. 60]. Партия доходила до залива Якутат, где кадьякцы промышляли бобров, а русские вели переговоры с тлинкитами куанов Якутат и Акой. Во время переговоров вождь якутатцев, по словам одного из офицеров экспедиции Ванкувера, который был очевидцем событий, “употребил все свое красноречие для определения точного протяжения гра-

ниц их земли и показания несправедливости русских убивающих и уносящих оттуда морских выдр“ [7, кн. 5, с. 438]. Русские, со своей стороны, стыдили тлинкитов за беспричинное нападение в 1792 г., требовали возвращения четырех пленных чугачей и спрашивали о судьбе медного герба, оставленного ими в Якутате в 1788 г. Тлинкиты сознались в нападении, а о пленных они сообщили, что те проданы “далее бухты Чилхат“ (по-видимому, в куан Аук или Хуцнуву) и там умерли. Герб же, по их словам, после смерти Илхака был продан чилхатцам и был ими сломан [66, ч. II, Прил., с. 64—65]. Хотя переговоры кончились заверениями в дружбе, уже через несколько дней отношения русских с якутатцами обострились: индейцев раздражало браконьерство партовщиков, а также то, что русские привели с собой давних врагов якутатцев — чугачей. Кроме того, недовольство индейцев мог вызвать почти полный отказ русских от торговли с ними (русские сами испытывали недостаток в европейских товарах). Как бы то ни было, якутатцы захватили несколько кадьякцев, а Пуртов, в свою очередь, задержал три каноэ с индейцами, требуя возвращения пленных. После длительных переговоров при посредничестве тлинкитов куана Акой почти все захваченные кадьякцы были отпущены в обмен на индейцев. 3 июля партия отправилась на Кадьяк, захватив с собой 15 аманатов от эяков и тлинкитов куанов Якутат и Акой [Там же, с. 83]. У якутатцев осталось на зимовку 4 заложника кадьякца.

Промысловая экспедиция Е. Пуртова 1794 г. в Якутат явилась прологом для основания на землях тлинкитов русских поселений. Продвижение русских в Юго-Восточную Аляску предопределялось тремя причинами: 1) политическим фактором, 2) истреблением морского зверя на старых промысловых угодьях, 3) конкуренцией купеческих компаний [246, с. 112—120]. По времени экспедиция Пуртова совпала с экспедицией Ванкувера, которая была своеобразным итогом географического, отчасти и этнографического изучения Юго-Восточной Аляски начиная со времени плавания Беринга и Чирикова.

1794 г., по существу, завершал период первых контактов тлинкитов с европейцами. За предыдущие девятнадцать лет индейцы встретились с испанцами, французами, англичанами, русскими и американцами. Уже начиная с самых ранних контактов индейцы все больше стали втягиваться в морскую пушную торговлю, которая

связывала Северо-Западное побережье с формирующимся мировым рынком. Европейско-тлинкитские контакты протекали в основном в форме товарообмена. Косвенное влияние на них оказывала политическая борьба европейских держав за господство в северной части Тихого океана. Изоляция революционной Франции и вытеснение Испании с Северо-Западного побережья к середине 1790-х гг. способствовали тому, что главное политическое противоборство за преобладание в этом регионе перешло к России, Англии и США.

2. ОСНОВАНИЕ НА ЗЕМЛЯХ ТЛИНКИТОВ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И КОНТАКТЫ ТЛИНКИТОВ С АНГЛИЙСКИМИ И АМЕРИКАНСКИМИ СКУПЩИКАМИ ПУШНИНЫ (1795—1801 гг.)

2.1. Основание русской крепости и селения у залива Якутат (1796 г.) и исследование русскими архипелага Александра. После успешной экспедиции в Якутат в 1794 г. А.А. Баранов, согласно предписанию Г.И. Шелихова [61, с. 338—345], решил основать там постоянное русское поселение. По замыслу Шелихова, это поселение должно было стать земледельческой житницей Русской Америки и — в перспективе — ее столицей. Для развития хлебопашества и скотоводства предполагалось расселить на новом месте до 30 семей сибирских поселенцев (“посельщиков”).

Весной 1795 г. Баранов отправил промысловую партию в Якутат под командованием Пуртова и Кондакова, а затем и транспорт с людьми для устройства поселения. Партия в Якутате была враждебно встречена тлинкитами и, не останавливаясь, проследовала дальше вдоль побережья на юг, а судно с поселенцами, так и не достигнув Якутата, вернулось на Кадьяк [69, с. 28]. Причина враждебности якутатцев, по сведениям Д. Тарханова, состояла в самовольном использовании партовщиками индейских охотничьих угодий [ОР ГПБ, Сб. Q. IV. 311, л. 12].

В августе 1795 г. Баранов сам прибыл в Якутат. Встреченный поначалу тлинкитами враждебно, “дерзко”, писал К.Т. Хлебников, Баранов решил продемонстрировать перед ними силу и меткость русских ружей и пушек, после чего, как он отмечал сам, русские “начали жить с ними дружески” [69, с. 28].

В Якутате Баранов вел переговоры с главным вождем и скупал у индейцев пушнину. Распустив бывших индейских аманатов, взятых в Якутате Пуртовым в 1794 г., Баранов вытребовал у тлинкитского вождя сына (скорее всего — племянника) в заложники. Вместе с ним Баранов оставил у индейцев девять русских и трех кадьякцев (под начальством унтер-офицера Корпуса горных инженеров Д. Тарханова) и алеутку-толмачку [ОР ГПБ, Сб. Q. IV. 311, л. 5—8; 167, с. 91].

Из Якутата Баранов отправился на юг, в проливы архипелага Александра. В августе—октябре он побывал в проливе Кросс, Линн-Канале и у о-ва Ситха, где встречался и торговал с тлинкитскими вождями [69, с. 29; 66 ч. I, с. 52—53]. К.Т. Хлебников, основываясь, очевидно на неизвестных нам документах Баранова, воспроизводит характеристику, которую последний дал местным жителям после более близкого знакомства с ними: "...сии народы многолюдны, сильны, дерзки и, имея склонность к мене и торговле, сделались промышленны и трудолюбивы. Они способны перенимать обычаи Европейские и, при врожденной смышленности и уме, скоро принялись за огнестрельное оружие" [69, с. 30—31].

Одновременно с Барановым в проливах архипелага Александра плавал пакетбот "Орел" под командованием Я.Е. Шилдса [64, с. 89; 70, с. 41]. Это было первое основательное исследование русскими архипелага Александра, острова которого были открыты еще в 1741 г. капитаном Чириковым.

Весной 1796 г. в Якутат опять была послана промысловая партия из 450 байдарок, которая доходила до залива Льюта. На этот раз между якутатцами и партовщиками не было трений, поскольку последние обратились к индейцам с просьбой разрешить промысел в их угодьях и пропустить партию на юг, на что получили согласие [ОР ГПБ, Сб. Q. IV. 311, л. 12]. И все же промысел и в этом году не обошелся без инцидента: на обратном пути партии на Кадьяк тлинкиты захватили в плен двух кадьякцев [71, с. 25].

В конце июня 1796 г. в Якутат на куттере "Ольга" прибыл Баранов, а на судне "Три Святителя" посельщики во главе с приказчиком И.Г. Поломошным [64, с. 90 с. 34—36]. Русские, оставленные в Якутате под начальством Тарханова, благополучно перезимовали, хотя и испытывали постоянно недостаток продовольствия. Два месяца Баранов со своими людьми занимался строительством

ством крепости и селения у залива Якутат⁵. Это было первое поселение европейцев на землях тлинкитов.

Индейцы, видя, что на их территории начинают селиться русские, решили установить с ними добрососедские отношения: в этот период они, видимо, опасались столь многочисленных и хорошо вооруженных пришельцев. С большой церемонией к Баранову в сопровождении своих сородичей явился “главный тоен“ Якутата [66, ч. I, с. 54—55]. Это был, очевидно, вождь рода куашккуан — самого могущественного в районе Якутата [104, pt 1, p. 223]. Судя по документам, его звали Хаткеек или Хаткейк, в письмах Баранова он упоминается как “Старик“ или “Тоен“ [ЦГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 352, л. 12 об.; ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 10; 32, с. 118].

Во время торжественной встречи Баранов, не довольствуясь заверениями в дружбе, попросил у старого вождя дать в качестве аманатов его родственников. Не исключено, что именно под нажимом Баранова старый вождь передал власть своему племяннику, которому Баранов выдал специальную бумагу, утверждавшую его в этом звании [66, ч. I, с. 54—55]. Как нам удалось установить, новый вождь являлся тем самым заложником-аманатом, который был в предыдущем году взят на Кадьяк и там, очевидно, окрещен. В документах он упоминается как “тоен Федор“, крестным отцом которого был сам А.А. Баранов [ОР ГПБ, Сб. Q. IV. 311, л. 22; ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. Зоб., 10; 69, с. 103]. Можно полагать, что это был первый тлинкит, принявший православие. Расчет Баранова на то, что, приняв христианскую веру и пожив среди русских, главный вождь якутатцев будет проводником его политики среди индейцев, судя по всему, частично оправдался. В дальнейшем тоен Федор довольно лояльно относился к русским, и, возможно, именно благодаря его позиции лишь немногие члены рода куашккуан поддержали выступление тлахаик-текуеди против русских в 1805 г. [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. Зоб.].

Пробыв в Якутате около двух месяцев, Баранов взял у тлинкитов 11 новых аманатов и отправился с ними на Кадьяк [69, с. 36]. В то время как он занимался строительством поселения в Якутате, Шилдс на “Орле“ вновь ходил в проливы архипелага Александра. Во время своего путешествия он встретился с одним из главных вождей Ситка-куана, который жаловался ему на бесчинства английского капитана Г. Барбера. По словам индейца,

капитан пригласил его на свой корабль и угощал, а потом приказал заковать в кандалы и не отпускал до тех пор, пока тлинкиты не выкупили своего вождя за шкурки каланов [70, с. 42]. Очевидно, этот поступок был причиной захвата в плен индейцами одного из английских матросов, на выручку которого Барбер посылал вооруженную шлюпку [66, ч. I, с. 56]. Поведение Барбера было характерно для некоторых английских и американских капитанов, которые в погоне за наживой не стеснялись в выборе средств.

Для оставшихся в Якутате русских (около 80 чел.) зима 1796/97 г. обернулась трагедией: от цинги умерло 13 промышленников, 7 поселщиков и несколько женщин и детей [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 126, л. 2; 72, с. 41]. Бедственное положение новой колонии усугублялось еще и распрями в руководстве. В конфликт между начальником поселщиков Поломошным и главой промышленников С.Ф. Ларионовым были втянуты, очевидно, и якутатцы, поскольку, как писал сам Баранов, "народы тамошние с тайоном [Хаткееком] и Федором, заказывая, просят побывать мне самому и поставить лучший нежели ныне там порядок" [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 3, л. 7]. Насилие и грубое обращение с туземцами Поломошного и некоторых русских промышленников в Якутате очень отрицательно сказались на взаимоотношениях русских и индейцев, что признавал даже официальный историк РАК П.А. Тихменев [66, ч. I, с. 55]. В конце концов Баранов вынужден был отозвать Поломошного из Якутата, назначив начальником поселщиков Н. Мухина.

2.2. Основание русской крепости на о-ве Ситха (1799 г.). Якутат после основания там крепости и поселения превратился в перевалочную базу при движении партий на юг, в проливы архипелага Александра. В Якутате партовщикам раздавалось несколько десятков ружей для защиты от возможного нападения тлинкитов: сюда же партовщики свозили добытую на промыслах пушнину [21, ч. I, с. 122—124]. С 1797 г. байдарочные флотилии начинают совершать регулярные походы в район о-ва Ситха, окрестности которого изобиловали морским бобром, привозя оттуда сотни и тысячи каланьих шкур. Именно о-в Ситха был избран Барановым для создания новой базы к югу от Якутата в районе архипелага Александра. Новое поселение было необходимо для закрепления ранее исследованных территорий за Россией. Ускорить осуществление этого плана Баранов

заставили слухи об учреждении в Англии особой компании для торговли на Северо-Западном побережье [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 1, л. 4об.].

Поэтому весной 1799 г. А.А. Баранов на судне “Ольга” в сопровождении партии из нескольких сот байдарок отправился с Кадьяка на Ситху для основания поселения. Туда же были посланы еще два судна с необходимыми материалами и людьми.

Начало экспедиции, по данным Г.Г. Бэнкрофта, было для Баранова крайне неудачным: 2 мая у мыса Саклинг экспедиция потеряла 30 байдарок с 60 кадьякцами, утонувшими в бурунах на отмели, а вследствие внезапного нападения индейцев лишилась еще 30 партовщиков. Эти потери заставили партию, по утверждению Бэнкрофта, повернуть назад на Кадьяк [77, с. 386—387].

Следует отметить, что изложенные выше факты взяты из работы Г.Г. Бэнкрофта и совершенно отсутствуют в известных автору опубликованных источниках и архивных материалах. Однако сведения Бэнкрофта, видимо, достоверны, поскольку он цитирует в своей работе письмо А.А. Баранова (судя по стилю, подлинное), в котором описывается нападение индейцев у мыса Саклинг. Возможно, именно эти события отражены в легенде чугачей, записанной К. Биркет-Смитом⁶ и прокомментированной Ф. де Лагуной [104, pt 1, p. 169].

Так или иначе, согласно данным К.Т. Хлебникова [69, с. 48; 71, с. 42—43], в начале июля 1799 г. Баранов достиг о-ва Ситха, где уже находились два русских судна, и приступил к предварительным переговорам с тлинкитскими вождями об уступке участка земли для основания русского поселения. Вскоре переговоры были завершены, и 15 июля 1799 г. русские заложили первые строения крепости⁷, которую называли Св. архистратига Михаила (Михайловской) крепостью⁸. К осени строительство было еще не завершено, и Баранов остался здесь на зимовку с 30 русскими и 100—120 кадьякцами [69, с. 48].

Год основания поселения на Ситхе совпал со временем окончательного оформления созданной под эгидой государства Российско-Американской компании (РАК), которая должна была сочетать торговые функции с функциями колониального управления [246, с. 120—123; 250, с. 245]. На Аляске русские колонии возглавил А.А. Баранов, который был официально назначен глав-

ным правителем российских колоний в Америке в 1802 г.

Во взаимоотношениях с тлинкитами Баранов придерживался очень осторожной политики. Он прекрасно понимал, что обострять отношения с многочисленными, хорошо вооруженными и воинственными индейцами было опасно, тем более что силы русских на Ситхе были весьма незначительными. Поэтому с помощью угощений и подарков Баранов всячески стремился перетянуть тлинкитских вождей на свою сторону. Особым его вниманием пользовался вождь могущественного рода ситка-киксади Скаутлелт, которого русские звали Михаил. В то же время своим взаимоотношениям с индейцами Баранов стремился придать законный характер. Так, "одаренному и обласканному" Скаутлелту были вручены медный российский герб и "открытый лист" от 25 марта 1800 г., в котором говорилось о добровольной уступке русским места для поселения [69, с. 53—54]. Как и в Якутате, Баранов надеялся с помощью лояльно настроенных вождей если не подчинить себе индейцев, то, по крайней мере, нейтрализовать возможные враждебные акции с их стороны.

Несмотря на подарки и угощения, ситкинцы были, очевидно, недовольны водворением на их землях пришельцев. Уже на протяжении зимы 1799/1800 г. индейцы несколько раз приходили к крепости для плясок со скрытыми под плащами кинжалами, но осторожность Баранова и его людей предотвратила возможные столкновения [66, ч. II, Прил., с. 147; 70, с. 44].

Особенно беспокойными были приезжавшие на Ситху тлинкиты других куанов, о чем сообщал Г.И. Давыдов [21, ч. II, с. 110]. К.Т. Хлебников по этому поводу писал следующее: "Невзирая на доброе, по-видимому, согласие, беспрестанно почти у Колош возникали неудовольствия. Приезжающие из отдаленных мест упрекали Ситхинских, что они поработили себя Русским. Смеялись над ними, хвалились своею свободою и выискивали случай заводить ссоры и нагло обижать Русских и Алеутов" [69, с. 53—54].

На пасху 1800 г. Баранов послал к индейским вождям свою толмачку с приглашением прибыть на праздник в крепость, но посланная была ограблена, побита и изгнана из тлинкитского селения приезжими индейцами. Баранов решил пресечь подобные провокации, не обостряя, однако, слишком отношений с туземцами. Всего с 22 русскими при двух фальконетах он смело явился в

селение тлинкитов-ситка, в котором находилось около 300 хорошо вооруженных воинов. “Мы проследовали маршем среди всех к жилищу тех виновников, о коих сказано нам было, что готовы стоять к сопротивлению, — писал Баранов, — но, сделав только два залпа, нашли только несколько стариков, а прочие разбежались...” [66, ч. II, Прил., с. 147]. Залпы были сделаны лишь для устрашения, никто от них не пострадал. Баранов собрал вождей и заставил виновных просить “извинений”. Затем последовали взаимные подарки и заверения в дружбе. Этот поступок очень высоко поднял авторитет Баранова среди индейцев.

В апреле 1800 г. А.А. Баранов отправился на Кадьяк, назначив начальником Михайловской крепости В.Г. Медведникова. Правитель русских поселений в Америке неустанно проводил политику “мирного сосуществования” с тлинкитами. В “наставлении” Медведникову Баранов требовал от него и его подчиненных соблюдения величайшей осторожности при контактах с тлинкитами и поддержания с ними мирных отношений: “При нынешних наших малочисленных обстоятельствах удаляться и избегать должно и сносить терпеливо маловажные досады, от грубости и невежества народов [тлинкитов] происходящие...ни малейшей вещи от них без торгу, а колми паче без заплата брать, или присваивать всемерно удерживаться и не кому не позволять рекомендуемую еще в дополнение тойонов...приемом отличать, и когда что случится, кормить... судя, что занятие нами мест их требует и от нашей стороны немалой благодарности” [32, с. 96—98]. Действительно, было опасно обострять отношения с многочисленным индейским народом, тем более что число русских в Америке было очень незначительно — менее 300 человек⁹.

С основанием крепости на Ситхе промысел калана в районе архипелага Александра регулярно вели две байдарочные партии. Каждую весну с Кадьяка в проливы отправлялась крупная промысловая партия (250—450 байдарок), которую называли “главной”, “дальней” или “колюжской”. Другая партия формировалась при Михайловской крепости (90—120 байдарок) и называлась “ситхинской” партией.

В 1801 г. “дальняя” партия под начальством ближайшего помощника А.А. Баранова — И.А. Кускова — обошла о-в Ситха, добывая морских бобров, в то время как “ситхинская” партия была послана на промысел в пролив Фредерик. Везде, где побывала “дальняя” пар-

тия, Кусков “обдарил и обласкал” тлинкитов, которые, по его словам, были настроены очень дружелюбно [70, с. 45]. Ничто, казалось, не предвещало тех трагических событий, которые разыгрались здесь через год.

2.3. Тлинкиты и пушная торговля на Северо-Западном побережье. В то время как русские исследовали и осваивали Юго-Восточную Аляску, в водах у ее побережья стали все чаще появляться суда английских и американских торговцев, скупавших у тлинкитов ценную пушнину. Во второй половине 1790-х гг. главными торговыми партнерами тлинкитов становятся американские шкиперы, захватившие доминирующие позиции в пушной торговле на Северо-Западном побережье, почти вытеснив из нее своих английских конкурентов. Так, в 1799 г. только в районе о-ва Ситха торговало пять американских судов: “Хэнкок”, “Диспач”, “Юлиссес”, “Элиза” (все из Бостона) и “Кэролайн” — и лишь одно английское судно “Чирфул” [260, р. 49; 287, р. 169]. Такое преобладание американских торговцев объяснялось тем, что английские капитаны должны были покупать лицензии на торговлю у Компании Южных морей, которая взяла на откуп британскую коммерцию на Тихом океане, и у Ост-Индской компании, монополизировавшей торговлю Англии с Востоком. Лицензии стоили дорого и допускали только продажу пушнины в Китае, но не разрешали импорт китайских товаров в Англию. Эту двойную лицензионную блокаду, отмечал Дж. Гибсон, оказалась не в состоянии устранить даже могущественная Компания Гудзонова залива [282, р. 155]. Американские же торговцы, не связанные никакими полуфеодальными и монополистическими ограничениями, развили на Северо-Западном побережье бурную предпринимательскую деятельность. Предлагая индейцам товары в большем ассортименте, чем это делали англичане, и в то же время ожесточенно конкурируя между собой, американские скупщики пушнины основательно подорвали торговлю британцев с тлинкитами. Английские торговцы жаловались Баранову в 1799 г., что американцы “отбили совсем их от торговли; на берегах тех прежде они покупали на 3 ар[шина] сукна по 2 бобра, а за ружье с немногими зарядами брали от 4-х до 6-ти бобров, а ныне как начали приходить бостонцы, торговля их совсем подорвалась и стало несходно и убыточно и впредь не надеются, кто бы пошел из их земляков из Кантона или Бенгал [на Северо-Западное побережье]” [66, ч. II, Прил., с. 145].

Именно американские торговцы стали в массе завозить на Северо-Западное побережье европейские товары и продукты, в том числе сукно, одежду, топоры, ножи, котлы, кухонную утварь и спиртные напитки [107, Vd II, S. 75]. Одной из самых популярных торговых статей продолжало оставаться огнестрельное оружие, которое американские купцы продавали тлинкитам прямо под стенами Михайловской крепости на Ситхе¹⁰, что, разумеется, не способствовало безопасности русского поселения. Правда, ружья тлинкитам служили не только на войне, но и на промысле дичи и пушнины, заменив собою лук и стрелы. Индейцам американские шкиперы продавали даже легкие пушки: А.А. Баранов только у ситкинцев видел в 1799 г. 4 фальконета [66, ч. II, Прил., с. 146].

Предприимчивость и тяга к спекуляции у американских торговцев были поистине удивительны. Заметив, что тлинкиты высоко ценят шкурки горностаев, они закупили их в России и вскоре так наводнили ими тлинкитский рынок, что цена на горностаев резко упала [21, ч. I, с. 176—177]. Другим примером изобретательности американских купцов может служить попытка нажиться на фарфоровых денталиях, специально заказанных в Англии. По форме, величине, цвету и блеску эти искусственные раковины очень походили на натуральные, но тлинкиты быстро разгадали подделку, и спекуляция сорвалась [107, Vd II, S. 113].

Стремясь собрать как можно больше пушнины, корабли американских торговцев крейсировали в проливах архипелага Александра, порой зимуя у тлинкитских селений. При товарообмене с индейцами морякам приходилось соблюдать величайшую осторожность, так как тлинкиты были воинственны и хорошо вооружены самими же американцами. Так, в 1798 г. чилкатцы атаковали английский шлюп “Дрэгон”, а когда в 1799 г. американское судно “Кэролайн” торговало в Ситхинском заливе, местные тлинкиты Ситка-куана предприняли несколько попыток захватить его, хитростью выманив команду на берег [97, р. 35; 77, р. 338]. Иногда такие акты враждебности были результатом провокаций и произвола со стороны предыдущих европейских визитеров (см. Документальное прил., с. 266). В целом же товарообмен между индейцами и скупщиками пушнины протекал, как правило, мирно, поскольку обе стороны были заинтересованы в поддержании взаимовыгодных связей. По словам Р. Фишера, европейские торговцы и индейцы яв-

лялись частями своеобразного экономического симбиоза, в котором никто не выигрывал от враждебности другой стороны [277, р. 47].

Что касается русских, то они в этот период почти не торговали с тлинкитами, так как не могли предложить индейцам широкого ассортимента европейских товаров (из которого по соображениям безопасности исключалось огнестрельное оружие). Предлагаемые тлинкитам товары стоили к тому же довольно дорого. Это было результатом хронического недостатка в русских колониях предметов европейского производства, что, в свою очередь, явилось следствием нерегулярности снабжения, больших транспортных издержек и злоупотреблений чиновников, ответственных за поставки необходимых товаров в русские поселения на Аляске. Поэтому товары, предлагавшиеся индейцам, были нередко куплены русскими на английских или американских кораблях. Из небольшого количества европейских товаров, попадавших к тлинкитам от русских, значительная часть являлась подарками вождям во время взаимных визитов, а не предметами товарообмена. Да и сами русские не были особенно заинтересованы в развитии торговли с тлинкитами, так как предпочитали получать пушнину у зависимых туземцев за гораздо меньшую плату.

В целом период с 1795 по 1801 г. характеризуется значительным учащением контактов тлинкитов с европейцами, расширением пушной торговли на Северо-Западном побережье и основанием на землях тлинкитов первых русских поселений (1796, 1799 гг.). В эти годы главными торговыми партнерами тлинкитов являются предприниматели из США, тогда как сами индейцы формально становятся российскими подданными, а их земли входят в состав Российской империи. Находясь на крайних восточных рубежах государства, тлинкиты вплоть до 1867 г. были самым "восточным" народом России.

3. ВОССТАНИЕ ИНДЕЙЦЕВ 1802 г.

ЕГО ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.

ВТОРИЧНОЕ ОСНОВАНИЕ РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

НА О-ВЕ СИТХА (1804 г.).

ЗАХВАТ ИНДЕЙЦАМИ ЯКУТАТА (1805 г.)

3.1. Восстание тлинкитов 1802 г. Его причины и последствия. В 1802 г., казалось бы, мирные русско-тлинкитские отношения были резко нарушены восстанием индейцев различных куанов, объединившихся для изгна-

ния русских со своей территории. Хотя эти драматические события уже неоднократно привлекали внимание исследователей [70, с. 40—56; 66, ч. I, с. 88—92; 153, с. 311—312; 222, с. 52; 226, с. 17; 77, р. 401—413; 101, р. 31; 104, pt 1, р. 170—173; 260, р. 50—51; и др.], до сих пор не выявлены в полной мере причины восстания индейцев 1802 г., соотношение противоборствовавших сил, их потери и последствия этого крупнейшего выступления индейцев для судьбы Русской Америки.

Непосредственным поводом для выступления индейцев послужило, на наш взгляд, убийство в 1801 г. партовщиками “ситхинской” партии вождя куана Кую, его жены и детей, а также содержание в кандалах русскими племянника вождя куана Хуцнуву за маловажный проступок с его стороны [ОР ГБЛ, 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 22; 32, с. 120]. Согласно тлинкитским преданиям, поводом для восстания послужило заключение русскими в тюрьму влиятельного шамана Стунуку из линиджа чилкат-кагвантан [84, р. 4].

Первой подверглась нападению тлинкитов “дальняя” партия под начальством И.А. Кускова. Это произошло 19 мая 1802 г. у устья р. Алсек. После ряда провокаций несколько сот индейцев (из куанов Акой, Хуна, Хуцнуву и, возможно, Чилкат) атаковали партию из 900 партовщиков и более десятка русских. Но атака была отбита. Потери с обеих сторон были очень незначительны: партия потеряла трех человек, а трое были ранены; у индейцев было десять убитых и много раненых [32, с. 108—111]. После нескольких неудачных попыток туземцев вновь напасть на партию было заключено перемирие. Для пополнения запасов продовольствия и боеприпасов Кусков вынужден был вернуться в Якутат. Через три недели он опять отправился с партией на промысел в проливы архипелага Александра.

В это время тлинкиты напали на Михайловскую крепость на Ситхе. Судя по рассказам очевидцев [66, ч. II, Прил., с. 174—180], нападение на крепость было неожиданным. Многочисленная толпа вооруженных тлинкитов во главе со Скаутлелтом в середине дня атаковала казарму, где успел укрепиться Медведников с половиной гарнизона, в то время как остальные русские были на промысле с “ситхинской” партией или находились по хозяйственным делам вне крепости¹¹. Индейцы, окружив казарму, открыли сильный ружейный огонь по окнам и начали выламывать дверь. На призывный крик Скаутлелта из-за мыса выехала крупная флотилия каноэ с во-

инами, которые присоединились к атакующим ситхинцам. Русские пытались отстреливаться, но не могли противостоять подавляющему превосходству нападающих. Вскоре двери казармы были вышиблены и, несмотря на прямой огонь пушки, стоявшей внутри, индейцам удалось проникнуть в казарму, поджечь и разграбить ее, перебив всех ее защитников. Сгорели и все остальные строения крепости и почти полностью построенное судно на берегу. Находившиеся в других местах русские и кадьякцы были почти все истреблены, а женщины и дети захвачены в плен. Через день индейцы уничтожили маленькую партию В. Кочесова, которая возвращалась в крепость с промысла сивучей. “Ситхинская” партия была атаквана в районе пролива Фредерик в ночь с 19 на 20 июня и полностью разгромлена индейцами [32, с. 114—121; 66, ч. II, Прил., с. 174—180; 70, с. 45—51]. Вот как описывает уничтожение “Ситхинской партии” К.Т. Хлебников, основываясь на рассказах современников событий: “Колоши, приготовленные, уже преследовали партию, и наблюдая движения оной, выжидали удобнейшего места и большей беспечности от утомленных трудными переездами алеут. Едва сии последние предались сладкому сну, как колоши в многолюдстве, но без шума, вышед из густого лесу, и во мраке ночи подойдя на близкое расстояние, быстро осмотрели стан, и потом с криком бросились на сонных; не дали им времени подумать о защите, и почти на повал истребили их пулями и кинжалами. Весьма немногие избегли поражения бегством, и скрылись в лесу; а все прочие остались жертвами на месте отдыха. «...» Совершив убийство, колоши выбрали из байдарок все бобровые шкуры, собрали все имущество алеут и переносили оные на баты, которые приехали туда на призывный крик из окрестностей, потом изрезали и переломали все байдарки. Они не имели сопротивления и ни один из них не лишился жизни; но, обогатясь добычею, разъехались с радостными криками по жильям” [70, с. 50—51]. По данным К.Т. Хлебникова, партия Урбанова потеряла убитыми 165 кадьякцев [71, с. 25].

Спустя несколько дней после падения Михайловской крепости в Ситхинский залив зашел бриг “Юниорн” английского капитана Г. Барбера, а затем еще два американских судна. А. Плотникову — одному из немногих оставшихся в живых — удалось спастись на английском бриге. Вскоре англичане подобрали еще одного русского и несколько кадьякцев, скрывавшихся на побережье ост-

рова. Через три дня после этого на бриг приехал Скаут-делт с племянником Катлианом для торговли. Барбер, известный своими авантюрами и жадной наживы, решил использовать создавшуюся ситуацию для собственного обогащения. Он приказал схватить обоих вождей, а от сопровождавших их индейцев потребовал возвращения всех пленных и пушнины, захваченных в разоренной крепости. В случае невыполнения этих условий Барбер угрожал повесить обоих вождей на нок-рее. Чтобы склонить туземцев к выполнению своих требований, английский капитан совместно с американскими шкиперами потопили картечью и ядрами несколько индейских каноэ. Немало индейцев было убито и утонуло, а часть оставшихся в живых американский капитан Дж. Эббет забрал к себе на судно и обменял на пленных кадьякских женщин [66, ч. II, Прил., с. 177—178]. В конце концов тлинкиты выдали почти всех пленников и пушнину, захваченную при нападении на крепость. Пушнина была присвоена Барбером, а бывшие пленные были доставлены им на Кадьяк, где за их спасение и содержание он запросил 50 тыс. рублей. После долгих споров с А.А. Барановым авантюрист отпустил русских и кадьякцев за 10 тыс. рублей, выплаченных мехами. В связи с подобными действиями Барбера Главное правление РАК в Петербурге подозревало, что именно он подстрекал индейцев к “мятежу” [32, с. 134]. Позднее официальный историк РАК П.А. Тихменев также считал капитана Барбера виновником возмущения индейцев, хотя никаких реальных доказательств этого (кроме “слухов”) у него не было [66, ч. I, с. 89]. Подозрительность в отношении к Г. Барберу сохранилась и у советских историков [153, с. 312; 226, с. 17; и др.], а в популярной литературе его нередко именуют “подлым и хитрым пиратом, торговцем невольниками” (см., напр.: [223, с. 94]). Хотя Г. Барбера нельзя причислить к лику святых, пиратом он все-таки, на наш взгляд, не был и не занимался подстрекательством индейцев к выступлению против русских.

Весть о падении Михайловской крепости, настигшая Кускова во время промысла у о-ва Якоби, заставила его поспешить с возвращением в Якутат. Он опасался, что поселение в Якутате может разделить участь Михайловской крепости. И действительно, добравшись до Якутата, он застал там множество воинов из куана Акой, которые, как только прибыла партия, тотчас же разъехались по своим селениям. По данным К.Т. Хлебникова,

тлинкиты собирались напасть на крепость и селение в следующую ночь, но приход партии их остановил и заставил отказаться от атаки [70, с. 53]. Разорение Михайловской крепости вызвало панику среди поселенцев Якутата, которые едва не выехали на Кадьяк, и только уговоры Кускова и отсутствие судна предотвратили самовольную эвакуацию.

Каковы же причины, побудившие индейцев в 1802 г. взяться за оружие? Главную причину восстания тлинкитов, на наш взгляд, следует искать в столкновении экономических интересов индейцев и Российско-Американской компании, о чем справедливо писал А.А. Истомин [185, с. 147]. В исконно тлинкитских территориальных водах партовщики, возглавлявшиеся русскими, развернули интенсивный промысел калана, шкурки которого были основной статьей торговли индейцев с английскими и американскими скупщиками пушнины. Именно эту причину своего недовольства индейские вожди выделили как главную во время переговоров с И.А. Кусковым у устья р. Алсек в 1802 г. [32, с. 107], когда последний во главе промысловой партии двигался с Кадьяка в проливы архипелага Александра. Не случайно осторожный А.А. Баранов перед отправлением на промысел партии в 1802 г. в письме к Кускову советовал проезжать с партовщиками мимо тлинкитских селений или рано утром, или вечером, чтобы лишний раз не раздражать индейцев видом промысла в их водах [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 5, л. боб.].

Следующей причиной недовольства индейцев было то, что партовщики-алеуты, пользуясь своей многочисленностью и попустительством русского начальства, грабили индейские захоронения, о чем также говорили тлинкитские вожди Кускову во время переговоров на р. Алсек. Вполне вероятно, что партовщики расхищали также запасы вяленой рыбы, заготавливавшейся индейцами на зиму. Во всяком случае, в одной из своих инструкций И.А. Кускову А.А. Баранов требовал, чтобы тот запрещал партовщикам во время промысла в проливах грабить кормовые запасы индейцев [Там же, ед. хр. № 4, л. 29об.]. Недовольство индейцев вызывало также пренебрежительное к ним отношение некоторых русских промышленников. Побывавший в те годы в Русской Америке морской офицер Г.И. Давыдов писал: "Обхождение Русских в Ситке не могло подать Колюжам добро-го о них мнения, ибо промышленные начали отнимать у них девок и делать им другие оскорбления. Соседствен-

ные Колюжи укоряли Ситкинских в том, что они попускают малому числу Русских властвовать над собою, и что наконец сделаются их рабами. Они советовали истребить промышленных и обещали дать нужную для того помощь“ [21, ч. II, с. 110].

Перечисляя причины восстания индейцев в 1802 г., нельзя забывать и о том, что сами они были не прочь разграбить Михайловскую крепость и показать свою военную доблесть. Стремление к грабежу, например, было главным мотивом, побудившим тлинкитов атаковать лагерь Баранова в 1792 г. в зал. Принс-Вильям [66, ч. II, Прил., с. 35—47].

Еще одной причиной враждебности индейцев была антирусская агитация, которую вели среди тлинкитов некоторые американские торговцы. Так, в своем донесении А.А. Баранову И.А. Кусков упоминал американское судно, зимовавшее в 1801/02 г. у тлинкитского селения Хуцнуву, экипаж которого прямо призывал тлинкитов уничтожить Михайловскую крепость, шантажируя индейцев тем, что американские суда перестанут приходить к ним, поскольку у индейцев вследствие истребления калана партовщиками-алеутами не будет пушнины для торговли [32, с. 119]¹². Именно последняя причина восстания индейцев в 1802 г. обычно трактовалась как главная в официальных документах Российско-Американской компании и некоторых ее деятелей [32, с. 134; 66, ч. I, с. 89]. Компании было выгодно обвинить своих торговых конкурентов в подстрекательстве индейцев к возмущению и добиться от правительства помощи и льгот. Впоследствии такая оценка причин восстания индейцев 1802 г. перешла из документов РАК и трудов ее историков на страницы работ ряда видных современных исследователей [222, с. 52; 153, с. 311—312; 246, с. 124; 226, с. 17]. С этим, однако, нельзя согласиться, поскольку антирусская агитация отдельных иностранных капитанов и продажа индейцам огнестрельного оружия хотя и имели место, но не были, на наш взгляд, главными причинами выступления тлинкитов. Одни призывы иностранных шкиперов не могли сами по себе сплотить независимые тлинкитские куаны и побудить их к восстанию против русских. Огнестрельное же оружие являлось лишь более эффективным средством ведения военных действий, но отнюдь не причиной восстания. Кроме того, большинство английских и американских капитанов занимало нейтральную позицию либо благожелательно относилось к русским, что отмечал, в частности, один из

главных правителей Русской Америки М.И. Муравьев [11, Сер. II, т. V, с. 87—88].

Все указанные выше причины вызвали беспрецедентное объединение ранее враждовавших между собой общин и родов. В “заговоре” приняли участие не только тлинкиты, но также, очевидно, хайда-кайгани и даже индейцы цимшиан. И.А. Кускову удалось узнать от тлинкитов Якутата, что зимой 1801/02 г. вожди почти всех тлинкитских куанов съехались в селение Хуцнуву на о-ве Адмиралти (где, кстати, зимовало американское судно “Глобус”) для выработки плана нападения на Михайловскую крепость и промысловые партии. Среди участников “заговора” Кусков упоминает вождей “большого острова, называемого Тыкинна, лежащего подле Бобровой бухты к стороне Шарлоттских островов” [32, с. 119]. Речь, вероятно, шла об индейских вождях с о-ва Принц Уэльский. Среди южных тлинкитов этот остров был известен как “Тан” — “Остров Морского Льва” [121, р. 3]. Надо полагать, информаторы Кускова — якутатцы (северные тлинкиты) — могли не знать этого названия и обозначили остров “Декина” (“Тыкинна”) по этнониму живших на нем хайда-кайгани (“декина”). Впрочем, как отмечает Ф. де Лагуна, тлинкиты Якутата могли употребить этот термин (“декина”) и в отношении тлинкитов Хенъя-куана — соседей хайда-кайгани [104, pt 1, р. 216]. Участие кайгани в выступлении против русских в 1802 г. могло быть спровоцировано убийством партовщиками “ситхинской” партии сестры “тыкинского” тойона, которая была женой вождя куана Кую [32, с. 120]. Указание К.Т. Хлебникова на участие хайда с о-вов Королевы Шарлотты в “заговоре” против русских вызывает сомнение, так как в те годы русские не вели промысел в районе этих островов [70, с. 53].

В “заговоре” зимой 1801/02 г. участвовали не только тлинкиты и, по всей вероятности, хайда-кайгани, но также и упоминаемые в донесении Кускова “народы особого разговора, соседи же стыкинским [стикинцам, тлинкитам куана Стикин], называемые чучкан” [32, с. 118]. Ф. де Лагуна трактует слово “чучкан” как название селения тлинкитов куана Хенъя на о-ве Косцюшко — Шакан [104, pt 1, р. 171]. Однако такая интерпретация, на наш взгляд, неверна. Слово “чучкан”, приводимое Кусковым, является не топонимом, а этнонимом, который мы находим в другом разделе работы американской исследовательницы: “чучкан” — так тлинкиты обозначали индейцев цимшиан, живших южнее по побе-

режью [Ibid., p. 216]. Указание Кускова на особый язык, отличный от тлинкитского, на котором говорили эти “народы”, подтверждает нашу версию.

Многие детали событий 1802 г. требуют переосмысления и уточнения, поскольку они в источниках зачастую неполны и противоречивы. В известной же нам литературе отсутствует анализ документов и источников (исключение — [84]), а некритическое заимствование приводит к фактическим ошибкам¹³. В ряде источников, а также иногда в научной литературе год падения Михайловской крепости указывается неверно: 1801 г. [11, Сер. I, т. VII, с. 396; 21, ч. I, с. 109; 222, с. 196; 272, р. 113; 274, р. 205], 1804 г. [35, с. 207; 132, р. 73].

Ряд исследователей отмечает, что до сих пор неизвестна точная дата падения русской крепости на о-ве Ситха [77, р. 402; 260, р. 51; 289, р. 125]. И действительно, в источниках нет единства по этому вопросу. Один из очевидцев событий А. Плотников считал, что индейцы напали на крепость “около 24 числа” [66, ч. II, Прил., с. 174]. Согласно же данным К.Т. Хлебникова, это событие произошло 18 или 19 июня [70, с. 45]. Однако проведенный анализ донесения И.А. Кускова показывает, что и А. Плотников, и К.Т. Хлебников указывали неверную дату. Так, согласно рассказу одного из спасшихся кадыкцев, он вместе с партией Кочесова отправился на стрельбу сивучей 10 июня. После примерно недельного отсутствия, т.е. 17—18 июня, партия Кочесова при возвращении в крепость подобрала одного из оставшихся при поселении кадыкцев, который сообщил, что вчера, т.е. 16-го (или 17-го) числа, индейцы разорили Михайловскую крепость. Крепость не могла быть захвачена 24 июня, как сообщал А. Плотников, поскольку уже 20 июня посланные Кусковым байдарки принесли вест о падении крепости [32, с. 114, 121].

Численность атаковавших Михайловскую крепость индейцев пытался определить только Ю.Ф. Лисянский — 600 чел. [41, с. 138]. Вслед за ним эту цифру стали использовать и другие авторы [38, с. 156; 101, р. 31; 283, р. 12]. Однако она вызывает сомнение. По свидетельству А. Плотникова, на помощь “множеству” атаковавших с суши индейцев из-за мыса выехало 62 боевых каноэ [66, ч. II, Прил., с. 174]. Если считать, что в каждом каноэ размещалось в среднем 15—20 чел. (крупные боевые каноэ поднимали до 60 чел.), то в атаке только с моря участвовало не менее тысячи воинов. Общее же число индейцев, атаковавших крепость, составляло, на

наш взгляд, около полутора тысяч. Это косвенно подтверждает также и К.Т. Хлебников, писавший, что "число нападавших без преувеличения можно полагать более тысячи человек" [70, с. 47].

Не исследован также вопрос об участии американских матросов в штурме Михайловской крепости на стороне индейцев. На основании анализа документов удалось установить, что оказать поддержку индейцам при штурме крепости могли только два американских матроса (с судна "Хэнкок"), хотя прямых доказательств их участия в данных событиях нет¹⁴.

Противоречивы и неточны также сведения о числе погибших и спасшихся во время ситхинских событий 1802 г. Так, по данным К.Т. Хлебникова, общее число погибших русских и партовщиков составляло более 200 [70, с. 50—51]. Как свидетельствуют документы, это, скорее всего, соответствовало действительности. По нашему подсчету, во время восстания индейцев 1802 г. погибло 25 русских (включая и двух братьев-креолов Кочесовых) и около 200 партовщиков, из них на Ситхе 23 русских и 20—30 кадьякцев [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 170, л. 4—4 об.; 32, с. 106—123; 66, ч. II, Прил., с. 174—180] (табл. 4). Однако при описании потерь русских на Ситхе многие исследователи используют неточные данные П.А. Тихменева, который писал, что всего на Ситхе погибло 20 русских и 130 партовщиков [66, ч. I, с. 88; 144, с. 141; 153, с. 311; 226, с. 17; 101, р. 31; 282, р. 14; 283, р. 12]. Совершенно фантастические цифры потерь русских и алеутов в результате восстания 1802 г. приводит в своей работе аляскинский профессор У.Р. Хант: он полагал, что тлинкиты убили 408 из 450 защитников русской крепости на Ситхе, а позднее перебили еще 200 партовщиков-алеутов [290, р. 26]. Аналогичные ошибочные данные о потерях русских и алеутов на Ситхе приводит также американский исследователь Г. Барратт [262, р. 125].

Данные о числе спасшихся из гарнизона Михайловской крепости отрывочны и неполны. Согласно сведениям Н.П. Резанова и П.А. Тихменева, Барбер привез на Кадьяк 26 спасшихся от индейцев, из них трех русских [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 24об.; 66, ч. I, с. 88]. По сообщению же К.Т. Хлебникова, число спасенных Барбером составляло 23 чел. Кроме того, Хлебников писал, что и из "ситхинской" партии спаслось тоже 23 чел., т.е. всего 46 чел. Однако на этой

Список служащих РАК, находившихся в Михайловской крепости,
"Ситхинской партии" и партии В. Кочесова в 1802 г.

"Реестр умершим, утопшим и убитым, выписанной из последнего донесения с острова Кадыка от Главного правления господина Коллежского Советника Баранова от 20-го июня 1803-го года" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 170, л. 4-4 об.]	"Сказка" Абрoсима Плотникова [66, ч. II, Прил., с. 174-178]	"Сказка" Екатерины Пиннуин [66, ч. II, Прил., с. 178-180]	"1802 г. июля 1. Донесение И. Кусова А.А. Баранову на Кадык..." [32, с. 106-123]
1	2	3	4

При Михайловской крепости

1. Медведников Василий Григорьевич ^x	»	»	»
2. Наквасин Прохор ^{xx}	»	»	»
3. Кузьмичев Прокопий	»	»	»
4. Зохгин Дмитрий	Изохтин	Изохтин	
5. Кабакаков Харлампий	Кабанов	Кабанов	
6. Рыболов Егор	»	»	
7. Пинуныров Михайло		Пинуныров	
8. Овдин Емельян		»	
9. Мачульский Кондратий		Мачульский	
10. Шашин Андрей		Шашин	
11. Тюмакаев Григорий		Тюмакаев	
12. Смирной Николай		»	
13. Чюприяновский Андрей		»	
14. Лебедев Захар		»	
15. Мартынов Степан		»	
16. Чюмляков Никифор		»	
17. Шемелин Афонасий		»	
18. Маланьин Иван (кунгурский крестьянин)		Кунгур	
19. Машнин (Машин?)			
Петр			
20. Лиханов Александр			
21. Маматов Артемий	Плотников [*]	Плотников	
	Тараданов [*]	"Англичанин"	

При "Ситхинской партии"

1.	Урбанор (Иван)		Урбанов
2. Карпов Алексей	»		»
3.	Кочесов (Афонасий)		»
4.			"Англичанин"

В партии Кочесова

1.	Кочесов (Василий)		—
----	-------------------	--	---

1	2	3	4
2. Куниновский Лев	»		»
3. Евглевский Алексей	»		»
4. Зырянов Василий	»		»
5.	Батурин (Алексей)*		Трое "англичан"

^x Начальник Михайловской крепости.

^{xx} Заместитель Медведникова, "староста" артели промышленников.

* Звездочкой обозначены люди, спасшиеся при нападении тлинкитов.

же странице автор называет другое количество спасшихся — 42, [70, с. 50—51].

Захват индейцами Михайловской крепости и уничтожение "ситхинской" партии были тяжелым ударом для российских колоний в Америке. Были потеряны богатейшие промысловые угодья, дававшие тысячи шкур калана за один сезон. Большие людские, материальные и финансовые потери значительно ослабили Российско-Американскую компанию, что в конечном счете не сказаться на темпах и интенсивности освоения русскими Аляски. Восстание тлинкитов на два года "отодвинуло" границу Российской Империи на север до Якутата. А.А. Баранов писал в Петербург, что из-за потери Ситхи дальнейшее продвижение на юг становится невозможным и если срочно не предпринять вторичное завоевание острова, то весь район архипелага Александра может выйти из-под контроля России [32, с. 125]. Таким образом, восстание тлинкитов 1802 г. расстроило планы царского правительства и Российско-Американской компании расширить владения за счет всего северо-западного побережья Северной Америки.

Что касается самих тлинкитов, почти все их куаны впервые объединились для изгнания общего врага. Восстание 1802 г. сплотило индейцев на территории примерно 120 000 км² с населением не менее 10 тыс. чел. Это было, пожалуй, крупнейшее выступление аборигенов за всю историю Русской Америки. В этой связи нельзя согласиться с утверждением американского этнографа Дж. Тарнера о том, что Северо-Западное побережье не знало якобы войн между индейцами и белыми [309, p. 217].

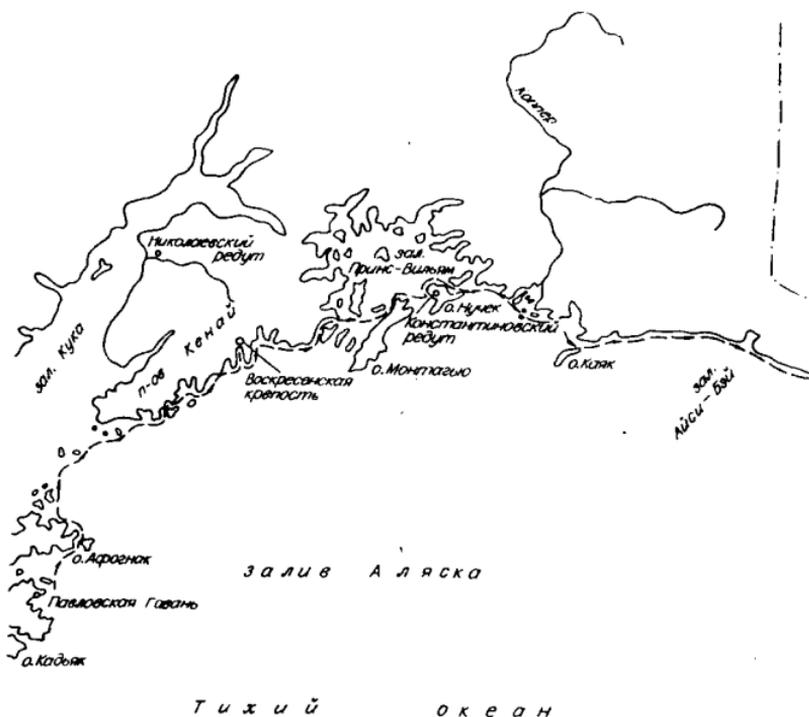
3.2. Вторичное основание русскими поселения на о-ве Ситха (1804 г.). У А.А. Баранова не хватало средств и людей, чтобы немедленно отвоевать Ситху. Кроме того, вновь обострилась обстановка под Якутатом.

В 1803 г. Баранов сам прибыл в Якутат. Здесь он усилил гарнизоны (вместе с посельщиками на зимовку осталось около ста русских и примерно столько же партовщиков, каюров и каюрок), заложил два небольших судна ("Ермак" и "Ростислав") и отбыл на Кадьяк, оставив И.А. Кускову "Инструкцию" относительно "акойцев"¹⁵. В ней Баранов рекомендовал Кускову в случае враждебных действий последних организовать против них зимнюю сухопутную военную экспедицию (в составе 70 русских с 6 легкими пушками) [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 15—21об.; 5, с. 151].

После падения Михайловской крепости прошло почти два года, прежде чем Баранов смог собрать достаточно сил для восстановления крепости на Ситхе. В поход на колошей было мобилизовано 120 русских и около 900 партовщиков на 400 байдарках [41, с. 15]. Партию сопровождали два небольших судна (еще два были посланы непосредственно на Ситху), а в Якутате партовщикам было выдано большое количество ружей, и флотилия Баранова устремилась на юг.

Непрочный союз тлинкитских куанов к этому времени, очевидно, уже распался: старая межродовая и межобщинная вражда одержала верх над слабыми объединительными устремлениями перед лицом внешней угрозы. Первыми от союза откололись тлинкиты куанов Акой и Хуна, которые жили ближе всего к Якутату и могли первыми стать объектами военной экспедиции русских. Поэтому индейцы этих куанов прислали своих парламентаров к Баранову. Успеху переговоров способствовало, видимо, то, что русским удалось захватить в аманаты сына одного из главных вождей Акой-куана Чесныги¹⁶ [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32; ед. хр. № 4, л. 16, 21—21об., 25].

Индейцы других куанов так и не смогли объединиться, когда в июне 1804 г. флотилия Баранова проследовала в проливы архипелага Александра. Маршрут флотилии проходил не прямо к Ситхе, а пролегал по огромной дуге через территорию многих куанов (см. карту). И это было, надо полагать, не случайно — главный правитель хотел продемонстрировать мощь русского оружия и неотвратимость возмездия как можно большему числу "бунтовщиков". Узнав о приближении русских, индейцы отдельных селений, не в силах в одиночку противостоять флотилии Баранова, оставляли свои дома и прятались в лесах. Русские не задерживались в брошенных селениях. Сожжены были лишь дома и укрепления куана

Кэйк-Кую, войны которого играли главную роль в уничтожении "ситхинской" партии в 1802 г. [66, ч. II, Прил., с. 183; 69, с. 82—82]. Прибыв на Ситху, Баранов застал там шлюп "Нева", совершавший под командованием Ю.Ф. Лисянского кругосветное путешествие. Прибытие даже небольшого военного корабля существенно усилило флотилию Баранова.

Селение тлинкитов Ситка-куана на берегу было брошено, и Баранов занял его (18 сентября), решив заложить здесь новую крепость, которая впоследствии стала столицей Русской Америки и была названа Ново-Архангельском. Ситкинцы же неподалеку от своего старого селения выстроили новое, укрепленное частоколом и оснащенное фальконетами. Это укрепление они, по-видимому, намеревались отстаивать всеми силами и, испытывая нужду в порохе, послали за ним в Хуцнуву крупное каное. На обратном пути оно было перехвачено баркасом с "Невы" и подорвалось от взрыва пороха [41, с. 20] ¹⁷. Лишившись пороха, индейцы начали искать пути к миру. Однако длительные переговоры зашли в тупик, поскольку ситкинцы не освобождали пленных кадыкцев, не давали надежных аманатов и отказывались сдать свою крепость, чего требовал от них А.А. Баранов. Кро-

Юго-Восточная Аляска.

а — русские, английские и индейские селения и крепости; б — граница между владениями Российско-Американской компании и Компании Гудзонова залива; в — предполагаемый маршрут военной экспедиции А.А. Баранова против тлинкитов в 1804 г.

ме того, 24 сентября тлинкиты захватили байдарку и убили двух партовщиков-кадьякцев. Поэтому Баранов принял решение взять крепость штурмом (ее обороной руководил вождь ситка-киксади Катлиан).

1 октября 1804 г. русские суда были подтянуты к тлинкитскому укреплению и начали его бомбардировку из корабельных орудий. Одновременно на берег был высажен десант из моряков "Невы" (с пушкой) во главе с лейтенантом П. Арбузовым. В это время А.А. Баранов и лейтенант П. Повалишин возглавили атаку русских и партовщиков, которые при поддержке четырех орудий подходили к крепости с другой стороны. На огонь кора-

Данные источников о потерях русских в

Участники штурма	А.А.Баранов [66, ч. II, Прил., с. 184]	Ю.Ф.Лисянский [41, с. 24]	Н.И.Коробицын [60, с. 182]
Русские промышленники	8/Много	3/?	4/?
Моряки с "Невы"		3/Неск.	3/12
Партовщики	4/Много	Неск./?	10/Неск

.....
 * В числителе — убитых, в знаменателе — раненых.

Всего, по его данным, при завоевании Ситхи погибло 16 кадыякцев [71, с. 25].

бельных орудий и пушек Арбузова и Баранова тлинкиты ответили сильной стрельбой из ружей и фальконетов. Несмотря на вражеский огонь, орудия русских были подтянуты к воротам крепости и начался ее штурм. Но когда индейцы усилили огонь, кадыякцы и некоторые русские, не выдержав его, стали отступать. Тлинкиты, увидев это, открыли ворота и ринулись в атаку. Лисянский приказал усилить огонь корабельной артиллерии, чтобы прикрыть отступление Баранова и Арбузова. Таким образом, штурм индейской крепости окончился неудачей.

На следующий день тлинкиты, ободренные успехом, открыли пушечную стрельбу по русским судам, но не смогли нанести им какого-либо урона. Русские открывали периодически ответный орудийный огонь по крепости индейцев. Последние, осознав, вероятно, бесперспективность длительного сопротивления, уже 3 октября начали переговоры о мире, высылая к русским время от времени заложников-аманатов и кадыякских пленных. Однако, не доверяя, очевидно, русским, они 7 октября бежали через горы в Хуцновский пролив, оставив крепость победителям. На следующий день она была разграблена партовщиками и по приказу Баранова сожжена [41, с. 26—27]. В качестве трофеев русским достались два фальконета и до двадцати каноэ. В крепости были обнаружены также лишь две старухи и несколько убитых детей, вероятно рабов [41, с. 29—30].

В источниках нет единства по отдельным частностям описанных событий. Это касается прежде всего даты штурма индейской крепости. Так, Ю.Ф. Лисянский указывал 1 октября (возможно, по новому стилю?) [41, с. 22], в то время как А.А. Баранов и К.Т. Хлебников называют 20 сентября [66, ч. II, Прил., с. 184; 69,

столкновении с тлинкитами в 1804 г. *

Г.Г.Лангсдорф [107, Vd II, S. 74]	К.Т.Хлебников [69, с. 86]	П.А.Тихменев [66, ч. I, с. 107]
3/? 3/? Неск./?	3/9 3/2 ^{**} 4/6	?/9 3/3 ?/Неск.

с. 84—85], а Г.Г. Лангсдорф — даже 19 августа [107, Vd II, S. 74]. Нет единых данных о численности индейского “гарнизона”, а также о потерях сторон в этом столкновении. По мнению Ю.Ф. Лисянского, в крепости находилось не менее 800 чел. мужского пола [41, с. 31]. Другой очевидец штурма крепости, Н.И. Коробицын, считал, что в укреплении было не более 400 чел. (вообще или только воинов?) [60, с. 183]. Г.Г. Лангсдорф, а позднее и О.Е. Коцебу писали, что индейскую крепость обороняли 300 воинов со своими семьями [107, Vd II, S. 74; 35, с. 207]. Противоречивость же данных о потерях русских и партовщиков во время штурма индейской крепости можно увидеть из табл. 5.

Что касается потерь тлинкитов во время осады их крепости, то они неизвестны даже приблизительно. Ю.Ф. Лисянский полагал, что они были незначительны [41, с. 30], в архивных же документах написано, что “колюжи, получившие сильный вред и урон в людях, оставя крепость ночью удалились, оставя и все свои военные запасы” [АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1805—1808 гг., д. 12, л. 5]. Согласно преданиям тлинкитов, они потеряли немало людей от голода и холода во время бегства через леса и горы; особенно много погибло стариков и детей из линиджа ситка-киксади [84, р. 7].

Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании, поскольку ситхинские события 1804 г., являясь одним из центральных эпизодов истории Русской Америки, привлекают внимание как исследователей прошлого Аляски, так и историков географических открытий, этнографов и писателей. Это тем более важно, что в ряде серьезных исторических работ эти события излагаются лишь на основании одного источника и содержат ошибки в изложении фактического материала¹⁸.

Вторичное обоснование русских на Ситхе имело для российских колоний большое значение. Ново-Архангельск стал самым важным опорным пунктом русских на территории тлинкитов и послужил “трамплином” для их дальнейшего продвижения на юг — в Калифорнию. Возобновился промысел калана в проливах архипелага Александра. Поражение ситкинцев вынудило индейцев отказаться на какое-то время от широкой конфронтации с русскими (хуцновцы даже прислали к Баранову своих людей для заключения с ним мирного договора) [41, с. 33—34]. Весть о вторичном водворении Баранова на Ситхе быстро распространилась среди индейцев Северо-Западного побережья¹⁹ — авторитет Баранова неизменно вырос. Уже весной 1805 г. знаменитый вождь кайгани Кау специально посылал своего сына в Ново-Архангельск для знакомства с Барановым и установления с ним дружественных связей. Хайда с о-вов Королевы Шарлотты сами приглашали Баранова прибыть к ним для торговли [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 9об., 49]. Опасаясь “страшного” (для них) Баранов и вдохновленные эффективностью крепостной обороны ситкинцев тлинкиты в окрестностях Ситхи принялись за укрепление своих селений: возводились частоколы, у американских торговцев закупались фальконеты [66, ч. II, Прил., с. 282—283]. Сами ситкинцы обосновались на западном берегу о-ва Баранова, где они построили новую мощную крепость Чатлк-ну (Крепость Маленького Палтуса) [84, р. 7].

3.3. Захват индейцами Якутата (1805 г.). В июле 1805 г. состоялось наконец заключение мирного договора между ситкинцами и Барановым. Одновременно главный правитель послал на промысел партию из 301 байдарки под начальством И.А. Кускова [60, с. 189]. Вероятно, возобновление промысла в районе о-ва Ситха вызвало снова недовольство индейцев, на сей раз — хуцновцев, которые, по сведениям Н.П. Резанова, угрожали напасть на партию [66, ч. II, Прил., с. 201]. Партия, однако, возвратилась в Ново-Архангельск благополучно, и вскоре большая ее часть под начальством Т.С. Демененкова отправилась на Кадьяк (источники расходятся в указании количества байдарок партии Демененкова)²⁰.

В пути Демененков получил от встречных тлинкитов весть о захвате индейцами Якутатской крепости и селения. Убедившись в этом воочию и опасаясь подвергнуться нападению индейцев на берегу, он с большей частью своей партии решил идти прямо к Константиновской

крепости на о-ве Нучек в Чугатском заливе. Экипажи приблизительно 30 байдарок, совершенно обессилевшие от длительного перехода, решили, несмотря ни на что, пристать к берегу и передохнуть. Им удалось избежать нападения индейцев и в конце концов добраться до Нучека. Большая же часть партии во главе с Демененковым была потоплена налетевшим штормом [72, с. 45]²¹.

В источниках отсутствует единообразие в указании даты разорения русской крепости в Якутате. Так, Н.П. Резанов писал, что Якутат был захвачен "дикими" в октябре [66, ч. II, Прил., с. 278], вслед за ним П.А. Тихменев еще более расплывчато указал дату этих событий: осень 1805 г. [66, ч. I, с. 151; 246, с. 125]. Однако, судя по наиболее достоверному источнику (письму управляющего Константиновским редутом И.А. Репина к А.А. Баранову от 24 сентября 1805 г.), крепость пала, очевидно, 20 августа 1805 г. [66, ч. II, Прил., с. 196—197].

Расходятся в документах также сведения о количестве русских в Якутатской крепости и селении²². Наибольшего доверия заслуживают, на наш взгляд, данные Н.П. Резанова, использовавшего колониальную статистику. Он сообщал, что в Якутате в 1805 г. под начальством С.Ф. Ларионова находилось 15 русских промышленников, 9 поселщиков с семьями, писарь, кузнец и слесарь. Кроме того, при крепости жили 20 каюров и 15 каюрок [АВГР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 154].

В известных нам русских источниках почти ничего не говорится о причинах нападения индейцев на Якутат. Главное правление РАК в Петербурге настойчиво пыталось полностью свалить вину на "бостонцев", продававших индейцам оружие [11, Сер. II, т. I, с. 379]. При этом подчеркивалась также воинственность самих индейцев, их "склонность к сражениям и жестокости" [Там же, Сер. I, т. IV, с. 242]. "Дикость" туземцев и продажа им оружия "просвещенными американцами" были любимой темой жалоб РАК правительству и оправданием провала попыток распространения владений империи по всему северо-западному побережью Америки. Однако контакты "бостонцев" с якутатцами в этот период не подтверждаются источниками. Следовательно, причины выступления индейцев Якутата кроются, очевидно, в другом. Вскрыть эти причины нам помогают предания тлинкитов, собранные Ф. де Лагуной [104, рт 1, р. 233—236, 259—261]. Суммируя данные легенд,

можно прийти к выводу, что выступление индейцев было вызвано целым комплексом причин. Главной из них было то, что русские не позволяли индейцам пользоваться традиционными рыболовными угодьями. Согласно преданиям, русские построили рыбный запор на р. Тавал-крик, что препятствовало проходу рыбы в озера, расположенные выше по течению. И действительно, в русских источниках упоминаются два рыбных запора вблизи русского поселения в Якутате [ОР ГПБ, Сб. Q. IV. 311, л. 17; ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 15об.]. Недостаток рыбы вызывал, видимо, голод среди индейцев, о чем и рассказывается в легендах. Кроме того, когда они плавали по реке, им часто приходилось перетаскивать волоком свои тяжелые каноэ, так как русские открывали запор, только когда проезжал вождь, а с простых индейцев брали за проезд шкуру калана.

Другой существенной причиной возмущения индейцев было то, что служащие РАК забирали их детей в "школу" и использовали их там для "рабских" работ. Речь, очевидно, шла об отправке детей-аманатов в школу на о-ве Кадьяк, которую организовал там еще Г.И. Шелихов. Учащиеся этой школы использовались на легких работах для нужд компании. Но, с точки зрения туземцев, это было рабство.

В Якутате, как и некогда в Ситхе, некоторые русские промышленники грубо обращались с местными жителями, забирали к себе индейских женщин и использовали индейцев для работ без оплаты. Помимо всего прочего, русские не заплатили якутатцам за землю, уступленную им под поселение, хотя и обещали в свое время сделать это.

Непосредственным же поводом для выступления индейцев, как говорится в одной легенде, была угроза русских убить туземца из рода тлахайк-текуеди за то, что он вынул гвозди из разбитого ялика на берегу [104, р. 1, п. 259—260].

В известных нам отечественных источниках отсутствуют подробности разорения Якутата индейцами. Согласно же тлинкитским преданиям, крепость была захвачена, когда почти все русские уехали на рыбную ловлю. Немногие оставшиеся в укреплении были уничтожены индейцами, не успев оказать какого-либо сопротивления. После этого индейцы напали на возвращавшихся с рыбалки промышленников и всех их также перебили [Ibid., р. 232—234, 260—261]. Как явствует из легенд, индейцы в этом выступлении использовали свою

классическую тактику внезапного нападения на ничего не подозревающего противника. Захватив крепость, индейцы разграбили ее и сожгли. Некоторые предметы, попавшие к ним в то время, хранятся у якутатцев до сих пор как семейные реликвии²³.

В источниках нет ясности в указании зачинщиков и участников выступления туземцев в Якутате. И. Репин доносил А.А. Баранову, что русские в Якутате были перебиты каюрами при поддержке части якутатцев [66, ч. I, Прил., с. 195]. Н.П. Резанов писал, что это совершили каюры, подкупленные, возможно, “колошами, на Акое живущими” [Там же, с. 278]. А.А. Баранов также предполагал, что крепость захватили каюры, которых “подучили акойские” [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. Зоб.]. Главное правление РАК доносило императору, что нападение на Якутат было совершено “немирными, около того места обитающими народами”, т.е. якутатцами [АВПР, ф. Гл. архив, II-3, оп. 34, д. 7, л. 2].

Сопоставляя различные данные, можно прийти к выводу, что в захвате крепости участвовала часть якутатцев — согласно преданиям, тлахаик-текуеди (тлухеди) [104, pt 1, p. 233—236, 259—261]²⁴. Очевидно, именно из этого рода набирали русские каюров, поскольку опасались брать для работ компании людей из могущественного рода куашккуан. Эти каюры, возможно, и поддерживали своих сородичей в выступлении против русских. К.Т. Хлебников сообщал, что в крепости жило несколько колош обоего пола, казавшихся преданными, которые “употреблялись для работ и услуг” [69, с. 102]. Легенды сообщают, что тлахаик-текуеди возглавлял некий Танух, которого поддерживали лишь немногие из рода куашккуан, поскольку их вождь “не хотел войны с русскими” [104, pt 1, p. 260]. Не хотел войны с русскими, скорее всего, тоен Федор, который довольно лояльно относился к Баранову.

Совершенно неясен вопрос о потерях русских в Якутате и числе спасшихся. В источниках содержатся различные указания на этот счет. Н.П. Резанов писал, что из 40 человек в Якутате в 1805 г. удалось спастись только восьми мужчинам, двум женщинам и трем мальчикам [66, ч. II, Прил. с. 278]. Согласно данным Главного правления РАК, погибло 14 русских “и с ними еще много островитян” (очевидно, кадьякцев и чугачей), а спаслись только “четыре промышленника, четыре поселщика с двумя женщинами и тремя детьми”, которые попа-

ли в плен к угалахмютам (эякам) [АВПР, ф. Гл. архив II-3, 1805—1824 гг., оп. 34, д. 7, л. 2]. Число спасшихся русских было, возможно, еще больше, поскольку в письмах Баранова упоминаются некая “посельщица Иванова”, какой-то “немец” и посельщик по фамилии Филосов, которые были в плену у акойского тоена Чесныги [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 3—Зоб., 20 рз]. Неверные данные, судя по архивным документам, приводит в одной из своих работ К.Т. Хлебников. По его словам, в Якутате находилось всего 13 русских и все они были уничтожены индейцами. Спасти удалось только жене С.Ф. Ларионова с тремя детьми [69, с. 103]. На эти ошибочные сведения ссылался в свое время А. Краузе [101, р. 36].

Падение Якутата и гибель партии Демененкова стали еще одним тяжелым ударом для русских колоний. Была утрачена важная хозяйственная и стратегическая база на побережье Америки. Русские понесли большие материальные потери: только строения в Якутате оценивались (на 1805 г.) в 31 525 руб. — это было после Ново-Архангельска самое дорогостоящее поселение русских на Аляске [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 166]. Гибель промышленников в Якутате при хроническом недостатке их в Русской Америке, и особенно потеря партии Демененкова, существенно ослабили позиции РАК. Не случайно по этому поводу К.Т. Хлебников писал: “Сие несчастье остановило успехи промышленности и в 1806 г. не было отряда из Ситхи” [72, с. 45].

Весть о разорении Якутатского поселения и крепости вызвала брожение среди туземцев в Русской Америке. Кенайцы, по словам Н.П. Резанова, стали проявлять “холодность” к русским, а чугачи и медновцы (атена) открыто угрожали нападением на Константиновскую крепость [66, ч. II, Прил., с. 278].

4. РУССКО-ТЛИНКИТСКИЕ И АМЕРИКАНО-ТЛИНКИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД С 1805 ПО 1821 г.

4.1. Тлинкиты и русские: период “холодной войны”
После падения Якутата в русско-тлинкитских отношениях наступает период взаимного недоверия, а порой и открытой вражды. События, последовавшие за разорение русской крепости и селения, подробно описаны

К.Т. Хлебниковым. Он сообщал, что якутатцы, ободренные успехом победы над русскими, решили устроить набег на Константиновскую крепость и чугачей. Однако их поход окончился неудачей: часть глинокитов была перебита чугачами, другая — утонула во время шторма, а остатки были уничтожены угалахмютами. Возглавивший военную экспедицию тоен Федор покончил якобы жизнь самоубийством [69, с. 103—104]²⁶. Эти сведения К.Т. Хлебникова не находят подтверждения в известных нам архивных документах и преданиях якутатцев. Более того, данные архивных источников противоречат ряду фактов, приведенных Хлебниковым. Так, начальником Константиновской крепости был не Уваров, как писал Хлебников, а Иван Репин. Тоен Федор не покончил с собой в 1805 г., а здравствовал по крайней мере до 1807 г., когда, судя по письму А.А. Баранова к И.А. Кускову, через угалахмютов²⁷ приглашал главного правителя прибыть в Якутат, чтобы забрать пушки и пленных, захваченных в русской крепости [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 5об.]²⁸. В дальнейшем ошибочная, на наш взгляд, версия К.Т. Хлебникова цитировалась в работах таких видных авторов, как Г.Г. Бэнкрофт [77, р. 451—452], А. Краузе [101, р. 36], К.Л. Эндрюс [259, р. 81—82], Ф. де Лагуна [104, pt 1, р. 175].

По-иному описывают ситуацию, сложившуюся после захвата индейцами Якутата, глинокитские легенды [104, pt 1, р. 261—263, 266—268]. Тлахаик-текуеди, разорившие русскую крепость, не только не устраивали набега на чугачей и Константиновскую крепость, но, напротив, отступили в глубь материка, опасаясь мести Баранова. Они опасались Баранова не напрасно: едва узнав о падении Якутата, он приказал снарядить судно для похода на якутатцев, и лишь уговоры Н.П. Резанова остановили его [66, ч. II, Прил., с. 240].

На р. Ситук тлахаик-текуеди построили укрепление Чак-ну (“Орлиная крепость”). В это время среди глинокитов Юго-Восточной Аляски распространился слух, что текуеди из Якутата очень обогатились, разграбив русскую крепость. Слухи об этом богатстве побудили тлюкнахадии из куана Акой (при поддержке других родов Фратрии Ворона) напасть, в свою очередь, на тлахаик-текуеди. Зимой 1805/06 г. они устроили набег на Якутат, атаковали Чак-ну, но неудачно. Через некоторое время (судя по всему, летом 1806 г.) им все-таки удалось разгромить тлахаик-текуеди так основательно,

что те исчезли в Якутате как самостоятельный род [104, pt 1, p. 79, 261—263, 266—268].

Данные тлинкитских легенд подтверждаются архивными источниками. А.А. Баранов в письмах упоминал акойского тоена Чесныгу, который отнял у тоена Федора русских пленных, а акойцы после сражения с якутатцами завладели вещами из разграбленной русской крепости [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 29]. Очевидно, именно упоминавшийся Барановым Чесныга (Джиснийя, вождь тлюкнахади, по идентификации Ф. де Лагуны [104, pt 1, p. 171]) возглавил поход акойцев на Якутат.

Падение Якутата усугубило бедственное положение русских колоний. Осенью и зимой 1805/06 г. в Ново-Архангельске царили голод и цинга. Суда с продовольствием не приходили, а ловить рыбу в проливах было опасно из-за постоянных стычек между тлинкитами. "Хлеба нет, — писал Н.П. Резанов, — а на Ситхе с голоду умирают, потому что у Колошей, прекрасными ружьями и фальконетами вооруженных, беспрестанная война и рыбу там ловить можно под выстрелами" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 173, л. 1об.].

Побережье Ситхинского залива было традиционным местом встречи тлинкитов различных куанов, съезжавшихся сюда каждую весну для ловли сельди. Сосредоточение большого количества индейцев всегда было чревато возможностью их сплочения для военного выступления. Поэтому каждой весной русская администрация испытывала серьезную тревогу за безопасность Ново-Архангельска.

Весной 1806 г. индейцы, как обычно, собрались в Ситхинском заливе. Возможно, именно тогда у них созрел план нападения на Ново-Архангельск. Во всяком случае, до Баранова вскоре дошел слух, что индейцы куанов Акой, Хуцнуву, Чилкат и Ситка объединились для захвата русской крепости. Он срочно предпринял дополнительные меры предосторожности: за четыре дня вокруг поселения была возведена деревянная стена. Принятые Барановым меры вынудили индейцев откаться на некоторое время от запланированного нападения. По словам Резанова, "старшины и предводители разных народов передрались между собой от досады, что пропустили удобное время [для нападения] и разъехались по проливам" [66, ч. II, Прил., с. 277—282].

Тлинкиты, однако, не собирались, видимо, полностью отказываться от своих планов. Американский капитал

Браун, зашедший в Ново-Архангельск из проливов, известил Резанова, что вожди хуцновцев, чилкатцев и ситкинцев отправились к кайгани, чтобы склонить тех к совместному выступлению против русских. При этом тлинкитские вожди шантажировали кайгани, говоря, что в случае их отказа русские “водворятся и в Кайганах” [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 101об.]. Но кайгани, очевидно, не поддержали тлинкитов, поскольку нападение на Ново-Архангельск так и не состоялось. Косвенные свидетельства доброжелательного отношения кайгани к русским имеются в письмах Н.П. Резанова и А.А. Баранова [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 9об.; ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 10об.].

Весной 1807 г. положение под Ново-Архангельском вновь обострилось. Как сообщал К.Т. Хлебников, тлинкиты из куанов Чилкат, Стикин, Хуцнуву и других (в количестве не менее 2000 чел.) съехались в Ситхинский залив для промысла сельди и вновь угрожали нападением на Ново-Архангельск. Небольшой русский гарнизон во главе с И.А. Кусковым (Баранов выехал по хозяйственным делам на Кадьяк) попал фактически в осаду. О том, что индейцы намереваются напасть на крепость, Кускову рассказали тлинкитки, жившие у русских. Эти слухи подтвердились после того, как стало известно, что индейцы захватили несколько алеутов и склоняли их к измене русским, обещая им после взятия крепости почести и награды [69, с. 115—116].

В этой критической ситуации Кусков решил разобщить тлинкитов и тем самым ослабить их. Он пригласил в крепость одного из самых влиятельных чилкатских вождей и, устроив ему торжественную встречу с угощением и подарками, уговорил удалиться от крепости вместе со своими воинами [69, с. 116]. Отказ чилкатцев от нападения, очевидно, деморализовал тлинкитов других куанов, и они вскоре разъехались по проливам.

Летом того же года Кусков предпринял попытку возобновить промысел калана. Но посланная им партия была вынуждена вернуться почти ни с чем, поскольку, как пишет К.Т. Хлебников, “получила сильное препятствие от колош” [72, с. 45].

На следующий год в проливы была отправлена более крупная партия, на этот раз под прикрытием парусного судна. Одновременно корабль “Кадьяк” под командованием Н.И. Булыгина направился в проливы специально для торговли с тлинкитами. Но эта, пожалуй, первая по-

пытка РАК начать более или менее широкий товарообмен с тлинкитами закончилась неудачей: индейцы требовали в обмен за меха огнестрельное оружие, продажа которого в русских колониях была официально запрещена.

Стремление РАК возобновить промысел калана в территориальных водах тлинкитских куанов в 1809—1810 гг. вновь вызвало вспышку недовольства индейцев. Последние повсюду препятствовали промысловым партиям охотиться на калана. Во время стычек с тлинкитами было ранено несколько русских промышленников и убито несколько партовщиков [20, с. 336; 72, с. 46]. Это упорное сопротивление туземцев вынудило Баранова отказаться от ведения обширного промысла в районе архипелага Александра. В письме к Кускову от 20 января 1811 г. он отмечал: "...близкие и окружающие места учинились ненадежными и опасными для промысла, то и устремить внимание на дальние должно, где уже и опыты деланы, то есть Альбионские берега, где народы миролюбивые..." [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 12, л. 1—1об.].

"Опыты", о которых писал Баранов, имели место еще в 1803 г., когда промысловая партия под начальством Т.О. Тараканова и А. Швецова добывала калана у берегов Нового Альбиона (Верхней Калифорнии) под прикрытием американского корабля "Эклипс" [72, с. 46]. Эта и последующие удачные промысловые экспедиции к берегам Калифорнии привели к основанию там в 1812 г. И.А. Кусковым крепости Росс. Каланьи шкуры добывавшиеся у берегов Калифорнии, составляли весьма существенную долю в общем количестве пушнины, получаемой в те годы в Русской Америке. Таким образом промысел в Калифорнии смог частично компенсировать утрату промыслов в проливах архипелага Александра.

Вести промысел непосредственно к югу от архипелага Александра русские не могли, поскольку все Северо-Западное побережье (до 40° с.ш.) населяли воинственные "колоши"²⁹, уже хорошо вооруженные к этому времени американскими торговцами. Это и было причиной того, что следующее к югу от Ново-Архангельска русское поселение было основано именно в Калифорнии, где местные индейцы были миролюбивы, на что справедливо указывал А.А. Истомин [184, с. 57—58]. Обычно же в научной литературе причину основания русского поселения в Калифорнии усматривают лишь в климатическом

условиях, благоприятствовавших развитию земледелия и скотоводства.

В 1810—1820 гг. напряженность в русско-тлинкитских отношениях в сравнении с предыдущим десятилетием несколько ослабевает, хотя и в эти годы отмечаются их периодические обострения. Так, в 1813 г., по данным П.А. Тихменева, ситкинцы собрали большое количество оружия и договорились с тлинкитами соседних куанов о совместном нападении на Ново-Архангельск. Однако “заговор” был вовремя раскрыт и принятые Барановым меры предосторожности заставили ситкинцев отказаться от их планов [66, ч. I, с. 240]³⁰.

В 1818 г. закончилась “эра Баранова” в истории Русской Америки: после более чем 25-летней службы “лорд Аляски”, как называют его в американской литературе, покинул русские колонии. Проститься с Барановым съехались вожди многих тлинкитских куанов. Одному из них — своему старому другу, вождю куана Аук — теперь уже бывший главный правитель подарил свою кольчугу, которую он много лет носил под платьем и которая неоднократно спасала ему жизнь (ныне эта реликвия находится в Национальном музее США) [297, р. 156]. Преемниками Баранова на посту главного правителя Русской Америки стали назначавшиеся в Петербурге офицеры императорского военно-морского флота, обычно в чине капитана 1—2-го ранга.

В 1818 г., после отъезда Баранова в Россию, отношения между тлинкитами и русскими опять приняли напряженный характер: двое русских промышленников были убиты индейцами неподалеку от Ново-Архангельска, причем виновные в убийстве так и не были найдены и наказаны [ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 183—183об.; АВПр, ф. РАК, оп. 888, д. 988, л. 136—136об.]. Несколько раз тлинкиты нападали также на Озерский редут, возведенный русскими в 25 верстах от Ново-Архангельска в 1810-х гг., но безо всякого успеха [37, с. 238; 28, т. III, № 11, с. 219—220].

Главный правитель Русской Америки в 1818—1820 гг. С.И. Яновский доносил в Главное правление РАК в Петербурге: “...с тех пор, как сделали заселение на остров Баранов и до сего времени, если разчислить потерю людей и проч. при разграблениях колошами и сравнить с приобретением, сколько мы получили от занятия сего места, то последние едва ли составят и четвертую часть против потери...” Яновский писал, что покупка пушнины у тлинкитов крайне незначительна в

сравнении с расходами на поддержание Ситхи (около 50 тыс. рублей ежегодно), в то время как калан в ее крепостях был уже почти полностью истреблен. Выгода он усматривал лишь в том, что на Ситхе было удобно строить и ремонтировать суда. Продовольствия здесь не хватало, а на покорение местного населения надеяться в ближайшее время не приходилось: "...у здешних народов ружей больше, чем у нас, в одной Кокоантайской [кагвантанской?] крепости наши аманаты видели более 10 больших пушек" [ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 833, л. 1—1об.]. Исходя из всего этого, Яновский предлагал перенести столицу Русской Америки из Ново-Архангельска на Кадьяк. Главный правитель, конечно, несколько сгустил краски и драматизировал обстановку, но определенный резон в его рассуждениях был. Однако после длительной дискуссии по этому вопросу Главное правление РАК, заинтересованное в экспансии в южном направлении, оставило все без изменения.

С другой стороны, компанию не покидала надежда на развитие товарообмена с тлинкитами. В 1815 г. вновь был снаряжен корабль для торговли по проливам. Однако из-за хронического недостатка европейских товаров в Русской Америке и в силу указанных ранее причин торговля РАК с тлинкитами не могла получить широких масштабов. "Ограниченные ценами, Главным Правлением [РАК] поставленными, — писал Ф.П. Литке, — колониальные начальства никогда не могли в сем торговле выдержать состязания с судами Соединенных Штатов, оттого вымен мехов от Колош, всегда незначительный, сделался, наконец, ничтожным" [42, с. 108].

4.2. Американские контрабандисты в водах Русской Америки. Несмотря на то что Юго-Восточная Аляска являлась формально частью Российской империи, иностранные скупщики пушнины продолжали свою незаконную торговлю с туземцами этого района. Доминирующие позиции в торговле с индейцами в эти годы (1805—1821 гг.) окончательно захватили американские предприниматели. Так, в 1805—1814 гг. на Северо-Западном побережье побывало 40 американских судов и только 3 английских [97, р. 59—105]. Некоторый спад в морской пушной торговле американцев с индейцами наступил в 1813—1814 гг. в связи с англо-американской войной (1812—1815 гг.). Американские капитаны, опасаясь английских крейсеров, значительно сократили тогда свои торговые операции в проливах архипелага Александра. Но в 1815 г. их активность на Северо-Западном

побережье возобновилась с прежней силой. Именно американские торговцы были в этот период главными поставщиками европейских товаров тлинкитам. Некоторые американские суда годами курсировали вдоль побережья, оставаясь на зиму в заливах и бухтах. Командиры таких судов были, как правило, заинтересованы в поддержании с местным населением дружественных отношений. Однако контакты между тлинкитами и американцами не всегда носили мирный характер. Так, в 1811 г. американский бриг "Оттер" был атакован чилкатцами в районе Линн-Канала. Атака индейцев была отбита с тяжелыми для них потерями. Из команды брига два матроса были убиты и шестеро ранены [Там же, р. 91].

Как справедливо отмечал С.Б. Окунь, американские торговцы, выменивая у тлинкитов пушнину, фактически ограничивали сферу деятельности РАК лишь пределами промыслов, на которых работали зависимые от нее туземцы [222, с. 72]. То, что ценная пушнина с территорий, на которые номинально распространялась власть компании, попадала в руки ее торговых конкурентов, несомненно, раздражало Главное правление РАК и администрацию русских колоний. Особые протесты компании вызывала продажа индейцам оружия: донесения Главного правления РАК царскому правительству в эти годы изобилуют жалобами на контрабандный ввоз оружия американскими торговцами, которое они выгодно сбывали тлинкитам [АВПР, ф. Гл. архив II-3, 1805—1811 гг., оп. 34, д. 8, л. 21об.—22об., 98—98об.; 11, Сер. I, т. IV, с. 241—243; т. VI, с. 250, 276—279; Сер. II, т. I, с. 529—530; и др.]. Продажа оружия индейцам была предметом долгих дипломатических препирательств между Петербургом и Вашингтоном. Они, однако, так ни к чему и не привели, поскольку правительство США не собиралось ограничивать свободу торговли и частной инициативы своих граждан, а царское правительство не желало обострять дружественные в те годы русско-американские отношения ради интересов РАК [58, с. 382—387, 394—395, 410, 422—423; 153, с. 440—444].

5.1. Тлинкиты и русские в заключительный период истории Русской Америки. Начало 1820-х гг. является прологом к новому этапу в русско-тлинкитских отношениях и почти совпадает с наступлением нового периода в истории Русской Америки. Согласно периодизации, детально разработанной С.Г. Федоровой, с 1819 г. общее направление русской колонизации в Америке изменяется с южного на северное и северо-восточное, изменяется и сам характер колонизации [246, с. 102—136; 250, с. 244—246]. Русская колонизация стала носить более упорядоченный характер: бурная эпоха авантюр А.А. Баранова в целом отошла в прошлое. Русские приступили к более всестороннему освоению Аляски с ориентацией на ее внутренние районы. Это было обусловлено не только англо-американской экспансией с юга (с 1810-х гг. американцы и англичане развернули колонизацию Северо-Западного побережья в районе р. Колумбия— о-ва Ванкувер), но и начавшимся истощением в этом регионе популяции калана, промысел которого был до сих пор основой экономики русских колоний. Возникший в результате этого дефицит пушнины РАК пришлось восполнять за счет развития торговли с эскимосами и индейцами Западной и Центральной Аляски. Изменения в хозяйственной базе не только переориентировали основное направление русской колонизации (на север), но и затронули социально-экономическую сферу. Феодалная эксплуатация алеутов и кадьякцев на морских промыслах была потеснена неэквивалентным, капиталистическим по своему характеру, товарным обменом с северными атапасками и эскимосами. Элементы грубого внеэкономического принуждения отходили на второй план и заменялись патерналистской политикой “опеки” коренного населения Русской Америки со стороны колониального начальства. Это было вызвано как указанными выше экономическими причинами, так и дальнейшей эволюцией царизма в сторону “просвещенной” монархии, осуществлявшей “отеческую заботу” обо всех ее подданных. В конечном итоге эти изменения колониальной политики в отношении туземного населения Аляски сказались определенным образом и на контактах русских с тлинкитами.

Чтобы упорядочить деятельность РАК и укрепить ее позиции, царское правительство издало в начале

1820-х гг. ряд указов. В 1821 г. еще на 20 лет были продлены привилегии компании. Одновременно был выпущен указ, направленный против иностранных контрабандистов в водах Аляски. Сама же компания в 1821 г. опубликовала “Правила Российско-Американской компании”, регламентировавшие ее деятельность, структуру, права и обязанности. Специальный третий раздел этих “Правил” был посвящен юридическому оформлению взаимоотношений компании с независимыми племенами Русской Америки (это, разумеется, касалось в первую очередь тлинкитов). В этом разделе служащим предписывалось оставить попытки покорить жителей береговой полосы материка, а “употреблять всевозможные способы, дабы сохранить их доброе расположение, избегая всего, могущего возбудить в них подозрение о намерении нарушить их независимость”. Запрещалось требовать с этих племен “дань, ясак, подать или какое-либо иное приношение”, кроме выдачи, “согласно обычаю”, аманатов [66, ч. I, Прил., с. 57—58]. Как видим, сопротивление тлинкитов вынудило РАК пойти по отношению к ним на определенные уступки, что и нашло свое отражение в российском законодательстве.

Тем не менее в начале 1820-х гг. русско-тлинкитские отношения подверглись серьезному испытанию. Это было вызвано утверждением императором Александром I указа от 4(16) сентября 1821 г., в котором провозглашались претензии России на Американское побережье вплоть до 51° с.ш. Иностранцам судам запрещалось подходить к американским владениям России ближе чем на 100 итальянских миль. Такой пункт был введен с целью пресечения любой торговли (и прежде всего огнестрельным оружием) иностранцев (главным образом американцев) с “независимыми инородцами” Русской Америки. Для подкрепления своих притязаний царское правительство послало в воды Юго-Восточной Аляски военный шлюп “Аполлон”, а позднее — 44-пушечный фрегат “Крейсер” и шлюп “Ладога”. Опрометчивость этих решений была достаточно очевидной, поскольку как сами русские в колониях, так и коренное население в значительной степени зависели от поставок товаров и продовольствия с американских кораблей. Именно об этом писал в своих донесениях в Главное правление РАК сменивший Яновского на посту главного правителя Русской Америки М.И. Муравьев (1820—1825 гг.). В особенности он опасался недовольства тлинкитов: “...колоши ясно увидят, что чрез нас они лишены промыслов и торговли,

ибо на ружья [поставлявшиеся американцами] они могут добывать бобров, а за бобры они достают одежду и многие другие для них же необходимые вещи: одеяла, фриз, патуку и проч., и проч. От людей, коих мы всего лишили, не можем уже надеяться ни пощады, ни доброго расположения; итак, я не столько буду преследовать торговлю американцев, как думать о собственной безопасности и приводить крепость в оборонительное положение. «...» Главному правлению предстоит священная обязанность снабдить нас для торговли с колошами, дабы не привести их в отчаяние, и для того в нынешнем требовании одеял, фризу и байки требовал я немалое число, но я хотел бы сие количество утроить...» [11, Сер. II, т. V, с. 88].

Подобные донесения Муравьева, с одной стороны, и давление дипломатии Великобритании и США — с другой, вынудили царское правительство отменить уже в начале 1824 г. указ от 4 (16) сентября 1821 г. и умерить свои территориальные “аппетиты” [154, с. 268—292]. В результате заключения конвенций с Соединенными Штатами в 1824 г. и Англией в 1825 г. окончательно оформилась территория Русской Америки, южная граница которой стала проходить не по 51° с.ш., а по 54° 40' с.ш. В конвенциях предусматривались и другие уступки со стороны царского правительства: иностранным судам предоставлялась свобода мореплавания и захода к берегам российских владений за исключением мест русских поселений, где для захода требовалось специальное разрешение местного начальства. Иностранцам предоставлялась также полная свобода торговли с местным населением, из торгового ассортимента исключались только огнестрельное оружие и спиртное [66, ч. I, Прил., с. 61—66]. Принятие указанных конвенций было свидетельством относительной слабости русского влияния в Юго-Восточной Аляске.

Несмотря на небезосновательные опасения главного правителя М.И. Муравьева, в годы действия указа от 4 (16) сентября 1821 г. до открытого столкновения тлинкитов с русскими дело не дошло. Во-первых, американские торговцы, несмотря на патрулирование проливов архипелага Александра русскими военными судами, так и не покинули этих мест и продолжали торговать с тлинкитами: военным судам не удалось захватить ни одного контрабандиста. Однако крейсера выполнили другую функцию. Как отмечалось в документах Главного правления РАК, “пребывание в колониях военных судов

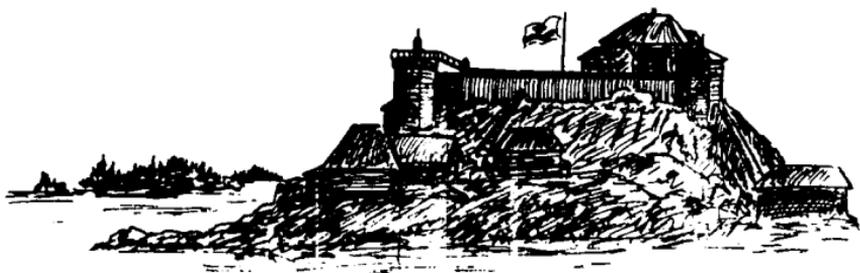
служило благонадежною для них [колоний] защитою и было острасткою для колош³¹ [АВПР, ф. Гл. архив II-3, 1805—1824 гг., оп. 34, д. 7, л. 39об.].

Во-вторых, как отмечал М.И. Муравьев, сплочению тлинкитов для нападения их на Ново-Архангельск мешали давние междоусобицы и родовая вражда [11, Сер. II, т. V, с. 88]. Примерно в эти годы произошло крупное столкновение между стикинцами (главным образом могущественным родом нанъяйи) и родом кагвантан из селения Какнау (правильнее: Кахнуву — “Крепость Куропатки”) на северном побережье пролива Кросс. В этом столкновении кагвантаны были разбиты и покинули селение. Часть их выселилась в куаны Чилкат и Акой, а большая часть вместе с главным вождем переселилась на о-в Ситха к Ново-Архангельску [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1006, л. 313].

В-третьих, начиная с 1822 г. русские фактически отказались от активного промысла в районе архипелага Александра, с одной стороны, из-за того, что популяция калана к этому времени уже в значительной мере истощилась, а с другой — из-за активного противодействия тлинкитов. Так, отправленная в 1821 г. промысловая партия из 100 байдарок под прикрытием двух хорошо вооруженных судов и четырех баркасов добыла только 150 шкур, так как партию повсюду сопровождали тлинкиты, беспрестанно стреляя в воздух, чтобы распугать каланов, и мешая тем самым промыслу. Тлинкиты заявили начальнику партии, писал Муравьев, “что они никак не отойдут от наших партовщиков и что хотя они не тронут наших людей, но не позволят промышлять нам” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 989, л. 290 об.].

Именно с начала 1820-х гг. намечается улучшение русско-тлинкитских отношений, что было обусловлено снятием основного конфликта между тлинкитами и русскими — из-за промысла калана в территориальных водах Юго-Восточной Аляски. Промысел калана русскими продолжался вплоть до 1850-х гг. только в заливах Якутат и Льтуа. Это вызывало, правда, крайнее недовольство местных индейцев, о чем писал главный правитель П.Е. Чистяков в 1826 г.: “...жители тех мест хотя и негодуют на сие, но по малочисленности препятствовать не могут” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 992, л. 65].

Начало процессу сближения тлинкитов и русских было положено в 1821 г., когда главный правитель М.И. Муравьев разрешил тлинкитам Ситка-куана поселиться у стен Ново-Архангельска [38, с. 162; 100,

Ново-Архангельск. Дом главных правителей Русской Америки располагался на высоком утесе и был окружен деревянной стеной с башнями по углам. Это была своего рода "цитадель" Ново-Архангельска.

Vd I, S. 218]. "Правитель М.И. Муравьев, — писал известный российский мореплаватель Ф.П. Литке в 1827 г., — рассчитывая, что, имея под своими пушками жен и детей их и все имущество, гораздо легче будет содержать их в узде и узнавать все их замыслы, позволил им подле самой крепости основать большое селение" [42, с. 92]. Такое близкое соседство не могло не привести к улучшению отношений. Тлинкиты постепенно становились основными поставщиками свежей провизии для русских в Ново-Архангельске. Объем их поставок год от года увеличивался: если в период с 1818 по 1825 г. у тлинкитов в среднем ежегодно закупалось пушнины и продуктов на 3750 руб., то в 1831 г. сумма их поставок составила 8000 руб. [72, с. 136]. В торговле с тлинкитами русская администрация усматривала действенное средство постепенного подчинения и культурной ассимиляции независимых туземцев, а также способ поддержания с ними мирных отношений. М.И. Муравьев значительно поднял расценки на пушнину, закупаемую у тлинкитов: за морского бобра им платили в 3—5 раз больше (100—150 руб. товарами), чем алеутам и кадьякцам. Главный правитель издал даже специальное предписание по этому поводу, в котором, в частности, говорилось: "Сею торговлю рассчитывать не на одни барыши компании, но от оной и та польза, что может компания приобрести от колош дружество и расположение к русским" [72, с. 135].

Стремясь упорядочить товарообмен с тлинкитами, русская администрация пошла даже на создание в 1831 г. специального "колошенского рынка", где приказ-

чики РАК закупали у тлинкитов свежую провизию и прочие товары.

После основания у стен Ново-Архангельска индейского селения тлинкитские вожди стали частыми гостями на судах из России. Стремясь приблизить к себе тлинкитских вождей, администрация русских колоний выдавала им грамоты, различного рода свидетельства и медали. Так, при М.И. Муравьеве вождям ситкинцев были подарены русские мундиры, напоминавшие, по словам Д.И. Завалишина, униформу ахтырского гусарского полка [28, т. III, № 10, с. 156]. О заметном потеплении в русско-тлинкитских отношениях к концу 1820-х и в первой половине 1830-х гг. свидетельствовали Ф.П. Литке и Ф.П. Врангель [42, с. 113; 12, с. 116]. Имевший место в 1825 г. инцидент между тлинкитами и русскими у Озерского редута был быстро отрегулирован мирными средствами (см. Документальное прил., с. 266—268).

Хотя к 1830-м гг. русско-тлинкитские отношения стали более стабильными, до подлинного добрососедства было еще далеко. Об этом свидетельствует характерное высказывание К.Т. Хлебникова о живших у Ново-Архангельска ситкинцах: “Злейшие из них ежегодно занимаются планами о нападении на крепость, и удалые в доказательство проворства прокрадывались в темные и дождливые ночи внутрь ограды, в мелководье позади старого судна Аметиста и, украв что-либо из материалов в адмиралтействе, приносили как трофей своим сообщникам.

Они твердят, что мы заняли места, где жили их предки, лишили их выгод от промысла зверей, пользуемся в лучших местах рыбной ловлей. Мы, напротив, представляем, что доставили им случай сбывать свои произведения с выгодой, снабжаем их нужными вещами, показали разведение и употребление картофеля и прочее“ [72, с. 185].

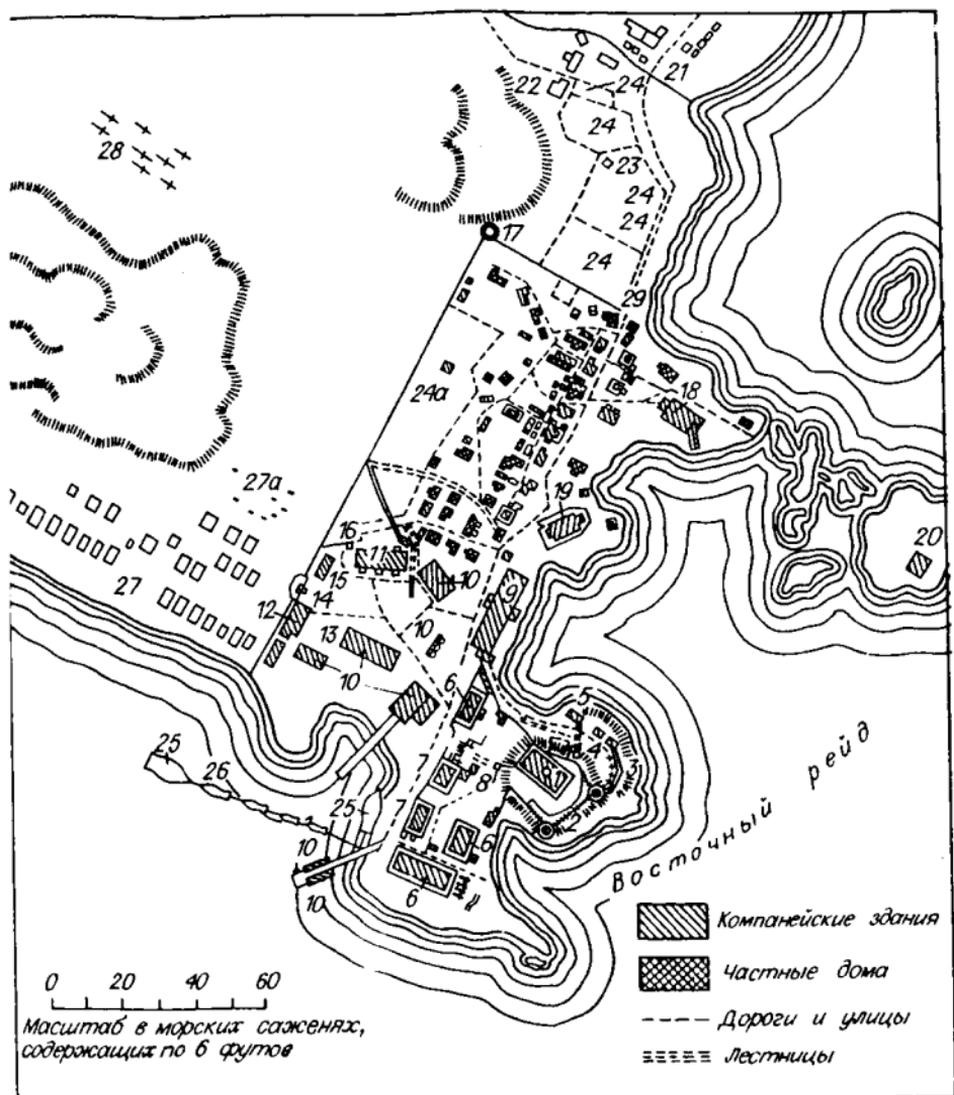
Меры предосторожности от возможного нападения тлинкитов были детально разработаны еще при А.А. Баранове, и каждый человек в гарнизоне Ново-Архангельска знал свое место в случае боевой тревоги. На суда, стоящие в порту, назначалось обычно два-три часовых; в самой крепости постоянно дежурили на шести постах двенадцать караульных. Несколько десятков пушек (на батареях Ново-Архангельска имелись даже тяжелые морские карронады 24-фунтового калибра) заряжались картечью и осматривались каждую неделю. Однако все эти меры лишь сдерживали агрессивность беспокойных

соседей столицы Русской Америки. Администрация же российских колоний еще с 1820-х гг. стремилась обеспечить их безопасность путем постепенной культурной ассимиляции тлинкитов, что достаточно четко проявилось в 1830-х и особенно в 1840-х гг.

Будучи заинтересован в упрочении связей с тлинкитами, главный правитель Русской Америки Ф.П. Врангель в 1833 г. отправил бриг "Чичагов" в район о-ва Принц Уэльский и р. Стикин для более близкого знакомства и торговли с местными индейцами. Подарки, преподнесенные индейским вождям, и честная меновая торговля приказчиков РАК подняли авторитет русских в глазах южных тлинкитов [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 351, л. 30—30об.].

Еще более укрепились связи между русскими и тлинкитами после основания в устье р. Стикин Дионисиевского редута в 1833—1834 гг. Здесь русские ежегодно скупали у стикинцев пушнину на 70 тыс. руб. [Там же, л. 134об.]. Земельный участок для поселения был куплен у одного из стикинских вождей (см. Документальное прил., с. 270), который за содействие русским был награжден Ф.П. Врангелем серебряной медалью [Там же, д. 998, л. 280об.—281]. Серебряная медаль была вручена также знаменитому вождю рода наньяйи Шейксу, считавшемуся главным вождем стикинцев. В русских документах он упоминается обычно как "Шокша" или "Шекж". Чтобы наверняка привлечь Шейкса на сторону русских, в Ново-Архангельске специально для него был построен вельбот, а его старший сын (скорее, все-таки племянник) был "обласкан" и "одарен" Ф.П. Врангелем [Там же, л. 174об., 201, 306, 428, 435об.]³².

Такая активизация "тлинкитской политики" колониальной администрации на южных границах российских владений была вызвана опасностью проникновения в этот район англичан. Дело в том, что агенты Компании Гудзонова залива (КГЗ) в это время быстро продвигались из бассейна рек Колумбия и Фрейзер на северо-запад, основывая на Тихоокеанском побережье одну факторию за другой (см. раздел 5.2). В 1832 г. суда КГЗ появились в проливах архипелага Александра, а один из ее руководителей — Питер С. Огден — побывал в Ново-Архангельске, где вел переговоры с Ф.П. Врангелем [Там же, д. 351, л. 6об.]. Именно слух о намерении англичан основать в районе р. Стикин факторию и побудил Врангеля немедленно построить у ее устья Дионисиевский редут (редут Св. Дионисия был заложен осенью

План Ново-Архангельска в 1836 г. (по Э. Блашке). План заимствован из работы Е.Э. Бломквист [151].

1833 г., сдан на сохранность стикинским вождям, а затем достроен в 1834 г.).

Действия главного правителя были весьма своевременны: уже 18 июня 1834 г. у русского укрепления появилось английское судно с целью пройти вверх по реке для основания фактории. Шхуна была задержана у редута, а после переговоров между начальником редута и главным агентом Компании Гудзонова залива П.С. Огденом вынуждена была покинуть территориальные воды русских колоний. Этот инцидент послужил для Компании Гудзонова залива поводом для требований к РАК о возмещении понесенных в связи с ним убытков. По дан-

ным архивных источников, англичане обвиняли русских в том, что они, не пропустив судно вверх по реке, нарушили конвенцию 1825 г.; РАК отвергала обвинения англичан, будто ее служащие угрожали применением силы в случае попытки британской шхуны продолжать движение по Стикину. Русские утверждали, что их офицер выразил лишь протест по поводу появления британского судна у русского поселения без согласия его начальства, необходимость получения которого также была зафиксирована в конвенции 1825 г. Такое расхождение в оценке этого события могло быть вызвано языковыми трудностями: никто из англичан не знал русского, а из русских никто — английского [Там же, л. 1—139].

Отвергала РАК и обвинения Компании Гудзонова залива в том, что русские будто бы настраивали местных индейцев против англичан. Наоборот, по утверждению РАК, англичане после инцидента на Стикине тайно подсылали к стикинцам людей, знавших туземный язык, которые одаривали тлинкитских вождей и подстрекали индейцев поднять оружие против русских [Там же, л. боб., 142—142об.]. Правда, принимая во внимание экономические интересы тлинкитов, эта антирусская агитация вряд ли могла иметь у них большой успех: тлинкиты опасались за свою торговую монополию на товарообмен с внутриматериковыми индейцами. Поэтому позиция тлинкитов в “Стахинском инциденте” была вполне определенной: стикинские вожди Шейкс и Анакаджо, явившись для переговоров с Огденом, в резких выражениях потребовали от англичан очистить р. Стикин [308, р. 153]. Тлинкиты хорошо представляли себе последствия основания торгового поста на землях атапасков. “Лишая нас нашей торговли, — заявили индейцы, — вы хотите довести нас до положения рабов” [277, р. 32]. При этом тлинкиты пытались опереться на поддержку русских. Ф.П. Врангель сообщал в Главное правление РАК, что стикинцы просили его не пропускать англичан вверх по Стикину [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 351, л. 25об.]. Именно враждебная позиция тлинкитов была одним из главных аргументов, заставивших Огдена отказаться от попыток основать торговый пост в верховьях Стикина [277, р. 32].

Русские не были для стикинцев конкурентами в их посреднической торговле с внутриматериковыми атапасками. Они не только не препятствовали тлинкитам в их операциях с талтанами, но и поощряли их, давая стикинцам русские товары под залог [АВПР, ф. РАК, оп.

888, д. 1005, л. 62]. За пушнину они получали от русских товаров на 25 % больше, чем их соплеменники на Ситхе. Главный правитель И.А. Купреянов писал по этому поводу в Петербург: “В Стахинах вообще цены противу прочих мест выше из уважения соперничества Англичан“, — и добавлял: “В Ситхе торгующие Колоши уже указывают на стахинские цены и добиваются таких же...” [Там же, д. 1004, л. 76]. Именно Купреянов разрешил управляющему Дионисиевского редута Игнатию Андреенову “делать прибавку Колошам“ за товары патокой, сухарями, ромом, жилетами и фуражками, продавать им ружья с красными прикладами, бритвенные шкатулки и красные рубахи (превыше всего тлинкиты ценили вещи красного цвета). Особую милость главного правителя заслужил стикинский тоен Танахку за обещание не ездить со своими людьми в английские фактории, а променивать всю пушнину русским [Там же, л. 454—455].

Вообще 1830-е гг. были, пожалуй, периодом наибольшей активности русских в южной части архипелага Александра. С 1834 по 1839 г. хорошо вооруженные суда РАК (и прежде всего 14-пушечный бриг “Чичагов“) регулярно несли дозорную службу в южных проливах, базируясь обычно в бухте Тонгасс и в Дионисиевском редуте. Их задачей было выдворение британских и американских контрабандистов из территориальных вод Русской Америки. Одновременно русские стремились расширить свои торговые контакты с южными тлинкитами и кайгани и заручиться поддержкой их вождей. В 1836 г. серебряную медаль “Союзные России“ получил один из вождей куана Тонгасс Некут (в преданиях, записанных Р.Л. Олсоном, упоминается главный вождь текуеди Танта-куана Негут [121, р. 87—88]). В 1837 г. серебряные медали получили также вождь Танта-куана — Анкта (Аннта, Анта) и вождь кайгани Сенахет. В эти же годы медалями были награждены стикинские вожди Куатхе, Шекести и Хуакетли [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1000, л. 32; д. 1001, л. 226]. Именно со стикинцами у русских сложились наиболее тесные и дружеские отношения. В 1836 г. полторы тысячи стикинцев (практически весь куан) переселилось под стены Дионисиевского редута (в нем постоянно находилось около 20 русских, а в ближайшей бухте ежегодно на зимовку оставалось судно РАК). Теперь индейцы построили по соседству с русским укреплением свои зимние дома.

Частые заходы в редут русских судов, переговоры, подарки и торговля весьма способствовали сближению стикинцев и русских. В 1837 г. в Стахине побывал выдающийся миссионер И.Е. Вениаминов. Под влиянием его проповедей один из лидирующих стикинских вождей Куатха (он же Куахте) первым среди тлинкитов отпустил на волю двух своих рабов, вместо того чтобы, как требовал обычай, принести их в жертву на потлаче в честь постройки нового дома у редута. Поскольку серебряную медаль он уже имел, колониальное начальство запросило у правительства особый подарок — “почетную одежду”, что и было санкционировано царем (см. Документальное прил., с. 271—272). Правда, Куатха так и не получил царский подарок, так как через некоторое время скомпрометировал себя в глазах русских, “беспричинно” убив свою невольницу, а затем и брата Икааза [Там же, д. 1005, л. 169об.; д. 1006, л. 169об.].

Между тем “Стахинский инцидент” 1834 г. после длительных переговоров закончился заключением 25 января (6 февраля) 1839 г. договора между РАК и Компанией Гудзонова залива, согласно которому береговая полоса русских владений в Америке от мыса Спенсер на севере до Портленд-Канала на юге сдавалась в аренду англичанам сроком на 10 лет³³ [Там же, д. 351, л. 215—221]. Впоследствии этот контракт неоднократно продлевался вплоть до продажи Аляски США. Таким образом, почти все тлинкиты, проживавшие на береговой полосе русских владений, с 1840 г. формально попали под контроль Компании Гудзонова залива. Аренда прибрежной части русских владений в Америке должна была, по мысли руководства Компании Гудзонова залива, пресечь утечку мехов из глубинных районов материка (до сих пор значительная часть пушнины из этого района попадала в руки русских).

Сближению тлинкитов с русскими в 1830-х гг. способствовала также, как это ни парадоксально, эпидемия оспы, охватившая в 1835—1839 гг. все Северо-Западное побережье и Аляску. В ноябре 1835 г. оспа появилась у Ново-Архангельска и в течение трех месяцев унесла жизни 400 ситкинцев, т.е. почти половины живших у стен русской крепости индейцев [9, с. 31; 66, ч. II, с. 311]. По данным И.Е. Вениаминова, из 10 тыс. тлинкитов и кайгани, обитавших на Аляске до появления оспы, выжило только 6 тыс. [8, с. 29—30].

Эпидемия оспы свирепствовала не везде с одинаковой силой: в районе р. Стикин ее губительные последствия

почти не ощущались, в то время как, например, в куане Хуцнуву полностью вымирали целые домохозяйства [66, ч. II, с. 311]. Эта эпидемия уничтожила большинство тлинкитов области залива Аляска. По сообщениям информаторов Ф. де Лагуны, умерших было так много, что их не успевали сразу хоронить [104, pt 1, p. 18, 277—278].

Большие людские потери ослабили индейцев, уменьшили их открытое и пассивное сопротивление колонизации. Кроме того, во время эпидемии русские оказывали тлинкитам посильную помощь, проводя вакцинацию. Индейцы имели возможность убедиться в знаниях и добрых намерениях русских и в бессилии своих шаманов. Как свидетельствует И.Е. Вениаминов, не только ситкинцы, но и индейцы других куанов стали приезжать с детьми в Ново-Архангельск для вакцинации против оспы.

Наметившееся в 1830-х гг. русско-тлинкитское сближение было омрачено эпизодом, случившимся весной 1837 г. В конце апреля этого года из Ново-Архангельска бежали трое служащих РАК. Они намеревались пробраться на юг в английские фактории или попасть на какое-нибудь американское судно в южной части архипелага Александра. Двое из дезертиров — Никита Караулов и Николай Иванов — уже пытались однажды бежать к англичанам из Дионисиевского редута, но были пойманы и возвращены тлинкитами, нанятыми начальником редута. Беглецов доставили в Ново-Архангельск и наказали. Однако это неудача не остановила их. И вот в апреле, сговорившись с креолом Ипполионом Солтановым, они организовали новый побег, украв на сей раз каное у ситкинцев и прихватив с собой двух тлинкитских рабынь (одна из которых служила проводницей по проливам). В пути беглецы занимались грабежом и разбоем: сначала они убили двух ситкинцев, а затем вырезали две семьи тлинкитов из куана Кэйк-Кую (всего погибло от их рук 11 чел.). Оставшихся в живых двух тлинкиток из этих семей они насильно увезли с собой. Наконец, в июне дезертиры вступили в перестрелку с семью кековцами, во время которой был смертельно ранен Караулов. Ранены были и двое других беглецов. Со стороны индейцев в перестрелке был убит их вождь Хукка, остальные же индейцы разбежались (большинство из них получили ранения). После этого дезертиры вынуждены были отправиться в Дионисиевский редут, где и сдались его начальнику Игнатию Андреянову.

Главному правителю И.А. Купреянову, а также его помощнику Д.Ф. Зарембо пришлось принимать срочные меры, чтобы не допустить эскалации конфликта. Дело в том, что к Дионисиевскому редуту вскоре прибыл отряд вооруженных кековцев с намерением убить его начальника в отместку за смерть их вождя Хукка. Они не сделали этого лишь потому, что дружески настроенные к русским стикинцы силой заставили их отказаться от задуманного. К этому времени к редуту подошел бриг “Чичагов” и начались переговоры об уплате компенсации кековцам за смерть их сородичей. Всего они получили от РАК товаров на сумму 1237 руб. Оставшиеся в живых дезертиры после излечения были высланы из Ново-Архангельска в Охотск, чтобы предстать перед судом, поскольку, как писал И.А. Купреянов, “вина их великой важности” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1003, л. 84—85, 201—205; д. 1004, л. 222—228].

1840-е годы стали периодом наибольшего русско-тлинкитского сближения. Возросшая активность Компании Гудзонова залива в юго-восточной части Аляски заставила русскую администрацию обратить серьезное внимание на развитие многосторонних связей с тлинкитами. Этому в значительной степени способствовала, на наш взгляд, дальновидная политика А.К. Этолина — главного правителя Русской Америки в 1840—1845 гг. В 1840—1841 гг. по его приказу первый русский пароход на Аляске “Николай I” совершил пять рейсов по проливам для торговли с тлинкитами (причем индейцы сами приглашали русских побывать у них). В 1841 г. по распоряжению Этолина для тлинкитов была устроена у стен Ново-Архангельска “игрушка” — ярмарка с элементами традиционного индейского потлача (это мероприятие обошлось РАК в 1200 руб.) [Там же, д. 1007, л. 267об.]. В 1842 г. главный правитель впервые (по просьбе самих тлинкитов) нанял сразу около 50 индейцев для работ компании: часть из них была оставлена для работ в Ново-Архангельском порту, другая — послана матросами на судах РАК. Этолин был вполне доволен их службой и полагал, что со временем тлинкиты смогут заменить не только работников-алеутов, но даже и русских [44, с. 246—247] (см. также Документальное прил., с. 276).

Стремясь к постепенному установлению контроля над “независимыми инородцами”, РАК учредила звание “главного колошенского тоена”. Выбор компании пал на крещеного ситхинского тоена Михаила Кухкана, извест-

ного своей лояльностью к русским (см. Документальное прил., с. 273—274, 276—278). 10 октября 1843 г.³⁴ Кухкан получил царские подарки, предназначавшиеся первоначально для стахинского тоена Куатхе: парчовый кафтан, парчовый кушак с позументом и бахромой и шапку с перьями, всего на весьма внушительную сумму в 1056 руб. 50 коп. Вождю была также вручена личная печать с изображением ворона, сидящего на ветке, с надписью “Михаил Кухкан“. Кухкан был тогда же приведен к присяге в Ново-Архангельском соборе в присутствии всего колониального начальства и значительного числа крещеных тлинкитских вождей и простых индейцев. В своем “Клятвенном обещании“ русскому императору и цесаревичу Кухкан заверял, что будет “...верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови... и притом стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может“ [ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1306, л. 10—11; д. 1312, л. 11об.—13об.].

Однако эта помпезно проведенная акция Российско-Американской компании не привела к желаемым результатам, поскольку авторитет Кухкана среди ситкинцев был невелик, а индейцы других куанов вообще не признавали его власти. Сам А.К. Этолин отмечал, что Кухкан и не мог иметь большого влияния, поскольку был небогат. Чтобы как-то поддержать своего ставленника, главный правитель приказал в 1844 г. выдать ему “взаимообразно“ товаров на 2327 руб.³⁵ [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1010, л. 213]. На выданные ему средства Кухкан приобрел шесть рабов (трех мужчин и трех женщин), но и после этого ему было трудно сравняться с наиболее зажиточными тлинкитскими вождями. Непосредственный преемник А.К. Этолина М.Д. Тебеньков доносил в Петербург, что Кухкан “по бедности своей не имеет почти никакого влияния на Ситкинских Колош, а тем менее на Колош Проливских“ [Там же, д. 1013, л. 279об.].

В эти годы русские стремились сохранить также дружеские отношения со стикинцами. Так, время от времени они посылали к Дионисиевскому редуту (Форт-Стикину) пароход, чтобы убедиться, как сообщалось в документах, “не терпят ли туземцы какого-либо притеснения и обид от Англичан“. Последние, однако, вели себя корректно и до поры до времени не давали тлинкитам повода для недовольства. Побывавший там в феврале 1845 г.

Д.Ф. Зарембо рапортовал Этолину: “Стахинские Тоены объявили, что они [англичане] обращаются с ними очень хорошо и до крайности ласковы” [Там же, д. 1012, л. 28]. Вместе с тем такая политика покровительства тлинкитам со стороны колониальной администрации и заигрывание с их вождями имели определенные последствия для русско-англо-тлинкитских отношений (см. раздел 5.2).

Торговля между тлинкитами и русскими велась при Этолине и Тебенькове в широких масштабах. По проливам ежегодно отправлялся пароход для скупки у индейцев пушнины и картофеля (табл. 6—8). Иногда же индейцы сами доставляли картофель в Ново-Архангельск. В 1845 г. в столицу Русской Америки прибыло 250 каноэ, груженных картофелем (из них 160 принадлежали кайгани и даже хайда с о-вов Королевы Шарлотты). «Достоинно удивления трудолюбие, предприимчивость и деятельность этого племени, — писал о тлинкитах и хайда М.Д. Тебеньков. — Они в 1844 г. доставили в Ситху до 300 бочонков [картофеля] и вероятно Адольф Карлович [Этолин] не подозревая, чтобы они промышленность эту стали усиливать, сказал: “привозите сколько будет у вас Картофелю, мы все купим” — и они привезли ныне [в октябре 1845 г.] 1060 бочонков” [Там же, л. 187—188].

Особенно тесные экономические связи установились между русскими и ситкинцами. Последние были главными поставщиками свежей провизии для жителей столицы Русской Америки. Кроме того, у них закупались различные ремесленные изделия и строительные материалы (кора и бревна). Так, например, с мая 1848 г. по май 1849 г. компания приобрела у тлинкитов 1360 шт. стандартных бревен [283, р. 31]. Индейцы, в свою очередь, получали в этот период от русских значительную часть европейских товаров. В своем донесении в Главное правление РАК А.К. Этолин писал: “Колоши ныне до того сблизилась с Русскими, что считают их своими друзьями и благодетелями и, постигнув всю выгоду, получаемую от соседства русских, не могут без сношений с ними обойтись и совсем уже сделались не те, что они были в прежнее время” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1010, л. 276об.].

В 1830—1840 гг. Ново-Архангельск не был “единственным центром распространения русской культуры” среди тлинкитов, как полагают А.А. Истомин и Ф. Драккер [185, с. 152; 274, р. 196]. Около шести лет

расценки на тлинкитскую пушнину в Ново-Архангельске и на судах
РАК в середине 1840-х гг.*

Пушнина	Количество и наименование товара	Руб.
1 бобр морской 1-го сорта	7 шерстяных одеял	126
	5 фунтов пороха	5
	10 фунтов картечи или одна плитка свинца	5
	4 бумажки киновари	3
	1 моток красной шерсти	0,50
	2 кремня	0,50
	1/4 фунта табаку	
	----- И т о г о...	140
1 выдра	1 одеяло	18
	или 5 фунтов пороха и 1 свинцовая плитка в 10 фунтов	10
1 кошлок **	2 одеяла	36
	или 1 ружье	25
1 шкура черного медведя	4 бумажки киновари	3
	или 1 топор	5

* Таблица составлена по материалам А. Маркова [45, с. 77–78].

** Кошлок — молодой неперегородавший калан старше 6–7 месяцев.

существовал, находясь под русским контролем, Дионисиевский редут, довольно регулярно велась торговля между русскими и тлинкитами непосредственно на суднах и пароходах РАК в проливах архипелага Александра. Кроме того, северные тлинкиты регулярно приезжали для торговли с русскими в Константиновскую крепость на о-в Нучек в Чугатском заливе [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1006, л. 265—265об.; д. 1016, л. 252].

В середине 1840-х гг. взаимоотношения между тлинкитами и русскими настолько улучшились, что тогдашний главный правитель М.Д. Тебеньков доносил в Петербург, что для него “тлинкитская проблема” отошла на второй план среди приоритетов “туземной политики”. Правда, улучшение отношений Тебеньков связывал не со смягчением “нравов колош” или их особым “расположением” к русским, а с мистическим страхом тлинкитов перед пароходами РАК, которые могли двигаться против ветра и течения. Самый крупный из пароходов РАК того времени “Николай I”, курсировавший по проливам, имел к тому же и самое мощное вооружение среди всех

Выписка о добываемых ежегодно в колониях
От Колош при порте

Год	Морские бобры	Речные бобры	Вьдры	Лисицы	Медвежин	Рыси
1842	99	215	151	117	103	13
1843	136	311	238	93	98	
1844	74	253	121		17	3
1845	91	187	152	65	29	
1846	62	93	139	60	1	
1847	158	58	119	29	3	
1848	44	33	22			
1849	75	444	91	24	4	
1850	139	349	81	68	13	9
1851	111	462	65	22	1	7
1852	46	143	15	2		
1853	1	79			2	
1854	1	23				
1855	3	9	2			
1856		15				
1857						
1858						
1859		32			4	
1860		73		1	7	

Источник: [15, с. 158—159].

судов компании: девять пушек, станок для пуска зажигательных ракет, абордажные сети и целый набор холодного и огнестрельного оружия.

Еще одну причину миролюбия тлинкитов в 1840-х гг. М.Д. Тебеньков усматривал в том, что немало индейцев состояло в это время на службе Российско-Американской компании. В письме к своему заместителю капитану 2-го ранга Д.Ф. Зарембо от 18 мая 1846 г. М.Д. Тебеньков писал: "Нападения от Колош в настоящее время кажутся ожидать нельзя, потому что Колоши теперь служат почти на всех наших судах матрозами, — следовательно верными заложниками нашей безопасности здесь" [Там же, д. 1013, л. 398—398об.].

Стремясь еще более приблизить к себе тлинкитов, М.Д. Тебеньков, по примеру А.К. Этолина, устроил для индейцев у стен Ново-Архангельска "игрушку", своеобразный "русский потлач", который состоялся 12 и 16 апреля 1846 г. (см. Документальное прил., с. 279).

промыслах с 1842 по 1860 год
Ново-Архангельске

Соболи (куницы)	Вьхухоли (ондатры)	Норки	Коты морские	Хвосты морских бобров	Росомахи	Волки
148	65	32	2	84	11	4
120	16	40		130	8	7
245				76	11	1
235				118	13	9
170		6		64	7	2
51				141	11	1
7				29	1	
42		54		96	4	1
200		30	1	135	6	
189		144		114	6	
24				58		
				7		
21		30		1		
	4	22		3		
3	5	27				

Однако на эффективности русской колониальной политики в отношении глинкитов отрицательно сказывалось такое общероссийское зло, как бюрократизм. По любому сколько-нибудь значительному вопросу главные правители Русской Америки обязаны были обращаться в Петербург и порой годами ожидали ответа или окончательного решения Главного правления РАК. Ситуация в колониях, разумеется, за это время могла кардинально измениться. Кроме того, администрация российских колоний была опутана десятками предписаний и параграфов, зачастую противоречивших требованиям реальной жизни. Так, М.Д. Тебенков писал в Главное правление РАК в мае 1847 г., что он испытывает значительные затруднения с выполнением § 286 нового Устава РАК (от 1844 г.) о запрете продажи туземцам российских колоний огнестрельного оружия. Он сообщал в Петербург: "...прекращение продажи огнестрельных снарядов возбудило общее негодование Колош, как Ситхинских, так и Проливских. — Они говорят, что прекращение продажи

Год	Морские бобры	Речные бобры	Вьдры	Лисицы	Медвежи
1842	32	21	11	12	65
1843	62	17	3	8	2
1844	7	37	19	3	3
1845	53	3	12	15	1
1846	80	14	19	18	3
1847					
1848	51	15	22	7	10
1849	89	179	45	9	
1850	121	81	47	37	
1851					
1852					
1853					
1854					
1855					
1856					
1857					
1859					1
1860		15	3		4

Источник: [15, с. 158—159].

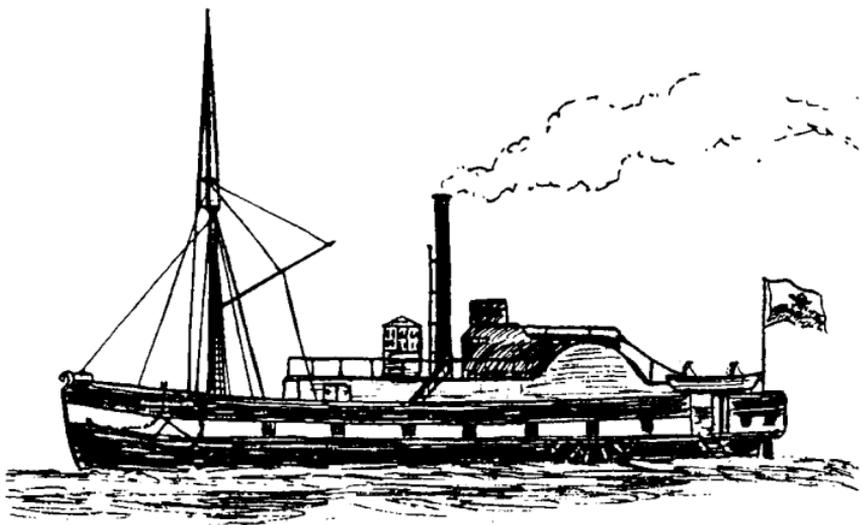
им ружей и пороху отнимает у них всякую возможность добывать зверя, упромыслить коего они не могут иначе как ружьем, — и сверх того подает им повод подозревать, что мы намереваемся покорить их своей власти, лишив наперед средств защищаться“ [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1015, л. 30]. На последовавших за этим переговорах с тлинкитскими вождями Тебенькову так и не удалось убедить индейцев в целесообразности § 286. Не желая ухудшения взаимоотношений с тлинкитами и понимая справедливость их требований, он распорядился вопреки новому Уставу РАК выдать им немного пороха и ружей. Одновременно главный правитель запросил у руководства компании дальнейших инструкций по § 286. По его мнению, продажа тлинкитам боеприпасов и ружей необходима не только для поддержания с ними дружеских связей, но и потому, что в противном случае русские останутся в Ново-Архангельске без свежего мяса, а сама Российско-Американская компания лишится пушнины [Там же, л. 29об.—32об.]. Только в конце ноября 1848 г. Тебеньков получил официальное разреше-

колониях промыслах с 1842 по 1860 год
Колошами в проливах

Рыси	Соболи (куницы)	Выхухоли (ондатры)	Норки	Хвосты морских бобров	Росомахи
1	34	3	599	24	
	5		2	36	1
	27			32	1
	22			61	3
6	13			50	1
1	23			75	1
2				87	3
	4	1	12		

ние Главного правления РАК продавать тлинкитам в небольших количествах порох и ружья [Там же, л. 1016, л. 429—429об.].

Дружественные в целом отношения между тлинкитами и русскими в 1840-е гг. часто осложнялись мелкими конфликтами, не доходившими, однако, до серьезных столкновений³⁶. Приказчик Российско-Американской компании А. Марков, побывавший в те годы в Русской Америке, писал по этому поводу: “Я сам бывал свидетелем как усмиряют Калюж в случае какого-нибудь враждебного движения с их стороны: если они сделают шум и соберутся к крепости, тогда ударяют тревогу, запирают крепость и начинают уговаривать их словесно, чтоб они прекратили ссору; когда же увещевания не действуют, то пускают ядро поверх голов, которое свистом своим разгоняет бунтующую толпу в лес и куда попало, — и тем прекращается весь шум. Неприятным последствием этих перебранок бывает только то, что дикари не приходят с провизией на рынок и не хотят ею торговать. Это упорство со стороны диких продолжается иногда по це-

Пароход Российско-Американской компании "Николай I".

лой неделе, в течение которой Русские поневоле должны оставаться без свежего продовольствия" [45, с. 72—73].

В начале 1850-х гг. русско-тлинкитские связи на различных уровнях заметно слабеют. Очевидно, это было обусловлено отказом преемников А.К. Этолина от широкого сотрудничества с тлинкитами и попыток их мирной аккультурации, на что в свое время указывал еще П.Н. Головин [15, с. 49]. На этих связях могла отрицательно сказаться и частая смена в этот период главных правителей (в 1850—1854 гг. сменилось три главных правителя: Н.Я. Розенберг, А.И. Рудаков, С.В. Воеводский), а также тот факт, что преемники А.К. Этолина и М.Д. Тебенькова не устроили для индейцев "игрушки", на которую, возможно, тлинкиты очень рассчитывали. С начала 1850-х гг. сократился наем тлинкитов на работы в Ново-Архангельск. Почти прекратилась скупка пушнины у индейцев: с 1853 по 1860 г. в Ново-Архангельске у тлинкитов было приобретено только пять каланьих шкур [15, с. 101, 158—159] (см. также табл. 7). Пароход, посланный ранее по проливам для торговли с индейцами, с 1851 г. почти постоянно стоял в Ново-Архангельском порту, так как колониальное начальство опасалось нападения туземцев [15, с. 113—114]. Все это вызывало взаимное отчуждение и подозрительность. Участились провокации со стороны тлинкитов. В 1850 г. они учинили несколько ссор и даже драк с русскими (на рынке и в

лесу). Главный правитель Н.Я. Розенберг при посредничестве Михаила Кухкана объявил ситкинцам, что “если они не уймутся“, то он прикажет закрыть рынок и прекратить с ними торговлю. В ответ на этот ультиматум тлинкиты утром следующего дня предприняли попытку захватить Ново-Архангельск. Часть из них, вооружившись ружьями, засела за строениями и в кустах у крепостной стены; другая, приставив лестницы к деревянной башне с пушками, направленными на тлинкитское селение, так называемую “Колошенскую батарею“, едва не овладела ею. К счастью для русских, часовые были начеку и вовремя подняли тревогу. Подоспевший на помощь вооруженный отряд сбросил вниз трех уже влезших на батарею индейцев, а остальных остановил. Другой отряд русских был выслан против ситкинцев, засевших у крепостных строений. “Я сам, — сообщал Розенберг, — бросился также на батарею и с большим трудом переговорился, успел возвратить Колош по домам и они перестали вызывать нас на бой“ [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 318—318об.].

В следующем году ситкинцы стали вновь проявлять “дерзость“: весной 1851 г. они неоднократно нападали на русских рыбаков и крали рыбу из неводов; дважды совершили подкоп под крепостную стену у прачечной и, попав таким образом в сушильню, унесли оттуда много белья; выломали стену у рыбного амбара и похитили несколько пудов соленой рыбы, а осенью 1851 г. они ограбили ряд огородов под Ново-Архангельском и, как отмечал Розенберг, “сверх того были с их стороны предприняты и исполнены и другие противу Русских пакости...“ [Там же, л. 318об.—319об.].

В 1852 г. русские оказались косвенно втянутыми во внутриплеменной конфликт. У стен Ново-Архангельска произошло кровавое столкновение ситкинцев с прибывшими к ним индейцами рода наньяайи Стикин-куана, известное в англоязычной литературе как “ситкинская резня“. Вражда между родами кагвантан куанов Ситка и Чилкат, с одной стороны, и наньяайи Стикин-куана — с другой, началась еще в 1820-е гг. В легендах, собранных Р.Л. Олсоном, указываются две возможные причины этой вражды: спор из-за прав на использование тотема Касатки и соперничество из-за женщин [121, р. 29—30, 77—79]. В свое время И.Е. Вениаминов упоминал о крайне неудачном походе ситкинцев на стахинцев (стикинцев) [8, с. 124—125]. Ситкинцы и их союзники кагвантаны из куана Чилкат были разгромлены в 1829 г. и,

по данным Н.Я. Розенберга, потеряли не менее 70 воинов [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 307об.—308]. Как заявили сами кагвантаны Ф.П. Врангелю в 1831 г., причиной их поражения был недостаток боеприпасов (см. Документальное прил., с. 268—269). Стычки между враждующими родами продолжались до 1850-х гг., причем за наньяйи “числилось” еще около 40 “неотомщенных” кагвантанов. Наконец в начале 1851 г. от стикинцев прибыл парламентар, который предложил кагвантанам передать им в рабство в качестве возмещения за убитых 12 мужчин и 5 женщин из рода наньяйи, а оставшуюся “недостачу” возместить мехами и европейскими товарами. Кагвантаны приняли это предложение наньяйи и даже сами отправились для окончательных переговоров к устью Стикина. Однако стикинцы не выполнили своих обещаний, а ограничились лишь несколькими небольшими подарками ситкинцам. Хотя мир между наньяйи и кагвантанами был формально заключен, последние были им совершенно не удовлетворены. Стикинцы же, в свою очередь, чувствуя его непрочность, остерегались приезжать в Ново-Архангельск большими партиями, а посылали туда для торговли лишь группы в несколько человек. Но все-таки в феврале 1852 г. в селение ситкинцев приехал, как писал в своем донесении Розенберг, “стахинский тоен Танаяка со всем почти своим родом с женщинами и детьми, всего в числе 50-ти душ” [Там же, л. 308—310]. Ситкинцы, давно жаждавшие мести, внезапно напали на гостей во время плясок и убили 40 чел. (25 мужчин, включая вождя Танаяка, 9 знатных тлинкиток и 6 детей). От гибели спаслись лишь несколько женщин (они принадлежали к другим родам и поэтому были отпущены кагвантанами) и трое стикинцев (один из них был сыном Танаяка). Последние укрылись в русской крепости и затем отправились в Стахин на каноэ. Со стороны кагвантан в “ситкинской резне” погибли только один мужчина и один мальчик, несколько воинов было ранено. В резне участвовали не только кагвантаны куанов Ситка и Акой, но, судя по косвенным данным, также тлюкнахади из куанов Акой и Якутат и даже несколько человек из рода ситка-киксади [Там же, л. 311—315; 104, pt I, p. 279—284]. Согласно преданию, ситкинцев возглавлял Якван [103, p. 156], который, по данным Дж. Р. Свэнтонa [127, p. 405], был вождем “Дома Звезды” из линиджа ситка-кагвантан. Он был, видимо, крещеным, так как упоминается в русских

документах как “колошенский кагвантан Александр Якван” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1025, л. 102об.]³⁷.

Колониальная администрация узнала о готовящейся резне почти за час до ее начала, но Розенберг решил занять выжидательную позицию, мотивируя свое невмешательство параграфом № 260 Устава Российско-Американской компании, который запрещал представителям компании вмешиваться в дела “независимых инородцев”, за исключением случаев, когда последние специально об этом попросят. Такая позиция Розенберга впоследствии неоднократно подвергалась критике, в том числе со стороны Главного правления РАК, которое обычно рьяно защищало “честь мундира” [22, с. 490—491].

Политика невмешательства колониального начальства в конфликт между стикинцами и ситкинцами 1852 г. имела серьезные последствия для русских. Сам Розенберг отмечал в своем донесении в Главное правление, что после этой резни “наглость колош” еще более возросла. Опасаясь мести стикинцев, они стали устраивать в своем селении у стен Ново-Архангельска маневры со стрельбой из ружей, едва не ранив при этом несколько русских. В конце концов главный правитель пригрозил, что, если индейцы не прекратят провокации, он прикажет начать учения на судах и в крепости с пушечной стрельбой через их селение. Эта угроза на какое-то время утихомирила тлинкитов. Однако вскоре они предприняли попытку ночного штурма Ново-Архангельска, которая не завершилась для них успехом, поскольку русские были предупреждены о готовившемся нападении одним из чилкатских вождей и успели принять контрмеры. При выяснении причины этого инцидента тлинкитские вожди заверяли Розенберга, что от тлинкиток, живших с русскими, они будто бы узнали о предстоящем погроме индейцев и хотели это “упредить”.

За этим инцидентом последовал еще ряд провокаций, которые вынудили Розенберга закрыть на месяц “колошенский рынок” (рынок был вновь открыт лишь после настоятельных просьб тлинкитов и обещаний “исправиться”).

Сами ситкинцы, писал Розенберг, очень боялись мести стикинцев, и нередко по ночам в их селении у стен Ново-Архангельска вспыхивала паника, сопровождавшаяся беспорядочной стрельбой из ружей. Общими усилиями ситкинцы укрепили свое селение со стороны леса частоколом и однажды, засев за ним, в течение нескольких часов обстреливали окружающий лес, подозревая,

что в нем скрываются стикинцы [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 320—325].

Нападение стикинцев, которого так опасались ситкинцы, произошло, но не на них, а на русских. Отряд воинов куана Стикин обрушился на маленькое русское поселение из трех домиков на Горячих Ключах (в 20 верстах от Ново-Архангельска). Из девяти служащих РАК, находившихся там на лечении, один был убит, один ранен, а остальные бежали через горы в Озерский редут (см. Документальное прил., с. 284—285). Поселение русских было разграблено и сожжено индейцами. Стикинцы атаквали Горячие Ключи, полагая, что в поселении от них скрываются ситкинцы.

В ряде работ, касающихся описанных событий, авторы допускают неточности. Так, например, К.Л. Эндрюс, К. Халлей, Р.Л. Гибсон ошибочно сообщают, будто стикинцы в 1852 г. атаквали и уничтожили Озерский редут [259, р. 117; 289, р. 177; 282, р. 12—13]. В действительности, как уже говорилось, нападению стикинцев подверглось лишь маленькое русское поселение (в три домика) на Горячих Ключах. Озерский же редут, по данным источников, продолжал существовать вплоть до продажи Аляски в 1867 г. [18, т. V, с. 304].

После разорения поселения на Горячих Ключах ситкинцы, как писал Розенберг, “были в отчаянии”, так как опасались мести русских за причиненный ущерб. Индейцы успокоились лишь после того, как выдали главному правителю “трех буянов Кухонтанского рода” в качестве мирных заложников. Но еще до истечения оговоренного срока эти “трое негодяев”, по выражению Розенберга, убедившись в миролюбии русских, запросились домой, в свое селение, и главный правитель выпустил их из Ново-Архангельска [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 546—547].

После этих бурных событий в русско-тлинкитских отношениях наступает непродолжительный период затишья. “С окружающими дикими сохранены мир и спокойствие”, — доносил Н.Я. Розенберг в Петербург 2 декабря 1853 г.

С.В. Воеводский, занявший в 1854 г. пост главного правителя, придерживался в отношении тлинкитов более жесткой политики. Он вообще считал невыгодным их использование на работах, компании, поскольку, хорошо зарабатывая на заготовке дров и льда (лед поставлялся американцам в Сан-Франциско), тлинкиты почти перестали снабжать Ново-Архангельск свежей провизией.

Кроме того, Воеводский запретил тлинкитским вождям свободно заходить в порт для торговли, как это было принято раньше. Этот запрет вызвал своеобразную “забастовку” индейцев: они отказались выполнять свою обычную работу для нужд РАК, всячески демонстрируя свое недовольство. Теперь для несения караульной службы приходилось назначать только здоровых людей, отвлекая их от основных работ, тогда как прежде на постах находились обычно больные, слабые и старые. Хотя весной 1854 г. вместе с Воеводским в Ново-Архангельск прибыло 22 военных матроса, они не могли существенно усилить его гарнизон. Правда, несколько позднее в том же году в Ново-Архангельск было переброшено из Аянского порта около 100 “нижних чинов” с двумя обер-офицерами из состава сибирского линейного батальона № 14 [17, с. 337; 248, с. 162]. Необходимость такого шага была продиктована начавшейся Крымской войной (1853—1856 гг.) и стремлением военной администрации Сибири в связи с этим подкрепить русские колонии в Америке регулярными частями. Тем не менее их присутствие не стало надежной гарантией безопасности Ново-Архангельска от выступления индейцев.

10 марта 1855 г. несколько ситкинцев напали на военного матроса, охранявшего дровяной сарай компании, и серьезно ранили его. “Поводом к этому дерзкому поступку, — писал С.В. Воеводский, — было не что иное, как только виденное ими в часовом препятствие к краже компанейских дров, от них же купленных, для перепродажи их Компании вторично, что весьма часто случалось” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 77]. Главный правитель потребовал от индейцев, чтобы виновные в нападении немедленно выехали из туземного селения у Ново-Архангельска и никогда не возвращались в него. В ответ ситкинцы, вооружившись ружьями, стали угрожать крепости. Русский гарнизон был поднят по тревоге. Два холостых пушечных выстрела, произведенных для устрашения индейцев, не только не испугали их, а, напротив, привели в ярость. Одни из них бросились к крепостным стенам и начали рубить палисад, другие пытались проникнуть в порт, третьи же устремились вдоль крепостной стены, намереваясь обойти ее со стороны леса у озера и оттуда ворваться в Ново-Архангельск. Один из индейцев, выстрелив в упор в приказчика Ф. Кузнецова, находившегося на “Колошенской батарее”, смертельно ранил его. Это послужило поводом для открытия русскими огня. Индейцы отхлынули от палисада и, засев

за пнями и валунами, начали обстрел крепости. Другие кинулись к так называемой “Колошенской церкви”, стоявшей неподалеку от стен Ново-Архангельска, заняли ее как укрепленный пункт и открыли из ее окон стрельбу по русскому гарнизону. Та часть ситкинцев, что намеревалась ворваться в Ново-Архангельск со стороны леса, была встречена огнем трех полевых орудий высланного навстречу отряда русских. Именно здесь индейцы, как отмечал П.Н. Головин, потеряли несколько человек убитыми и ранеными, в том числе несколько женщин и детей, случайно оказавшихся под обстрелом во время бегства из ситкинского селения в лес [17, с. 341]. После перестрелки, продолжавшейся около двух часов (со стороны русских была задействована крепостная артиллерия), тлинкиты запросили мира и выдали в качестве заложников восемь человек [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 73об. — 74].

Как в общей оценке этого столкновения, так и в указании потерь обеих сторон в источниках существует расхождение. По данным П.А. Тихменева, русских в этом сражении было убито 2 чел. и 19 чел. ранено; ситкинцы же потеряли до 60 чел. убитых и раненых [66, ч. II, с. 207—208]. Н.П. Головин уточняет потери русских: из девятнадцати раненых четверо позднее умерли от ран; таким образом, всего погибло 6 русских [17, с. 341]. По архивным же источникам, на которые ссылается Р.Л. Гибсон, в этой перестрелке погибло 7 служащих компании и 16 было ранено, а индейцы потеряли более 100 чел. [283, р. 12]. Такие же данные о потерях индейцев содержатся в Докладе Комитета об устройстве русских американских колоний [22, с. 81]. Однако, согласно донесению С.В. Воеводского, они были в два раза меньше. “Сколько у Колош убито, — писал он в Петербург, — мне неизвестно, они желая поддержать мнение о себе скрывают это, но полагать должно, что убито и ранено около 50 человек” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 76]. Точные потери русских в этом столкновении приведены в Документальном приложении (см. с. 285—286).

Диаметрально противоположные точки зрения при оценке исхода столкновения высказывали П.А. Тихменев и П.Н. Головин. Тихменев полагал, что события 1855 г. кончились “полным поражением дикарей” [66, ч. II, с. 207]. Головин, напротив, отмечал, что явное превосходство в этом сражении было на стороне тлинкитов, которые, по его словам, “хорошо поняли, что перевес ос-

тался за ними и до сих пор хвалятся этим“ [17, с. 340]. Эту же точку зрения разделял и С.Б. Окунь [222, с. 196—197]. Анализируя, однако, донесения С.В. Воеводского, можно прийти к выводу, что в этом сражении не было ни побежденных, ни победителей, хотя, возможно, определенное преимущество осталось все-таки за русскими.

О подробностях “бунта“ было доложено императору, который повелел “объявить свое благоволение“ главному правителю колоний “за принятие скорых и деятельных мер к прекращению возникших беспорядков“. За “дело с колошами 1855-го года“ знаком отличия военного ордена был награжден тяжело раненный в перестрелке с тлинкитами матрос Михаил Васильев; еще два матроса, рядовой сибирского батальона № 14 и “служитель из финляндцев“ Александр Нюланд, были удостоены серебряных медалей с надписью “За храбрость“ на георгиевской ленте [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1023, л. 92об.].

После описанных событий отношения между тлинкитами и русскими постепенно нормализовались и оставались стабильными вплоть до продажи Аляски США. “С 1855 года никаких особенных дерзостей с их [индейцев] стороны не испытано...“, — писал С.В. Воеводский [51, с. 63]. Исключением было разве что нападение стикинских воинов на семи каноэ (в сентябре 1855 г.) на четырех мирных жителей Ново-Архангельска, направлявшихся на тлинкитском каноэ в сопровождении двух ситкинцев в Озерский редут. При этом нападении в живых остался только один русский. Стикинцы объясняли впоследствии эти свои действия тем, что приняли якобы ехавших за своих врагов ситкинцев (см. Документальное прил., с. 286—287) [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 136об.—137].

Сменивший С.В. Воеводского на посту главного правителя И.В. Фуругельм начал проводить политику сближения с независимыми туземцами, которую в свое время с успехом осуществлял А.К. Этолин. Закупки продовольствия у тлинкитов опять расширились. В 1860 г. возобновились рейсы парохода по проливам, который побывал у различных тлинкитских селений. Когда он остановился у устья Стикина, местные индейцы очень дружелюбно встретили русских и даже просили восстановить у них свое селение. Для этого они предлагали использовать Дионисиевский редут, сохраненный ими после того, как его оставили англичане [Там же, д. 1025, л. 164—164об.].

Русская администрация в эти годы стала шире привлекать тлинкитов для работ в порту и на судах [15, с. 133]. Значительно возросли и закупки тлинкитами товаров у РАК. Если раньше, как отмечал П.Н. Головин, они закупали до 100 пудов муки в год, то в начале 1860-х годов стали брать более 100 пудов в месяц [15, с. 49—50]. Об улучшении отношений между тлинкитами и русскими свидетельствует тот факт, что жители селения Нальтушкан (куан Хуцнуву) в 1861 г. помогли экипажу парохода “Николай I”, потерпевшего крушение в проливе Чатам [66, ч. II, с. 226—227].

В литературе сложилось, очевидно, ошибочное мнение, что вплоть до продажи Аляски США в 1867 г. русским в Ново-Архангельске приходилось жить под постоянной угрозой нападения со стороны тлинкитов (см., напр.: [222, с. 196; 283, р. 13]). При этом авторы обычно ссылаются на материалы П.Н. Головина и С.А. Костливцова, опубликованные в Приложении к Докладу Комитета об устройстве русских американских колоний [17, с. 339; 33, с. 69]. Однако, на наш взгляд, в этих материалах акцент на негативные стороны в русско-тлинкитских отношениях преувеличен. Авторы, являясь официальными ревизорами деятельности РАК, стремились выявить и подчеркнуть в ней недостатки и просчеты, в частности в отношении туземцев Русской Америки. О том, что русские в начале 1860-х годов жили в Ново-Архангельске отнюдь не в осаде, свидетельствуют высказывания самого Головина [15, с. 47, 110; 16, № 6, с. 291]. Русские не только не были на положении осажденных, но и активно вмешивались в дела независимых индейцев. В одном из личных писем Головин описал столкновение между ситкинцами и якутатцами (приехавшими для торговли) у стен Ново-Архангельской крепости, едва не приведшее к большому кровопролитию. Главный правитель И.Ф. Фуругельм, узнав о готовой вспыхнуть резне, послал к индейцам парламентаря, требуя немедленно заключить перемирие. Когда индейцы пытались возражать против ультиматума Фуругельма, говоря, что русские не имеют права вмешиваться в их внутренние дела, главный правитель приказал выдвинуть орудия на батареи. Тлинкитам было заявлено, что если они не прекратят “шум” и не разойдутся по домам, то по их селению будет открыт огонь. Туземцы, зная, что главный правитель сдержит свое слово, поспешили разойтись. Перемирие при посредничестве русских было вскоре заключено [16, № 6, с. 289—295]. Как ви-

дим, русские могли осуществлять достаточно жесткий контроль, по крайней мере над ситкинцами, жившими у стен Ново-Архангельска. Ни о какой осаде крепости со стороны индейцев не было и речи. Что касается тлинкитов, обитавших в проливах, то об их отношении к русским П.Н. Головин писал: «...они если и не враждебны к нам, то и не дружественны, а как сами они говорят, "терпят русских"» [15, с. 47—48].

Русские со своей стороны пытались оказывать тлинкитам посильную помощь. Так, когда в 1862 г. на Северо-Западном побережье началась новая эпидемия оспы, Фуругельм уговорил ситкинцев провести противооспенную вакцинацию в новоархангельской больнице. Кроме того, для этой же цели он послал врача и фельдшера на пароходе "Александр II" по проливам. К счастью для тлинкитов, эта эпидемия оказалась гораздо слабее предыдущей (в селении у Ново-Архангельска от оспы умерло только 3 чел.), и поэтому индейцы, жившие в проливах, даже отказывались от прививок [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1026, л. 91—91об., 123].

Для усиления русского влияния на стикинцев Фуругельм назначил их главному вождю жалование от РАК в размере 350 руб. в год и подарил ему русский флаг.

Последним эпизодом, омрачившим русско-тлинкитские отношения в 1860-е годы, было убийство на рыбалке алеута А. Башурова. Схваченный по подозрению в убийстве ситкинский "Колош Фома" был отправлен Фуругельмом в ссылку на Кадьяк до выяснения всех обстоятельств дела [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1026, л. 3об., 33—33об.].

После этого тлинкиты не проявляли враждебности к русским. Последний главный правитель Русской Америки князь Д.П. Максутов (1863—1867 гг.) писал в мае 1866 г.: "В настоящее время мы находимся в самых мирных отношениях со всеми колошами..." Через год он доносил в Петербург: "В Колониях Российско-Амер. К^о по последним известиям из отделов обстоит благополучно, с окружающими дикими народами сохранены мир и согласие..." [Там же, д. 1027, л. 7об.—8, 52об.]. До 18 октября 1867 г., когда русский флаг был в последний раз поднят над Ново-Архангельском, оставалось всего полгода.

И все-таки, как бы ни складывались отношения между русскими и тлинкитами, последние никогда не считали себя подданными Российской империи и были убеждены в том, что земли всей Юго-Восточной Аляски при-

надлежат им. Русских же они рассматривали лишь как “пришельцев”, а не как соотечественников и тем более не как хозяев земли [17, с. 330; 33, с. 238]. Поэтому, узнав о состоявшейся продаже Аляски американцам, их вожди на межобщинных сходах протестовали против этого акта, так как, по их мнению, русские не имели права “продавать страну тлинкитов” [274, р. 207].

В целом заключительный этап истории Русской Америки отмечен наибольшим сближением тлинкитов с русскими, которое достигло наивысшей точки в середине 1840-х годов.

5.2. Тлинкиты и Компания Гудзонова залива. После англо-американской войны (1812—1815 гг.) английские скупщики пушнины практически прекратили свои торговые экспедиции на северо-западное побережье Америки. Лишь к концу 1820-х годов англичане вновь появляются в этом районе, на сей раз под эгидой Компании Гудзонова залива. После урегулирования в 1825 г. вопроса о разграничении владений Великобритании и России в Северной Америке и заключения конвенции о свободе мореплавания и торговли в Юго-Восточной Аляске Компания Гудзонова залива активно приступила к строительству на Северо-Западном побережье укрепленных факторий. В 1827 г. англичане основали в устье р. Фрейзер Форт-Лэнгли, в 1831 г. — в устье р. Насс Форт-Насс, который в 1834 г. был перенесен на о-в Дандас и переименован в Форт-Симпсон. В 1833 г. компания строит Форт-Мак-Логлин [274, с. 195; 279, р. 137—138].

Планы компании Гудзонова залива, писал американский историк Дж. С. Гэлбрайт, были рассчитаны прежде всего на вытеснение с Северо-Западного побережья американских морских торговцев как главных конкурентов. Для этого агенты британской компании разработали целую систему расценок на пушнину³⁸, при помощи которой вскоре удалось почти полностью вытеснить с побережья американских торговцев: в 1833 г. на всем Северо-Западном побережье не побывало ни одного американского судна [279, р. 140]. Кроме того, Компания Гудзонова залива в конкурентной борьбе с американскими торговцами стремилась заручиться поддержкой русских. В 1829 г. на судне “Кодборо” в Ново-Архангельск прибыл лейтенант Эмилиус Симпсон с предложением КГЗ главному правителю П.Е. Чистякову обеспечивать русские колонии продовольствием и товарами. Прежде эту функцию достаточно успешно осуществляли американские шкиперы. Руководство КГЗ надеялось, что, пе-

рехватив инициативу у американских торговцев, оно лишило их таким образом повода посещать Северо-Западное побережье. Надо сказать, что Чистяков в целом довольно благосклонно отнесся к этому предложению англичан, и не только по чисто экономическим соображениям. Он доносил в Петербург, что соглашение с КГЗ могло бы стать известной гарантией неприкосновенности русских колоний в случае военного конфликта между Россией и Великобританией. Помимо этого, считал он, союз российской и английской компаний сулит обеим сторонам определенные выгоды во взаимоотношениях с независимыми, воинственными индейцами Северо-Западного побережья [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 993, л. 504—508]. Однако непосредственные преемники П.Е. Чистякова — Ф.П. Врангель и И.А. Купреянов — не разделяли его точку зрения по этому вопросу.

Быстрое продвижение англичан на север к границам Русской Америки и появление судов Компании Гудзонова залива в проливах архипелага Александра не на шутку встревожили администрацию русских колоний. Хотя британцы почти полностью вытеснили американских торговцев с Северо-Западного побережья, это мало радовало главных правителей Русской Америки, поскольку англичане продолжали традиции своих предшественников, снабжая тлинкитов оружием и спиртными напитками. Кроме того, РАК оказалось трудно конкурировать с Компанией Гудзонова залива, так как ее транспортные расходы были гораздо выше, а это вызывало удорожание товаров. Англичане же могли платить индейцам за пушнину в три раза больше, чем РАК [282, р. 200]. И наконец, основание британских факторий в непосредственной близости от русских владений грозило окончательно подорвать позиции русских в Юго-Восточной Аляске и их торговлю с тлинкитами. Все это и побудило Врангеля выстроить в 1833 г. в устье Стикина Дионисиевский редут, чтобы воспрепятствовать попыткам англичан подняться в верховья реки. Хотя местные тлинкиты не были против основания британского поста в устье Стикина и даже приглашали англичан на поселение, они категорически выступили против проникновения англичан в верховья реки, и в этом их позиции полностью совпадали с позицией русских.

Несмотря на неудачу, постигшую англичан у Стикина в 1834 г., они не отказались от планов заполучить пушнину тлинкитов и атапасков Скалистых гор. Один из агентов Компании Гудзонова залива “чиф фактор”

Расценки на пушнину в фортах компании Гудзонова залива на Северо-Западном побережье*

Количество и наименование товара	Пушнина
400 средних цуклей (раковин денталий)	1 большой речной бобр**
120 цуклей 1-го сорта	1 речной бобр
1 одеяло черное фризское, 2 кружки рома с водой и 4 папуши табака	1 речной бобр
2(?) белых одеяла, 2 кружки рома с водой и 4 папуши табака	То же
25 аршин миткала серого узкого	» »
25 » » белого	» »
10 фунтов пороха и 25 фунтов дроби	» »
1 бочонок пороха в 2 пуда 25 фунтов	10 речных бобров
1 железный капкан	1 большой речной бобр
5—10 аршин миткала	1 выдра

Когда на побережье появлялись американские торговцы, расценки несколько изменялись:

2 одеяла (одно из них дорогое)	1 речной бобр
1 бочонок пороха в 28 фунтов	2 речных бобра
1 » » в 2 пуда 25 фунтов	5—6 речных бобров

* Таблица составлена по донесению И.А. Купреянова в Главное правление РАК от 25 мая 1840 г. "Об узнании по секрету в какой мере и какими товарами Англичане платят Колошам в нашем соседстве за различные меховые шкуры..." [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1005, л. 317—318].

Если индеец продал КГЗ 20 больших речных бобров, он получал поощрительный подарок: сюртук с броками из сукна, хлопчатобумажную рубаху, четыре кружки рома с водой, одно жестяное ведро, красный пояс ("который употребляется у Колош для украшения ушей"), несколько кремней, четыре папуши табаку и нож. Если индеец променял 10 бобров, то получал в подарок рубаху, четыре кружки рома с водой, четыре папуши табаку и красный пояс. Если индеец менял 5 бобров, то получал только четыре кружки рома, четыре папуши табаку и несколько кремней.

Джон Уорк писал в 1835 г., что он будет давать приезжающим к нему тлинкитам куанов Стикин и Тонгасс по три галлона ликера за одну шкурку речного бобра вместо двух [281, р. 114], а в 1837 г. управляющий Форт-Симпсона доктор Дж. Кеннеди покупал у кайгани каланью шкуру за 10 одеял, лишь бы пушнина не досталась русским или американцам [277, р. 28—29] (табл. 9). Такая политика КГЗ приносила свои плоды. Главный правитель Русской Америки И.А. Купреянов писал в 1839 г.: "Год от году вижу более и более привлекаются Колоши из наших мест на Английскую границу, и чтобы наконец не было поздно, должно ныне и с нашей стороны поддержаться товарами" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1004, л. 403об.].

Одновременно англичане не оставляли попыток проникнуть на земли внутриматериковых атапасков, от которых стикинцы и другие тлинкиты получали основную массу пушнины. При этом англичане продвигались на земли атапасков не с побережья, блокированного русскими при поддержке тлинкитов, а из бассейнов рек Фрейзер и Маккензи. В 1838 г. агент КГЗ Роберт Кэмпбелл построил факторию Дис-Лэйк на землях талтан. Правда, она просуществовала всего несколько месяцев, так как местные индейцы, подстрекаемые тлинкитскими торговцами, изгнали из нее англичан в том же году. Изгнанные англичане столкнулись в верховьях Стикина с тлинкитами куана Стикин, возглавляемыми Шейксом, которые торговали там русскими товарами. Как сообщал сам Кэмпбелл, стикинцы были столь враждебно настроены, что его отряд спасло лишь дружественное расположение женщины-вождя местных атапасков талтан [125, vol.1, p. 211; 259, p. 103].

После ратификации с русскими договора об аренде части материкового побережья Русской Америки в 1839 г. Компания Гудзонова залива развернула еще более активную экспансию на земли тлинкитов и их торговых партнеров. 1 июня 1840 г. англичане в соответствии с соглашением, заключенным с Российско-Американской компанией, заняли Дионисиевский редут, переименовав его в Форт-Стикин (реже — Форт-Хайфилд). В этом же году они построили на побережье бухты Таку (к северу от Форт-Стикина) хорошо укрепленный бастионами Форт-Таку (официальное название — Форт-Дархэм). Однако уже в 1843 г. Компании Гудзонова залива пришлось эвакуировать эту факторию после нескольких столкновений с местными тлинкитами Таку-куана [125, vol. 1, p. 215; 289, p. 162]. КГЗ сочла более выгодным использовать для торговли с индейцами этой части Северо-Западного побережья свои суда. Вместо форпоста на далеком “русском” севере англичане основали в 1843 г. Форт-Виктория на южной оконечности о-ва Ванкувер, куда в 1846 г. была переведена штаб-квартира КГЗ. Вскоре Виктория превратилась в один из самых оживленных торговых центров Британской Колумбии.

Что касается Форт-Стикина, то его положение в течение ряда лет было очень ненадежным. Когда русские оставляли Дионисиевский редут, стикинцы выражали сожаление по этому поводу и откровенно недоброжелательно встретили англичан [45, с. 88]. Вот что писал по этому поводу приказчик РАК А. Марков, побывавший в

1840-е годы в Русской Америке: “Несколько раз Стахинские Калюжи покушались сжечь всю крепость, в которой поселились Англичане; но тщательные и строгие караулы не допустили дикарей к совершению этого гибельного замысла. Англичане находились в это время в таком положении в отношении к диким, как некогда Русские во времена Баранова. Однако потребность в товарах, которые сделались почти необходимыми к домашнему быту диких, заставила последних постепенно сближаться с Англичанами и производить с ними торговлю пушными товарами” [45, с. 90].

И все-таки, несмотря на установившиеся торговые отношения, время от времени проявлялась враждебность стикинцев к новым пришельцам. Инициатором большинства их “заговоров” против англичан был глава рода наньяйи Шейкс, который, по словам главного правителя КГЗ Дж. Симпсона, был “испорчен потворством русских”. К счастью для англичан, влияние Шейкса в “племени” было относительно невелико, хотя он и считался главным вождем стикинцев. Большим авторитетом, как отмечал Симпсон, пользовался второй “правитель племени” Куаткау³⁹, который, напротив, лояльно относился к англичанам. Взаимная вражда Шейкса и Куаткау служила некоторой гарантией сохранности форта [125, vol. 1, p. 211—212].

В 1842 г. Форт-Стикин был осажден тлинкитами нескольких куанов. Они пытались воспользоваться временным безначалием и распрями среди служащих Компании Гудзонова залива⁴⁰. Лишь своевременное прибытие английского парохода и вооруженного русского судна спасло Форт-Стикин от полного уничтожения [125, vol. 2, p. 181]. После этого инцидента англичане и тлинкиты мирно торговали друг с другом на протяжении нескольких лет. Однако в июне 1846 г. управляющий Форт-Стикина обратился за помощью в Ново-Архангельск, так как стикинцы вновь фактически осадили факторию. Приход русского парохода и посредничество чиновников РАК способствовали преодолению разногласий между индейцами и англичанами.

Тогдашнему главному правителю Русской Америки М.Д. Тебенькову пришлось всерьез заняться выяснением причин этого конфликта, поскольку в нем начальник Форт-Стикина обвинил русских. По мнению англичанина, причина враждебности индейцев крылась в “русском потлаче” (“игрушке”), устроенном Тебеньковым для тлинкитов в апреле 1846 г.: стикинцы теперь требовали

от англичан проведения подобного мероприятия. Кроме того, начальник Форт-Стикина выразил протест администрации русских колоний по поводу якобы имевшей место продажи индейцам рома, что нарушало соответствующее соглашение между РАК и КГЗ. Тебеньков же в своем донесении Главному правлению РАК (аналогичное послание было отправлено также руководству КГЗ) приводил по данному вопросу иные аргументы: "Во-первых, игрушка эта, — писал он о "русском потлаче", — выходит из общего порядка. Это эпоха теперешней хронологии Колош, их Олимпиада; на ней основываю я пятилетнее свое спокойствие — в отношении их... Во-вторых, это было подчивание — тут же выпить, а не выдача рома. Тут была не торговля, а Праздник..." Всего на "русском потлаче", как свидетельствовал Тебеньков, "вышло на подчивание", т.е. угощение, 15 $\frac{3}{8}$ ведра рома на 1600 чел. Другими словами, на каждого индейца пришлось всего по половине чарки рома два раза. Истинная причина "несогласия" между стикинцами и англичанами, как писал Тебеньков, заключалась в том, что последние не взяли на свой пароход одного из влиятельных стикинских вождей, который хотел проехаться на нем до Форт-Симпсона. Отказ оскорбил индейца, и он запретил своим соплеменникам торговать с англичанами и снабжать их продовольствием. Помимо этого, малочисленность гарнизона Форт-Стикина (16 чел., в том числе 9 больных гавайцев) давала тлинкитам определенные надежды на легкий захват фактории и ее разграбление [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1014, л. 8об.—10об.]. Конфликт между стикинцами и англичанами в 1846 г. едва не привел к эвакуации гарнизона Форт-Стикина, на чем настаивал его управляющий.

В 1847 г. Форт-Стикин опять попал в осаду и англичане вновь запросили помощи у русских. Посланному в октябре на пароходе Д.Ф. Зарембо удалось и на этот раз примирить конфликтующие стороны [Там же, д. 1016, л. 265об.—266; 44, с. 249]. В конце концов в 1848 г. англичане были вынуждены оставить Форт-Стикин.

Враждебность к англичанам обнаруживали также и чилкатцы, после того как в 1848 г. на территории их торговых партнеров атапасков тутчен Р. Кэмпбелл основал факторию Форт-Селкирк. В 1852 г. чилкатцы послали на 300 миль в глубь материка военную экспедицию, которая захватила и уничтожила эту английскую факторию. Попавших в плен британских торговцев отпустили с предупреждением, чтобы они не появлялись впредь на

торговой территории тлинкитов [272, р. 22]. Дж. Дуглас, британский губернатор о-ва Ванкувер, хотел наказать чилкатцев и просил помощи у русских. Однако администрация Русской Америки отнеслась к просьбе губернатора весьма прохладно, хотя со своей стороны обещала не препятствовать англичанам в поиске и наказании виновных, считавшихся формально российскими подданными [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1021, л. 189об.].

Конечно, взаимоотношения тлинкитов с англичанами не ограничивались лишь столкновениями и враждой. Основой их отношений была все же взаимовыгодная торговля, причем тлинкиты торговали с агентами КГЗ не только в Форт-Стикине и на судах КГЗ, посещавших проливы архипелага Александра, но и сами совершали длительные торговые походы на юг, в Британскую Колумбию. В такие путешествия они отправлялись обычно флотилиями, состоявшими из 10—12 каноэ: в пути всегда существовала опасность нападения со стороны индейцев других племен. Как говорится в тлинкитском предании, записанном Р.Л. Олсоном, “презренные квакиютлы” неоднократно атаковали такие флотилии с целью захвата тлинкитов в рабство, но, как правило, не имели успеха [121, р. 92].

Форт-Симпсон вскоре после основания стал торговым центром в районе прол. Диксон. Здесь происходили встречи и товарообмен между цимшианами, хайда, кайгани и южными тлинкитами [125, vol. 1, р. 206; 117, р. 337]. Однако уже в 1850-е гг. его главенствующее положение в торговле переходит к Виктории. Сюда устремлялись даже самые северные тлинкиты — якутатцы, чтобы обменять свою пушнину на английские товары [104, pt 1, р. 351]⁴¹. А кайгани, как отмечал И.В. Фуругельм, с 1857 г. вообще перестали навещать Ново-Архангельск, предпочитая сбывать свою пушнину и продукты в Виктории [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1025, л. 81об.].

В начале 1860-х гг. на Стикине вспыхнула “золотая лихорадка”. В Британской Колумбии пронесся слух о том, что в верховьях реки обнаружены богатые золотые россыпи. Уже в марте 1862 г. к устью Стикина подошла английская шхуна с первой партией старателей. Купив у тлинкитов несколько каноэ, они отправились вверх по течению. В мае того же года в устье реки скопилось около 20 шхун, доставивших новые партии старателей. Между пришельцами и местными индейцами часто

вспыхивали ссоры по различным поводам. Стикинцы даже убивали золотоискателей, присваивая их имущество. При этом они пытались переложить с себя ответственность на русских, уверяя всех, что совершают это по приказу главного правителя Русской Америки. В свою очередь, администрация российских колоний послала к устью Стикина вооруженный пароход для "прекращения возможных беспорядков". Одновременно вверх по реке была направлена партия русских старателей, возглавляемая инженером-технологом П.А. Андреевым. Однако вскоре выяснилось, что золотые россыпи в верховьях Стикина оказались очень бедны, и золотая лихорадка кончилась сама собой [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1026, л. 79—79об., 88об.—89, 90—91, 92—93].

В 1860-е гг. у Компании Гудзонова залива и Российско-Американской компании в южной части архипелага Александра появились новые конкуренты — мелкие торговцы из Британской Колумбии. Если РАК и КГЗ по взаимному соглашению 1842 г. воздерживались от открытой продажи индейцам водки и огнестрельного оружия, эти независимые торговцы стали завозить в Юго-Восточную Аляску ром в больших количествах (табл. 10). Один из них, некий Винцент Баранович (считавшийся подданным Австрии), явился в 1863 г. в Ново-Архангельск и просил у Фуругельма разрешения торговать с тлинкитами Стикина и кайгани о-ва Принц Уэльский, а также поселиться в "Кайганах", ради чего он соглашался принять русское подданство. Фуругельм решительно отказал авантюристу, которого в своем донесении характеризовал как "контрабандиста" и "негодяя", и приказал ему покинуть территорию Русской Америки [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1026, л. 87об.—88]. Баранович же и другие его "собратья по профессии" вовсе не собирались бросать доходный промысел. Поселившись у кайгани и южных тлинкитов, они продолжали завозить сюда спиртное и другие товары из британских владений. Это занятие было, конечно, небезопасно. Так, в августе 1865 г.⁴² тлинкиты куана Кэйк убили капитана и трех матросов маленькой английской шхуны "Ройял Чарли", занимавшихся контрабандой в водах Русской Америки (сами индейцы потеряли в стычке 4—5 воинов). После этого шхуна была прибукована к тлинкитскому селению и разграблена.

От воинственности тлинкитов страдали не только контрабандисты. Так, в мае 1865 г. тлинкиты Таку-куана, возвращавшиеся из Виктории, взяли на бордаж и

Сведения, собранные от калаш, о ценах, по которым они продают пушные промысла на иностранные суда

	руб., коп.
За морского бобра или матку: 9 одеял на сумму	140
1 кружка пороху 4 фунта	6
1 » картечи 5 »	3
5 папуш табаку виргинского	2
1 нож поварский	1
1 гребень роговой	50
1 напилек [напильник]	1,50
2 миски жестяные малые	4
5 бумажек краски [киноварь]	3,75
10 штук кремней	20
и водки от 2 до 5 бут. в подарок	

	161,95
За два бобра речных: 1 одеяло или миткалю 25 арш [ин] на сумму	20
» 1 лисицу чернобурую, 1 одеяло на сумму	20
» 1 » сиводушку [разновидность рыжей лисы]	20
» 1 » красную	20
» 1 выдру большую	20
» 1 » среднюю	20
» 1 медвежину большую: 15 ар[шин] ситцу по 1 р.	15
За 5 штук рысей в накидке: 1 одеяло 20 р. и 1 ситцевая рубаха 6 р.	26
» 1 волк большой, 1 одеяло среднее	18
» 1 росомаху, 1 одеяло	20
» кот морской, 1 одеяло среднее	18
» 10 штук тарбаганов [сурков] в накидке, 1 одеяло среднее	18
» 12 соболей [куниц] выходных, 1 одеяло	20

“Сверх того, перед торговлей и точно так же в заключение расторжки дают водку, особенно тем, у кого более промыслов”.

И с т о ч н и к: Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний [23, табл. XII] (1861 г.).

затем разграбили небольшую английскую шхуну в отместку за то, что англичане повесили в Виктории двух их сородичей за какое-то преступление [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1027, л. 60б.—70б., 109].

Главный правитель Русской Америки тех лет князь Максутов провел специальное расследование упомянутых инцидентов и пришел к выводу, что тлинкиты кэйк были невиновны, поскольку капитан “Ройял Чарли” сначала сам спаивал индейцев ромом, а потом убил одного из них из револьвера. Тлинкиты Таку-куана дейст-

вительно были виноваты, но наказывать их, на чем настаивала КГЗ, у МаксUTOва не было ни желания, ни возможности. Дело в том, что отношения между русскими и тлинкитами в этот период были хорошими и их нарушения ради интересов англичан не входило в планы главного правителя. В случае репрессий со стороны русских против них могли объединиться все куаны южных тлинкитов, и тогда уже самим российским колониям пришлось бы обращаться за помощью к русской тихоокеанской эскадре [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1027, л. 7об.—8].

Между тем руководство КГЗ посылало в Ново-Архангельск бесконечные жалобы и просьбы пресечь действия британских контрабандистов, обосновавшихся в российских владениях и существенно подрывавших торговлю КГЗ с тлинкитами. Однако русское колониальное начальство было просто не в состоянии установить эффективную блокаду проливов архипелага Александра, населенного независимыми и хорошо вооруженными туземцами. По мнению Д.П. МаксUTOва, даже присылка в колонии военного крейсера не приостановила бы незаконную торговлю. МаксUTOв оценивал ситуацию с британскими контрабандистами следующим образом: "Следить за этими торгашами и уловить их нет никакой возможности, так как все они, имея при себе Колошенских женщин, вступают с Колошами как бы в родство. Колоши, считая их своими родственниками, держат их сторону, складывают у себя их товары и развозят их по другим селениям, так что если в проливах и нет никого из Европейцев или Американцев лично, торговля их все-таки продолжается, и в настоящее время принимает все более и более широкие размеры" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1027, л. 108об.—109]. Британские контрабандисты не оставили Юго-Восточную Аляску даже после продажи Русской Америки США.

Таким образом, в период с 1830-х гг. и до 1867 г. контакты тлинкитов с англичанами носили сложный, а порой и противоречивый характер: взаимовыгодная торговля перемежалась с конфронтацией и столкновениями. И хотя англичане (наряду с русскими) были в те годы для тлинкитов основными поставщиками европейских товаров, индейцы еще в меньшей степени, чем за русскими, признавали их право на контроль над собой и своими землями (не случайно во время столкновений с англичанами в качестве посредников нередко выступали

именно русские, с авторитетом которых они все-таки считались).

5.3. Тлинкиты и американцы в 1821—1867 гг. Указ царского правительства 1821 г. о запрещении иностранным судам подходить к американским владениям России ближе 100 итальянских миль вызвал сильный негативный резонанс в американских и английских дипломатических кругах и крайнее недовольство американских торговцев. В ответ американские капитаны стали не только продавать индейцам огнестрельное оружие, что имело место и ранее, но и подстрекать тлинкитов к нападению на русских. Так, главный правитель М.И. Муравьев сообщал, что капитан одного американского брига продавал порох и ружья в Хуцнуву почти за бесценок, уверяя индейцев, что оружие им вскоре пригодится против русских [11, Сер. II, т. V, с. 87]. Однако серьезных выступлений тлинкитов против русских в годы действия указа от 4 (16) сентября 1821 г. не последовало в силу изложенных выше причин (см. раздел 5.1 данной главы).

Немало американских торговых судов годами плавало по проливам архипелага Александра, а их экипажи скупали у тлинкитов ценную пушнину. Зимовали они обычно на Гавайских островах или у какого-либо индейского поселения на Северо-Западном побережье. Излюбленным местом стоянки американских судов была бухта Тонгасс (Тонгасс Харбор). Так, в августе 1822 г. там находилось одновременно пять американских кораблей: “Фредерик“, “Лэскар“, “Хамильтон“, “Оухии“ и “Роб Рой“ [97, p. 148—149, 154, 157].

После заключения в 1824 г. конвенции между Россией и США об установлении границ, а также о регламентировании торговли и мореплавания на Аляске американцы продолжили свои торговые операции с тлинкитами уже на законных основаниях. Они, правда, постоянно нарушали соглашение, продавая индейцам оружие и спиртное, иногда прямо на рейде или в порту Ново-Архангельска. Это порой приводило к открытому столкновению интересов тлинкитов, американцев и русских. Так, в 1827 г. произошел инцидент с бригам “Эктив“ под командованием В. Коттинга. При выходе брига из порта Ново-Архангельска к нему пристали четыре каное ситкинцев, у которых американский капитан стал выменивать пушнину на ружья и ром. При этом один из влиятельных ситкинских вождей Навушкетл находился на борту американского судна. Внезапно ветер усилился,

и каноэ отстали от брига, который затем скрылся за горизонтом. Тлинкиты, решив, что их вождя увезли навсегда, стали открыто выражать свое недовольство русскими, а именно тем, что русская администрация запрещает им торговать с американцами прямо в порту и поэтому они вынуждены следовать за американскими судами в открытое море. Ситкинцы угрожали, что отныне они также не позволят тлинкитам других куанов торговать с русскими в Ново-Архангельске. К счастью, бриг "Эктив" вскоре возвратился назад и Навушкетл вернулся к сородичам. После этого инцидент был исчерпан и ситкинцы успокоились [ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1282, л. 3—5об.; АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 992, л. 254—256об.].

Однако, несмотря на заключение выгодной конвенции, с середины 1820-х гг. американские суда все реже появляются в проливах архипелага Александра, а к 1830-м гг. американские скупщики пушнины лишь изредка посещают этот регион. Причиной этого было почти полное истребление калана на Северо-Западном побережье и конкуренция со стороны Компании Гудзонова залива. Но контакты тлинкитов с американцами не прекратились. Американских скупщиков пушнины сменили китобойцы, промышленявшие в северной части Тихого океана.

Первые американские китобойцы — "Бивер" из Нантакета и "Ребекка" из Нью-Бедфорда — появились в Тихом океане еще в 1791 г. [261, р. 112]. Впоследствии их количество значительно возросло, и они стали все чаще наведываться в северную часть Тихого океана. В 1841 г. американские китобойцы появились в водах Русской Америки, и некоторые из них заходили в проливы архипелага Александра для отдыха команды и торговли с индейцами. При этом последним за продовольствие и пушнину сбывались оружие и ром [15, с. 113].

В августе 1843 г. в порт Ново-Архангельска зашел китобоец "Хамильтон", капитан которого Джон Коул начал скупать у ситкинцев меха, несмотря на заранее сделанное А.К. Этолином предупреждение [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1009, л. 479—479об.]. Администрация русских колоний, ограниченная строгим регламентом, не могла справиться с такими "наглыми гостями".

О размахе китобойного промысла свидетельствуют следующие факты: только летом 1850 г. в районе Берингова пролива плавал целый флот из 144 китобойцев, в следующем году их было там 145. Правда, 1851 г. ока-

зался беспрецедентным по потерям судов: не менее 7 китобойцев потерпело крушение или было затерто льдами в арктических водах, принадлежавших России [Там же, ф. Гл. архив 1—9, 1852 г., д. 15, л. 5—5об.]. Учреждение Российско-Американской компанией в 1844 г. ограниченного крейсерства, направленное против “своевольств” иностранных китобоев, успеха не возымело, поскольку выделенный для этих целей бриг “Чичагов” был не в состоянии в одиночку патрулировать гигантские районы северной части Тихого океана [ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1321, л. 1об.—44об.].

Американо-тлинкитские отношения в этот период не ограничивались торговлей индейцев с китобоями в проливах архипелага Александра. В середине XIX в. южные тлинкиты вместе с хайда и кайгани участвовали в дальних экспедициях на юг до зал. Пьюджет-Саунд (территория США). Так, во время войны с индейцами Орегона в 1856 г. американские поселенцы опасались, что к местным туземцам примкнут “северные индейцы”, эти, по выражению американского историка Дж. У. Фуллера, “пираты великих внутренних морей”. Поэтому, когда крупная группа хайда и тлинкитов разбила свой лагерь у Порт-Жамбль, капитан американского парохода “Массачусетс” потребовал от них удалиться с территории США. Индейцы отказались уехать, после чего их лагерь подвергся обстрелу с американского судна. Индейцы понесли большие потери, их каноэ и провизия были уничтожены, и в конце концов они вынуждены были сдаться. После этого их депортировали в Викторию, а оттуда они разъехались по родным селениям. В отместку за бомбардировку у Порт-Жамбля индейцы позднее захватили две американские шхуны и перебили весь экипаж. В столкновении 1856 г. погиб один из влиятельных вождей тлинкитов куана Кэйк. В 1857 г. тлинкиты послали в Орегон специальную военную экспедицию, участники которой, в отместку за смерть вождя, убили американского полковника А.Н. Эби и привезли его голову как трофей на Аляску [276, р. 237].

Передача Аляски американцам отнюдь не обрадовала тлинкитов, так как, по словам А. Краузе, они хорошо были знакомы с “нравами” американских китобоев [101, р. 46].

В целом 1821—1867 гг. характеризуются относительно ограниченными американо-тлинкитскими отношениями в сравнении с предыдущим периодом или в сопостав-

лении со связями в эти годы тлинкитов с русскими и англичанами.

*

*

*

Подводя итоги истории взаимоотношений тлинкитов с европейцами, следует отметить, что они отличались в период Русской Америки определенным динамизмом: мирные отношения и торговля перемежались с конфронтацией и столкновениями.

Тлинкиты были одними из первых индейцев Северо-Западного побережья, с которыми встретились европейские путешественники (экспедиция Беринга — Чирикова 1741 г.). Исследование Юго-Восточной Аляски и развитие здесь пушной торговли в последней четверти XVIII в. привели к контактам с тлинкитами представителей Испании, Франции, Англии, России и США. Особую роль в судьбе этих индейцев сыграли их взаимоотношения с русскими, поскольку в конце XVIII в. — 1867 г. их земли номинально входили в состав Российской империи. Прямые и косвенные посягательства Российско-Американской компании на экономическую или политическую независимость этих туземцев вызывали упорное сопротивление последних. Следует подчеркнуть, что в целом ни одно из аборигенных племен Аляски не оказывало такого противодействия русской колонизации, как тлинкиты. Это было обусловлено, по-видимому, рядом причин: свободным доступом этих индейцев к огнестрельному оружию, их большим опытом в военном деле, благоприятными географическими условиями для ведения партизанской войны: в случае неудачных военных действий они могли легко укрыться в лесах, в глубине островов и фиордов. Главная же причина, почему тлинкитам в период Русской Америки удалось сохранить свою независимость, заключалась в экстенсивном характере русской колонизации и крайней малочисленности русского населения на Аляске. Это и предопределило провал попыток РАК подчинить себе многочисленных и хорошо вооруженных тлинкитов.

Аналогичной была реакция тлинкитов также на попытки англичан закрепиться на их исконных землях и землях их торговых партнеров. Сопротивление тлинкитов вынудило англичан отказаться на какое-то время от колонизации ряда районов Северо-Западной Канады и территории, арендованной у РАК в 1839 г.

Однако основой взаимоотношений тлинкитов и европейцев были все-таки не конфликты, а взаимовыгодная торговля, ставшая в период Русской Америки важной составной частью жизни этих индейцев.

Глава 3

ВЛИЯНИЕ КОНТАКТОВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ НА КУЛЬТУРУ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ТЛИНКИТОВ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

1. ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЛИНКИТОВ

1.1. Рыболовство, охота, собирательство. Приход европейцев на Северо-Западное побережье привел к некоторым изменениям в хозяйственной деятельности тлинкитов, хотя далеко не все сферы этой деятельности подверглись одинаковому воздействию со стороны европейской культуры (термин употребляется здесь в широком смысле слова). Рыболовство, охота и собирательство по-прежнему оставались ведущими отраслями индейского хозяйства.

Наименьшему воздействию подверглось рыболовство — эта основа основ жизни тлинкитского общества. Оно было хорошо приспособлено к местным экологическим условиям и, развиваясь в течение сотен и тысяч лет, достигло у тлинкитов достаточно высокого уровня, не уступавшего, пожалуй, уровню этой отрасли хозяйства у европейцев. Исследователь Аляски прошлого века И.И. Петров писал, что рыболовные орудия тлинкитов эффективнее европейских [122, р. 67—69]. Более того, известны случаи заимствования европейцами, в частности русскими, методов переработки и хранения рыбы. В 1800 г. в “Наставлении” начальнику Михайловской крепости В.Г. Медведникову А.А. Баранов писал: “Но желал бы я, чтоб в копченье приготовлялась рыба таким же манером, как и у здешних народов [тлинкитов], чисткою и пластаньем да и вешанием под сараем и на улице, ежели не половину, хотя бы треть таким же образом заготовить для пробы, ибо по кадьякскому приготовлению более половины рыбьего тела бросается тунно” [32, с. 104].

Единственной инновацией, оказавшей косвенное влияние на развитие рыболовства у тлинкитов, было, вероятно, более широкое использование металла в конструкциях рыболовных орудий (железные крючки, наконечники острог, стальные разделочные ножи и т.п.), что способствовало повышению эффективности добычи и переработки рыбы. Стабильность и неизменность ведущей отрасли индейской экономики обусловили, по-видимому, определенный консерватизм всех остальных компонентов культуры тлинкитов. Этому благоприятствовала также политическая независимость этих индейцев на протяжении всего периода Русской Америки.

Более заметные изменения произошли в охотничьем промысле. С одной стороны, несколько возросла роль самой охоты среди других жизнеобеспечивающих видов хозяйственной деятельности тлинкитов, с другой — повысилась ее продуктивность благодаря использованию более эффективных охотничьих орудий (копий и стрел с железными наконечниками, огнестрельного оружия и стальных капканов). Под влиянием потребностей рынка (европейцев интересовали прежде всего ценные меха) изменилось соотношение отдельных разновидностей охоты: доминировавшая в прошлом мясная охота была теперь существенно потеснена пушным промыслом. Особенно важной отраслью становится охота на калана, добыча которого в прошлом почти не имела для тлинкитов практического значения. Возрастающее значение этого про-

мысла в жизни индейцев отразилось и в сфере их духовной культуры: готовясь к охоте на калана, тлинкиты стали нанимать шамана и соблюдать табу и обряды, не менее сложные, чем при подготовке к военному походу [66, ч. II, с. 347—349].

В период Русской Америки имели место некоторые инновации и в методах охоты тлинкитов на калана. Так, они заимствовали у алеутов и кадьякцев, более опытных в морском зверобойном промысле, метод окружной охоты [103, р. 112]. “Так же как и алеуты, — писал П.А. Тихменев, — колоши окружают стадо бобров и бьют их, но не стрелками, а из ружей“ [66, ч. II, с. 347].

Положение ситкинцев как соседей Ново-Архангельска предопределило особенности их хозяйственной деятельности: они становятся для русских основными поставщиками свежего мяса, и поэтому охота на боровую дичь начинает занимать в их занятиях видное место¹.

Наряду с рыболовством и охотой важной отраслью индейского хозяйства остается собирательство. В это время традиционное собирательство дополняется примитивным земледелием: у русских тлинкиты заимствовали практику возделывания картофеля (в начале 1820-х гг.). Навыки земледелия у тлинкитов существовали и ранее — они выращивали одну из разновидностей табака. Индейцы настолько преуспели в этом деле, что вскоре сами смогли продавать русским картофель. Особенно много картофеля производили хуцновцы [45, с. 79], что оставило свой след в современном названии этого корнеплода у тлинкитов: “ангунская картошка“ (Ангун — селение куана Хуцнуву) [99, р. 128]. Помимо картофеля тлинкиты научились у русских выращивать репу. Начиная с 1840-х гг. приказчики РАК покупали у тлинкитов десятки и даже сотни бочонков картофеля и репы во время рейсов русских пароходов по проливам [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1009, л. 426; д. 1010, л. 506; д. 1025, л. 110].

Скотоводство так и не привилось у тлинкитов, хотя возможности для его развития у них были: в Ново-Архангельске почти постоянно содержались крупный рогатый скот, свиньи, куры и даже лошади; правда, их количество было всегда незначительно. На судах английских и американских торговцев, посещавших воды Юго-Восточной Аляски, также изредка имелись домашние животные, что нашло отражение даже в сказаниях индейцев [121, с. 88]. Тем не менее тлинкиты не проявили ника-

кой склонности к занятию животноводством: для этого они не имели ни необходимых навыков, ни экономической заинтересованности и, кроме того, экологические условия Северо-Западного побережья препятствуют развитию скотоводства в широких масштабах. Поэтому нельзя согласиться с высказыванием Дж. Р. Гибсона о том, что тлинкиты в 1820-е гг. в большом количестве разводили свиней [282, р. 98], тем более что ни в одном из известных нам русских источников нет ни слова о тлинкитском животноводстве.

1.2. Ремесло. Приход европейцев на Северо-Западное побережье значительно стимулировал ремесленное производство у тлинкитов. Этому способствовало появление новых видов сырья, инструментов, расширение рынков сбыта. От европейцев тлинкиты смогли приобретать железный лом, медные листы, ровдуги, краски и другие материалы, которые использовались как сырье при изготовлении самых разнообразных ремесленных изделий. Благодаря применению металлических инструментов резко увеличилось количество резных изделий из дерева, рога, кости, улучшилось их качество и художественное оформление, несколько облегчился труд по заготовке сырья для плетеных изделий.

Форма и назначение предметов не претерпели существенных изменений. Традиционные тлинкитские изделия по-прежнему пользовались широким спросом на межплеменном рынке, особенно у внутриматериковых атапасков. Последние выменивали у тлинкитов плетеные корзины, раскрашенные резные ящики и блюда из дерева, железные кинжалы, накидки чилкат и т.д. [166, с. 117]. Изделия тлинкитских мастеров охотно приобретались и жителями Ново-Архангельска, главным образом алеутами и эскимосами. Особой популярностью у них пользовались водонепроницаемые корзины, циновки, погремушки, маски, браслеты из меди и рога, курительные трубки из дерева и черного сланца, а также традиционные тлинкитские конические шляпы [42, с. 109; 45, с. 84]. Плетеные шляпы европейского типа, выполненные специально для продажи европейцам (поскольку сами индейцы их не носили), тлинкиты сбывали русским и американским матросам [220, с. 31]. РАК скупала такие шляпы у тлинкитов, а затем выгодно перепродавала их в Калифорнии [42, с. 109]. Сплетенные из елового корня, эти шляпы копировали, по-видимому, европейские цилиндры. Несколько таких плетеных цилиндров хранятся в коллекциях МАЭ в Ленинграде [53, с. 101].

Приход европейцев вызвал к жизни и производство некоторых новых видов ремесленных изделий. К ним относились изготовлявшиеся из европейской ткани накидки², украшенные аппликациями из сукна и перламутровыми пуговицами. Российско-Американская компания закупала их у тлинкитов для последующей перепродажи северным атапаскам. Так, Л.А. Загоскин, путешествуя в районе Нижнего Юкона, имел среди товаров для торговли с местными индейцами несколько “колошенских накидок”. Стоили эти накидки очень дорого. Только один из встреченных им атапасков смог купить такую накидку, отдав за нее 15 речных бобров [30, с. 280].

Навыки кузнечного дела и металлообработки, имевшиеся у тлинкитов еще до прихода европейцев, получили теперь свое дальнейшее развитие. Этому также способствовала возможность получать от европейцев необходимое сырье (прежде всего железо, а также медь, олово, серебро, свинец). Сохранялись традиционные методы обработки металла. Железо индейцы обрабатывали также, как они это делали ранее с медью: металл раскаливался на огне и ковался, а затем стачивался и шлифовался. Из железа тлинкиты стали изготовлять наконечники стрел, копий, гарпунов, шила, лезвия ножей и тесел [104, pt 1, p. 412]. Однако наиболее известными изделиями тлинкитских кузнецов стали железные кинжалы, имевшие обычно художественно выполненную резную или гравированную рукоятку, а иногда — второе короткое лезвие. “Обоюдоострые кинжалы их, украшенные блестящими раковинами, чистотою отделки приводят в удивление”, — писал Ф.П. Литке [42, с. 109]. Несколько таких старинных тлинкитских кинжалов представлено в коллекции МАЭ [56, с. 183—186].

Несмотря на широкое внедрение железа, тлинкиты продолжали также и традиционную обработку меди. Из нее они изготовляли маски, кинжалы, браслеты, погремушки и медные пластины. Часть медных пластин они приобретали у русских. Что представляли собой эти пластины — “полуфабрикаты”, пока неизвестно³. Однако можно предполагать, что, попадая от русских к тлинкитам, они затем подвергались обработке: их форма изменялась, а лицевая сторона гравировалась и (или) раскрашивалась в соответствии с вкусом мастера. Э. Куртис полагал, что гравировка индейцами медных пластин велась свое начало от икон, которые тлинкиты видели у русских [270, p. 145]. Медные пластины иногда дарились лояльным тлинкитским вождям в качестве ценного по-

Медная раскрашенная пластина "тинне" ("тинна").

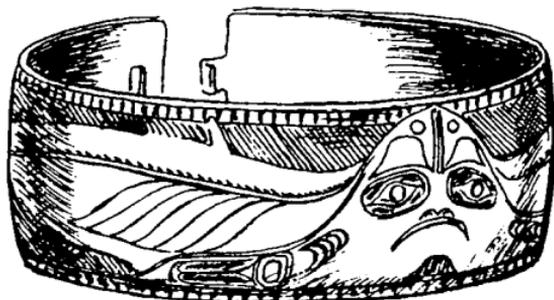
дарка (см. Документальное прил., с. 287). Так, "главный тойон ситкинцев" Михаил Кухкан был награжден такой пластиной в 1860 г. [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1025, л. 109об.]. Медные пластины продавала тлинкитам также Компания Гудзонова залива.

Под влиянием контактов с европейцами у тлинкитов зарождается ювелирное дело: изготовление серебряных браслетов с гравировкой в стиле Северо-Западного побережья. По мнению К. Фееста, серебряную гравировку к тлинкитам принесли русские около 1800 г. [251, с. 71]. Это утверждение, однако, весьма сомнительно, поскольку в те годы русские не поставляли индейцам ни серебра, ни изделий из него. Правда, еще в 1790-х гг. русские продавали (или дарили) тлинкитам медные браслеты, гравировка которых могла натолкнуть индейцев на создание аналогичных изделий из серебра. Но развитие этой отрасли ремесла произошло, на наш взгляд, позднее — примерно в середине XIX в., когда в руках индейцев скопилось достаточно серебра, полученного от европейских торговцев (серебряные монеты, украшения).

Другой отраслью ремесла, начавшей формироваться у тлинкитов под влиянием европейцев, было слесарное дело. Так, уже в середине 20-х гг. XIX в. К.Т. Хлебников отмечал, что некоторые тлинкиты занимались починкой ружей [72, с. 87].

Хотя в период Русской Америки развитие индейского ремесла шло поступательно, оно все-таки не сложилось в полностью самостоятельную отрасль хозяйства, существующую главным образом для удовлетворения потребностей рынка. Производство ремесленных изделий служило обычно для личных нужд, и лишь их относительно небольшая часть предназначалась для обмена. Не сложи-

Медный браслет индейцев тлинкитов с гравировкой, изображающей акулу.

лась в индейском обществе и обособленная прослойка мастеров-ремесленников.

1.3. Внутри- и межплеменной товарообмен. Торговля с европейцами. Из всех сфер хозяйственной деятельности тлинкитов наиболее существенное влияние европейская колонизация оказала на товарный обмен. И это не случайно — ведь большинство контактов индейцев с европейцами происходило в форме товарообмена или на его фоне. Торговля была основным каналом, через который в индейское общество проникала европейская культура.

Приход европейцев на Северо-Западное побережье стимулировал дальнейшее развитие товарообмена. Этому способствовали рост производства традиционных предметов обмена (благодаря внедрению более совершенных орудий труда), значительное увеличение ассортимента обменивавшихся товаров и расширение рынка за счет пушной торговли. Обмен внутри племени, осуществлявшийся ранее в форме обмена подарками, стал теперь приобретать черты настоящей торговли, в основе которой лежала экономическая выгода, а не поддержание родственных отношений [119, р. 107]. “Так, например, — писал в 30-х гг. прошлого века И.Е. Вениаминов, — один из Тоэнских детей, начав торговлю от нескольких бобров, в течение трех или четырех лет приобрел себе восемь калгов, отличный бат, жену, несколько ружей и множество разных вещей и, словом сказать, сделался богачом“ [8, с. 117—118].

Существенно расширились контакты тлинкитов с племенами юга (цимшиан, хайда и др.), а также с эяками и чугачами, жившими на северо-западе. Процесс ассимиляции эяков их южными соседями (тлинкитами)

ускорился после разгрома тлахаик-текуеди в 1806 г. Этому способствовала активизация торговли, подкрепленная брачными связями. "Угаленцы многие имеют кодошенских девок, — писал об эяках К.Т. Хлебников, — а колоши, напротив, — угаленских и посредством сего сродства близки в сношениях. Якутатский тоен Клемук с 1826 года поселился между угаленцами" [71, с. 52]. Ко времени продажи Русской Америки США (1867 г.) эяки, жившие на побережье от зал. Якутат до устья р. Медной (Коппер), фактически уже не отличались от тлинкитов и во время первой американской переписи населения Аляски в 1880 г. были причислены к последним [122, р. 28—29].

Определенному культурному влиянию тлинкитов подверглись также эскимосы-чугачи. Это наглядно демонстрируют предметы домашнего обихода чугачей, собранные в коллекциях американских музеев и МАЭ. Плетеные изделия чугачей, и прежде всего корзины и шляпы, носят явные следы влияния тлинкитской культуры. Они украшены орнаментом в стиле Северо-Западного побережья. Об этом же влиянии свидетельствуют форма деревянных блюд и зооморфные изображения на них, ложки из рога горных коз с тотемной резьбой на рукоятках [79, р. 59—67; 53, с. 102—104].

Еще большее значение, нежели контакты с эяками и чугачами, имели для тлинкитов их торговые связи с атапасками Скалистых гор. Истощение пушных ресурсов на территории тлинкитов к 30-м гг. XIX в. и относительное насыщение их внутреннего рынка товарами европейского производства привели к активной торговой экспансии индейцев побережья во внутренние районы материка. Торговые партии тлинкитов, иногда численностью до ста человек, уходили на сотни километров от родных селений, достигая на севере среднего течения Юкона, а на западе — верховий Стикина. Некоторые тлинкитские торговцы оставались у атапасков на 2—3 года, чтобы скопить побольше мехов [120, р. 211—214]. Особенно тесные связи установились между тлинкитами и талтанами, тагиш и южными тутченами, которые подверглись значительной культурной ассимиляции со стороны индейцев побережья [112, pt 2, р. 501—518; 166, с. 120—122]. Периодические контакты с тлинкитами в середине XIX в. имели также атапаски атена (атна), северные тутчены, хан и даже каска и секани. При этом тлинкиты не только торговали с атапасками, но и пытались закрепиться на их землях. В первой половине

XIX в. чилкатцы из селения Клакван построили в верховьях р. Алсек торговое поселение Нуква'ик. Однако жизнь в более тяжелых климатических условиях глубин материка показалась им трудной, и после эпидемии оспы 1835—1839 гг. они оставили эти места, вернувшись на побережье [288, р. 496]. Несколько маленьких поселений имели стикинцы в долине р. Стикин до впадения в нее р. Искут, но их продвижение в глубь материка сдерживали атапаски талтан [129, р. 338, 347]. Наибольшего же успеха в экспансии на земли атапасков добились тлинкиты куанов Таку и Аук. К 1840-м гг. они частично ассимилировали, а частично рассеяли атапаскоязычных индейцев таку (таку-тине), живших в верховьях рек Таку и Юкон, и образовали в занятом регионе две современные общины внутриматериковых тлинкитов — Атлин и Теслин [288, р. 469]. В целом товарообмен между индейцами побережья и атапасками Скалистых гор способствовал заметным изменениям в культуре последних. С другой стороны, он раздвинул ареал торговых походов тлинкитов от Верхнего и Среднего Юкона на севере до зал. Пьюджет-Саунд на юге и повлек за собой рост их этнической территории.

О торговле тлинкитов с европейцами уже говорилось выше (см. гл. 2). Не касаясь ассортимента обменивавшихся предметов, остановимся на эволюции потребностей индейцев в различных видах европейских товаров на протяжении истории Русской Америки. При первых контактах тлинкитов с европейцами их интересовали главным образом металлические изделия (прежде всего листовое и обручное железо). Вскоре самым популярным у них товаром становится огнестрельное оружие, затем — ткани и европейская одежда, а впоследствии также продукты питания и спиртные напитки [4, с. VII]. К середине XIX в. самыми распространенными товарами, спрос на которые не уменьшался, были шерстяные одеяла, табак, боеприпасы и ром. Здесь уместно отметить, что практичные тлинкиты, в отличие, например, от атапасков, никогда не проявляли большого интереса к бисеру и безделушкам. Это отмечали еще в 1788 г. Г.Г. Измайлов и Д.И. Бочаров: “Жадно меняются на разное платье, железо, котлы и кубы; другие же вещи, как то одекуй и бисер, не столь принимают охотно” [75, с. 102].

Стремясь получить как можно больше мехов, некоторые английские и американские скупщики пушнины в период морской пушной торговли помимо европейских

товаров предлагали индейцам также предметы традиционного туземного товарообмена: дубленые лосиные шкуры, выменянные у индейцев бассейна Колумбии, денталии, приобретенные у индейцев нутка, и даже рабов, купленных у квакиютлов [274, р. 194]. Первое упоминание о том, что американцы продавали тлинкитам рабов, относится в русских источниках к 1802 г. [32, с. 119]. Согласно данным Ф.И. Шемелина, “бостонцы” продавали индейцам Северо-Западного побережья полинезийцев — уроженцев Гавайских островов — для жертвоприношений [76, ч. I, с. 158]. Позднее О.Е. Коцебу писал, что американские работорговцы обменивали тлинкитам, хайда и цимшианам индейцев из Орегона [34, ч. II, с. 70—71].

Русские, особенно в начальный период своих контактов с тлинкитами, также выступали подчас как посредники в межплеменной торговле: полученные от зависимых туземцев дубленые лосиные шкуры, сивучьи усы, тарбаганьи плащи и парки, шкурки горностая и моржовую кость они обменивали у тлинкитов на шкурки калана [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 1об.]. Правда, это посредничество русских было обусловлено прежде всего недостатком у них европейских товаров.

Чтобы усилить “эффект” своей торговли, русские использовали некоторые элементы традиционного туземного этикета. Торговля никогда не начиналась непосредственно с товарообмена. Ей всегда предшествовала более или менее торжественная церемония, во время которой тлинкитов угощали и делали им небольшие подарки, а те в ответ исполняли свои песни и танцы. Вот что пишет об этом приказчик РАК А. Марков: “Как церемониально съезжаются дикари на судно в тот день, который назначен для их угощения! С разных сторон залива тихонько плывут огромные баты, из которых в каждом сидит человек по 20 дикарей раскрашенных, с перьями, одетых в лучшие свои одеяния. С бубнами и песнями подплывают они к судну, становятся невдалеке от него всеми батами в один ряд, и показывают дружелюбное расположение свое пляскою, состоящею из разных кривляний, в продолжение которой безпрестанно посыпаются орлиным духом; потом в чинном порядке лезут на палубу, где их угощают рисовою кашею с патокой. «...» По окончании пира, когда дикари начнут разъезжаться, надобно каждому подарить по листку табаку на дорогу; а некоторые, мимоходом, и так что-нибудь украдут; на этот предмет они очень просты” [45, с. 75—76]. Только на второй

день после такой церемонии начинается собственно торговля, продолжительная процедура, требовавшая со стороны русских немалого терпения: индейцы, желая выгоднее продать свою пушнину, очень долго рядятся, а в конце заключения сделки еще требуют хотя бы маленькой прибавки (так называемый “истак”).

Представления о “ценности” товара у тлинкитов и русских не всегда совпадали. Так, тот же Марков свидетельствовал, что, “например, за большую выдру дают им 1 одеяло в 18 руб., или, вместо него 5 фун. пороху и 1-ну 10-ти-фунтовую свинцовую плитку, что составит 10 руб.; за кошлок морского бобра 2 одеяла, 36 руб., или 1 ружье, стоящее 25 руб.” [45, с. 77].

В торговых операциях тлинкиты вели себя как опытные и ловкие дельцы. Они умело использовали конкуренцию между собой европейских торговцев и нередко пускались на разные хитрости (см. Документальное прил., с. 266). Порой они придерживали пушнину, выжидая выгодной конъюнктуры. Так, в 1835 г. агент КГЗ Дж. Уорк сообщал, что стикинцы, хотя и имели меха, не торопились продавать их британцам в надежде, что поджидавшиеся ими американские торговцы дадут лучшую цену [281, р. 114].

Интенсификация товарообмена в тлинкитском обществе в период Русской Америки привела к появлению товаров, выполнявших функцию денег. Первоначально в качестве единиц ценности и богатства выступали рабы, раковины денталии, меха и дубленые оленьи шкуры [72, с. 86]. “Место ходячей монеты, — писал Ф.П. Литке, — заступают у них ровдуги: за невольника платится 15 и 20 ровдуг, за бобра 5 и 6, за хорошую лодку 10 и 15” [42, с. 110].

К середине 1830-х гг. общим и единым торговым эквивалентом для всех индейцев Северо-Западного побережья становится европейское шерстяное одеяло: любая вещь или услуга могли быть оценены определенным числом одеял. Кроме того, к ситкинцам, а возможно, и к тлинкитам других куанов попадали “колониальные монеты” Русской Америки — кожаные “марки” РАК, а также российские ассигнации, которыми, как упоминается в источниках, индейцы пользовались при расчетах с русскими и, по-видимому, между собой [16, № 5, с. 180—181; № 6, с. 284; 31, т. LXXX, № 9, с. 58]. Правда, стремясь ограничить неконтролируемый обмен между ситкинцами и жителями Ново-Архангельска. И.В. Фурugelъм в 1860 г. категорически запретил тор-

говлю с тлинкитами вне “колошенского рынка” и плату индейцам за их товары марками и деньгами [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1025, л. 80об.]. Но это постановление Фуругельма систематически нарушалось. Таким образом, в экономику тлинкитского общества в период Русской Америки стали проникать товарно-денежные отношения.

1.4. Наемный труд. Приход европейцев на Северо-Западное побережье привел к возникновению в обществе тлинкитов такого социально-экономического явления, как наемный труд. С самого начала контактов тлинкитов с русскими на временную службу к последним поступали переводчики-толмачи. Так, уже в 1796 г., вспоминал Ф.А. Кашеваров, у русских жили как минимум две тлинкитки-переводчицы: Анюшка ситхинская и Анюшка якутатская [64, с. 97]. Баранов в письме к Кускову в 1801 г. упоминал еще одну толмачку — Олену из куана Аук [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 2]. Более 30 лет (вплоть до смерти в 1855 г.) в должности “главного колошенского толмача” РАК прослужил Никтополион Гедеонов (“толмач Гедеон”). Свое довольно экзотическое имя он получил от крестного отца — иеромонаха Гедеона, окрестившего в 1806 г. на Кадьяке молодого тогда акойского аманата Тыгике⁴ [ЦГИА, ф. 796, оп. 90, д. 273, л. 63об.]. В качестве “младших толмачей” — помощников Никтополиона Гедеонова — в документах упоминались также вдова русского “служителя” Матвея Кабачакова “Колошенка Марья”, “Колош Павел Кучкеке” и племянник Михаила Кухкана Гаврила Категан. Последний в свое время был специально послан в Аянский порт для изучения русского языка [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 346; д. 1024, л. 130об.].

Тлинкиты работали у русских не только в качестве переводчиков. Так, в письме к Кускову от 24 марта 1808 г. А.А. Баранов упоминает некоего “колоша” Забиякина, который, будучи на службе компании, плел шляпы на Кадьяке, а затем пошел матросом на судне РАК на Камчатку [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, д. 6, л. 24об.]. После поселения ситкинцев у Ново-Архангельска его жители начинают нанимать индейцев для работ на огородах, доставки дров и других услуг [72, с. 205]. Однако до 1840-х гг. наем тлинкитов компанией или частными лицами был эпизодическим. Причиной такого положения была относительная ограниченность русско-тлинкитских контактов в то время. Кроме того, тлинкитам поначалу

нелегко давался монотонный регулярный труд. По этому поводу К.Т. Хлебников писал: "Они [тлинкиты] могли бы быть искусные матросы, но нет возможности отвлечь их от природного навыка. Были примеры, что молодые из них послужат несколько лет и получая хорошее положение и обыкновенное содержание, наскучивали и уходили" [72, с. 185].

Первая большая группа вольнонаемных индейцев была принята на службу РАК в 1842 г. Часть из них осталась в Ново-Архангельске для валовых работ в порту, а другая была послана на судах компании матросами [44, с. 247]. Месячная плата и для матросов, и для портовых рабочих была определена в 30 руб. товарами, и, кроме того, индейцам выдали на первый случай рабочую одежду [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1008, л. 346об.—347]. В составе команды брига "Великий Князь Константин", первым из европейских судов заходившего в устье Амура в 1846 г., находились три матроса-тлинкита: Игнатий Кальтин, Кастук и Сергей Мускхин⁵ [АВПР, ф. Гл. архив II-5, 1844—1860 гг., оп. 38, д. 3, л. 47—47об.]. На брига "Шелихов" помощником капитана в 1855 г. служил сын Никтополиона Гедеонова — Иван [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 151, 170].

Правда, во второй половине 1840-х и в 1850-х гг. наем тлинкитов на работы РАК сократился, а плата была несколько снижена. В 1847 г. главный правитель М.Д. Тебеньков дал специальное предписание новоархангельской конторе установить следующие тарифы: месячная плата работнику-тлинкиту не должна была составлять более 24 руб. асс., а поденному — 1 руб. асс. Это было вызвано, во-первых, некоторым превышением предложения рабочей силы над спросом на нее со стороны РАК и, во-вторых, тем, что тлинкиты, найдя новый источник заработков на службе компании, значительно сократили поставки свежей провизии в Ново-Архангельск. Тебеньков писал по этому поводу следующее: "Теперь уже, если нужно в работу колош 10, то является 100, и отказ от работы имеет влияние. Жаль только, что готовность эта производит вред продовольствию. Колоши, употребляясь в лето в работы в порту, на суда и для заготовления дров, сделав тем запас себе, осенью и зимою предаются лени и тем лишают нас продовольствия на рынке свежеею провизиею" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1014, л. 350]. В предписании новоархангельской конторе Тебеньков также указывал: "Наем Колош ограничить ныне только 20 человеками, и то собственно для

цели одной — большого сближения их с нами“ [Там же, д. 1015, л. 97].

Некоторые тлинкиты, поступавшие на службу в Российско-Американскую компанию, посылались для работ на Кадьяк и даже в Михайловский редут у побережья зал. Нортон в районе Нижнего Юкона. Так, в 1843 г. на Кадьяк были отправлены “работницами” две тлинкитки — Ачука и Катерина Сакикан, которым было назначено годовое жалование в размере 60 руб. асс. В 1852 г. на Кадьяк на шхуне “Тунгус” выехал “служитель Компании из Колош” Василий Николаев [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1009, л. 468—469об.; д. 1020, л. 88—89 об.]. Когда в Калифорнии разразилась “золотая лихорадка”, в числе старателей, направленных туда Российско-Американской компанией, было шесть тлинкитов⁶ [44, с. 280]. В 1850 г. М.Д. Тебеньков послал из Ново-Архангельска на шхуне “Тунгус” еще одну партию старателей (среди них было четверо тлинкитов) к устью р. Какну (п-ов Кенай), где еще в 1848 г. П.П. Дорошин обнаружил признаки золота. Однако эта экспедиция не имела успеха, так как золотые россыпи оказались очень бедны [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1018, л. 93—93об.].

По свидетельству П.Н. Головина и С.А. Костливцова, в начале 1860-х гг. тлинкиты работали матросами, грузчиками в порту, доставляли дрова в Ново-Архангельск и добывали лед, который РАК выгодно сбывала в Калифорнию [16, № 6, с. 278; 33, с. 115]. Обычно жалование работника-тлинкита в те годы составляло 10—15 руб. асс. в месяц с пайком от компании.

Тлинкитов в качестве наемных работников использовали не только русские, но также американцы и англичане. Например, в 1834 г. на американском бриге “Боливар Либерейтор” матросами служили 20 индейцев Тонгасс-куана [299, р. 178]. Возможно, американские шкиперы привлекали тлинкитов и в качестве охотников на калана, о чем рассказывается в одной из индейских легенд [121, р. 41]. Известно, что у англичан КГЗ тлинкиты служили переводчиками, проводниками, гребцами и т.д. [125, vol. 1, р. 213; 269, р. 25].

Однако наемный труд в период Русской Америки затронул очень незначительную часть тлинкитского населения. Формирование “индейского пролетариата” только-только начиналось.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Жилище и поселение. Эта сфера материальной культуры тлинкитов оказалась практически на затронутой влиянием европейской цивилизации. Правда, в период обострения отношений с русскими наблюдается усиление фортификационного строительства. Поселения все чаще начали обносить частоколом из толстых бревен; дома внутри крепости нередко соединялись друг с другом посредством подземных ходов, а сами крепости сооружались на неприступных скалах. Так, Г.Г. Лангдорф, побывавший в 1805 г. в крепости ситкинцев, которую они построили на побережье пролива Чатам-Стрит после поражения, нанесенного им Барановым в 1804 г., описал ее как мощное укрепление на высокой скале. Крепость представляла собой частокол из толстых бревен, окружавший дома индейцев. Высокий естественный земляной вал мог служить дополнительной защитой от артиллерийского огня. Единственный подход к укреплению охраняла засека из стволов огромных деревьев [107, Bd II, S. 110]. Представление об одном из таких укреплений дает план крепости ситкинцев, снятый Ю.Ф. Лисянским в 1804 г. [72, с. 43]. Индейцы строили столь мощные укрепления, что легкая артиллерия европейцев была зачастую бессильна против их деревянных стен [41, с. 30]. Не случайно Н.П. Резанов настоятельно просил Главное правление РАК прислать в колонии мортиры — специальные тяжелые орудия, применявшиеся при осаде крепостей. “Одна бомба к ним брошенная, — писал Н.П. Резанов, — понизила б гордость народов сих, которые выстрая из мачтового в три ряда лесу крепости и имея лучшие ружья и фальконеты считают себя непобедимыми” [66, ч. II, Прил., с. 282—283].

2.2. Бытовая утварь. Уже в эпоху ранних контактов с европейцами к тлинкитам стали попадать предметы домашнего обихода. Так, в 1791 г. испанский мореплавец Маласпина видел у якутатцев несколько кастрюль и серебряную ложку, которые, как он предполагал, были получены индейцами в 1787 г. от английского капитана Диксона [43, ч. IX, с. 168]. Тлинкиты охотно приобретали у европейских скупщиков пушнины бытовые предметы, превосходившие их традиционную утварь по ряду свойств, а именно: чугунные, железные и медные котлы и котелки, жестяные ведра, кружки, оловянные ложки. От русских якутатцы, например, позаимствовали чашки

и слово для их обозначения [104, pt 1, p. 410]. Уже в 1805 г. Ю.Ф. Лисянский писал, что ситкинцы готовят пищу в "европейских котлах", а зажиточные индейцы "держат много европейской посуды" [41, с. 146]. Большой популярностью у тлинкитов пользовались блюда и миски из толстого голубого и белого фарфора, которые им поставляла Компания Гудзонова залива. Иногда от американских капитанов к индейцам попадали даже изделия из китайского фарфора [104, pt 1, p. 393]. У американских торговцев тлинкиты выменивали также китайские сундуки из камфорного дерева, изготовлявшиеся в Контоне. В них богатые индейцы хранили обычно свои сокровища, как это делал, например, ситкинский тоен Навушкетл, у которого было несколько таких сундуков [87, S. 316]. По свидетельству И.Е. Вениаминова, эти сундуки стоили немалых денег: в Ново-Архангельске русские давали за один кантонский сундук не менее 70 руб., индейцам же он обходился в 6—7 каланых шкур [8, с. 121—122].

В фондах МАЭ хранится небольшой столик на чизких ножках, выполнявший, видимо, церемониальную функцию, который И.Г. Вознесенский приобрел у тлинкитов в середине 1840 гг. [55, с. 297, 304]. Появление у тлинкитов подобных столиков было вызвано, надо полагать, русским влиянием.

Однако, несмотря на широкое использование в быту европейских предметов, последние не смогли в период Русской Америки полностью вытеснить традиционную утварь тлинкитов. Следует отметить, что заимствования касались главным образом тех вещей, которые соотносились с привычными для них бытовыми предметами и соответствовали их потребностям и образу жизни.

2.3. Орудия труда и транспортные средства. Для этой сферы материальной культуры тлинкитов в период Русской Америки характерно внедрение многих инноваций, что было обусловлено, с одной стороны, торговлей с европейцами, а с другой — интенсификацией межплеменных связей. Убедившись в более высоких механических свойствах железа и стали и получая от европейцев это сырье в большом количестве, тлинкиты за довольно короткий срок почти полностью заменили в традиционных орудиях труда каменные, костяные и медные лезвия и ударники на железные⁷.

Наряду с этим тлинкиты заимствовали также собственно европейские инструменты и орудия труда: топоры, топорики, пилы, стальные ножи, напильники, шила, иг-

лы, ножницы. Традиционные охотничьи орудия — лук и копье — постепенно вытеснялись более эффективным ружьем, которое применялось на промысле как лесных, так и морских животных.

Под влиянием контактов с европейцами крупные тлинкитские каноэ в XIX в. стали оснащаться мачтами с парусами. Каноэ могло иметь до трех мачт, каждая из которых несла обычно четырехугольный парус. Первоначально паруса изготовлялись из лыковых циновок [45, с. 84] или лосиных шкур [104, рт 1, р. 341], а позднее — из парусины. В отличие от судов полинезийцев и других народов Океании, отмечал Ф.П. Драккер, парусные каноэ индейцев Северо-Западного побережья не могли ходить и лавировать при боковом или встречном ветре, так как у них отсутствовал киль. Поэтому парус на индейских каноэ поднимался только при попутном ветре. Тем не менее преимущества паруса (увеличение скорости хода каноэ, сохранение сил гребцов) были достаточно очевидны для индейцев [274, р. 194—195]. Возможно, именно оснащение парусами способствовало далеким плаваниям тлинкитов на юг во второй половине XIX в.

Тлинкитские каноэ охотно использовались русскими в Ново-Архангельске⁸. Кроме того, в 1842 г. у индейцев было куплено три каноэ для партии алеутов, которые затем были отправлены на промыслы к берегам Камчатки, а в 1853 г. у тлинкитов были приобретены еще несколько каноэ для алеутов о-ва Унга [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1008, л. 90; д. 1009, л. 63; д. 1021, л. 36об. и др.]. Деревянные тлинкитские каноэ позволяли алеутам беспрепятственно охотиться во льдах, в то время как их собственные кожаные байдарки часто повреждались острой шугой.

Усиление межплеменных контактов в рассматриваемый период привело к распространению среди тлинкитов некоторых орудий труда и транспортных средств соседних племен. Так, благодаря торговле к тлинкитам попадало большое количество более совершенных луков эскимосов, превосходивших простые луки индейцев Северо-Западного побережья. Особенно много их было у якутцев. Иногда тлинкиты приобретали также плоские луки внутриматериковых атапасков [117, р. 286, рl. XXVI, fig. 115]. В тлинкитских коллекциях американских музеев встречается копьёметалка, заимствованная, очевидно, в XIX в. у эскимосов или алеутов [117, рl. XXVII, fig. 127; 95, р. 62—63]. Такие копьёметалки были, как правило, украшены резьбой, а иногда инкрусти-

рованы перламутром, и использовались, по-видимому, не как орудие охоты, а, скорее, как дорогая игрушка или как атрибут шаманского культа. Во всяком случае, в известных нам источниках отсутствуют указания на применение их тлинкитами на промысле. И только информаторы Ф. де Лагуны — якутатцы, соседи эскимосов чугачей — сообщали, что их предки иногда применяли копьеметалки во время охоты на оленей [104, рт 1, р. 369].

Некоторые группы северных тлинкитов пользовались кожаными байдарками и байдарами, заимствованными, очевидно, у эскимосов, когда первые промысловые партии РАК появились в северной части архипелага Александра. Так, в одном из писем А.А. Баранова упоминаются трехлючная байдарка и байдары, на которых индейцы куанов Акой и Хуна приблизились к кораблю американского капитана Кимбелла [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 2].

2.4 Пища. С момента первых контактов с европейцами к тлинкитам попадала новая для индейцев пища. В ряде легенд сохранились свидетельства того, как они первоначально воспринимали европейские продукты. Например, в предании рода текуеди об одной из первых встреч с американскими торговцами говорится, что индейцы получили от пришельцев рис, сухари и патоку, которые они приняли соответственно за личинки мух, древесную губку и “воду из селения речных выдр” (т.е. оборотней). Посчитав эти продукты странной и опасной пищей, они выбросили их. Более того, подаренный вождю текуеди поросенок был “усыновлен” вождем и принят в индейское общество “на правах знатного ребенка” [121, р. 87—88].

Однако довольно быстро индейцы освоились с новой для них пищей и даже полюбили ее. Так, посетивший в 1793 г. капитана Ванкувера стикинец дал понять англичанам, что лучшим подарком для их (индейцев) главного вождя будут сахарная патока и хлеб [7, кн. 4, с. 287]. С 1820-х гг. широкое распространение в меню тлинкитов получают картофель и частично репа. Картофель вошел в рацион индейцев настолько прочно, что современные тлинкиты считают его своим исконным продуктом питания [99, р. 128].

За пушнину индейцы получали от европейцев рис, муку, крупы, сухари, патоку и сахар. В период морской пушной торговли на Северо-Западное побережье завозилось особенно много риса (из Китая и Индии). Так, анг-

лийский капитан Барбер в 1805 г. имел на своем корабле, по сведениям Н.П. Резанова, до 2 тыс. пудов риса, который он намеревался сбыть индейцам. Как утверждал Барбер, последние настолько пристрастились к рису, что готовы были отдать за пуд шкуру калана [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д.1, папка № 33, л. 146об.].

Популярность европейских продуктов у тлинкитов подтверждают многие факты. Например, американского капитана Д'Вулфа и натуралиста Лангсдорфа, побывавших в крепости ситкинцев в 1805 г., индейцы угощали не только рыбой, но и пшеном с патокой [Там же, папка № 35, л. 26]. Рисовая каша с сиропом или патокой была излюбленным лакомством тлинкитов, которым их потчевали русские во время торжественных приемов в Ново-Архангельске или на кораблях, приходивших из России [35, с. 217]. Ф.П. Литке, описывая один из таких приемов на шлюпе "Камчатка" в 1818 г., отмечал, что тлинкитского вождя Кухкана⁹ "со свитой" после плясок на верхней палубе потчевали сухарями, патокой и чаркой грога. Гости, по замечанию Литке, ели "с великим аппетитом и оставшуюся патоку слили в свои шляпы и увезли с собой" [ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 178об.]. От русских тлинкиты иногда получали и хлеб, который, по свидетельству того же Ф.П. Литке, им "весьма нравился" [42, с. 114]. В 1860-е гг. тлинкиты закупали у РАК более 100 пудов муки в месяц [15, с. 50]. От русских индейцы приучились пить чай, о чем сами тлинкиты сообщали Ф. де Лагуне [104, pt 1, p. 410].

С приходом европейцев индейцы познакомились со спиртными напитками. В торговле спиртным особенно преуспели американцы, которые привозили на Северо-Западное побережье главным образом вест-индский ром. Первоначально ром и водка не пользовались у тлинкитов большим успехом [4, с. VIII; 107, Bd II, S. 96]. Только со временем спиртные напитки становятся обычным предметом торговли между европейцами и тлинкитами. Ром тлинкиты получали часто также в качестве подарка при заключении торговых сделок или как вознаграждение за работы. В 1830-х гг. у индейцев было уже столько водки и рома, приобретенных главным образом у американцев и англичан, что они даже продавали спиртное жителям Ново-Архангельска. Ф.П. Врангель отмечал, что в результате этого некоторые русские промышленники пропивали "последнюю рубашку на теле" и порой становились должниками предприимчивых

тлинкитских торговцев. Пьяницы нередко “забывали” вернуть долг, что обычно приводило к ссорам и вражде между индейцами и русскими [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 995, л. 214].

Обилие спиртного вело к развитию алкоголизма и среди туземного населения. Пьянство нередко заканчивалось трагедией: смертью или убийством. Такие случаи описаны в тлинкитских преданиях [121, р. 92]. Пьяные ссоры приводили также к столкновениям между индейцами, как это произошло в 1841 г. между родами Ситка-куана из-за убийства одного из индейцев захмелевшим вождем. Лишь вмешательство русской администрации предотвратило последующую резню [125, vol. 2, с. 204—205].

Ром попадал к тлинкитам и от русских. Официальная продажа спиртного индейцам была разрешена в русских колониях только в 1832—1842 гг., хотя практиковалась и раньше [72, с. 140]¹⁰. Однако в дальнейшем колониальное начальство, следуя законодательству РАК и соглашению с Компанией Гудзонова залива о запрещении торговли спиртными напитками с индейцами, всячески пресекало эту практику [22, с. 166]. И хотя нелегальная продажа спиртного тлинкитам жителями Ново-Архангельска продолжалась вплоть до продажи Аляски, масштабы ее были относительно невелики. Общее количество спиртного, попадавшего к индейцам от русских, значительно уступало его поставкам со стороны англичан и американцев. Поэтому нельзя согласиться с мнением Ф. Драккера, утверждавшего, что особенностью русско-тлинкитской торговли было обилие спиртных напитков [274, р. 205].

Большой популярностью среди тлинкитов начинает пользоваться табак, который они приобретали у европейских и американских торговцев. По свидетельству К.Т. Хлебникова, тлинкиты покупали табак только из Виргинии и совсем не брали черкасский, поставлявшийся из России [72, с. 205]. Табак жевали (преимущественно женщины) или курили (главным образом мужчины). Нельзя согласиться с утверждением Г.И. Дзенискевич, что среди индейцев Северо-Западного побережья было издревле распространено ритуальное курение табака [174, с. 68]. Тлинкитам, хайда и другим индейцам этого региона, действительно, еще до прихода европейцев была известна одна из разновидностей табака, но этот “туземный табак” индейцы не курили, а только жевали, смешав с растолченными и пережженными ра-

ковинами или древесной корой [101, р. 208; 104, рт 1, р. 411].

2.5. Одежда и украшения. Среди всех сфер материальной культуры тлинкитов более всего влияние европейцев сказалось на одежде и украшениях. Выделка традиционной одежды (из замши и шкур животных) была сопряжена со значительными трудностями (и в добычании сырья, и в его обработке). Европейскую же материю и одежду можно было получить за пушнину, промысел которой был гораздо легче, чем охота на оленей или экспедиция за шкурами к атапаскам. К тому же сравнительно мягкий климат и физическая закалка индейцев позволяли обходиться европейской одеждой или одеждой из европейских тканей даже зимой. Всем этим и можно объяснить их большую популярность у тлинкитов.

Европейская одежда, материя и украшения стали заимствоваться тлинкитами еще в период ранних контактов¹¹, и спрос индейцев на эти товары со временем не ослабевал. Влияние европейцев на одежду тлинкитов было двояким: с одной стороны, индейцы приобретали ткани для пошива одежды, близкой к традиционной, а с другой — получали готовую европейскую одежду. Скупщики пушнины завозили на Северо-Западное побережье европейские и китайские ткани: фриз, байку, сукно, полотно, парусину, хлопчатобумажную ткань и фланель. В 1820-е гг. особым спросом пользовался у ситкинцев серый американский миткаль, который часто выполнял в те годы функцию торгового эквивалента в торговле русских с индейцами [72, с. 203]. Из европейской материи тлинкиты изготовляли самый простой вид одежды — накидки (ранее они шились только из шкур). При этом в начале XIX в. особенно ценились накидки из синего сукна [АВПР, ф. Гл. архив 1]—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 35; 41, с. 119, 129]. К середине XIX в. повседневной одеждой индейцев всего Северо-Западного побережья стали шерстяные и байковые одеяла, функционально почти полностью заменившие накидки из ткани. Американским одеялам предпочитались английские [1, с. 43], а за одно одеяло красного цвета тлинкиты давали два одеяла других цветов [45, с. 78].

Церемониальные накидки чилкат постепенно уступали место парадным одеялам синего или черного цвета, которые индианки обшивали красным сукном и несколькими рядами перламутровых пуговиц или серебряных бляшек. Такие одеяла получили к середине XIX в. ши-

рокое распространение среди индейской знати Северо-Западного побережья.

Европейская одежда также попадала к тлинкитам в немалом количестве. Американские торговцы завозили в Юго-Восточную Аляску шинели и верхнюю одежду из шерсти и фланели, причем тлинкиты особенно любили матросские костюмы [107, Bd II, S. 97]. От английских, американских и русских торговцев тлинкиты приобретали рубахи, сюртуки, куртки, штаны и чулки. Европейская одежда и одеяла становились постепенно показателем богатства индейца: у зажиточных тлинкитов скапливалось такое количество европейской одежды и одеял, которое значительно перекрывало разумные потребности. К тому же они надевали эту одежду редко, обычно во время торжественных приемов в Ново-Архангельске или на русских судах [8, с. 127; 72, с. 83; 42, с. 158]. Правда, подчас не зная, как следует носить отдельные детали европейского костюма, некоторые индейские щеголи надевали свои европейские наряды так, что вызывали у русских путешественников ироническую улыбку [45, с. 47].

Стремясь заручиться поддержкой тлинкитских вождей, администрация русских колоний преподносила им различные подарки, в том числе и одежду (обычно мундиры полувоенного покроя). Впервые тлинкитские вожди были "одарены" мундирами при главном правителе М.И. Муравьеве в первой половине 1820-х гг. В дальнейшем эта практика сохранялась. Ф.П. Литке писал по этому поводу: "Сотня ружей не могла бы порадовать их [тлинкитов] столько, как подаренные таионам Русские мундиры. Они в них важничают самым комическим образом...". В сноске Литке добавляет, что после прибытия шлюпа "Сенявин" в Ново-Архангельск индейцы, увидев на офицерах шлюпа однобортные мундиры, потребовали, чтобы все прежде подаренные были переделаны на однобортные, "дабы ни в чем от нас [русских] не отстать" [42, с. 156]. Самую дорогую одежду как царский подарок получил "главный тоен ситкинцев" Михаил Кухкан¹². Полученную от русских униформу вожди и аманаты надевали во время торжественных приемов, устраивавшихся колониальной администрацией. Вот как описывает П.Н. Головин одеяние ситкинских вождей, явившихся к Фуругельму на церемонию по случаю прибытия в Ново-Архангельск ревизоров РАК П.Н. Головина и С.А. Костливецова: "На этот раз колоши были в своих праздничных костюмах, т.е. русский

тоен Михайла — в сюртуке флотского шкипера, три аманата из колошей — в синих фраках и панталонах с красными лампасами; остальные тайоны накинули сверх рубаш парадные одеяла синего цвета, обшитые кругом красным сукном и серебрянными мелкими бляхами...“ [16, № 6, с. 282]. Таким образом, русские мундиры превращались, по существу, в своеобразную почетную одежду для небольшой прослойки тлинкитской знати.

К середине 1830-х гг. сформировался стереотип тлинкитской повседневной одежды, который сохранился вплоть до конца XIX в. Обычной одеждой как у женщин, так и у мужчин становятся длинная рубаша из европейской ткани и байковое или шерстяное одеяло. Из традиционной одежды сохранились лишь меховые накидки, которые носили в особенно холодную погоду, и заимствованные у атапасков штаны-мокасины.

Европейская обувь в период Русской Америки не имела успеха у тлинкитов: индейцы в подавляющем большинстве по-прежнему ходили босиком или в суровую пору пользовались мокасинами. Сапоги и туфли имели только богатые вожди и надевали их по особо торжественным случаям [Там же]. В период морской пушной торговли американские шкиперы иногда завозили на Северо-Западное побережье ботинки [298, р. 56], но они, судя по всему, не пользовались у индейцев большим спросом.

Европейские головные уборы также не нашли признания у индейцев. Это объяснялось, вероятно, тем, что их собственные водонепроницаемые плетеные шляпы были гораздо лучше приспособлены к особенностям влажного климата Северо-Западного побережья. Правда, хлопчатобумажные платки, привезенные европейцами, очевидно, понравились тлинкиткам, так как, по сведениям епископа Николая, они охотно носили их, повязывая на манер русских женщин [47, с. 86].

Кроме того, некоторые якутатцы к концу XIX в. надевали на потлачах шапки, очень напоминавшие фуражки русских солдат времен Крымской войны. Тлинкиты и сами указывали на то, что заимствовали их форму у русских [104, pt 1, р. 440]. Явно индейским элементом этого головного убора была редкая бахрама по краям. Возможно, образцом послужили фуражки, которые русские, как известно, дарили индейским вождям [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1011, л. 322].

Торговля с европейцами внесла разнообразие и в ассортимент тлинкитских украшений. Уже после первых

контактов с европейцами у туземцев появляются бисер и бусы. Особенно высоко ценился, по-видимому, бисер светло-голубого цвета, который, по словам индейцев, могли носить только “хозяева рабов” [104, pt 1, p. 445]. Судя по всему, это был бисер венецианского производства, который индейцы получали от русских [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 5, л. 2об., 5об.]. Однако бисер и бусы не занимали заметного места среди тлинкитских украшений. Куда более распространенными и популярными у тлинкитов стали серебряные, медные и железные кольца, браслеты и серьги¹³. В период морской пушной торговли индейцы широко использовали в качестве украшений для одежды колокольчики, швейные наперстки и перламутровые пуговицы, а в качестве серег и кулонов — латунные пуговицы, американские, европейские и китайские монеты [260, p. 48; 117, p. 266]. Кроме того, тлинкиты покупали у русских киноварь для раскраски лица и тела и красную шерсть, которая в частности, использовалась анъяди для указания их высокого социального статуса. Длинные нити из красной шерсти вставлялись в отверстие в ушной раковине. Количество отверстий (и, следовательно, нитей) соответствовало количеству потлачей, устроенных в честь данного человека.

В период Русской Америки обычай тлинкитских женщин носить в нижней губе в качестве украшения втулку-калужку под влиянием контактов с европейцами постепенно редуцируется. Втулки стали заметно меньше по размерам и часто заменялись небольшими серебряными штифтиками. Часть индианок вообще отказалась от этого древнего обычая [42, с. 160]. С другой стороны, под влиянием культуры береговых тлинкитов (это было связано с их торговой экспансией в XIX в.) индианки южных тутченгов, тагиш и внутриматериковых тлинкитов стали носить втулки в нижней губе, что было зафиксировано американскими путешественниками еще в 1890-х гг. [112, pt 1, p. 319].

Своеобразным украшением лояльных тлинкитских вождей становятся в период Русской Америки серебряные медали. Первые из них индейцы получили от англичан экспедиции Дж. Ванкувера еще в 1793 г. [7, кн. 4, с. 131]¹⁴. Русские стали награждать тлинкитов позднее. В 1805 г. Н.П. Резанов привез в русские колонии 325 медалей (25 золотых, 25 серебряных больших и 275 серебряных малых с голубыми и владимирскими орденскими лентами) [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1,

папка № 1, л. 2, 6, 8—9]. В том же году Н.П. Резанов лично вручил серебряную медаль одному из главных вождей рода тлюкнахади куана Акой Чесныге [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 33]. В дальнейшем вплоть до продажи Аляски США многие тлинкитские вожди различных куанов удостоивались этой высокой награды со стороны русского колониального начальства¹⁵. Чаще всего тлинкиты получали малые серебряные медали (так называемые “серебряные знаки”) с двуглавым орлом на одной стороне и надписью “Союзные России” — с другой. И лишь немногие награждались большой серебряной медалью с погрудным изображением императора Александра I и надписью “Залог блаженства всех и каждого” на обороте. Такую медаль имели, например, один из главных ситкинских вождей Наушкекль (Наушкет, Навушкетл) и вождь хуна Кoadчини [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 998, л. 201; д. 1006, л. 81об.—82]. Всего в период Русской Америки колониальное начальство наградило серебряными медалями не менее 50 тлинкитов (см. Документальное прил., с. 270, 274, 275).

Из традиционных украшений продолжали использоваться раковины денталии, подвески из акульих зубов, костяные шпильки. Известная стойкость старых культурных образцов (это относится как к украшениям, так и к одежде) может быть частично объяснена и тем, что сами европейские торговцы, и особенно русские, снабжали индейцев сырьем для их производства. Так, например, РАК поставляла тлинкитам горностаевые меха и сивучьи усы, необходимые для изготовления головного убора вождя. С другой стороны, русские торговцы закупали у индейцев денталии для перепродажи северным атапаскам (по 30 руб. асс. за 100 раковин), чем и поддерживали их ценность в глазах тлинкитов [42, с. 110].

В целом к середине XIX в. тлинкиты стали носить преимущественно одежду из европейских тканей, в их руках также сосредоточилось немало европейской одежды. Особенно много ее было у южных тлинкитов, торговавших с факториями Компании Гудзонова залива, и у ситкинцев¹⁶. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Ф. Драккера, что одежда из материи была редкостью среди ситкинцев вплоть до продажи Аляски США [274, р. 197]. Это опровергают данные целого ряда источников [15, с. 48; 72, с. 80; 96, S. 18; 100, Bd 1, S. 221].

3. ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ТЛИНКИТОВ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

3.1. Динамика интеграционных процессов внутри племени. Этнические процессы, происходившие в племени тлинкитов в период Русской Америки, носили сложный и порой противоречивый характер. Приход русских в Юго-Восточную Аляску, основание на землях тлинкитов поселений и промысел в их водах калана вызвали активное сопротивление индейцев. Угроза экономическим интересам тлинкитов, а в перспективе — и их независимости привела на первых порах к сплочению различных общин и родов в общеплеменную коалицию. Однако она просуществовала недолго. Уже к 1804 г. этот союз фактически распался, и хотя тлинкитские вожди в 1806—1809 гг. не раз предпринимали попытки возродить его, все они окончились неудачей. Причинами слабости объединительных тенденций были, по-видимому, старая межобщинная и межродовая разобщенность, а также, как показали события, отсутствие непосредственной угрозы независимости тлинкитов со стороны русских. После окончания периода конфронтации с русскими внутриплеменные отношения возвращаются в целом к прежнему состоянию: периодические столкновения между родами перемежаются и сосуществуют с торговыми связями и контактами иного уровня. Однако соотношение этих разнонаправленных тенденций, очевидно, изменяется. Военные столкновения между тлинкитскими родами в период Русской Америки происходили не чаще, чем до прихода европейцев на Аляску. Более того, существует указание К.Т. Хлебникова на то, что, например, междоусобные войны в окрестностях Ситхи стали редкостью [72, с. 85]¹⁷. В то же время товарообмен внутри племени и сопровождавшие его информационные связи, несомненно, возросли. Это объективно способствовало интеграционному процессу внутри племени. Кроме того, интенсификация внутриплеменных контактов и межэтнических связей способствовала дальнейшему формированию этнического самосознания тлинкитов.

Следует отметить еще один процесс, имевший место на всем Северо-Западном побережье — переселение индейского населения к европейским факториям и крепостям. Начиная с 1820-х гг. у Ново-Архангельска начинают обживать не только коренные ситкинцы, но и представители других куанов, в частности кагвантаны и

тлюкнахадии из куанов Акой и Хуна. В 1837 г. рядом с Дионисиевским редутом основывают свое новое селение стикинцы. В 1852 г. Н.Я. Розенберг писал о составе живших у стен Ново-Архангельска тлинкитов: "...В колошенском селении собственно Ситхинских Колош не более $\frac{1}{3}$ всего населения, остальные за тем $\frac{2}{3}$ населения Колош состоят из всякого сброду со всех Проливов Колош, привлеченных сюда желанием наживаться от разных для Порты Компании исполняемых работ" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 325об.].

3.2. Эволюция социальной организации тлинкитов в период Русской Америки. В рассматриваемый период основа основ тлинкитского социума — родовая структура — не претерпела качественных изменений, хотя она продолжала успешно развиваться путем простой количественной сегментации по мере экспансии тлинкитов на новые территории. Эяки и соседние атапаскские группы "втягивались" в тлинкитскую родовую структуру, что, безусловно, способствовало их быстрой ассимиляции. Они заимствовали у береговых индейцев даже названия их родов и соответствующие тотемы, например тотем Касатку, живой прообраз которой не был известен в глубинах материка. У атапасков талтан в верховьях Стикина были зафиксированы такие матрилинейные роды, как карч-отти и тукк-кла-вэй-ти, названия которых повторяли обозначения тлинкитских родов качади и дак-тауеди [166, с. 120—121].

Сильные родовые связи в тлинкитском обществе оказались одним из существенных факторов, препятствовавших разобщению индейцев перед лицом европейской колонизации¹⁸ (хотя наряду с интегрирующей функцией родовые отношения могли выполнять и деструктивную — во время межродовых конфликтов). Этот фактор, наряду с другими, вынуждал русскую колониальную администрацию воздерживаться от широкомасштабных карательных акций в отношении тлинкитов. Так, Д.П. Максудов отмечал, что русские вполне в состоянии разгромить любое индейское селение, схватить и наказать вождей, но последствия этих мер могли быть весьма тяжелы: "Колоши живущие в проливах от Стахина и даже Кайгани до Ледяного пролива составляют как бы одну семью: колоши Такувские в родстве и дружбе с Стахинскими, Кекувскими и другими. Колоши Стахинские в родстве с Кекувскими, Хуцновскими и т.д. — Таким образом затрагивая одних, непременно вооружаешь против себя всех" [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1026, л. 7об.].

Родовые связи у тлинкитов в период Русской Америки были еще настолько крепки, что устояли против попыток колониальной администрации разобщить индейцев путем создания прослойки лояльно настроенных туземцев, и прежде всего среди их вождей. Правда, немногочисленные осведомители из числа тлинкитов поставляли довольно регулярно информацию о планах и действиях своих соплеменников. Так, комендант Михайловской крепости В.Г. Медведников получал неоднократные предупреждения о готовившемся нападении на крепость; в 1805 г. начальник промысловой партии Т.С. Деменёнков узнал о захвате Якутатской крепости “от преданных колош” и т.д. По свидетельству Г.Г. Лангсдорфа (1805 г.), один из ситкинских вождей подвергся остракизму со стороны соплеменников за то, что проявлял себя как сторонник русских после изгнания ситкинцев из их крепости Барановым в 1804 г. [107, Vd II, S. 106]. Но подобные примеры были не характерны для тлинкитов. И конечно, эти немногочисленные представители “пятой колонны” были не в состоянии предотвратить выступления и “заговоры” тлинкитов в 1802—1809 и 1850—1855 гг.

Если родовые отношения в рассматриваемый период остались фактически неизменными, то такой социальный институт, как рабство, претерпел весьма заметную эволюцию. В связи с расширением производства традиционных продуктов индейское общество нуждалось в притоке дополнительных рабочих рук. Этой объективной потребности соответствовали появившиеся у индейцев возможности: обогащение на пушной торговле с европейцами позволило тлинкитам приобретать большее количество невольников, чем прежде. Если до прихода европейцев количество рабов в тлинкитском обществе было, очевидно, невелико [121, p. 53], то с начала колонизации Северо-Западного побережья численность этой группы населения заметно возросла. По свидетельству К.Т. Хлебникова, зажиточные индейцы в 1820-е гг. могли владеть 30—40 рабами [72, с. 86]. В тлинкитских сказаниях говорится, что богатейший вождь наньяйи Шейкс имел одно время до 200 рабов, причем некоторые из них, в свою очередь, сами владели рабами [121, p. 54]. По данным Дж. Симпсона, побывавшего на Северо-Западном побережье в начале 1840-х гг., рабы составляли около трети туземного населения этого региона [125, vol. 1, p. 211].

Если прежде основным источником рабов были военные экспедиции, то теперь невольники приобретались главным образом путем товарообмена. Самыми крупными работорговцами на Северо-Западном побережье в этот период являлись индейцы цимшиан, у которых тлинкиты в основном и выменивали невольников. Однако уже с середины XIX в. численность рабов в обществе тлинкитов начинает постепенно падать. Ю.П. Аверкиева ошибочно, на наш взгляд, связывала эту тенденцию с запретом рабства царским правительством [140, с. 153]. В действительности администрация русских колоний в Америке (а не царское правительство) запрещала лишь жертвоприношение рабов на потлачах, но не отменяла рабство как таковое. Кроме того, запрет касался только ситкинцев, а тлинкитами других куанов вообще игнорировался [22, с. 250—251]. “Горестно видеть, — писал в 1840 г. А.К. Этолин, — что все старания и убеждения с нашей стороны к укрощению жестокостей и зверских обычаев Колош, остаются почти тщетными, — если же советы наши и добрый пример и действуют на некоторых из них, то это на весьма немногих и только на тех, кои, так сказать, живут у нас под глазами, чему и был пример 13-го Июля сего года, когда двое из Ситхинских Колошенских Тоенов: Наушкетль и Схагатаэлчь, желая почтить память умершего их родственника Тоена Лъта-них, хотели на поминках убить каждый по Калге, но по настоящему моему убеждению согласились вместо убиения сих несчастных жертв, променять их дальним Колошам на промысла, а сии последние продать нам” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1006, л. 169об.—170]. Иногда русские выкупали рабов (особенно если они были малолетними или если принимали православие) (см. Документальное прил., 280—281, 288).

Изредка тлинкитские вожди сами дарили РАК рабов, предназначенных для жертвоприношения на потлаче, либо отпускали их на волю. Так, например, в 1861 г. ситкинские вождипустили в Ново-Архангельск трех рабов и шестнадцать невольниц, которых раньше в подобной ситуации наверняка убили бы [Там же, д. 1025, л. 120об.]. Некоторые рабы сами бежали от своих жестоких хозяев и находили убежище в русской крепости [Там же, д. 989, л. 179об.]. Сокращение численности рабов и постепенное исчезновение рабства у тлинкитов начиная с середины XIX в.¹⁹ явились, очевидно, не результатом административных распоряжений русских (затем и американских) властей, а последствиями европей-

Вождь тлинкитов в традиционном головном уборе.

ской колонизации в целом. Сюда можно отнести депопуляцию туземного населения Северо-Западного побережья из-за распространившихся эпидемий и алкоголизма, пресечение военных рейдов вооруженными силами и администрацией США и Великобритании, деятельность среди индейцев миссионеров и др.

Развитие пушной торговли на Северо-Западном побережье привело к общему подъему экономики тлинкитского общества в русский период истории Аляски и к некоторому повышению благосостояния туземного населе-

ния. Увеличился слой зажиточных людей, разбогатевших на торговле с европейцами и посреднических операциях с другими индейцами. Это вызвало появление “новых богачей” из среды простых общинников, которые стали претендовать на права и привилегии старой родовой знати [137, с. 28]. Росту социальной мобильности могли способствовать и эпидемии, приводившие порой к полному исчезновению знатных семейств домохозяйства и к выдвиганию на их место людей в прошлом более низкого ранга. Эти процессы в еще большей степени ослабили и без того незначительную власть родовых вождей. Объективному процессу ослабления власти в обществе тлинкитов колониальное начальство стремилось противодействовать путем поддержки отдельных представителей тлинкитской знати. Для этого им вручали медали, почетные свидетельства, подарки в виде одежды, продуктов, рома и пр. Некоторые получали специальное жалование от РАК (см. Документальное прил., с. 288). Так, “главному тойону” Михаилу Кухкану компания выплачивала ежегодно 360 руб. (алеутские старейшины получали только 250 руб.). С начала 1860-х гг. подобные дотации в сумме 240 руб. стал получать один из крещеных вождей ситка-кагвантан Сергей Сергеев [33, с. 89]. Однако все усилия русской администрации искусственно поднять авторитет отдельных вождей, чтобы опираться на них в своей политике, к успеху не привели. Этому препятствовали незыблемость родовой структуры тлинкитского общества, политическая независимость этих индейцев, объективная тенденция к ослаблению института власти вождей, а также субъективное противодействие тлинкитов насаждению в их среде инвентитуры.

3.3. Потлач. Контакты с европейцами повлекли за собой также некоторые изменения в таком древнем обычае индейцев, как потлач. Развитие пушной торговли и обогащение более широкого круга лиц (в домохозяйстве появились богатые люди и помимо вождей) привели, возможно, к возникновению практики добиваться традиционных статусов в ранговой системе тлинкитского общества путем проведения индивидуальных потлачей [140, с. 163]. Потлачи стали устраиваться чаще, а богатства — раздаваться более щедро. Очевидно, после начала европейской колонизации появляется еще одна разновидность потлача — потлач соперничества [274, р. 197]. Для него была характерна острая конкуренция вождей или целых линиджей (принадлежавших нередко

к одной фратрии) в борьбе за достижение более высокого ранга, чем у соперника. Имущество на таком потлаче не столько раздаривалось, сколько уничтожалось, как проявление презрения к богатству: меха и одеяла резались на полосы и лоскуты, медные пластины разламывались или топились в море и т.д. Формальным поводом к уничтожению скопленных богатств могло послужить и почитание умерших сородичей, как на традиционном потлаче. Именно этот повод, очевидно, избрали в 1847 г. тлюкнахади, устроившие грандиозный потлач у стен Ново-Архангельска, стремясь сравняться в ранге с ситка-киксади — признанными лидерами фратрии Ворона в куане Ситка (см. Документальное прил., с. 279—282).

Постепенно изживал себя обычай прокалывать ушную раковину во время потлача в честь детей, которые после этой операции становились анъяди. “В Ситхе почти у каждого Колоша проколоты уши, — писал И.Е. Вениаминов в конце 1830-х гг., — но это почти все самозванцы” [8, с. 108].

Контакты с европейцами привели к такому новшеству негативного характера, как употребление спиртных напитков на потлачах. На такие церемонии приглашались теперь не только гости из противоположной фратрии, но и представители фратрии “хозяев”. Распитие спиртного нередко превращало потлачи в пьяные оргии, часто заканчивавшиеся кровавыми столкновениями [119, р. 118].

Некоторые изменения произошли также в характере раздаваемого на потлаче имущества. Если раньше основными ценностями считались рабы и медные пластины, то после контактов с европейцами к ним добавляются одеяла, а впоследствии — деньги. В связи с уменьшением количества рабов они как объект жертвоприношения на потлачах все чаще заменяются стопами одеял эквивалентной стоимости. На искоренение ритуального убийства рабов во время потлача были направлены также проповеди православных миссионеров и некоторые мероприятия колониального начальства. Так, в одном из донесений в Главное правление РАК И.А. Купреянов писал, что он сам неоднократно внушал собиравшимся в его доме тлинкитским вождям недопустимость человеческих жертвоприношений на потлаче и рекомендовал взамен продавать рабов, а уже на вырученные от этого средства устраивать поминки [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1002, л. 295об.]. В 1847 г. М.Д. Тебеньков вообще наложил запрет на ритуальное убийство рабов на Ситхе [44, с.

248—249]. Судя по всему, ситкинцы соблюдали этот запрет, по крайней мере частично. Так, по словам индейца-информатора, в 1850-е гг. четыре обреченных на смерть раба были отпущены на свободу, после того как на потлаче вождь ситка-кагвантан коснулся их своим жезлом. Получившие свободу рабы тотчас же уходили к русским в крепость, так как им не разрешалось жить среди тлинкитов [1, с. 23]. Эти вольноотпущенники, таким образом, изгонялись из индейского общества и как бы “умирали” для него.

Торжественные встречи, которые русские устраивали для “делегаций” тлинкитских вождей, рассматривались индейцами, по-видимому, как своеобразные потлачи. Такие встречи сопровождались характерными для потлача деталями: песнями и плясками гостей (в данном случае тлинкитов) и угощением, а нередко и подарками со стороны “хозяев” (русских). Не случайно поэтому, как отмечал И.Е. Вениаминов, при подобных торжественных визитах тлинкиты надевали церемониальные наряды, использовавшиеся исключительно на потлачах [8, с. 104].

В 1840-е гг. сами русские пытались использовать потлач для сближения с независимыми туземцами. Так, в 1841 г. А.К. Этолин устроил для индейцев нечто вроде ярмарки с элементами традиционного потлача. На этот “русский потлач” съехались, по данным В.Н. Мамышева, до 500 “почетных колош”. Слух об этом торжестве разнесся по проливам архипелага Александра, и на следующую подобную ярмарку съехалось к Ново-Архангельску уже 1500 свободных индейцев, не считая рабов [44, с. 246—247].

В целом же в период Русской Америки потлач у тлинкитов переживал свой расцвет и продолжал еще довольно долгое время играть существенную роль в общественной жизни индейцев, вплоть до начала XX в.

4. ВОЕННОЕ ДЕЛО У ТЛИНКИТОВ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

Контакты с европейцами не изменили тактику ведения боевых действий тлинкитов: по-прежнему практиковались внезапные атаки, ночные нападения, военные рейды на флотилиях каноэ. Существенно повлияли эти контакты лишь на материальную часть военного дела. За довольно короткий период лук, палица-томагавк и

копье, основные орудия дальнего и ближнего боя индейцев, были почти полностью вытеснены огнестрельным оружием. Уже в 1794 г. участники экспедиции Ванкувера видели у тлинкитов ружья и карабины, пистолеты и мушкетоны [7, кн. 4, с. 295, 299—301; 7, кн. 5, с. 472]. С конца 1850-х гг. у индейцев появляются и револьверы [16, № 5, с. 181; 16, № 6, с. 289]. Убедившись в значительных преимуществах огнестрельного оружия, тлинкиты в своем товарообмене с европейцами стали требовать прежде всего ружья, порох и пули. Первоначально ружьями могли владеть только богатые вожди. Ружья на какое-то время стали одной из главных ценностей рода наряду с домами, лодками, тотемами и т.д. В этот период ружьям давались даже собственные названия [104, рт 1, р. 263]. Однако со временем американские и английские торговцы завезли на Северо-Западное побережье столько ружей, что туземцы, по словам В.Н. Берха, распиливали ружейные стволы на кольца [4, с. VII]. В середине 1820-х гг. О.Е. Коцебу писал, что у рядового тлинкита было не менее двух ружей [35, с. 213].

Американские торговцы продавали индейцам даже легкие пушки. В 1799 г. Баранов лично видел у ситкинцев четыре фальконета однофунтового калибра [66, ч. II, Прил., с. 146]. В 1819 г. главный правитель Русской Америки С.И. Яновский доносил в Петербург, что ружей у тлинкитов больше, чем у русских, а в крепости рода кагвантан имеется более 10 больших пушек [ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 833, л. 1].

Индейцы не только сосредоточили в своих руках большое количество огнестрельного оружия, но и быстро научились хорошо им владеть. Так, С.А. Костливцов, наблюдавший “маневры” ситкинцев у Ново-Архангельска, с удивлением отмечал, что они “производили такую же частую пальбу, как стрелки регулярной пехоты” [33, с. 158].

Холодное европейское оружие (сабли, тесаки, пики) не пользовалось у тлинкитов особой популярностью. Их обычным оружием в рукопашном бою в период Русской Америки были традиционные кинжалы, изготовлявшиеся теперь, правда, из железа и стали.

Определенную эволюцию претерпели защитные доспехи тлинкитов. Деревянные латы, шлемы и забрала постепенно утрачивали свое значение (вследствие применения огнестрельного оружия), хотя частично использовались вплоть до 1860-х гг. [16, № 6, с. 289]. Все чаще их заменяли более легкие и удобные доспехи из дуб-

Тлинкитские воины в период Русской Америки.

леной лосиной кожи. Кроме того, в начале XIX в. американские торговцы завозили тлинкитам короткие куртки-жилеты из лосиной кожи с пришитыми поперек груди железными полосами, “дабы пулю не можно было пробить”, как писал Ю.Ф. Лисянский [41, с. 143].

Новым в методах коллективной обороны тлинкитов стало оснащение некоторых крепостей пушками. Так, в 1804 г. ситкинцы использовали пушки для обороны своего укрепленного селения при осаде его отрядами Баранова [41, с. 30]. Применение артиллерии туземцами, стоявшими на одном с тлинкитами социально-экономическом уровне, — случай редчайший в колониальной

практике. Параллель можно провести, на наш взгляд, разве что с англо-маорийскими войнами, в ходе которых маори иногда использовали артиллерию при защите своих "па" — укрепленных частоколом деревень [207, с. 65].

Как уже говорилось, в период Русской Америки внутриплеменные столкновения стали, по всей видимости, более редким явлением. В то же время применение огнестрельного оружия сделало их более кровопролитными. "Слабая населенность этого края, — писал О.Е. Коцебу о Юго-Восточной Аляске — объясняется многочисленными межплеменными войнами, которые ведутся с редкой даже для диких народов яростью и ожесточенностью" [35, с. 214].

В период Русской Америки в связи с развитием товарообмена участились контакты тлинкитов с представителями других индейских племен, причем эти контакты не всегда носили мирный характер. С начала XIX в. южные тлинкиты вместе с кайгани и хайда предпринимали опустошительные набеги на племена юга с целью захвата рабов. По словам Ф. Драккера, они сеяли террор и панику среди квакиютлов и индейцев Пьюджет-Саунд [274, р. 75]. В 1830—1850-е гг. несколько военных рейдов на атапасков таку-тине и цецаут совершили тлинкиты куанов Таку и Санъя [81, р. 1; 129, р. 347]. Время от времени конфликты вспыхивали между южными тлинкитами и цимшиан, кайгани и хайда. Об одном из таких столкновений между тлинкитами Танта-куана и родом киткатла цимшиан рассказывается в предании, записанном Р.Л. Олсоном [121, р. 88].

5. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ТЛИНКИТОВ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

5.1. Религиозные воззрения. Духовная культура тлинкитов в период Русской Америки испытала гораздо меньшее влияние со стороны европейцев, чем сфера материальной культуры. Не будучи в состоянии объяснить некоторые явления, тлинкиты по-прежнему склонны были приписывать их действиям сверхъестественных сил. Например, И.Е. Вениаминов писал, что мельница, сгоревшая в 1827 г. в Ново-Архангельске от удара молнии, была, по мнению индейцев, сожжена Хетлом — гигантской Птицей-Громом [8, с. 83]. Аналогично тлинкиты объясняли гибель промышленника Матвея Кабачакова,

утонувшего во время ловли сельди, о чем сообщал В.П. Романов: «Они думают, что сельди попросили злых духов, чтоб они отдали им компанейского служителя Кабачакова, за то что он прежде не давал им покою, о чем духи сказывали шаманам» [57, с. 18].

Суеверие тлинкитов ловко использовал в свое время А.А. Баранов. Путем различных трюков он снискал себе среди тлинкитов славу великого шамана. «Баранов поступками своими внушил им такое к себе почтение, — писал Ф.П. Литке, — что многие почитали его колдуном, до того, что когда один раз (в 1810 году) на берегу пущена была ракета, то бывшие тогда на шлюпе “Диане” колоши говорили, что это полетел Баранов» [ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 182]. Еще в 1806 г. Н.П. Резанов писал об авторитете Баранова среди индейцев следующее: «Они [тлинкиты] боятся крепко Г.[-на] Баранова и истинно одно имя его весь край в страхе держит» [66, ч. II, Прил., с. 277—278]. Возможно, только благодаря присутствию в Ново-Архангельске А.А. Баранова зимой 1805/06 г. тлинкиты не решились напасть на ослабленный голодом и болезнями гарнизон крепости. Как сообщал А. Марков, Баранов (имея под платьем кольцо), чтобы убедить индейцев в своем сверхъестественном могуществе, давал пленным тлинкитам лук и стрелы и приказывал им стрелять ему прямо в сердце. Стрелы всегда отскакивали от невредимого Баранова, вызывая почтительный ужас индейцев [45, с. 51—52].

Хотя такая сфера религиозных воззрений тлинкитов, как тотемизм, в период Русской Америки не претерпела существенных изменений, можно тем не менее отметить отдельные инновации. Так, согласно тлинкитской легенде, один из вождей Танта-куана, по имени Тлехи, сделал своим тотемом парусник [121, р. 87]. По данным Г.П. Корсера, одним из тотемов вождя стикинцев Шейкса был русский двуглавый орел [269, р. 17, 24]. Однако эти новые эмблемы не были, конечно, тотемами в подлинном смысле слова, поскольку явно отличались от них как по своему происхождению, так и по ассоциациям и функциям.

Вследствие контактов тлинкитов с европейцами в руки индейцев попадали различного рода письменные свидетельства, грамоты, документы, медали, которые бережно сохранялись, передавались по наследству, а порой и демонстрировались на потлачах наряду с родовыми тотемами [1, с. 27; 119, р. 110—11; 121, р. 89]. Из этого факта Ю.П. Аверкиева сделала ошибочный, на наш

взгляд, вывод, что эти реликвии, полученные от европейцев, “функционально заменили тотемные знаки как свидетельства на определенные права и привилегии” [137, с. 38]. Нельзя не согласиться с высказыванием по этому поводу А.А. Истомина, что эти предметы хотя и функционировали в рамках родовых традиций, однако “имели источником и символизировали уже не родовое начало, а некий авторитет вне рода...” [185, с. 151]. И все-таки следует подчеркнуть, что дело не столько в различных источниках, сколько в том, что новые реликвии функционально не заменили традиционные тотемы как символы престижа, а сосуществовали наряду с ними. Кроме того, если тотемы олицетворяли собой престиж некоей социальной группы в целом, то письменные свидетельства поднимали авторитет только их конкретного обладателя. И наконец, в честь родовых тотемов совершались жертвоприношения, поднимавшие их “ценность”, в то время как в отношении бумажных свидетельств жертв, судя по имеющимся данным, не приносилось²⁰.

Под влиянием контактов с европейцами у тлинкитов несколько ослабла их вера в могущество духов. Речные выдры, пользовавшиеся у тлинкитов большим почитанием (особый страх внушали индейцам “духи” речных выдр), потеряли с приходом европейцев статус неприкосновенности. “До прибытия Русских никто из Колош не смел даже коснуться вообще до всякой выдры, — писал И.Е. Вениаминов, — но ныне они бьют их для торговли, не опасаясь и не видя никакого зла оттого” [8, с. 64].

В период Русской Америки пошатнулась вера тлинкитов в шаманов. Главный урон авторитету шаманов был нанесен во время эпидемии оспы, которую те оказались бессильными предотвратить. Росло доверие тлинкитов к европейской медицине. Так, П.Н. Головин писал, что после столкновения с якутатцами в 1861 г. у стен Ново-Архангельска ситкинцы обратились за врачебной помощью тяжелораненым не к своим шаманам, а к русскому доктору [16, № 6, с. 290]. Вытеснению шаманства определенным образом способствовали начавшаяся в 1830-е гг. деятельность православных миссионеров среди тлинкитов, а также некоторые мероприятия русской администрации. Колониальному начальству иногда удавалось спасти от смерти людей, обвиненных шаманами в колдовстве, чем дискредитировалась неотвратимость выносимого шаманами приговора. Например, в 1861 г. две

индианки куана Ситка были спасены от пыток и смерти только благодаря вмешательству русских [33, с. 71].

5.2. Искусство и игры тлинкитов. Появление металлических инструментов и новых видов сырья привело к расцвету тлинкитского прикладного искусства, и в первую очередь художественной резьбы. В период Русской Америки это искусство, почти не затронутое внешним влиянием, переживало свой “золотой век”. “Здесь не увидишь ни одной игрушки, даже самой простой, ни одного орудия и никакой посуды, на которых бы не было множества разных изображений, а особенно на коробках и сундуках, крышки которых обкладываются сверх того, ракушками, — похожими на зубы“, — писал в 1805 г. Ю.Ф. Лисянский [41, с. 149]. Именно в это время тлинкитские мастера создают такие сложные композиции, как, например, резная панель в Доме Кита в селении Клакван куана Чилкат [88, р. 109].

Форма и назначение художественно выполненных изделий почти не изменились. Лишь изредка из рук тлинкитского резчика выходили предметы, форма которых копировала вещи, совершенно чуждые традиционной культуре. Так, один из мастеров вырезал церемониальную погремушку в виде двуглавого орла, имитировавшую старый русский герб [117, pl. VIII, fig. 307]. Другим произведением подобного рода была деревянная курительная трубка в форме корабельной пушки [104, р. 3, р. 1040].

Тлинкиты не только сами изготовляли в большом количестве художественные изделия, но и порой заказывали их европейцам в соответствии с собственным вкусом. Так, в 1841 г. А.К. Этолин просил Главное правление РАК прислать в колонии для торговли с индейцами около 50 масок. Он писал, в частности, что “они [маски] не должны быть таковые как обыкновенно у нас употребляются в Маскерадах, а самые уродливые личища, по особенному заказу, с длинными носами, толстыми губами и зубами, с бородами, а буде можно с волосами, и чтоб были немного больше противу обыкновенных мазок. — Ничего если оне будут тяжелы, лишь бы крепкия были и как можно уродливыя. Колоши убедительно просят таковых мазок и я надеюсь, что в сравнении с ценою в России, можно будет продать их здесь Колошам довольно выгодно для компании“ [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1007, л. 260—260об.]. В 1843 г. маски, заказанные Этолиным, были доставлены в колонии, но не оправдали полностью возлагавшихся на них надежд, поскольку,

как отмечал Этолин, “они, хотя и нравятся Колошам, но кажутся им непрочными и потому мало пошли в ход торговли“ [Там же, д. 1009, л. 342].

Расширение межэтнических связей в этот период приводило к заимствованию тлинкитами танцев других племен. Широко распространились среди них танцы чимшиан и особенно — внутриматериковых атапасков [121, р. 67]. По данным Ф. де Лагуны, якутатцы любили подражать пляскам эскимосов чугачей [104, рт 1, р. 213]. Вместе с танцами иногда заимствовались легенды и песни. Очевидно, именно к XIX в. восходит обычай проведения своеобразных “песенных конкурсов“. Победа в таких конкурсах считалась очень почетной: она как бы свидетельствовала о духовном превосходстве победителей. Не случайно, видимо, якутатцы, стремясь выиграть в предстоящем соревновании с давними соперниками — ситкинцами, специально посылали в 1860-м г. людей на р. Медную (Коппер), чтобы те позаимствовали песни местных атапасков атена. Однако это не помогло якутатцам. Ситкинцы знали больше песен, тем более что перед конкурсом они выучили песни живших в Ново-Архангельске кадьякцев. Обида якутатцев была столь велика, что они с оружием в руках бросились на победителей, и лишь счастливая случайность, а затем и вмешательство русской администрации предотвратили кровавое столкновение [16, № 6, с. 289].

В период Русской Америки тлинкиты научились у русских игре в шашки [104, рт 2, р. 577]. К этому времени относится появление такого вида соревнования, как стрельба в цель из ружья. Подобные соревнования устраивались у стен Ново-Архангельска между индейцами и русскими промышленниками и матросами. В заливе у крепости проводились гонки-соревнования гребных судов: русских шлюпок и яликов, алеутских байдарок и тлинкитских каное [28, т. III, № 11, с. 219].

5.3. Первые грамотные тлинкиты. В период Русской Америки предпринимались первые попытки дать некоторым тлинкитам начальное образование. Это были аманаты — сыновья или племянники вождей, взятые заложниками на Кадьяк. Там они учились говорить по-русски и, как свидетельствуют косвенные данные, даже читать. Так, А.А. Баранов в письме к И.А. Кускову упоминает одного из вождей куана Акой — Чесныгу, которому Кусков в случае необходимости должен был оставить записку [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 25об.]. Из

этого можно заключить, что Чесныга не только знал русский язык, но и умел читать.

В 1806 г. на Кадьяке в училище, основанном иеромонахом Гедеоном, обучалось несколько тлинкитских аманатов (в том числе Никтополион Гедеонов). В двух классах училища проходили чтение, письмо, грамматику, краткий катехизис, арифметику, историю и географию [ЦГИА, ф. 796, оп. 90, д. 273, л. 63—64об.]. У нас, к сожалению, нет сведений, прошли ли эти молодые тлинкиты весь курс обучения и каким образом учение повлияло на их дальнейшую судьбу.

С учреждением позднее школы в Ново-Архангельске несколько тлинкитов в разное время обучалось в ней чтению по-русски и, возможно, некоторым другим дисциплинам. И.Е. Вениаминов сообщал по этому поводу следующее: “Хотя до сих пор еще не было опытов в большом размере — обучать Колош чтению, письму и проч. Но судя по трем человекам... можно сказать, что способности Колош в этом отношении не только не уступают способностям алеутов и Креолов [метисов], но даже гораздо выше ...” [8, с. 115] (см. также Документальное прил., с. 272). Дж. Симпсон отмечал, что сын главного стикинского вождя Шейкса умел читать и писать по-русски, чему научился в Ново-Архангельске [125, vol. 1, p. 212]. В 1841 г. один из вождей куана Хуна отдал своего сына в новоархангельскую школу для обучения русскому языку с тем, чтобы впоследствии он стал толмачом РАК. Во второй половине 1840-х гг. в Аянском порту учился племянник Михаила Кухкана Гаврила Категан, а в 1858 г. туда же был послан другой молодой родственник Кухкана — Сахля (см. Документальное прил., с. 285). Весной 1860 г. на учебу в Аян были дополнительно отправлены еще два мальчика-тлинкита: Качаты и Цухане [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1007, л. 318; д. 1024, л. 124об., 126об., 130об.; д. 1025, л. 48]. В 1861 г. П.Н. Головин писал, что среди воспитанников новоархангельской школы находится один мальчик-колош, бывший раб, которого хозяин подарил русским [16, № 6, с. 286].

За всю историю Русской Америки начальное образование, судя по всему, получило не более 20 тлинкитов, тогда как, например, среди алеутов число грамотных в то время насчитывало сотни человек. Причины столь незначительного распространения грамотности у тлинкитов крылись, вероятно, в полной независимости этих туземцев и относительной слабости русско-тлинкитских свя-

зей. Кроме того, Российско-Американская компания из-за ограниченности имеющихся у нее средств не могла развернуть широкое обучение грамоте туземцев, поскольку не было никаких гарантий того, что тлинкиты после окончания школы или училища “отработают” компании затраченные на их обучение средства.

5.4. Русская православная церковь и тлинкиты (1795—1867 гг.). Христианство в Русской Америке начали насаждать еще русские промышленники, осваивая Алеутские острова. Принятие православия частью туземного населения способствовало формированию прослойки лояльно настроенных по отношению к русским “островитян”, что подрывало их единство и облегчало эксплуатацию. Подобную прослойку лояльных туземцев стремились создать и среди тлинкитов. Но, как справедливо отмечает советский исследователь С.Г. Федорова, “христианство в Русской Америке несло в себе две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление привлечь аборигенные народы в лоно церкви (а следовательно, и в подчинение Российско-Американской компании); с другой стороны — несомненная просветительская роль отдельных служителей культа, таких как И.Е. Вениаминов” [246, с. 238].

Первым крещеным тлинкитом был, видимо, племянник главного вождя якутатцев, известный в русских источниках как “тоен Федор”, крестным отцом которого был сам А.А. Баранов [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 10; 69, с. 103]. Тоен Федор принял православие зимой 1795/96 г., когда жил на Кадыяке в качестве аманата. В дальнейшем там крестились и другие аманаты — сыновья и племянники тлинкитских вождей, в привлечении которых на свою сторону была очень заинтересована колониальная администрация. В документах упоминается, например, сын вождя куана Акой, бывший аманат, который был, очевидно, крещен, так как он был известен русским как Павел Родионов или Павел [32, с. 109—111; ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 2]. Можно предположить, что его крестным отцом был находившийся в конце 1790-х гг. на Аляске прапорщик Ф.Я. Родионов. Известно также, что в 1806 г. к православию приобрелись пять молодых тлинкитов, обучавшихся в кадыякском училище [ЦГИА, ф. 796, оп. 90, д. 273, л. 64]. Вслед за аманатами в христианство начинают вовлекаться прочие тлинкиты: сначала это были индианки — жены русских промышленников, жившие с ними в Ново-Архангельске, затем некоторые вожди, и

Динамика численности тлинкитов, принявших православие в
1841—1860 гг.

Год	Муж.	Жен.	Год	Муж.	Жен.
1841	4	—	1852	2	17
1842	38	4	1853	22	19
1843	66	4	1854	14	14
1844	65	30	1855	1	1
1845	4	5	1856	—	—
1846	9	—	1857	1	2
1847	8	19	1858	—	3
1848	12	23	1859	15	8
1849	5	6	1860	8	11
1850	3	32	Итого...	221	206
1851	30	31	В целом...	427	

Источники: Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний [23, табл. IV].

прежде всего ситкинские, как, например, Наушкет (Навушкетл), принявший православие в 1826 г. [38, с. 166—167; 42, с. 114—115]. Однако до конца 1830-х гг. успехи русских в распространении христианства среди тлинкитов были весьма незначительны: среди ситкинцев, живших у Ново-Архангельска, где влияние русских было особенно сильно, насчитывалось в то время только 20 крещеных индейцев [66, ч. I, с. 298]. “При всех усиленных и попечительных стараниях, — писал в начале 1820-х гг. о попытках христианизации ситкинцев А.П. Лазарев, — успели только несколько Индианок окрестить и выдать замуж за промышленников” [38, с. 166—167]. Лишь после эпидемии оспы (1835—1839 гг.) число тлинкитов, принявших христианство, начинает заметно расти. Это было связано с падением влияния шаманов, с одной стороны, и с гибкой политикой колониальной администрации в начале 1840-х гг. — с другой. До пасхи 1843 г. среди тлинкитов было уже 102 христианина, в том числе 2 шамана [66, ч. I, с. 269]. В следующем, 1844 г. в лоно христианской церкви вступило сразу 95 чел. (табл. 11), однако в 1845 г. — только 8 чел. Такой резкий спад объясняется, на наш взгляд, отъездом из колоний главного правителя А.К. Этолина, много сделавшего для сближения русских с тлинкитами. При его преемниках до 1855 г. количество крещеных

тлинкитов колебалось по годам — от 9 до 65 [15, с. 147—150]. В результате событий 1855 г. число индейцев, принявших христианство, явно сократилось: за четыре года, с 1855 по 1858 г., было крещено только 8 чел. Лишь с 1859 г. вновь наметился рост количества крещеных тлинкитов, и в 1861 г. к православию приобщилось 40 чел. [Там же].

В целом в период Русской Америки христианство приняли около 500 тлинкитов. Подавляющее большинство из них были ситкинцы, жившие у Ново-Архангельска. Колониальное начальство всячески поддерживало крещеных индейцев, усматривая в них потенциальных проводников своей политики, русской культуры и образа жизни. Именно из их среды был избран “главный колошенский тоен” — Михаил Кухкан. А в 1838 г. в Ново-Архангельске был окрещен и получил имя “Николай” сын главного стикинского вождя Шейкса [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1003, л. 123—123 об.]. Английский капитан Э. Бельчер отмечал, например, что тлинкиты, исповедовавшие христианскую веру, явно пользовались у русских предпочтением перед другими, хотя и не отличались от язычников какими-либо добродетелями [46, вып. 1, с. 205].

Поскольку свободный вход в Ново-Архангельск для тлинкитов был всегда ограничен, то индейцы-прихожане могли посещать новоархангельский собор только по большим церковным праздникам. Поэтому специально для тлинкитов у стен русской крепости рядом с колошенским селением была выстроена в 1846—1848 гг. православная церковь “Во имя Святой Живоначальной Троицы” [24, № 23, с. 859; 44, с. 258]. Чтобы содержание молитв и проповедей довести до сознания туземцев, их читали на тлинкитском языке. Первые опыты перевода религиозных текстов на тлинкит относятся еще ко времени А.А. Баранова: на язык ситкинцев тогда была переведена молитва “Отче наш” [ОР ГБЛ, ф. 7, ед. хр. № 143, л. 2]. Позднее на тлинкит были переведены Евангелие от Матфея, Литургия, Апостол и т.д. Однако переводчики столкнулись с трудностями в переложении библейских текстов, содержащих много абстрактных понятий, на язык, в котором эти понятия зачастую отсутствовали. Поэтому, очевидно, переводы не всегда выполнялись удовлетворительно и вызывали порой во время богослужения смех индейцев [23, табл. V].

В своих обращениях к пастве русские миссионеры призывали к смирению, к соблюдению норм христиан-

ской морали, к отказу от человеческих жертвоприношений. Иногда эта деятельность имела успех. Так, в 1837 г. после проповеди среди стикинцев И.Е. Вениаминову удалось уговорить одного из главных вождей Стикин-куана Куатху (Куахте) отказаться от убийства на потлаче двух рабов [ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1306, л. 1; 9, с. 34]. Еще более существенные результаты для русских принесла миссионерская деятельность в 1852 г., когда крещеный чилкатский вождь предупредил новоархангельского протоиерея о том, что в ближайшую ночь индейцы пойдут на штурм Ново-Архангельска. Только благодаря этому предупреждению русские успели подготовиться к обороне, и индейцы не решились напасть на крепость [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 320].

Однако, несмотря на усилия православных миссионеров, лишь очень немногие из крещеных индейцев неукоснительно соблюдали церковные заповеди и не участвовали в языческих церемониях и потлачах. В большинстве же случаев новая вера мало что изменила в мировоззрении и образе жизни новоявленных христиан. Например, у ситкинского вождя Навушкетла в 1837 г. было, по свидетельству А. Эрмана, четыре жены, хотя тот был крещен еще в 1826 г. [87, S. 316]. В убийстве стикинцев в 1852 г. у стен Ново-Архангельска участвовали крещеные тлинкиты, причем они, по свидетельству Н.Я. Розенберга, как и их сородичи-язычники, отрезали убитым головы, снимали скальпы, “которые возимы были вывешенные на батах с торжественными песнями” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 315об.]. Более того, в 1855 г. во время столкновения с русскими тлинкиты заняли “колошенскую церковь” и использовали ее как стратегический пункт, с которого они обстреливали гарнизон Ново-Архангельска, а затем разграбили ее и осквернили иконы [15, с. 78]. На относительную слабость влияния русской православной церкви на религиозное сознание тлинкитов указывали в начале 1860-х гг. С.А. Костливцов и П.Н. Головин. Последний писал о тлинкитах: “Многие из них крестились, благодаря подаркам и угощениям, а в церковь ходить даром не любят. Если им объявить, что после каждой обедни им будут давать по чарке водки, то церковь конечно будет битком набита, а без этого они молиться не идут” [16, № 5, с. 178]. С.А. Костливцов добавлял: “Во время служения не только не благоговейны, но если не остановить, то Колош готов прийти в церковь в шапке, с труб-

кою в зубах и будет хохотать и разговаривать во время священнодействия“ [33, с. 116].

Широкому распространению христианства среди тлинкитов препятствовал ряд объективных причин: независимость этих туземцев, неустойчивость русско-тлинкитских связей (особенно в первое двадцатилетие XIX в.), авторитет шаманов и ясное осознание той угрозы, которая исходила от христианства для их независимости. И.Е. Вениаминов писал по этому поводу: “Впрочем я думаю, что и при совершенном убеждении Колош в необходимости просвещения Религиею Христианской, они не скоро согласятся принять ее; потому что (по словам одного очень неглупого Колоши) они думают, что с принятием Христианства они сделаются под таким же влиянием и властью Русских, как и Алеуты, которых они считают не иначе как калгами или невольными служителями Русских“ [8, с. 136—137]. Общество тлинкитов не испытывало внутренней потребности в принятии христианства: оно еще не “дозрело“ до этого. Неприятие тлинкитами православия можно объяснить не только их политической независимостью, но и боязнью подорвать традиционную систему наследования имущества и рангов — одну из основ функционирования тлинкитского общества [293, р. 202]. Кроме того, как справедливо отмечал С.А. Костливец, традиционный образ жизни туземцев, их мораль и обычаи явно не соответствовали основным “христианским добродетелям“: кротости, смирению и милосердию [33, с. 116]. В целом православие оказало незначительное влияние на культуру тлинкитов и их образ жизни в период Русской Америки, хотя в какой-то степени и способствовало смягчению их некоторых жестоких обычаев.

Русское влияние коснулось, возможно, аксессуаров тлинкитского похоронного обряда: индейцы стали огораживать свои могильные домики деревянными оградками, что было характерно для православных кладбищ. К. Мак-Клеллан считает даже, что сама конструкция таких домиков была заимствована от русских [112, pt 1, p. 250]. В сфере собственно религиозных представлений тлинкиты стали адаптировать некоторые христианские сюжеты, особенно те из них, которые согласовывались с их традиционными мифами (например, о Потопе). Так, в 1830-х гг. И.Е. Вениаминов записал со слов индейцев фактически краткое переложение библейского предания о Всемирном Потопе и Вавилонской Башне [8, с. 81—82]. Интересно отметить, что уже после продажи

Аляски США православие среди тлинкитов приобрело большую популярность как своеобразный протест против американской колонизации. И до сих пор еще около 800 из них исповедуют православие, что, по мнению священника-тлинкита, является последними остатками русской культуры среди индейцев Юго-Восточной Аляски [304, р. 71].

В 1820-е гг. религиозной пропагандой среди тлинкитов пытались заняться также американцы. Так, в 1829 г. капитан Тэйлор на своем судне "Волонтир" привез из Бостона в Юго-Восточную Аляску американского миссионера Джонатана С. Грина для "просвещения" туземцев. Однако американский капитан настолько скомпрометировал себя в глазах индейцев своими корыстными действиями, что не нашлось ни одного желающего внимать проповедям его земляка [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 351, л. 31—31об.; 276, р. 92]. Побывал Грин и в Ново-Архангельске, где пытался заручиться поддержкой колониальной администрации в деле христианизации тлинкитов. Он, в частности, просил у П.Е. Чистякова разрешения остаться в Ново-Архангельске для изучения туземного языка и религиозной пропаганды. Главный правитель вежливо отказал ретивому миссионеру, сославшись на то, что без "дозволения" Главного правления РАК не может предоставить ему возможность жить в российских колониях. Кроме того, Чистяков весьма прозрачно намекнул Грину, что русские и сами в состоянии решать религиозные проблемы, заметив: "Обитающие около нас Колоши уже отчасти и приготавливаются к принятию Христианской веры" [Там же, д. 993, л. 333об.—336]. Сменивший П.Е. Чистякова Ф.П. Врангель еще более решительно отверг предложения американских миссионеров по организации их миссий на Аляске. В то же время активность американцев на "религиозном фронте" заставила Врангеля обратить особое внимание на распространение православия среди тлинкитов. Именно с этой целью в 1834 г. был переведен с о-ва Уналашка в Ново-Архангельск опытный миссионер И.Е. Вениаминов, который и положил начало систематическому вовлечению тлинкитов в христианскую веру [Там же, д. 995, л. 173об.—174, 204—205].

6. ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

В период Русской Америки тлинкиты контактировали (если говорить о европейцах) главным образом с носителями русского и английского языков. Общение устанавливалось обычно через толмачей. Но интенсивный товарообмен, а также контакты иного характера способствовали проникновению в сознание индейцев новых понятий, которые естественно, должны были получить свое языковое оформление. Как же отреагировал язык тлинкит на контакты с европейцами? К сожалению, имеющиеся у нас данные на этот счет очень неполны. И все-таки, анализируя сведения о языке тлинкит за 1805, 1812 и 1834—1839 гг., собранные Н.П. Резановым, А.А. Барановым и И.Е. Вениаминовым [ОР ГПБ, ф. 7, ед. хр. № 139, л. 1—44; ед. хр. № 143, л. 1—3; 10], можно с уверенностью сказать, что ресурсы языка тлинкит крайне редко пополнялись за счет иноязычного заимствования в относительно чистом виде, как это было, например, со словом “котль” (котел). Некоторые слова, внедряясь в язык тлинкитов, претерпевали такое фонетическое перерождение, что в них бывает трудно узнать исходное слово, как, например, в тлинкитском “нам” английское gum (ром). Отдельные заимствования могли входить в язык тлинкитов благодаря ассоциациям с близкими по звучанию словами родного языка. Например, для понятия “русские” у тлинкитов существует созвучное с русским слово “кускекуан”, что означает в тлинкитском “люди дальних облаков”, “люди небесного горизонта”. В подавляющем же большинстве случаев новые для индейцев понятия соотносились с уже известными словами и оформлялись средствами родного языка. На это есть также прямые указания современников Русской Америки. Так, Н.П. Резанов отмечал в 1805 г., что тлинкиты, в отличие от других туземцев Русской Америки, имеют “собственные названия всем европейским вещам” [ОР, ГПБ, ф. 7, ед. хр. № 139, л. 1об]. Например, “кирпич” тлинкиты называли “тте”, что на языке тлинкит означало “камень”, “патока” по-тлинкитски — “тлиннукуц-угин”, что в буквальном переводе значит “сладкая вода”, “репа — “кускекуанкух-у”, что значит “русская сарана”. Показательно, что в кенайском языке русскому слову “репа” соответствует заимствование, хотя и искаженное, — “лепа” [ОР ГПБ, ф. 7, ед. хр. № 139, л. 15об.—16, 24об.—25, 32об.—33].

Таким образом, в результате контакта с европейцами словарный состав языка тлинкит в период Русской Америки обогатился за счет возникновения новых слов, соответствующих новым понятиям. Это обогащение осуществлялось преимущественно путем расширения значения старых слов и путем словообразования (за счет собственных языковых средств).

Крайне незначительное количество заимствованных русских слов (девять) в современном языке тлинкит американский лингвист М. Краусс сводит к последствиям сопротивления тлинкитов русской колонизации [190, с. 157]. Это утверждение, однако, требует уточнения. Во-первых, трудно, на наш взгляд, судить о заимствованиях из языка, контакты с которым прекратились более ста лет назад (при этом нельзя не учитывать и постоянно усиливавшегося после 1867 г. американского культурно-языкового прессинга). Во-вторых, и это главное, возможно, незначительное количество языковых заимствований в период Русской Америки (в том числе и английских) объясняется скорее отсутствием в то время достаточно интенсивных, регулярных, всеохватывающих контактов между носителями разных языков.

Известно, что наибольшие изменения в заимствующем языке вызывает двуязычие, как результат самых тесных и постоянных связей. Двуязычие, в частности тлинкито-русское, хотя и имело место в тлинкитском обществе, затрагивало, однако, крайне незначительную его часть. Двуязычными до 1820-х гг. были только тлинкитки, жившие с русскими в Ново-Архангельске, и аманаты, содержащиеся на Кадьяке. Так, например, Ф.П. Литке упоминал одного из племянников главного ситкинского вождя Катлиана, который, прожив несколько лет на Кадьяке (как аманат), "научился изрядно говорить по-русски" [ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 182]. После нормализации тлинкитско-русских отношений начинает расти число лиц, знавших русский язык, о чем свидетельствовал в 1827 г. тот же Ф.П. Литке: "Многие колоши начинают понимать и говорить по-русски" [42, с. 158]. И.Е. Вениаминов отмечал, что тлинкиты, а в особенности тлинкитки, быстро овладевают русским языком и говорят на нем лучше, чем, например, кадьякцы или алеуты [8, с. 119].

Число двуязычных индейцев растет за счет тлинкитов, длительное время работавших совместно с русскими в Ново-Архангельске или служивших матросами на судах РАК. Таким образом, создавалась почва для более

тесных языковых контактов, однако продажа Аляски в 1867 г. положила конец этому процессу. Как отреагировал тлинкитский язык на контакты с русским, можно было бы с уверенностью судить лишь по словарям, зафиксировавшим состояние языка тлинкит в конце 1860-х гг. Можно, однако, утверждать, что и тлинкито-русское двуязычие, и русские заимствования в языке тлинкит были, несомненно, распространены в XIX в. шире, чем в XX в. Например, в 1886 г. американские путешественники встретили на о-ве Каяк группу туземцев “колошей”, которые говорили на смеси тлинкитского, русского и чинук (о последнем см. ниже) [104, pt 1, p. 103]. Еще в начале 1890-х гг., по свидетельству епископа Николая, один старый индеец в Якутате знал русский язык [47, с. 65].

Наконец, говоря о русских заимствованиях в современном языке тлинкит, нельзя не отметить трудности, с которыми сталкиваются исследователи в интерпретации происхождения тех или иных слов. Вследствие отсутствия в языке тлинкит ряда звуков, главным образом согласных, присущих европейским языкам, заимствования в тлинкитском претерпевали такую фонетическую трансформацию, что изменялись до неузнаваемости. Так, ни Ф. де Лагуна, ни ее индейские информаторы не смогли дать сколько-нибудь приемлемого объяснения происхождению слова “савак”, дублирующего традиционное тлинкитское слово “кетл” (собака). Слово “савак” было зафиксировано и в конце прошлого века в куане Кэйк со значением “большая собака” [127, p. 444]. Однако не вызывает сомнения, что здесь мы имеем дело с заимствованием русского слова (в связи с отсутствием в языке тлинкит звука “б” он заменяется на “в”).

В свете сказанного представляется очевидным, что вопрос о заимствованиях в языке тлинкит остается пока открытым. Интересно было бы также проследить количество и характер русских заимствований в языке тлинкитов различных куанов, ведь интенсивность контактов русских с представителями различных индейских общин была весьма неодинаковой.

В связи с развитием торговли с европейцами и интенсификацией межплеменного товарообмена на Северо-Западном побережье в XIX в. у индейцев этого региона сложился особый торговый жаргон “чинук” (по названию индейского племени, жившего в низовьях р. Колумбии). Жаргон, в основе которого лежал язык индейцев нутка (о-ва Ванкувер), содержал многочисленные заим-

ствования из английского, французского, частично испанского, русского и ряда индейских языков. Во второй половине XIX в. чинук получил распространение среди тлинкитов, и прежде всего торговцев и путешественников. Так, в одном из тлинкитских преданий, записанных Р.Л. Олсоном, говорится о том, что индейцы куана Тонгасс выучили этот жаргон во время поездок в Форт-Симпсон и Викторию [121, р. 41].

7. КОНТАКТЫ И БРАКИ ТЛИНКИТОВ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДРУГИХ НАРОДОВ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

7.1. Межэтнические контакты. С начала морской пушной торговли и колонизации Северо-Западного побережья межэтнические контакты в этом регионе значительно возросли. Помимо русских, англичан и американцев тлинкиты встречались с представителями многих других народов. На судах английских и американских капитанов нередко было много матросов-гавайцев, индийцев, китайцев, филиппинцев и др. Этнический состав жителей Ново-Архангельска также был весьма пестр: здесь жили помимо русских шведы, финны, якуты, немцы, поляки, украинцы, немало было русско-алеутских и русско-эскимосских метисов ("креолов"). Последние составляли с 1840-х гг. около половины населения столицы Русской Америки. В Компании Гудзонова залива наряду с англичанами и шотландцами служили франко-канадцы, метисы, ирокезы и др. [279, р. 21].

Среди тлинкитов многие годы жили беглые американские матросы, а с конца 1850-х гг. британские контрабандисты и золотоискатели. Еще в 1793 г. Дж. Ванкувер встретил среди прибывших к нему стикинцев молодого человека в синем камзоле и панталонах, "курившего сигары по-испански — через нос — и очень любившего табак". Ванкувер полагал, что это был мексиканец, дезертировавший с испанского судна [7, кн. 4, с. 306—307].

Сами тлинкиты с начала XIX в. отваживаются на дальние морские и сухопутные экспедиции: на севере они знакомятся с атапасками среднего течения Юкона (они их называли "айян"), а на юге — с индейцами о-ва Ванкувер и залива Пьюджет-Саунд. Некоторые тлинкиты нанимались на европейские суда и плавали по всему Тихому океану, а кое-кто из них совершал даже

кругосветные и полукругосветные путешествия. Главный правитель М.И. Муравьев доносил в Петербург, что “многие колоши были, а некоторые и воспитаны в Бостоне” [11, Сер. II, т. V с. 87]. Об одном из таких индейцев, по имени Ханего Джой (т.е. “Джой из куана Хенъя”), писал в 1841 г. Дж. Симпсон, что он был взят ребенком на американское судно и увезен в Соединенные Штаты. Позднее он вернулся к своим сородичам, и агенты КГЗ использовали его порой в качестве штурмана и переводчика [125, vol. 1, p. 213].

Бывали тлинкиты и в России. Так, директора РАК писали А.А. Баранову из Петербурга в 1817 г.: «Посланный вами на “Суворове“ Колоша Сергей Колобов был мужчиною здоровым, умным и скромным, сверх чаяния, по непривитию ему у вас и дорогою оспы сделался ея жертвою» [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 988, л. 52об.]. Аналогичная участь постигла, видимо, и других тлинкитов, посланных Барановым на учебу в Петербург, среди которых был и брат ситкинского вождя Навушкетла. “Все они, — писал К.Т. Хлебников, — к сожалению, не возвратились, чтоб внушить своим соотечественникам верныя сведения о Европейском просвещении и могуществе России” [69, с. 200]. Позднее несколько детей и молодых тлинкитов (и тлинкиток), взятых русскими на воспитание, выехало вместе со своими приемными родителями в Россию (см. Документальное прил., с. 289).

В то же время следует отметить, что русская колониальная администрация зачастую не только не способствовала развитию непосредственных контактов русских с тлинкитами, но, наоборот, стремилась их всячески ограничить и регламентировать, опасаясь потерять контроль над ситуацией. Так, например, в 1838 г. И.А. Купреянов в предписании капитану корабля РАК “Николай“ Е. Беренсу указал, что команде судна “не дозволяется“ без его разрешения посещать селение тлинкитов у Ново-Архангельска, угощать туземцев или продавать им ром [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1002, л. 208—208об.].

Отношение тлинкитов к европейцам было весьма противоречивым. С одной стороны, их восхищали богатство и могущество пришельцев: их одежды, обилие товаров, оружие, большие корабли и т.д. С другой стороны, европейцы вызывали у индейцев чувство отчуждения, поскольку их поведение не всегда укладывалось в стандарты тлинкитской морали: у них отсутствовало, например, представление о родах и фратриях и, следовательно, не было соответствующих стереотипов поведения.

Субординация у европейцев воспринималась тлинкитами как отношения хозяина и раба. Так, правитель кадьякской конторы РАК И.И. Баннер свидетельствовал в 1803 г.: "...в нравах их примечено, что они не могут снести ига законов, совершенная независимость и мщенье суть главнейшие их страсти, по коим они не удобны к общественной жизни, усмотря в нас некоторый порядок правления и повиновения подчиненных, нас презирают..." [32, с. 130]. Еще более красноречиво высказался по этому поводу один из ситкинских вождей в разговоре с главным правителем П.Е. Чистяковым: "Мы... хотя в сравнении с вами очень бедны и беспомощны, но зато не служим никому, а вы, при всей вашей власти и знаниях, все же слуги вашего императора" [100, Bd I, S. 219].

Интересно заметить, что представители различных тлинкитских куанов по-разному оценивали русских. Якутатцы, например, по свидетельству Ф. де Лагуны, относились к ним крайне отрицательно [104, pt 1, p. 217], в то время как стикинцы считали русских своими друзьями, и эта добрая память сохранилась у них вплоть до середины XX в. (при этом с англичанами из Компании Гудзонова залива у них были связаны негативные воспоминания) [269, p. 24].

Крайне враждебные чувства питали тлинкиты к алеутам, кадьякцам и чугачам, которые под началом русских вели промыслы в их территориальных водах [100, Bd I, S. 238]. Эта вражда была взаимной. "Замечательно, — писал Ф.П. Литке в 1818 г., — что наибольшие неприятели Колошам суть Алеуты, и обратно, Колоши гораздо более Алеут ненавидят нежели Русских. Если Алеуты одни поймают Колоша, то наверное убьют, также и Колоши Алеутам никогда пощады не дают..." [ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 185об.]. К давней враждебности тлинкитов к чугачам (а позднее к алеутам и кадьякцам) присоединилось чувство презрения за то, что последние признали свою зависимость от русских. Вот что писали об этом представители Главного правления РАК в 1863 г.: «Вражда между ними была всегдашняя, по разным кровным распрям, но это была ненависть равного к равному, со времени же признания Алеутами и другими племенами власти над собою Русских, Колоши уже не только ненавидят их, но окончательно презирают, именуя позорным названием "Калги", т.е. раба» [22, с. 529].

7.2. Межэтнические браки. В Русскую Америку из метрополии прибывали в основном мужчины, поскольку именно они составляли главную рабочую силу на промыслах. Это обстоятельство, а также поощрение смешанных браков со стороны Российско-Американской компании (по политическим и экономическим соображениям) приводили к росту метисного населения в колониях [246, с. 186—187]. Дети от связей и браков с алеутками, эскимосками и индианками назывались в Русской Америке “креолами”. До 1820-х гг. число русско-тлинкитских креолов было ничтожно, а связи русских с индейскими женщинами были относительно редки и носили, как правило, “незаконный” характер, поскольку не были санкционированы церковью. Некоторое количество метисов жило, по-видимому, в Якутате — районе самого раннего поселения русских на территории тлинкитов. Так, в индейских легендах упоминается молодой русско-тлинкитский метис из якутатских текуеди (тлахик-текуеди?), по имени Дживак, который долгое время содержался в рабстве в куане Хуцнуву, а затем бежал в Ново-Архангельск к русским [121, р. 55, 116].

После основания на о-ве Ситха Михайловской крепости (1799 г.) там постоянно жили с русскими несколько тлинкиток. Одна из них — дочь ситкинского вождя Длхетина — вернулась к русским после их вторичного водворения на острове в 1804 г. [107, Bd II, S. 100]. Чтобы предотвратить повторение событий 1802 г., А.А. Баранов и Н.П. Резанов стремились смягчить напряженные русско-тлинкитские отношения путем установления родственных связей между русскими и тлинкитами. С этой целью через доктора Г.Г. Лангсдорфа ситкинцам была передана просьба Баранова прислать в крепость “девок”. Но миссия Лангсдорфа успеха не имела: очевидно, в памяти индейцев было еще свежо их поражение во время вторичного занятия о-ва Ситха русскими [АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 33, л. 25об.].

Начиная с 1820-х гг. контакты тлинкитов с русскими участились и стали носить более упорядоченный и регулярный характер, особенно после поселения ситкинцев у Ново-Архангельска. Хронический недостаток женщин в русском поселении компенсировался в некоторой степени связями промышленников и матросов с тлинкитками. Они были обычно случайными и незаконными и вели к появлению среди индианок проституции [72, с. 139]. Ф.П. Литке писал по этому поводу: “Колошенския' ода-

лиски не менее Европейских танцовщиц умеют разорять своих обожателей, и примеры нередки, что промышленные совершенно проматываются на туалет своих красавиц, не взирая на все усилия Правителей прекратить сии беспорядки“ [42, с. 109]. Незаконные связи с индианками были обычным явлением вплоть до продажи Аляски США. В начале 1860-х гг. П.Н. Головин отмечал: “Некоторые из рабочих и солдат [в Ново-Архангельске] откупают у тайонов женщин-калгов [невольниц] и содержат их на свой счет“ [15, с. 87]. Однако не все могли позволить себе иметь такую временную жену, поскольку это, с одной стороны, обходилось довольно дорого (25—30 руб. асс. в месяц), а с другой — преследовалось русским духовенством [17, с. 379].

Связи русских с тлинкитками в значительной степени помогали поддержанию мирных отношений с индейцами. От женщин русские узнавали о готовившихся “заговорах” тлинкитов, и немало русских было спасено благодаря индианкам. Во время конфликтов женщины деятельно участвовали в переговорах, всячески способствуя их мирному урегулированию [42, с. 92, 113]. С другой стороны, неконтролируемые связи с тлинкитками могли быть чреваты для русских серьезными осложнениями. Последние нередко сманивали и даже отнимали у индейцев их жен и дочерей, а такой обиды тлинкиты, конечно, не забывали, о чем особо предупреждал команду редута Св. Дионисия Ф.П. Врангель в 1834 г. В инструкции первому начальнику этого редута С. Москвитину он также писал: “...отнюдь не принимайте в Редут Колошенок на жительство, ибо от них множество могут произойти неудовольствий и вредных последствий для Компании: они обо всем что услышат перескажут своим землякам и налгут вдобавок, чем часто могут разстроить доброе согласие“ [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 998, л. 309, 314]. Однако реальная жизнь оказалась сильнее инструкций главного правителя, и уже при преемнике Ф.П. Врангеля И.А. Купреянове в 1838 г. в Дионисиевском редуте проживало несколько окрещенных тлинкиток. Главный правитель был вынужден смириться с неизбежным, хотя и стремился регламентировать брачные связи русских промышленников с индианками. В письме к новому управляющему Дионисиевским редутом И. Андреянову Купреянов писал: “В разрешение испрашиваемого вами: как поступать с Колошенскими девками окрещенными в нашу веру и живущими при Служителях Компании, предписываю вам в сем отношении в точно-

сти соблюдать те же правила, которыми руководствуются в Ново-Архангельске, то есть, чтобы окрещенные Колошенки, хотя и незаконным браком соединенные с Русскими, почитались как бы отделившимися уже от прочих Колош, своих родственников, кои отнюдь не должны иметь над ними никакого права или влияния, пока они живут с Русскими, равно чтобы и дети прижитые Русскими с Крещенными Колошенками, были окрещены и почитались совершенно уже отделившимися от Колош; — все сие они и прочие их родники должны знать прежде“ [Там же, д. 1002, л. 161—161об.].

Наряду с незаконными связями имели место и законные браки между русскими и тлинкитами. В начале 1820-х гг., по сведениям А.П. Лазарева, несколько тлинкиток было обвенчано с русскими промышленниками [38, с. 166—167]. (см. Документальное прил., с. 275). Но количество русско-тлинкитских семей, официально признанных церковью, было, очевидно, невелико. Выделить же их среди населения Ново-Архангельска весьма затруднительно, поскольку тлинкитки, вышедшие замуж за русских, приписывались, скорее всего, к сословию “зависимых туземцев“ (к которым относились в первую очередь алеуты и кадьякцы). Так, в статистическом обзоре российских колоний Ф.П. Врангель указывал, что среди туземцев, проживавших в Ново-Архангельске, были колошенки и их дети, но в общем списке народонаселения Врангель их не выделил [12, с. 111—112]. По свидетельству И.Е. Вениаминова, тлинкитки, вышедшие замуж за русских, в целом показали себя преданными женами и порядочными женщинами (в отличие от алеуток и эскимосок) и хорошо содержали свои семьи [8, с. 119]. Изредка тлинкитки выходили замуж за креолов, алеутов и якутов, живших в Ново-Архангельске. Так, например, в документах за 1834 г. упоминается якут Василий Павлов, просивший “дозволения“ колониального начальства “вступить в законное супружество с крещеною Колошенкою Александрою“. А в 1845 г. алеут Семен Кашкак испрашивал подобное “дозволение“ на брак “со сговоренною им невестою, девицею Колошенкою Анною Какот“ [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 998, л. 2об.; д. 1011, л. 16—16об.].

Помимо русских и креолов в брачные связи с тлинкитками вступали также матросы с американских и английских кораблей, а впоследствии и служащие Компании Гудзонова залива. Некоторые из американских матросов (обычно дезертиры) даже жили среди индейцев.

Так, главный правитель М.И. Муравьев сообщал в Главное правление РАК, что у колошей находятся несколько “бостонцев” [11, Сер. II, т. V, с. 87]. Вскоре после перехода редута Св. Дионисия под контроль Компании Гудзонова залива более половины служащих фактории просили одного из директоров компании Дж. Симпсона разрешить им вступить в брак с местными туземками, на что получили согласие [125, vol. 1, p. 231]. Известно, что в 1850—1860 гг. британские контрабандисты в южной части архипелага Александра заключали браки с тлинкитскими женщинами, стремясь таким образом укрепить свое положение и связи с индейцами и тем самым расширить свою торговлю.

Законные и незаконные связи европейцев (и прежде всего русских) с тлинкитками вызывали рост метисного населения. “Многие из русских, — писал в донесении П.Е. Чистяков еще в 1828 г., — женились на Колошенках или имея оных на содержании, прижили детей...” [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 993, л. 62]. К середине 1840-х гг. метисы составляли уже заметную часть среди ситкинцев, о чем в свое время сообщал А. Марков [45, с. 87]. Американский этнограф К. Оберг указывал, что в Ситке русско-индейские метисы очень многочисленны [119, p. 7]. “Креолы от колошенок несравненно красивее креолов от алеуток, — отмечал П.Н. Головин, — у первых черты лица довольно правильны, большие глаза; у вторых тип лица чисто монгольский: сплюснутый нос, узенькие глаза, — точно как у калмыков” [16, № 6, с. 277]. И.Е. Вениаминов особо выделял трудолюбие, прилежание и порядочность русско-тлинкитских метисов в отличие от метисов другого происхождения [8, с. 120—121]. Пожалуй, именно с креолками предпочитали оформлять официальные браки служащие РАК. Так, например, все три дочери “компанейского служителя” Матвея Кабачакова и крещеной “Колошенки Марьи” — Ирина, Наталья и Матрена — вышли замуж соответственно за Ивана Прокофьева (1836 г.), Карла Дальстрема (1838 г.) и Прокопия Ларионова (1839 г.) [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1000, л. 354об.—355; д. 1003, л. 48—48об.; д. 1004, л. 312об.—313]. Любопытно заметить, что некоторые креолки оставляли порой своих законных русских мужей и уходили жить к тлинкитам. Так поступила в 1843 г. Матрена Кабачакова (Ларионова); позднее два главных правителя Русской Америки — М.Д. Тебеньков и Н.Я. Розенберг — сообщали в Петербург о несчастной судьбе “служителя компании” Семена

Павлова, жена которого, креолка Авдотья, сбежала от него к колошам и, найдя среди них покровителя, уехала из Ситхи. Обманутый муж так и не смог, по-видимому, добиться возвращения ему законной жены [Там же, д. 1018, л. 145об.] (см. также Документальное прил., с. 283).

В силу матрилинейного счета родства метисы, естественно, включались в тлинкитское общество и не подвергались дискриминации со стороны чистокровных тлинкитов (если только их матери не были рабынями) (см. Документальное прил., с. 278). Наличие "русской крови" могло стать предметом гордости индейца, о чем писал Р.Л. Олсон [121, p. 116].

Помимо расширения брачных связей с европейцами участились браки тлинкитов с атапасками и эяками, что, несомненно, в значительной степени способствовало ассимиляции последних. Так, даже среди живущих в долине р. Коппер (Медной) атапасков атена (атна) имеется род, члены которого считают, что их предки были тлинкитами [289, p. 645].

Межэтнические связи и браки тлинкитов с представителями других народов в период Русской Америки вызвали противоречивые процессы и разнонаправленные тенденции. С одной стороны, они определенным образом способствовали предотвращению потенциальных конфликтов, с другой стороны, они иногда приводили к серьезным осложнениям отношений (так, например, одной из причин восстания тлинкитов в 1802 г. было то, что русские промышленники отнимали у индейцев их жен). Брачные связи европейцев с тлинкитами создавали благоприятную почву для успешной аккультурации туземного населения, в то же время браки тлинкитов с эяками и атапасками вели к быстрой ассимиляции последних тлинкитами.

*

* *

Таким образом, контакты тлинкитов с европейцами в период Русской Америки привели к определенным изменениям в различных областях культуры индейцев. Наибольшие изменения испытала сфера материальной культуры. Это коснулось в первую очередь одежды, орудий труда и оружия. В области социальных отношений и духовной культуры влияние европейцев было весьма незначительным и может быть отмечено, скорее, как раз-

витие некоторых тенденций (например, уменьшение авторитета шаманов или деградация ряда древних обычаев).

Влияние европейской культуры на культуру тлинкитов было предопределено характером и интенсивностью контактов, что, в свою очередь, зависело от временного и пространственного факторов. Это можно проследить на примере отношений тлинкитов с русскими: заметное влияние последних на культуру и образ жизни тлинкитов начинается только с 1820-х гг., когда контакты приобретают регулярный характер. Максимальной интенсивности эти контакты достигали в местах русских поселений на территории тлинкитов: первоначально в Якутате, затем на Ситхе (частично также на Нучеке) и — на короткий период — в устье р. Стикин (Дионисиевский редут). Наибольшему влиянию русских подверглись ситкинцы — соседи столицы Русской Америки Ново-Архангельска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика исторического пути племени тлинкитов была обусловлена тем, что их земли с конца XVIII в. по 1867 г. входили в состав Русской Америки. Поэтому, в отличие от подавляющего большинства других индейцев Северо-Западного побережья, тлинкиты имели длительные контакты не только с англичанами и американцами, но и с русскими. В период Русской Америки на территории тлинкитов было основано пять русских укреплений (Якутатская и Михайловская крепости, Ново-Архангельск, Озерский и Дионисиевский редуты) и два поселения (в Якутате и на Горячих Ключах на о-ве Ситха).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что именно индейцы тлинкиты сыграли исключительную роль в судьбе Русской Америки. Их сопротивление — и лишь затем дипломатическое давление со стороны Англии и США — ограничило и остановило продвижение русских в южном направлении вдоль северо-западного побережья Северной Америки. Выступления тлинкитов в 1802—1810 гг. перечеркнули планы царского правительства превратить северную часть Тихого океана во “внутреннее море” Российской империи и значительно ослабили позиции Российско-Американской компании на Аляске. Ее торговая монополия в Юго-Восточной Аляске была по существу фикцией на протяжении всей истории Русской Америки. Не случайно государственный совет Российской империи при обсуждении нового устава РАК в 1865 г. предусматривал отмену торгово-промышленной монополии компании в районе “Колошенского архипелага” и на прилегающих территориях [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 181, л. 108об.].

В русских колониях тлинкиты играли такую же роль, какую играли ирокезы в истории французской колонизации Канады. Снабженные голландцами и англичанами огнестрельным оружием, ирокезы представляли собой

такую же угрозу для французов, какую позднее стали представлять тлинкиты, вооруженные англичанами и американцами, для русских селений в Америке (эти индейцы уничтожили Михайловскую крепость, селение на Горячих Ключах, "ситхинскую" партию и т.д.). Всего, по нашим подсчетам, в столкновениях с тлинкитами и с эяками Якутата погибло около 60 русских и свыше 450 партовщиков-туземцев (с учетом партии Демененкова).

Ни малочисленное русское население колоний на Аляске, ни сама Российско-Американская компания, которой подчинялись эти колонии, не были в состоянии покорить многочисленных, хорошо вооруженных и опытных в военном деле тлинкитов. Попытки опереться на помощь правительства (посылка военных крейсеров в проливы архипелага Александра, дипломатический нажим на Вашингтон и т.п.) были малоэффективны, поскольку само царское правительство шло на такие шаги, как правило, неохотно и не желало из-за интересов РАК или маломощных российских колоний на Аляске нести чрезмерные расходы и слишком обострять отношения с другими державами. Занятый пресловутым "восточным вопросом", проблемами европейской дипломатии, покорением Кавказа и освоением Сибири и Казахстана, царизм рассматривал Аляску как разменную карту в игре "большой политики". Непрекращавшиеся жалобы РАК на иностранных контрабандистов, сбывавших оружие индейцам, не могли не раздражать царское правительство. Вынужденное нести расходы по поддержанию и охране своих колоний на Аляске, значительная часть туземного населения которой совершенно не признавала юрисдикции Российской империи (и, более того, представляла потенциальную угрозу), царское правительство, очевидно, склонялось к мысли о "бесполезности" Русской Америки для государства. Открытое и пассивное сопротивление тлинкитов русской колонизации являлось, таким образом, одной из косвенных причин продажи Аляски США, что не нашло еще должного отражения в научной литературе (см. [147, 158, 206]).

Сопротивление тлинкитов явилось сдерживающим фактором и в английской колонизации Канады. Враждебность этих индейцев заставила англичан отказаться на какое-то время от проникновения в район верховьев Стикина и Юкона и от закрепления на части арендованной у РАК полосы побережья ("стахинский инцидент", эвакуация британцами Форт-Таку, разгром чилкатцами Форт-Селкирка и т.д.).

Однако неверно было бы считать, что контакты тлинкитов с европейцами носили исключительно негативный характер, ограничиваясь только конфликтами и столкновениями. Напротив, основой отношений тлинкитов с европейцами была взаимовыгодная торговля, дававшая одним ценную пушнину и продовольствие, а другим — европейские промышленные изделия. Имели место также контакты и связи иного уровня.

Тем не менее лишь сопротивление тлинкитов позволило им сохранить свою политическую и экономическую независимость в период Русской Америки, что было юридически закреплено в российском законодательстве. Проживая на территории империи и номинально являясь ее подданными, тлинкиты сохраняли полную самостоятельность. Они находились вне социальной структуры русских колоний, хотя Российско-Американская компания и предприняла ряд попыток интегрировать некоторых тлинкитских вождей в систему колониальной администрации. В связи с этим нельзя согласиться с высказыванием видного советского американиста А.В. Ефимова о том, что РАК будто бы эксплуатировала тлинкитов наряду с алеутами, “заставляя их работать для нужд компании, вела с ними неэквивалентную торговлю, проводила жестокую колониальную политику царского правительства” [180, с. 473]. Алеуты и тлинкиты принадлежали к совершенно различным категориям туземного населения Русской Америки. Если алеуты действительно подвергались, по сути дела, феодальной эксплуатации, то тлинкитов РАК использовала исключительно как вольнонаемных работников, к тому же в очень ограниченных масштабах. Неэквивалентная торговля русских с тлинкитами была невелика, а цены и ассортимент товаров, требуемых индейцами за пушнину, порой вынуждали приказчиков РАК вообще временно отказываться от торговли с ними.

Оказавшись фактически “один на один” с тлинкитами, власти русских колоний на Аляске вынуждены были проводить по отношению к ним весьма осторожную политику, делая ставку на мирное распространение русской культуры и образа жизни среди “независимых инородцев”, на вовлечение их в лоно православия, т.е. на постепенную ненасильственную культурную ассимиляцию.

Благодаря экономической и политической независимости в период Русской Америки тлинкитам, в отличие, например, от алеутов и кадьякцев, удалось сохранить

свою традиционную культуру как целостную систему. Более того, она не только не деградировала от столкновения с европейской культурой, но продолжала поступательно развиваться на протяжении всего русского периода истории Аляски. Об этом свидетельствуют значительная стойкость старых культурных образцов и форм, расцвет церемониализма (потлача) и искусства. В связи с этим можно констатировать, что ни в одной из сфер индейской культуры не были полностью вытеснены ее традиционные элементы.

Политическая независимость тлинкитов в период Русской Америки была не единственной причиной определенной стабильности их традиционной культуры. Этому способствовало и то, что европейская колонизация не изменила экономическую базу и социальную структуру тлинкитского общества, а это, в свою очередь, явилось гарантией сохранения его традиционного образа жизни и культуры. Достаточно высокий уровень развития последней и высокое самосознание индейцев предопределили известный консерватизм в отношении инноваций. В контактах с европейцами тлинкиты выступали не как пассивная, а как активная сторона, заимствуя главным образом то, что имело несомненные преимущества по сравнению с их собственными культурными образцами (стальные лезвия, огнестрельное оружие, металлические котлы и т.д.). Кроме того, связи тлинкитов с европейцами в период Русской Америки в целом не были достаточно интенсивными, всеохватывающими и постоянными. Да и самих носителей европейской культуры в тот период на Аляске было гораздо меньше, чем индейцев. Все это сдерживало евро-американский культурный прессинг и обеспечивало определенный простор для развития традиционной индейской культуры. Этот процесс стимулировали известным образом и участвовавшие в XIX в. контакты тлинкитов с другими индейскими племенами Северо-Западного побережья, и начавшееся формирование единой культуры племен этого региона, прерванное, однако, европейской капиталистической колонизацией в последней четверти XIX в.

Контакты с европейцами в период Русской Америки оказали, очевидно, большее влияние на культуру и образ жизни южных тлинкитов. Северные тлинкиты, за исключением ситкинцев, в большей мере сохранили свою традиционную культуру. Это определялось тем, что южных тлинкитов чаще посещали корабли английских и американских пушных торговцев, а с основанием

портов Компании Гудзонова залива на Северо-Западном побережье они получили бóльшую возможность, чем северяне, торговать в этих постах и даже совершать путешествия на юг вплоть до Орегона.

Как показало исследование, культура тлинкитов в период Русской Америки — это сплав традиций и инноваций, где сохранившиеся почти без изменений элементы традиционной культуры соседствуют, а иногда и взаимопереплетаются с новыми элементами, привнесенными европейской колонизацией. В этой культуре наблюдается возникновение новых тенденций и развитие старых. Ее уже нельзя назвать “чисто индейской” культурой — контакт с европейцами наложил на нее свой отпечаток. Одни ее сферы испытали большее воздействие этого контакта, другие остались почти без изменений. Особенно сказался контакт с европейцами на материальной культуре тлинкитов.

В заключение следует добавить, что положение коренного населения Аляски, в том числе и тлинкитов, в целом ухудшилось после ее передачи под суверенитет США, что отмечают сами американские историки и этнографы. Первые десятилетия американского господства характеризовались столкновениями тлинкитов с гражданами и армией США, широким распространением среди туземцев алкоголизма, проституции и болезней, деградацией (особенно в 1880—1890-х гг.) традиционной индейской культуры. Все эти неблагоприятные факторы сказались на численности тлинкитов, падение которой продолжалось до 1920-х гг. Лишь с 1930-х гг. эта негативная тенденция исчезает и начинается все более быстрый рост численности тлинкитов, укрепляется их экономическое положение, а с 1950-х гг. наблюдается своеобразный “ренессанс” отдельных аспектов их традиционной культуры и этнического самосознания.

Глава I

¹Потомками “древних аляскинцев” были, согласно данным Дж. Р. Свэнтона, члены тлинкитского рода ситкоеди [127, р. 412].

²На некоторые диалектальные различия в языке южных и северных тлинкитов указывает Ф. де Лагуна [104, pt 1, р. 16].

Совсем недавно был обнаружен южный реликтовый диалект языка тлинкит — тонгасс, который имеет более архаичную систему перелазовки, нежели в остальных диалектах языка тлинкит [190, с. 167].

³Т. Кребер высчитал даже численность основных групп туземного населения Северо-Западной Америки на 1 милю береговой линии. Его расчет дал следующие цифры: алеутов — 4,6 чел. на одну милю побережья, тлинкитов — 2,5; хайда — 8,2; цимшиан — 7,0; береговых сэлишей зал. Пьюджет-Саунд — 20,0 чел. Таким образом, напрашивается вывод, что по плотности населения тлинкиты стояли позади всех обитателей Северо-Западного побережья. Однако надо учитывать, что Кребер исходил при подсчете тлинкитов из цифры 10 000, хотя на самом деле их могло быть гораздо больше (15 000 и более). Следует учитывать и опустошительные эпидемии оспы 1775 и 1836 гг., которые чуть ли не вдвое сокращали численность тлинкитов. Как бы то ни было, по плотности населения они, безусловно, превосходили внутриматериковых атапасков.

⁴Сами тлинкиты, видимо, не дифференцировали абстрактные понятия “род”, “линидж”, “община” (клан). По сведениям Ф. де Лагуны [104, pt 1, р. 212], все эти социальные единицы они обозначали общим словом “на” — “род”. Однако анализ функционирования тлинкитского общества убеждает в правомерности выделения названных единиц.

⁵О происхождении кагвантанов из сублиниджа отдельного домохозяйства свидетельствует название рода: “кауканигиттан” означает дословно “обитатели дома, сгоревшего огнем” [8, с. 33]. Согласно преданиям, кагвантаны получили свое прозвище после того, как принадлежавший им Дом Волка сгорел в селении Какнау куана Хуна [128, р. 326—334, 338]. Какнау (Кахнуву — “Крепость Куропатки”) кагвантаны считали “столицей” своего рода [103, р. 142]. Они, однако, были вынуждены бросить это селение после поражения в войне с родом нанъяйи куана Стикин. Это произошло несмотря на то, что кагвантаны были известны своей воинственностью и бесстрашием, на что указывали еще Ю.Ф. Лисянский и Ф.П. Литке [41, с. 151; 42, с. 151]. Правда, И.Е. Вениаминов писал, что “кухонтаны славились не какими-нибудь подвигами, но только многолюдством своим; число их было так велико, что они имели еще свои подразделения...” [8, с. 33]. Один

из таких линиджей — ситка-кагвантан — поселился под стенами столицы Русской Америки Ново-Архангельска, где его представители составили наиболее беспокойную часть туземного населения (см. гл. 2 монографии).

⁶Материнско-родовые общества имеют широкую географию и нередко складываются у народов, стоящих на пороге классового образования. Близкую к тлинкитам структуру социальной организации имели, например, минангкабау о-ва Суматра, гаро Северо-Восточной Индии и ашанти Западной Африки [208, с. 60—132; 209, с. 119—124; 229, с. 39—82].

⁷Суффикс-ади/еди/яди/яти в буквальном переводе означает “дети”, но в англоязычных источниках он обычно переводится как “люди”, “люди из...”; поэтому название рода текуеди трактуется как “люди острова Теко” [119, р. 137].

⁸Пожалуй, единственным родом, чье название полностью соответствует “тотемной” версии, был род тлюкнахади — букв.: “дети (люди) рода Лосося (Кижуча)”. Правда, один из индейцев — информаторов Ф. де Лагуны сообщал, что это название род получил от реки вблизи нынешнего г. Ситка (бывшего Ново-Архангельска) — Тлюгунах (Тлякунух или Тлюкнах) [104, р. 1, р. 226]. Аналогичного происхождения, возможно, и название рода киксади (хихчади) — “дети Лягушки”.

⁹Американский этнограф С. Кан указывал, что у тлинкитов существовал погребальный потлач, который устраивался после похорон, и собственно потлач — поминки — через год или несколько более того после смерти сородича [292, р. 47].

¹⁰Индейцы довольно хорошо разбирались в звездном небе и различали многие созвездия (созвездие Большой Медведицы (Ковпи) — Яхте — было даже тотемом рода тленеди). Млечный Путь тлинкиты обозначали как “Тлкаяк косийте” — “следы Тлкаяка” — мифического героя, который некогда предпринял путешествие по небесам. Особые приметы связывались с прохождением по небу планеты Венера (Кекашагутли): индейцы верили, что если “Утренняя звезда” восходила над горами с юго-востока, то это означало плохую погоду, если же с востока — то хорошую [127, р. 418, 427, 451—452].

¹¹И.Е. Вениаминов сообщал, что тлинкиты считали солнце бедняком, а луна, наоборот, слыха богатой. Пятна на ней, согласно преданию, были двумя мальчиками (по версии Дж. Р. Свэнтон — девочками), которых “притянула” к себе луна за то, что они насмеялись над ней [8, с. 85—86; 127, р. 453].

¹²Духи, “помогавшие” шаманам в их деятельности, являлись главным образом духами различных животных, и прежде всего выдр. Можно предположить, что Выдра была своеобразным “профессиональным” тотемом шаманов, поскольку само животное наделялось тлинкитами сверхъестественными возможностями зачаровывать людей [8, с. 62—63; 101, р. 185—186; 127, р. 456, 464]. В то же время, согласно данным И.Е. Вениаминова и материалам одной из тлинкитских легенд, различными тотемами-покровителями обладали не только шаманы, но и простые люди [8, с. 57; 121, р. 41].

¹³Так, например, Ворон особо почитался в родах канахтеди и тлюкнахади, а Касатка — в родах дактлауеди, кагвантан, вушкетан, лагуеди [127, р. 416]. Делокализованные части рода (линиджи) наряду с общими первоначальными тотемами могли приобретать новые, нередко связанные с отдельными сублиниджами. Так, в роде канахтеди

имелись такие тотемы, как Ворон, Лягушка, Кит. На уровне линиджей эти общеродовые тотемы дополнялись: у танта-канахтеди — тотемами Морская Звезда, Кета (Лосось), Ястреб (Киджук), а у чилкат-канахтеди — соответственно Древесный Червь, Гусь, Выдра, Сова и ручей Цакхини. В линидже чилкат-кагвантан только один сублинидж имел “права” на тотем Акулу, так как, согласно преданию, мужчины этого сублиниджа однажды выловили вместо палтуса акулу, которую вождь превратил в тотем [121, р. 42—44]. В связи с вышесказанным нельзя согласиться с выводом Г.И. Дзенiskeвич о том, что у “мелких родовых объединений [?], отпочковавшихся от основного рода, были свои собственные эмблемы, хотя зачастую их эмблемой становился символ части прежнего тотема. Среди родов, выделившихся из рода Медведя [?], находились, например, род Зубов [?] или Когтей Медведя [?], род Лап [?] его...” [174, с. 61—62]. Ни в одном из источников нам не встречались роды Зубов, Когтей, Лап Медведя, и, кроме того, название сублиниджа далеко не всегда отражало почитавшийся в нем тотем.

¹⁴У внутриматериковых атапасков вместо Вёрона почиталась Вёрона. Сказания о Вёроне имеются также у племен белла-белла и белла-кула, живших по побережью южнее цимшиан, хотя место Вёрона в их мифологии относительно незначительно, а сюжеты отличны от тех, которые распространены у северных племен [82, р. 11—35; 113, р. 2, р. 386—419]. Эпос о Вёроне был широко распространен и среди коренного населения Камчатки и Чукотки, а частично также среди эскимосов и алеутов Аляски, эвенков и юкагиров Сибири (см. [171, 212]).

Глава 2

¹Военно-дипломатический нажим Англии, конкуренция английских купцов и внутренний упадок испанской колониальной империи привели к тому, что уже в середине 1790-х гг. Испания практически вышла из политической борьбы за Северо-Западное побережье. В мае 1789 г. произошел так называемый “нуткинский инцидент”: экипажи испанского корвета “Ла Принцесса” и брига “Сан-Карлос” захватили в заливе Нутка-Саунд (о-в Ванкувер) английские торговые суда “Аргонавт”, “Принцесса Роял” и “Северо-Западная Америка”. Захваченные суда были отправлены в Сан-Блас, испанскую военно-морскую базу на западном побережье Мексики. В англо-испанских отношениях разразился острейший кризис (1790 г.), который едва не закончился войной. Англия привела свой военный флот в боевую готовность, а мадридскому посланнику в Лондоне был заявлен ультиматум. Испания, в значительной степени утратившая к тому времени свое морское могущество, была вынуждена отступить и эвакуировала свою крепость в заливе Нутка, а также отказалась от былых притязаний на все Северо-Западное побережье [286, р. 71—77]. Во владении испанцев остались лишь их крепости и католические миссии в Верхней Калифорнии (Монтерей, Сан-Франциско и др.).

²Нельзя согласиться с К. Обергом, писавшим, что капитан Кук побывал на территории тлинкитов в 1789 г. [119, р. 5]. Капитан Кук никогда не бывал на землях тлинкитов и не мог встретиться с ними в 1789 г., потому что еще в 1779 г. погиб на Гавайских островах [36].

³Переводить приходилось с русского языка на кадыякский (эскимосский) и с кадыякского на тлинкит.

⁴П.А. Тихменев и А. Краузе ошибочно указывали 1793 г. как год нападения тлинкитов на стан Баранова [66, ч. I, с. 38; 101, р. 29]. Оба

автора, очевидно, были введены в заблуждение датой письма Баранова, в котором описывается это событие, — 24 июля 1793 г., хотя сам Баранов указывал в тексте письма, что нападение на его лагерь произошло прошлым летом, т.е. в 1792 г.

⁵Заложенное в 1796 г. у залива Якутат русское поселение состояло из крепости и собственно селения. Крепость называлась “Якутатская” (или просто “Якутат”), а селение, как и предписывал в свое время Г.И. Шелихов, получило наименование “Славороссия” (“Новороссийск”). По данным американских исследователей прошлого века Далла и Бейкера, поселение русских в Якутате состояло из семи строений, окруженных частоколом (это была, вероятно, собственно крепость), и пяти строений вне стен, которые составляли селение [104, pt 1, p. 74].

⁶В легенде говорится, что на кадьякцев и чугачей, возвращавшихся с промысла (скорее всего все-таки, следовавших на промысел), напали эяки и южные чугачи. Эяков возглавлял тлинкит из Якутата по имени Якегуа, а чугачей — Иркук. Вскоре после нападения на партовщиков Иркук умер, а Якегуа был схвачен, как предполагает К. Биркет-Смит, русскими и погиб под пытками [79, p. 140—141]. Однако, судя по описанию пыток, которым подвергся Якегуа, его замучили чугачи, казнившие его, возможно, по приказу русского начальства.

⁷Ряд авторов неверно указывают год основания русского поселения на о-ве Баранова: 1800 г. [38, с. 155; 117, p. 234; 119, p. 5], 1802 г. [121, p. 3] и даже 1804 г. [35, с. 205].

⁸В документах эту крепость именовали также Ново-Архангельской, Ситхинской крепостью или просто Ситхой. Последнее название часто употреблялось и для обозначения заложенной в 1804 г. русской крепости на о-ве Ситха (Баранова) на месте покинутого тлинкитского селения. Эта крепость стала в 1808 г. столицей Русской Америки — Ново-Архангельском. Михайловская же крепость (“старый” Ново-Архангельск) была разорена в 1802 г. индейцами, а руины ее стали известны в русских колониях под названием “Старая артель”.

⁹Российско-Американская компания не особенно стремилась усиливать свои колонии людьми. Как отмечает С.Г. Федорова, позиция компании в этом вопросе была двойственной: с одной стороны, она была заинтересована в притоке контингентов работников и служащих из метрополии, а с другой — ограничивала и регламентировала этот процесс, так как он вел к дополнительным расходам. По подсчетам С.Г. Федоровой, численность русских на огромных территориях Аляски была ничтожной и колебалась в 1799—1867 гг. от 225 до 823 чел. (пик приходится на 1839 г.). С 1799 по 1821 г. среднее число выходцев из России не превышало 400, в 1821—1845 гг. их количество возросло до 670 (в среднем). Затем, в 1846—1867 гг., численность русских на Аляске колебалась от 517 до 812 чел. [246, с. 136—146].

¹⁰В.М. Головин писал по этому поводу: “Дикари сии так хитры и осторожны, что объявили американцам свое согласие производить с ними мену бобрами только в том случае, когда на их кораблях будет привезено известное количество ружей и к ним принадлежащего военного снаряда, а в противном случае не променяют им ни одного бобра” [18, т. V, с. 173].

¹¹Судя по имеющимся источникам, весной 1802 г. в Михайловской крепости находилось 29 русских, 5 или 7 “англичан” (американских матросов, принятых на службу РАК), около 200 партовщиков “ситхинской” партии и несколько десятков женщин и детей, в основном уроженцев Кадьяка. В июне 1802 г. перед нападением тлинкитов эти не-

большие силы распределялись следующим образом: 10 июня на промысел сивучей была отправлена маленькая партия из пяти русских, трех американцев и нескольких кадьякцев во главе с В. Кочесовым, а незадолго до этого на промысел ушла "ситхинская партия" во главе с И. Урбановым, двумя русскими и одним американцем. В самой же крепости оставались двадцать один русский, один или трое американцев, десятка два-три кадьякцев и до 50-ти женщин и детей. В день нападения вне крепости находилось семеро русских, отлучившихся по хозяйственным делам из поселения. Почти все они были убиты индейцами [66, ч. II, Прил., с. 174—180; 32, с. 106—123; 70, с. 45].

¹²Некоторые данные позволяют установить точное название этого судна. В книге приказчика Российско-Американской компании Ф.И. Шемелина, совершившего в 1803—1806 г. кругосветное путешествие на шлюпе "Надежда", говорится, что "судно Глобус, Капитан Кюннен-Жеин, зимовало под Хуцновским жилком..." [76, ч. II, с. 334]. В еоставленном американским историком Ф.В. Хоузем списке судов, торговавших на Северо-Западном побережье, фигурирует судно "Глоуб" ("Глобус") из Бостона. Это судно действительно посещало в 1801—1802 г. Северо-Западное побережье, причем его капитан Б. Мэйджи был убит в октябре 1801 г. индейцами хайда, и командование кораблем принял первый помощник капитана У. Кэннингхэм [97, р. 45].

¹³Излагая события 1802 г., П.А. Тихменев писал, что индейцы напали на партию Кускова, узнав о разорении Михайловской крепости [66, ч. I, с. 90]. На самом деле, как справедливо замечает Ф. де Лагуна, нападение на партию Кускова произошло за месяц до атаки крепости [104, pt 1, р. 172]. Кроме того, П.А. Тихменев неверно указал место атаки на партию Кускова — Якутат — и допустил при описании этого столкновения еще ряд неточностей и ошибок, что бросается в глаза, если сравнить его текст с донесением И.А. Кускова (см. [32, с. 106—123]).

¹⁴У целого ряда ранних авторов встречается упоминание о том, что вместе с индейскими воинами в штурме Михайловской крепости участвовали два или три американских матроса [21, ч. II, с. 110; 41, с. 133; 38, с. 156 и др.]. Этот спорный вопрос практически не исследован. Известно, что в мае 1799 г. с американского судна "Хэнкок" под командованием капитана Кроккера во время стоянки в заливе Ситха дезертировало 13 чел. Через несколько дней шестеро дезертиров вернулись на борт, а семеро моряков остались у индейцев [97, р. 38—39]. Пять, а возможно, и все семь, американских матросов были приняты вскоре А.А. Барановым на службу РАК, когда в июле 1799 г. он заложил на Ситхе Михайловскую крепость. К.Т. Хлебников писал, что с американского корабля было высажено 11 чел.; трое из них явились к Баранову и были наняты для работ, а другие остались среди индейцев [70, с. 44]. Однако эти данные не совпадают с материалами первоисточников: не менее пяти американских матросов были приняты на службу РАК. Во время нападения на крепость трое из них находились с партией Кочесова, один — в крепости с Медведниковым и еще один — на промысле с "ситхинской партией" [32, с. 114; 66, ч. II, Прил., с. 179]. Все они, надо полагать, погибли во время атак индейцев. А вот оставшиеся два американских моряка вполне могли примкнуть к тлинкитам и участвовать вместе с ними в штурме русского укрепления, хотя прямых доказательств этого у нас нет.

Директоры РАК с удовольствием подхватили версию об участии американских матросов в захвате Михайловской крепости, хотя, находясь в Петербурге, представляли события 1802 г. довольно смутно. Ссылаясь на А.А. Баранова, они писали: "...причиной сего несчастья и пособием в оном были бостонских судов шкипера Крокер и Конингам с их экипажами, ибо они островитян [индейцев тлинкитов] не токмо подстрекнули на сей поступок, но и меняли им порох и оружие, а после, когда русские были истреблены, они же отняли у диких весь промысел, в 3700 бобрах и прочих зверях состоявший..." [11, Сер. I, т. IV, с. 242]. На самом деле призывать индейцев к нападению на русскую крепость могли только моряки "Глобуса" У. Кэннингхэма, поскольку капитан Крокер приходил на Ситху в мае 1799 г., т.е. за полтора месяца до закладки Михайловской крепости. Правда, два бывших матроса капитана Крокера могли вместе с тлинкитами участвовать в штурме русского укрепления. Что касается продажи оружия индейцам, то этим бизнесом занимались практически все иностранные торговцы, посещавшие Юго-Восточную Аляску, и было бы нелепо упрекать в этом только двух этих капитанов. Ценная пушнина, разграбленная индейцами в Михайловской крепости, досталась не Кроккеру и Кэннингхэму, а английскому авантюристу Г. Барберу. Вообще, следует подчеркнуть, что документы Главного правления РАК нередко изобилуют фактическими ошибками и отличаются тенденциозностью. В то же время С.Б. Окунь, писал, ссылаясь на "рассказы" нескольких уцелевших при штурме Михайловской крепости промышленников (без указания, впрочем, источника), что в организации нападения на крепость принимали участие английские торговцы, а матросы капитана Барбера непосредственно руководили тлинкитами во время атаки [222, с. 52]. О "подозрительной деятельности" Г. Барбера писал и Н.Н. Болховитинов [153, с. 312]. Однако, как уже говорилось, нет никаких доказательств и фактов, указывающих на причастность Барбера к разорению русской крепости.

¹⁵"Акойцы" — так именовались в русских документах тлинкиты куана Акой (район залива Драй-Бэй), жившие к югу от Якутата.

¹⁶Имя "Чесныга" упоминалось И.А. Кусковым еще в 1802 г. — его носил один из акойских вождей [32, с. 119]. Ф. де Лагуна идентифицирует это имя с тлинкитским именем "Джиснийя", которое имел один из вождей акой-тлюкнахади, строитель Дома Лягушки в селении Куцех [104, pt 1, p. 171]. Во время похода Баранова в 1804 г. он выступал в качестве парламентаря русских, за что, очевидно, и получил серебряную медаль от Н.П. Резанова в 1805 г. [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 4, л. 33].

¹⁷Этот эпизод нашел свое отражение в поминальной песне рода ситка-киксади, в которой оплакивается сын, погибший во время взрыва [121, р. 45]. Большинство находившихся в каное тлинкитов утонуло, а шестерых (по архивным данным, семерых) раненых воинов русские захватили в плен [41, с. 20; 69, с. 83—84; АВПР, ф. Гл. архив, 1—13, 1805—1808 гг., д. 12, л. 2]. Двое из пленных вскоре умерли от ран, а остальные были отправлены на "Неве" на Кадьяк. К.Т. Хлебников писал, что А.А. Баранов дал специальное предписание Кадьякской конторе РАК относительно высланных тлинкитов: "Разослать их по дальним артелям и употреблять в работы на равне с работниками из Алеут, и в случае озорничества штрафовать; однако ж обувать и одевать" [69, с. 89].

¹⁸Так, например, С.Б. Окуны писал: "После занятия Михайловской крепости было решено ее скрыть и перенести в недоступное для нападения место — на высокую гору, где раньше было селение тлинкитов" [222, с. 53]. Михайловскую крепость, как известно, невозможно было скрыть и перенести на другое место в 1804 г., поскольку она была уничтожена индейцами еще в 1802 г. Брошенную же тлинкитами крепость русские не стали срывать, а сожгли.

В монографии видного советского историка Н.Н. Болховитинова о событиях 1804 г. сказано следующее: «Деревянная крепость, "снабженная купленными у бостонцев пушками и прочими мелкими оружиями", была взята приступом только благодаря поддержке экипажа прибывшего "кругом света" корабля "Нева" под командованием Ю.Ф. Лисянского» [153, с. 313]. Однако, по данным всех имеющихся в нашем распоряжении источников, тлинкитская крепость не была взята приступом, а оставлена самими индейцами уже после неудачного штурма русских. Кроме того, автор, как нам кажется, несколько преувеличил роль экипажа "Невы" в этом столкновении, так как без промышленников и партовщиков Баранова десант из 16 моряков вряд ли мог устроить несколько сот индейских воинов.

«Осенью 1804 г. "Нева" прибыла в Русскую Америку. 1/13 октября 1804 г. десантный отряд, составленный из матросов экспедиции, а также отряд во главе с Барановым начали штурм форта на о-ве Ситха, ранее захваченного индейцами. Атака была отбита, причем у русских три человека было убито, а 14 ранено, в том числе и Баранов», — читаем мы в примечаниях к документу, помещенному в сборнике "Россия и США: Становление отношений. 1765—1815" [58, с. 116]. Из приведенного отрывка следует, что составители сборника (советские и американские историки) не видят разницы между захваченной и сожженной в 1802 г. Михайловской крепостью и укреплением, выстроенным впоследствии индейцами. Кроме того, цифры потерь русских, приведенные авторами сборника, явно занижены.

В одной из работ А.И. Алексеева о событиях 1804 г. сказано следующее: «Пребывание "Невы" в Русской Америке, помимо символического, "сторожевого" смысла, имело и практическое значение, так как своим вооруженным вмешательством Ю.Ф. Лисянский создал решающий перевес в силах русских при отражении очередного нападения одного из племен индейцев, спровоцированного американскими и английскими пиратами» [146, с. 116]. На этом примере видно, что автор путает события: в 1802 г. тлинкиты, подстрекаемые иностранными шкиперами (но не пиратами!), напали на русских и уничтожили их крепость на о-ве Ситха. А в 1804 г., когда "Нева" была в Русской Америке, не индейцы напали на русских, а последние, при поддержке экипажа "Невы", изгнали индейцев из их крепости.

¹⁹События 1804 г. нашли свое фантастическое отражение в фольклоре хайда-скидегейт, живших в южной части архипелага о-вов Королевы Шарлотты [126, р. 378—379].

²⁰Г.Г. Лангсдорф считал, что в этой партии было около 140 байдарок [107, Vd II, S. 191], а К.Т. Хлебников — 200 [72, с. 45]. Нет точных сведений и о количестве партовщиков (от 280 до 400 чел.).

²¹В источниках нет точных данных о количестве погибших в партии Демененкова. По сведениям К.Т. Хлебникова, в этой партии погибло 250 чел. (а по другой работе — "более 200") [71, с. 25; 69, с. 99], а у П.А. Тихменева — 300 чел. [66, ч. I, с. 151]. Однако эти данные К.Т. Хлебникова, а тем более — П.А. Тихменева, по-видимому,

неточны, так как А.А. Баранов в одном из своих писем сообщал, что из партии Демененкова спаслось 39 байдарок (около 78 чел.), тогда как Хлебников называет цифру 30—31 [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 3об.; 69, с. 101; 72, с. 45].

²²В донесении Главного правления РАК императору Александру I говорилось, что в Якутатской крепости и селении находилось 22 русских с “верными островитянами”, т.е. алеутами, кадьякцами и чугачами [АВПР, ф. Гл. архив II-3, 1805—1824 гг., оп. 34, д. 7, л. 2]. Согласно же сведениям К.Т. Хлебникова, в крепости находилось только 12 русских промышленников во главе с С.Ф. Ларионовым [69, с. 102].

²³К таким предметам относятся медная пушка, шпага с ножнами и медный котелок, принадлежавшие, как утверждают индейцы, коменданту русской крепости [104, рт 1, р. 261].

²⁴Тлахаик-текуеди, судя по всему, представляли собой остатки автотонного эякоязычного населения, сформировавшего небольшой род [104, рт 1, р. 169, 260—268]. Возможно, именно их русские причисляли к угалахмютам (эякам), которые, по свидетельству Д. Тарханова, еще в 1796 г. обитали “изнутри Якутатской губы”, т.е. в глубине залива Якутат [ОР ГПБ, Сборник Q. IV. 311, л. 23; 167, с. 93; 169, с. 114]. Согласно данным Ф. де Лагуны, тлахаик-текуеди владели селением Тлаку-ан (“Старое Селение”) на о-ве Найт в глубине залива [104, рт 1, р. 76, 221—222].

²⁵Этих пленных Чесныга так и не вернул русским, по крайней мере до 1808 г., хотя его сын (или, возможно, племянник) находился у Баранова в аманатах. Дальнейшая судьба этих пленников нам доподлинно не известна. Из писем А.А. Баранова следует только, что они содержались индейцами в селении Какнау (куан Хуна), причем поселщик Филсов умер там в плену (не позже 1808 г.). Баранов пытался выручить пленных русских и кадьякцев, для чего в сентябре 1806 г. послал в район пролива Кросс (к селению Какнау) американского капитана О. Кимбелла на судне “Пикок” (за это ему была обещана партия алеутов с байдарками для промысла каланов на один сезон), а в 1807 г. — Н.И. Булыгина на судне “Кадьяк” в залив Якутат. Но эти акции имели ограниченный успех: были выручены из плена только кадьякец и кадьячка, а также немного имущества из разоренной крепости. Кроме того, в плену у тлинкитов продолжала оставаться жена С.Ф. Ларионова с детьми [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 1об.—3об., 5об., 10—10об., 12, 14, 20]. Последняя, по данным Г.Й. Холмберга и А. Краузе, была дочерью вождя (тлинкитов? тлахаик-текуеди?) [96, S. 59; 101, р. 265]. Гораздо позднее, в 1821 г., главный правитель М.И. Муравьев писал, что при его предшественнике, С.И. Яновском, в Ново-Архангельске спасся один из сыновей Ларионова, которого индейцы хотели принести в жертву на поглаче. Его старший брат еще раньше попал в Ново-Архангельск и устроился на службу в РАК [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 989, л. 179об.—180]. Возможно, судьба одного из сыновей Ларионова нашла свое отражение в тлинкитском предании о Дживаке (см. [121, р. 54—55]). В документах РАК за 1830-гг. братья-креолы Ларионовы упоминаются в связи с их иском компании по поводу наследства их отца. Все три брата, кстати, находились в то время на службе РАК: старший сын Андрей работал при кадьякской конторе, средний сын Иван служил в Калифорнии в крепости Росс, а младший сын Дмитрий был “младшим толмачом” (переводчиком) с тлинкитского в редуте Св. Дионисия и в Ново-Архангельске. У братьев Ларионовых была еще сестра Пелагея, “жившая у Ко-

лош“, как говорится в документах. Она родилась, вероятно, во время плена ее матери у тлинкитов. Только в 1839 г. дети С.Ф. Ларионова получили наконец его наследство — 1394 руб. 7 коп. [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1001, л. 242—243; д. 1003, л. 124; д. 1004, л. 8—8об.]. Согласно же легендам, собранным Ф. де Лагуной среди якутатцев, спасшись в 1805 г. удалось только смотрителю русского маяка и сторожу у рыбного запора, а также дочери коменданта русской крепости (скорее, все-таки жене С.Ф. Ларионова) [104, pt 1, p. 236, 259—261].

²⁶Ф. де Лагуна [104, pt 1, p. 175] пыталась подвести под версию К.Т. Хлебникова одну из легенд чугачей, в которой рассказывается о разгроме приехавших к ним якобы для торговли якутатцев (см. [79, p. 141—142]).

²⁷Угалахмюты-эяки, жившие от устья р. Коппер до залива Якутат, считались дальними родственниками якутатцев и вряд ли стали бы уничтожать их, как это описано в версии К.Т. Хлебникова.

²⁸Неточности содержатся также и в описании К.Т. Хлебниковым последующих событий: по его словам, американский капитан Кимбелл, выполняя просьбу А.А. Баранова, отправился на выручку пленных, захваченных индейцами в Якутате. Лавируя у Якутата, он захватил якобы главного чилкатского вождя Асика (который разорил Якутат), взял от него в аманаты двух племянников и выручил из плена одного алеута с женой [69, с. 119]. Однако из письма Баранова, описавшего этот эпизод, явствует, что Кимбелл плавал не в районе Якутата, а у селения Какнау (район пролива Кросс). Ему удалось пленить не чилкатского вождя Асика, а акойского вождя “тоена Осипа“ и взять от него в заложники только одного племянника. Вырученный из плена алеут (на самом деле — кадьякец) не был мужем отпущенной вместе с ним женщины [ОР ГБЛ, ф. 204, к. 32, ед. хр. № 6, л. 1об.—2об., 5об.]. На ошибочные данные К.Т. Хлебникова ссылался затем и П.А. Тихменев [66, ч. I, с. 171—172].

²⁹Термин “колоши“ употреблен здесь в широком смысле (см. гл. I, раздел I.3).

³⁰О достоверности сведений П.А. Тихменева судить трудно, так как в других известных нам источниках нет данных об этом эпизоде.

³¹Следует отметить, что это верно лишь частично, так как тлинкиты, несмотря на присутствие в 1823 г. в гавани Ново-Архангельска фрегата “Крейсер“, на короткое время осадили город. Инцидент произошел из-за того, что индейцы обокрали огород, устроенный моряками фрегата на одном из островков в зал. Ситха. М.И. Муравьев потребовал выдать для наказания виновных, а тлинкиты в ответ осадили крепость. Лишь благодаря удачному маневру фрегата “Крейсер“ (под командованием М.П. Лазарева), который поставил индейцев прямо под орудия корабля, последние были вынуждены согласиться с требованием главного правителя колоний и выдать виновных [28, т. III, № 11, с. 218].

³²Правда, связи русских со стикинцами осложнились давней враждой между последними и кагвантанами, жившими на Ситхе и в куане Чилкат. Поэтому стикинцы при посещении Ново-Архангельска находились под охраной русских.

³³Согласно договору, КГЗ отказывалась от своего иска РАК по поводу “стахинского инцидента“ и обещала снабжать российские колонии продовольствием (“по умеренным ценам“), а также доставлять ту-да необходимые грузы. За арендуемую территорию КГЗ обязалась выплачивать РАК ежегодно 2000 шкур речной выдры (около 118 000 руб.

по ценам 1840 г.). В договоре особо подчеркивалось, что РАК не будет торговать с индейцами арендованной полосы побережья, а КГЗ, в свою очередь, обязалась отказаться от покупки пушнины у туземцев русских владений. Если меха все же приобретались в нарушение соглашения, то должны были выдаваться противоположной стороне за соответствующее вознаграждение. Определенный интерес вызывает седьмая статья договора, где говорилось о том, что в случае войны между Россией и Великобританией до окончания срока аренды обе компании продолжали бы свои сделки, как если бы войны не было вовсе [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 351, л. 211—221]. Эта статья послужила позднее основой для нейтралитета русских колоний в Америке во время Крымской войны (1853—1856 гг.). Соединенная англо-французская эскадра подошла в июне 1855 г. к о-ву Ситха, но так и не предприняла никаких враждебных действий против Ново-Архангельска или других российских колоний на Аляске [Там же, д. 1022, л. 109об., 119—120]. Как указывал американский историк Дж.С. Гэлбрайт, во взаимном нейтралитете были заинтересованы не только русские, но и англичане. Один из директоров КГЗ Дж. Симпсон опасался, что хорошо вооруженные суда РАК под командованием офицеров военно-морского флота легко уничтожат пароходы и фактории КГЗ на Северо-Западном побережье, которые не были приспособлены для военных действий с европейцами. Кроме того, в конфликт могли быть вовлечены индейские племена, что также создавало бы реальную угрозу интересам КГЗ [279, р. 165].

³⁴Дата этого события неточно указана в работе А.А. Истомина: 1844 г. [185, с. 151].

³⁵Неверные данные приводит по этому поводу А. Марков [45, с. 87]. Он писал, что Кухкан получил от РАК безвозмездно 10 000 руб. На эти сведения сослался позднее А.А. Истомин [185, с. 151].

³⁶Единственным серьезным инцидентом, омрачившим русско-тлинкитские отношения в 1840-х гг., было, насколько нам известно, ранение тлинкитом русской женщины в Ново-Архангельске.

³⁷Н.Я. Розенберг отмечал, что в резне участвовали и другие тлинкиты-христиане, которые затем снимали скальпы с убитых стикинцев.

³⁸Компания Гудзонова залива назначила три тарифа за пушнину: 1) самый низкий — для внутриматериковых индейцев, не имевших контактов с американскими торговцами; 2) более высокий — для индейцев побережья, чтобы заинтересовать их в торговле с англичанами; 3) самый высокий — когда нужно было перехватить меха непосредственно у американских скупщиков пушнины, прибывших на Северо-Западное побережье для торговли с индейцами [279, р. 139—140].

³⁹Вождь стикинцев Куаткау, упоминаемый Дж. Симпсоном, это, несомненно, тот самый Куатха (Куатхе), которого администрация русских колоний намеревалась наградить царскими подарками (парчовый кафтан, пояс и шапка) за то, что он первым из тлинкитских вождей отказался от человеческих жертвоприношений на потлаче. В перспективе предполагалось сделать Куатху агентом РАК среди стикинцев. Однако после того, как Куатха не оправдал возлагавшихся на него надежд, колониальная администрация сделала ставку на Шейкса, а царские подарки получил ситкинский тоен Михаил Кухкан. Куатха, недолюбливаемый, очевидно, таким поворотом политики русских, принял сторону англичан.

⁴⁰Во время пьяной ссоры среди служащих Форт-Стикина был убит то комендант Дж. Мак-Логгин-мл. [259, р. 107—108]. Убийцы были схвачены и высланы к русским по распоряжению Дж. Симпсона и с

согласия колониального начальства посажены под стражу в Озерском редуте.

⁴¹Эти путешествия нашли отражение в устном народном творчестве. Сохранилась записанная Дж.Р. Свэнтоном траурная песня индейца рода наньяйи, который умер по пути в Викторию (по-тлинкитски — Вактани) [128, р. 406].

⁴²Неточно указан год этого инцидента в работе И.И. Петрова: 1864 г. [122, р. 120].

Глава 3

¹Так, например, побывавший 22 ноября 1844 г. на “колошенском рынке” И.Г. Вознесенский отмечал, что тлинкиты в этот день принесли на продажу более десятка горных баранов, множество куропаток, тетеревов, уток, а также огромные круги топленого бараньего сала [ЛОААН, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 2/2-1, л. 29].

²Русские называли их также “колошенскими накидками”. Иногда это название употреблялось и по отношению к традиционной накидке-чилкат. Последняя стоила в середине 1840-х гг. шесть обыкновенных европейских одеял или 120 руб. асс. [ЛОААН, ф. 46, ед. хр. № 2, л. 36].

³По свидетельству Ю.Ф. Лисянского, пластины, полученные от русских, стоили гораздо меньше тех, которые были выкованы из самородной меди, — последние ценились в 20—30 раз дороже (соответственно 20—30 каланьих шкур) [41, с. 11—12]. Стандартная медная пластина, по данным К. Оберга, была около 60 см длины, 46 см ширины и весила 12—16 кг. Такая пластина стоила не менее 5—6 рабов [119, р. 117].

⁴У русских служил толмачом еще один “Гедеонов” — Калистрат, но его служба была не столь длительной, как у Никтополиона, поскольку он умер еще в 1832 г. Иеромонах Гедеон упоминал в своих “Записках” Никострата (Калистрата?) Лькайна, который также был им окрещен в 1806 г. вместе с другими аманатами “из колуужских народов” [ЦГИА, ф. 796, оп. 90, д. 273, л. 63об.]. За свою работу для компании Калистрат Гедеонов получал 350 руб. в год, а в 1831 г. Ф.П. Врангель добавил к его окладу еще 100 руб. “за усердную службу” [АВГР, ф. РАК, оп. 888, д. 995, л. 35, 47].

⁵Морская служба была опасна: в 1842 г. корабль РАК “Наследник Александр” при возвращении из Сан-Франциско попал в жесточайший шторм, во время которого погибли его командир, капитан-лейтенант Кадников, и несколько человек из команды, включая и крещеного “Колошу Павла”. Последний вместе с капитаном был погребен по морскому обычаю в открытом море [АВГР, ф. РАК, оп. 888, д. 1009, л. 216—217].

⁶Партия старателей состояла из четырех русских и шести тлинкитов под начальством поручика Корпуса горных инженеров П.П. Дорошина. С 26 февраля по 16 апреля 1849 г. старатели добыли 1 пуд 7 фунтов 44 золотника и 12 долей чистого золота и 6 фунтов 50 золотников и 70 долей серебра [АВГР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 113; 44, с. 280]. Тлинкиты, таким образом, вместе с русскими участвовали в знаменитой калифорнийской “золотой лихорадке”. Этот любопытный эпизод мало известен в научной литературе, свидетельством чего является высказывание С.Б. Окуня о том, что от открытия в Калифорнии золота РАК понесла одни убытки [222, с. 143—144]. С этим, однако,

нельзя согласиться, поскольку только от торговли в Калифорнии в 1849 г. компания получила около 20 тыс. рублей чистой прибыли (по колониальным ценам), не считая дохода от реализации добытого партией Дорошина золота (более 19 кг) [АВГР, ф. РАК, оп. 888, д. 1018, л. 133—134; 44, с. 280—281].

⁷Можно предполагать, что эта замена произошла уже к середине 1790-х гг., поскольку высокий спрос на железный лом и железные изделия (из которых изготовлялись наконечники, лезвия и т.д.) к этому времени уже спал.

⁸По свидетельству Г.Й. Холмберга, крупное тлинкитское каное стоило в Ново-Архангельске в 1850-х гг. около 800 руб. асс. [96, S. 27].

⁹Это был родной дядя Михаила Кухкана — “главного ситкинского тоена”.

¹⁰Указание А.А. Истомина на то, что русские продавали тлинкитам ром только с 1832 г., неточно [158, с. 151]. По свидетельству Г.Г. Лангсдорфа, еще в 1805 г. русские предлагали тлинкитам водку, но последние опасались ее пить, поскольку боялись попасть таким образом под власть пришельцев [107, Bd II, S. 96, 112]. Однако страх перед последствиями алкоголизма постепенно исчез, и в 1830 г., например, тлинкиты получали за морского бобра от русских почти три ведра рома помимо других товаров (см. [72, с. 140]).

¹¹Уже в 1788 г. русские моряки с галиота “Три Святителя” отмечали, что некоторые из встретившихся им якутатцев были одеты в европейскую одежду [75, с. 99].

¹²Вот как описывает П.Н. Головин (1860 г.) костюм Михаила Кухкана, который был одет “в парчовый халат с серебряной бахромой и кистями; малиновый шелковый пояс с золотой бахромой стягивал ему живот; сверх пояса, на черном ремне, висела флотская сабля, в руках он держал треугольную шляпу, формы шляпы Фридриха Великого, но с высоким султаном из белых, голубых, розовых, желтых и черных перьев” [16, № 5, с. 179].

¹³Г.Й. Холмберг сообщал, что тлинкиты ценили выше “белые” металлы (железо, олово, серебро), а не “желтые” (медь, латунь, золото) [96, S. 21].

¹⁴Первые медали в Русскую Америку были завезены еще в начале 1790-х гг. экспедицией Биллингса—Сарычева для награждения алеутских и кадьякских старшин, а также особо отличившихся партовщиков (всего экспедиция везла около 80 золотых, 300 серебряных и более 600 медных медалей) [ЦГА ВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 29, л. 117об.]. Затем 325 медалей привез в 1805 г. Н.П. Резанов, а в 1808 г. в колонии было доставлено еще 400 серебряных “знаков”.

¹⁵Интересно отметить, что со временем серебряные медали “Союзные России” стали выдаваться колониальным начальством только “независимым инородцам” — алеуты и кадьякцы не подлежали награждению ими, поскольку считались “зависимыми” от РАК “инородцами” [АВГР, ф. РАК, оп. 888, д. 1006, л. 258]. В 1818 г. серебряную медаль на голубой ленте получил даже Катлиан — один из главных вождей ситка-киксади, который был руководителем обороны индейской крепости в 1804 г. во время штурма ее силами А.А. Баранова.

¹⁶Еще в 1804 г. во время осады тлинкитской крепости на о-ве Ситха партовщики обнаружили тайник ситкинцев, в котором было столько сукна и юколы, что ими загрузили 150 байдарок [41, с. 20—21].

¹⁷Русская администрация в лице некоторых главных правителей (например, А.К. Этолина, И.В. Фуругельма) в некоторой степени способствовала предотвращению внутриплеменных конфликтов. Вот что писал по этому поводу С.А. Костликов в 1861 г., касаясь политики И.В. Фуругельма в этом вопросе: "Хотя некоторые из бывших Главных Правителей и находят в этой вражде выгоду для русских поселений, но нынешний Главный Правитель и я не можем не находить в этом несогласии важного неудобства для Компании. Все племена Калошинские до того перессорились между собою, что, не смея удалиться от своих жительство для охоты и промыслов, единственно из боязни друг друга, они лишили Компанию с одной стороны предметов продовольствия, а с другой стороны пушного товара..." [33, с. 88].

¹⁸Возможно, одной из важных причин того, что, например, эскимосы-конягмиуты относительно легко были подчинены и управлялись немногочисленными русскими промышленниками, было отсутствие у них родовой структуры, "стягивающей" общество в единый организм. "Несогласие островитян вообще, — писал о кадьяках Г.И. Давыдов в 1800-х гг., — служило большим спасением для русских, нежели острожность их" [21, ч. I, с. 107].

¹⁹Последний раб у тлинкитов получил свободу на потлаче в 1910 г. [104, pt 1, p. 216].

²⁰По данным П.А. Тихменева, первое свидетельство об утверждении в звании вождя было выдано еще в 1796 г. А.А. Барановым по просьбе самих индейцев их вождю в Якутате [66, ч. I, с. 54—55]. В дальнейшем эта "бюрократическая" практика сохранялась (см. Документальное прил., с. 277). Кроме того, индейцам выдавались документы о их лояльности или услугах, оказанных русским. Колониальная администрация всячески поддерживала престиж этих документов среди индейцев: тлинкиты, имеющие бумаги подобного рода, получали время от времени особые награды и подарки [16, № 6, с. 284].

Английские и американские торговцы также иногда оставляли индейцам письма, записки и свидетельства самого различного рода и содержания. Известно, например, что порой они предупреждали в этих письмах последующих визитеров о хитростях и жульничествах, на которые пускались обладатели бумаг во время товарообмена. Не умевшие читать тлинкиты хранили подобные письма среди своих самых больших ценностей [119, p. 111—112].

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
(не публиковавшиеся архивные материалы)

АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35,
л. 150об.—151 / Копия /

л. 150об.

Примерное исчисление

Народа Колюжей поблизости Порта Ново-Архангельска
от Якутата по проливам обитающего, с названием
жил их, которыя Россиянам известны*

Жила

1. Якутатское жило от Берингова Залива и бывшей российской крепости в 10 верстах к Акойской стороне** лежащее при реке разными рукавами изливающейся и называемой Саковой***; больших барабор в нем 10. Жителей в нем мужеска пола с малолетними до —200
- 2.^e Жило Килхва на берегу при реке того же имени разстоянием от перваго близь 40 верст. Жителей мужеска пола с малолетними до —100
- 3.^e Первое и Главное Акойское жило при реке на перешейке между морем и рекою расположенное, от жила Килхва в 8 верстах отстоящее; сколько коренных на нем жителей неизвестно, но весною ежегодно для заготовления рыбаго жиру приезжают к ним из Ледяного Про-

* Список составлен Н.П. Резановым в конце 1805 г. при помощи сведений, собранных А.А. Барановым и другими служащими РАК.

** То есть к юго-востоку.

*** Название реки возникло от глинянского слова "ссак", которым индейцы обозначали рыбу-свечу (зулахон).

- лива и с Якобиева острова и во все лето остаются. Людство тогда бывает кроме малолетних от 500 и до 700 человек
- 4.^e Второе Акойское жило близь Маркловской сопки* при реке Алцех**, число коренных жителей также неизвестно по причине многолюдного съезда жителей для заготовления рыбьих жиров из Ледяного пролива.
 5. На южной стороне Якобиева Острова жило русскими Аполосовым или Воровским*** наименованное на нем мужеска пола жителей до..... —100
 6. В Ледяном проливе вблизи устья Чильхатской губы жило Какнау, на нем больших барабор до 25. Жителей мужеска пола по малой мере до..... —600
 7. Против онаго на другой стороне пролива жило Каукатан****, жителей мужеска пола до..... —400
- Внутри Чильхатской губы на матерой земле при большой реке три многолюдная жила*****. По словам попавшихся после разбития Ситки в плен и при истреблении под Кековским жиллом партии захваченных и перепро-/данных
8. Кадыякцов, по числу больших барабор их примерно по всем замечаниям мужеска пола положить можно до..... —2000
 9. При устье пролива Аику в Чильхатскую губу вливающегося до бухты Такку разстоянием на 25 верстах четыре многолюдная жила. Примерно по замечаниям мужеска пола положить можно..... —1000
 10. На устье бухты Такку жило не так многолюдно, но внутри обитает множество народов занимающихся промыслом земных зверей как то: лисиц, тарбаганов и других, упромышляют сами они весь-

л. 151

* Гора Феруэйтер (4663 м).

** Совр. р. Алсек.

*** Возможно, селение глинкитов в зал. Фрешвотер-Бэй, или

Асанки

**** Очевидно, селение Гаотакан.

***** Селения Клакван, Катквалту и Йендестаке.

ма мало, но получая от Бостонцев товары, сукна и прочее производят торговлю с горными народами на матерой земле получая от них лосины, ровдуги и прочее.

16. По матерому берегу от бухты Такку к Стахинскому проливу
 17. В разстоянии от Такку примерно в 25 верстах в Ледяной бухте по Колюжски Цултан* называемой в двух жилах, на которых Г. Кускову быть случалось, судя по числу строений должно быть по средней пропорции до 600
 18. В Стахинской бухте и проливе на трех
 19. жилах так много жителей, что они пред
 20. всеми людством своим превозносятся.
 21. В Порте Булдакова жило Кековское; в нем по числу барабор по малой мере мужеска пола до 200
 22. В Порте Деларова жило Куювское; в нем жителей мужеска пола до 150
 23. На Хуцновском Острове наимянованным Российскаго Адмиралтейства многолюдное жило Хуцново. По уверениям Бостонцев и возвратившихся из плена Кадьякцов, кроме престарелых и малолетних, в нем одних ружейных ратников по малой мере до 1700
 24. Ситкинское жило в конце пролива от Ново-Архангельска, в нем кроме старых и малолетних одних ратников до 700
- NB. Оба последние жила близь Порта Ново-Архангельска. К югу проливы также все жителями наполнены; весь берег до самой Калифорнии есть муравейник людей.

АВПР, ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 97об.—98об.

Письмо [Н.П.] Резанова директорам РАК от 26 Июня 1806 г. Н.-Архангельск [Фрагмент]

л.97об.—98 “Сего дни пришло в Порт наш** Американских

* Видимо, бухта Самдам (Саодан).
 ** Ново-Архангельск.

штатов трехмачтовое судно Ванкувер, капитан на нем Броун. «...» Он рассказывал нам искренно, что торговля становится год от году затруднительнее и что Американцы или Индейцы здешние не отдают уже бобра менее как за 7¹/₂ аршин сукна и тому подобно на все товары цены повысили, говоря что в Ситке русские дают больше. Он спрашивал, что мы платим? Г[-н] Баранов отвечал, что слишком дорого и не сказал цену. Они показывали нам холсты, колпаки и прочие вещи, от вас полученные, сказал Броун. Они берут все, что ни увидят, отвечал Баранов. Но в самом деле они никакой мены не производят и представьте, как умеют плутовать дикие * для пользы своей, показывая те вещи, которые Г[-н] Баранов дарил им. Броун сказывал, что все сии народы день ото дня все неприступнее и в то же время отважнее. Он заходил в Кайганы **, ему не позволили налиться водою и он должен был идти на Ходу, в другое близ лежащее место, а когда хотел отвязать канат, которым отшвартовлен был, то ему не позволили. Он угрожал стрелять из пушек — они высыпали толпами с криком, что всех не перестреляет и уже ночью один из них за 2 аршина сукна отвязал его. Он сказывал, что все Бостонские суда крайне оскорбляются//и каждое из них в заплату за вероломные и мерзкие поступки их, при оставлении берегов не щадит их и жжет селения, а они тем более ожесточаются“.

л.98об.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 992, л. 15—17 /Копия/
[1826 г.] № 27, февраля 3. В Главное Правление Донесение
[П.Е. Чистякова ***]

л. 15 Декабря 6 дня в 6 часов вечера я был встревожен известием чрез нашего толмача, который получил сведения от приехавших Колош, промышлявших рыбу близь Озерскаго редута, что будто в ночи с 5^е на 6^е число Колоши в нескольких батах приближались к нашему укреплению, в намерении ловить сельдей, были нашими часовыми окликаемы несколько раз, но как ими ничего не было ответствова-

* Индейцы.

** Очевидно, селение Кайгани на южной оконечности о-ва Долл, населенное индейцами хайда-кайгани.

*** Чистяков Петр Егорович, главный правитель Русской Америки в 1825—1830 гг.

л.15об.

но, то с нашего укрепления последовали ружейные выстрелы, которые принудили их удалиться и одним из оных убит Калош; из самого рассказа толмача я видел ясно, что начальник редута был в необходимости прибегнуть к таковой мере, ибо он мог полагать // что Колоши имеют намерение напасть на укрепление в ночное время. — Хотя я не получил из редута подтверждения о сих слухах и сердечно желал, чтоб оныя были ложны, но если б были справедливы, в таком случае я не мог получить известия, ибо по раннему ходу сельдей, Калоши на время поселились близь нашего редута в расстоянии на версту от онаго числом до 300 человек, а по положению узкости бухты они занимали оба берега, то по сему редут после такового произшествия должен находиться в осаде, что действительно и случилось. —

л.16

На другой день я послал в редут вооруженную шестивесельную шлюпку, с толма // чом, под командою мичмана Тебенькова, дабы о сем произшествии узнать подробно в редуте и от Калош; ордер мой ему и рапорт его ко мне я в копии препровождаю. — К неудовольствию моему известие было справедливо, но благодаря бога по сию пору не имеет никаких последствий. — Я призвал к себе родных убитаго и тойонов, кои тогда находились, кажется успел чрез толмача убедить их в необходимости прибегнуть к неприязненным с ими мерам, они согласились, что им было известно запрещение к укреплению ночью приближаться и что они были виноваты, ибо слышали, что их окликали (согласно с показанием в редуте), но не полагали, чтоб стали стрелять. — За убитаго я подарил его родным на счет компании товаров // на 250 рублей и, кажется, они остались сим довольны.

л.16об.

Мнение мое о сем произшествии суть то, что хотя Колоши может быть и не имели никакого злоумышления, но приближение их к укреплению показывало дерзость, за которую они получили добрый урок; вероятно, они хотели испытать исправность наших ружей, ибо место, где находится редут лежит у них на сердце *, ход рыбы в озеро столь изобилен, что снабжает целую зиму всех здесь живущих им известен. Я со своей стороны нахожу, что Начальник редута был совершенно прав, у него // в его гарни-

л.17

* То есть русские заняли их богатейшие родовые угодья.

зоне находится 38 человек, а кочевое селение их составляло 300 человек; ночью он действительно не мог видеть сколько их было батов и каковы были их намерения, ибо таковой случай есть здесь первый по занятии Ситхи, я прибавлю еще, что слава богу, что он не прибегнул к своей батарее.

Слободчиков* начальник редута назначен Матвеем Ивановичем** на место Шмакова***, человек доброго поведения и что называется здесь старовояжный.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 995, л. 137—139 /Копия/

[1831 г.] № 190, апреля 30. В Главное Правление
Донесение [Ф.П. Врангеля****]

- л. 137 По случаю раздоров Северных и Ситхинских Колош с Стахинскими*****, был сею весною многочисленный съезд первых в Ново-Архангельск, число коих простирается и теперь до 2000. Между ими Чилкатские приехавшие с довольно хорошим речным промыслом объявили мне претензию и подкрепляемы были всеми другими тоенами, на шет [насчет] отказа в продаже [русскими] пороху, ружей и свинцу.
- л.37об. Они // говорили что Стахинцы и в соседстве их живущие Колоши, получая за дешевую цену в большом количестве все военные снаряды с Американских судов, чванятся пред Ситхинскими Колошами и сделались столь сильными что сии последние ныне им противустоять не могут: таковое их унижение они вменяют в вину Русским, которые допуская прочим нациям продавать в проливах порох, свинец и ружья, не снабжают только тех Колош, которые почитают себя Союзными России, и тоены коих носят

* Слободчиков Съсой, русский промышленник (из “старовояжных”).

** Имеется в виду М.И. Муравьев, главный правитель Русской Америки в 1820—1825 гг.

*** Шмаков Алексей, русский промышленник из тарских мещан (“старовояжный”).

**** Врангель Фердинанд Петрович, главный правитель Русской Америки в 1830—1835 гг.

***** Речь идет о крупном столкновении рода кагвантан из куанов Чилкат и Ситка с родом нанъяйи куана Стикин.

медали с сею надписью. “На что же, говорят они, называете вы нас союзниками вашими и приглашаете чтобы вам а не иностранцам продавали промысла, когда вы нас не защищаете // и за нашу верность к вам неприятели наши нас убивают, унижают и смеются над нами, так нам лучше ездить на суда к иностранцам, продавать им промысла и не знать вас совсем“. Таковы последствия безстыдного нарушения конвенции Гражданами Соединенных Штатов! — Я со своей стороны им представлял что в местах нами занятых, их никто не обидит и мы будем их защитниками; но продавать им военных снарядов не можем. Само собою разумеется что никакие резоны не будут для них убедительны, ибо они упираются всегда на то что неприятели их снабжаются иностранцами порохом, следовательно и нам должно их снабжать для отражения нападения.

Такое логическое рассуждение Колош Ситхинских поставило // меня в немалое затруднение и я на первый случай по возможности отклонился от объяснений, утешив тоенов небольшими подарками.

Чрез новое заселение Гудзонской Компании в Observatory Inlet*, может быть, действуя в одном духе с Российско-Американской компаниею, несколько ограничится продажа огнестрельных снарядов, и я почитаю весьма нелишним войти с Оною Компанией в дружеские связи, как Ею предлагаемо было.

Здесь я должен заметить что если Компания и не находит больших выгод от покупок морского и речного промысла от Колош на одеялы в доставлении коих Главное Правление затрудняется, то с другой стороны мы единственно обязаны сим прекрасной доброты одеялам что Колоши ценят нашу с ними дружбу, ибо // если не доставлять им никаких от нас выгод, то все эти союзники будут рады со свойственным им воинственным духом, поступать с нами неприятельски, и мстить нам, при посылках в лес, при промысле рыбы и в подобных случаях когда только могут.

Рассуждение сие имею честь представить Главному правлению на рассмотрение к руководству в распоряжениях онаго.

* Форт-Симпсон.

№ 307. Мая 12. Под ВЫСОЧАЙШИМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительством Российской-Американской компании Главного Правителя Российских Колоний в Америке Флота Капитана 1го ранга и Кавалера Барона [Ф.П.] Врангеля 1го

л.280об.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

л.281

Дано сие Стахинскому Тоену Кек-//халь-цечу* на пожалованный ему знак отличия (Союзные России)** в ознаменование оказанного им усердия к Россиянам и уступки в пользу Российской-Американской Компании части земли для постройки Редута*** на том месте где собственно его жительство было, за каковое место ему от Компании заплачено, почему оно и останется в вечном и безвозвратном Ея владении. В удостоверении чего и дано ему Тоену Кек-халь-цечу сие свидетельство за моим подписанием и с приложением печати. В Порте Ново-Архангельске, на Северо-Западных берегах Америки. 12 мая 1834го года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕМИЛОСТИВИЙШАГО ГОСУДАРЯ МОЕГО,
Флота Капитан 1го ранга, разных
Орденор Кавалер, Российских Колоний
в Америке Главный Правитель /Подл. подп./
Б[арон] Врангель

^ АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1003, л. 121об.—122 /Копия/

[1838 г.] № 391, июня 18. Командиру Брига Чичагов, Г. Флота Лейтенанту [Д.Ф.] Зарембо [от И.А. Купреянова****]

л.121об.

Мне известно, что в нынешнем году в особенности много было Кайганских Колош в Хуцнове, в Ледяном Проливе и в Чилькате для вымена пушных промыс-

*Кектлце'ч — один из богатейших вождей стикинцев, брат главного вождя рода нанъяйи Шейкса, упоминается в тлинкитских преданиях [121, р. 49].

**Серебряная медаль с надписью на одной стороне "Союзные России" и двуглавым орлом на обратной.

***Имеется в виду Дионисиевский редут, постройка которого началась у устья р. Стахин (Стикин) в 1833 г.

****Купреянов Иван Антонович, главный правитель Русской Америки в 1835—1840 гг.

лов, для перепродажи оных Англичанам или Американцам. Таковых Кайганских Колош было ныне там до 15 батов, а в прошедшем году бывшие и в Ново-Архангельске Кайганские Колоши также старались от Ситхинских Колош выманить промысла для промена Иностранцам: Посему прошу // Вас, внушить сколь возможно Колошам Северных Пролитов [архипелага Александра], где будете ныне находиться, чтобы они не входили в подобные торги с Кайганцами, а лучше променивали свои промысла нам, и что выгоднее для них будет если они за полученные от нас товары (подобно как тыны*) за промысла, будут покупать у Кайганских Колош, нежели выменивать таковых прямо на промысла. Прошу сие самое пояснить и Стахинским Колошам. При нынешнем случае, имея с собою Стахинского Колошу Николая**, я полагаю, что это может более облегчить вас в пояснении им сего обстоятельства в Чилкате.

ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1306, л. 1—1об. /Копия/

Донесение Главного правления Росс.-Ам. к.
от 2 декабря 1838 г. № 1509

Его Сиятельству

Господину Генералу от Инфантерии,
Члену Государственного Совета, Сенатору,
Министру Финансов и кавалеру Графу
Егору Францевичу Канкрину

л.1 Главный правитель Российско-Американских колоний, Гвардейскаго экипажа Капитан 1 ранга Купреянов, депешею от 1. Мая настоящего года за № 228 доводит до сведения Главного Компании Правления, что с разрешения его, Г[-на] Купреянова, привезен в Ситху из Стахина Колошенский мальчик 4. лет, коего Тамошние колоши назначили на убиение при поминках умерших своих родственников; но Стахинский тоен Куахте вследствие увещеваний священни-

* Правильнее: "тинне" — медная пластина.

** Это был второй сын главного вождя стикинцев Шейкса; он был окрещен в Ново-Архангельске и получил серебряную медаль из рук И.А. Купреянова.

л. 10б.

ка Вениаминова* о прекращении богопротивного ужасного сего обычая, первый подал пример и обреченных на смерть отпустил на волю, в том числе и помянутого мальчика, заменив убиение невольников пожертвованиями другого рода, как бы во всенародное свидетельство привязанности и уважения своего к Русским. За таковой достохвальный поступок, Главный правитель ничем не мог отличить тоена Куахте, кроме выдачи свидетельства с изъявлением благодарности, ибо он прежде уже награжден был за приверженность и усердие // к Русским, серебряной медалью "Союзные России", а потому просит Главное Правление о исходатайствовании Тоену Куахте какого-либо отличия.

Малолетний Колош, отпущенный тоеном Куахте, окрещен в Ситхе в Греко-Российскую веру и получил имя Михаила. Он помещен в число школьников тамошнего Училища, с поручением иметь за ним особенный надзор. Быть может, что впоследствии этот мальчик послужит посредником между нами и Колошами, для введения в варварском народе кротких Христианских нравов.

Имея честь почтеннейше донести о сем Вашему Сиятельству, Главное Правление Компании принимает смелость покорнейше просить о исходатайствовании Тоену Куахте в награду за таковой похвальный поступок и в пример другим диким золотого кафтана или другого какого по благоусмотрению знака отличия**.

Директор Иван Прокофьев
Директор Николай Кусов
Директор Андрей Северин

*Этот случай описан И.Е. Вениаминовым: на поминальном потлаче один из вождей стикинцев не убил — по обычаю — двух своих рабов, а отпустил на волю: одного отдал русским, а другого — старику-тлинкиту в качестве прислуги с тем, чтобы тот после его смерти стал совершенно свободным человеком [8, с. 134—135].

**Выдача подарка стикинскому вождю Куахте была санкционирована императором Николаем I 9 декабря 1838 г. Подарок состоял из парчового кафтана, пояса и шапки.

Российско-Американской
компании
Главнаго Правления
Ноября 3 дня
1842 г.
№ 1375

Его Сиятельству
Господину Генералу от Инфантерии,
Члену Государственного Совета,
Сенатору, Министру Финансов и
кавалеру Графу Егору Францевичу
Канкрину

л.1об.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалованная Тоену Куатхе* одежда, была доставлена в Главное Правление при отношении Департамента Мануфактур и Торговли от 28 Марта 1839 года за № 1567 и отослана в колонии для выдачи по принадлежности.

Между тем, в зиму 1840 года, до приведения в исполнение означенной **ВЫСОЧАЙШЕЙ** воли, Тоен Куатхе оказался недостойным **ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ** награды, застрелив, без всякой основательной для обычаев Колош причины, своего невольника. Такая жестокость удивила самих Колош. — По сей причине колониальное начальство не решилось выдать Куатхе **ВСЕМИЛОСТИВЕЙШУЮ** награду.

л.2

Доводя об этом до сведения Главнаго Правления, нынешний Главный Правитель, Капитан 1го ранга Этолин, представляет, что для укрощения зверских // нравов Колош и для постепеннаго обращения их в Христианскую веру, было бы весьма полезным, чтобы посредником между Русскими и Колошами служил один из Ситхинских Тоенов, который бы для сей цели и был возведен в звание Главнаго Тоена Колош в Российских владениях живущих. Для сего, по мнению Главнаго Правителя колоний, оказывается достойнейшим Ситхинский Колош Шчух, принявший шесть лет тому назад Православную веру и названный в Святом Крещении Михаилом, который в текущем году получил важное наследство после смерти ближнего родственника своего, одного из главнейших Ситхинских Тоенов, и примет многоуважаемое Колошами имя его: Кухкан. Колош Михаил весьма хорошего поведения, кроткаго миролюбиваго нрава, привязан к Русским и всегда с благодарностию принимает полезные советы колониальнаго начальства, а потому и заслуживает поощрения, чтобы

* Это другой, пожалуй, более правильный вариант имени стикинского вождя, уже упоминавшегося в документах как Куатхе.

полезный пример его с тем большею силою действовал на его единоплеменников.

л.2об. Вместе с тем Капитан 1го ранга Этолин представляет, что для большей значительности и влияния Главного Ситхинского Колоша, не только между колошами, но и между Русскими, было бы полезно, // чтобы почетное звание сие давалось с ВЫСОЧАЙШАГО разрешения, для объявления о сем между всеми Колошами в Российских владениях живущими, и было бы сопровождаемо такими же знаками поощрения, какие были пожалованы Стахинскому Тоёну Куатхе.

Находя предлагаемую Капитаном 1го ранга Этолиным меру вполне полезною и по близкому соседству с Англичанами, необходимою не только для пользы Компании, но и вообще для усиления нашего влияния на Колош, в Российских владениях живущих. — Главное Правление Российско-Американской Компании принимает смелость покорнейше просить Ваше Сиятельство об исходатайствовании Колошу Михаилу [Кухкану] звания Главнейшаго Ситхинского Тоёна и соизволения выдать ему почетную одежду, назначенную Стахинскому Тоёну Куатхе, но по вышеописанным причинам ему не выданную.

[подписи:]
Врангель
Северин
Директоры Прокофьев
Кусов

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1006, л. 102об.—103 /Копия/

[1840 г.] № 76, Июля 23. Под ВЫСОЧАЙШИМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительством, Российско-Американской компании Главного Правителя Российских Колоний в Америке, Флота Капитана 2го ранга и Кавалера Этолина.

л.102об.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие Ледяно-Проливскому Колошенскому Тоёну, Гкемкють*, в том, что Мною пожалован ему Серебряный знак: Союзные России за оказанное им л.103 усердие к Русским // в доставлении промыслов в

* Один из вождей глинокитов куана Хуна.

пользу Российско-Американской Компании*, и в ожидании, что он, Тоён Гкемкют и в последствии таковою же нам преданностию окажет себя достойным сего отличия. — Во удостоверение чего и дано ему сие за Моим подписанием и с приложением печати.

Северо-Западный берег Америки. Порт Ново-Архангельск,
23го Июля 1840 года

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ МОЕГО, Флота Капитан 2го ранга и Кавалер, Российских Колоний в Америке Главный Правитель
/подпись/

А. Этолин

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1008, л. 2—2об. /Копия/

1842 г. № 2, Генваря 8. Ново-Архангельской Конторе
[Предписание А.К. Этолина]

л.2 Служитель компании Архангельский крестьянин Павел Чубаров поданным на имя мое прошением от 5 сего Генваря просит о дозволении вступить в законное супружество со оговоренною им невестою крещенной Колошенкою Настасьею. Если к сему бракосочетанию нет законных препятствий, то предлагаю Ново-Архангельской конторе сделать сообщение // здешнему священнику Андрею Сизых об обвенчании сих лиц по Церковному Чиноположению.

л.2об.

Там же, л. 15об.

1842 г. № 14, Генваря 27. Ново-Архангельской Конторе
[Предписание А.К. Этолина]

л.15об. Для хранения в Ново-Архангельской конторе провождаю при сем три серебряных знака: Союзные России, оставшиеся после умерших здесь Ситхинских Колошенских Тоёнов: Люштых Аштейнат** (по Св. Крещению получившему имя Ионы), Кухкан*** и Худце; — два знака при свидетельствах

*Тоен Гкемкют специально приезжал в Ново-Архангельск для того, чтобы пригласить русских в свое селение для торговли, так как у индейцев к этому времени скопилось около 60 каланых шкур. За это он и получил серебряную медаль от А.К. Этолина, которая была некогда пожалована другому вождю Хуна — Кoadчини — и после его смерти возвращена индейцами русским.

**Это был один из первых ситкинцев, принявших православие еще во времена Баранова. По данным И.Г. Вознесенского, "Тайон Ионка" был к тому же шаманом [ЛОААН, ф. 46, оп. 1, ед. хр. № 3, л. 19].

***Это был дядя "Главного Ситхинского Тоена" Михаила Кухкана.

выданных предместником Моим от 16го Июня и 22го Сентября 1837-го года, за №№ 348 и 399, а третий без свидетельства, вероятно затерянного Колошами после смерти Тоена Худце.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1009, л. 421об.—422об. /Копия/

[1843 г.] № 447, Мая 17. В Главное Компании Правление,
Донесение [А.К. Этолина]

- л.421об. В следствие предварительного моего уведомления Главного Правления в депеше от 24го Мая прошедшего года за № 417, о начатии 20го Мая здешнею Миссиею окрещения Ситхинских Колош и о сделанных // мною распоряжениях к постепенному сближению сих ново-крещенных Колош с Русскими, ныне имею честь Главному Правлению донести, что таковое крещение продолжается успешно, равно и употребление их по собственному желанию, в временную и поденную работу Компании. Некоторые из сих Колош были даже в плаваниях на наших судах, а трое пожелали навсегда поступить на службу Компании, из коих один находится в Ново-Архангельске, другой отправлен в Кадьяк, а третий в Михайловский редут. С удовольствием повторяю сказанное мною в депеше за № 417, что Колоши сии при нынешнем значительном числе дряхлых и неспособных здесь людей, служат нам большим подкреплением для рубки дров для Пароходов, таски тяжестей и разных других валовых работ при Порте, что на будущее время можно иметь здесь всегда ввиду, для замены ими с пользою // рабочих людей, нужных для других занятий.
- л.422об. О чем имею честь Главному Правлению донести.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1009, л. 539об.—541 /Копия/

[1843 г.] № 553, Октября 10. Под ВЫСОЧАЙШИМ ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ.
Российско-Американской Компании, Главного
Правителя Российских Колоний в Америке Флота
Капитана 1го ранга и Кавалера Этолина
СВИДЕТЕЛЬСТВО

л.539об./540 Дано сие Почетному Ситхинскому Крещеному //

Колоше Михаилу Кухкану в том, что Главное Правление Российско-Американской Компании в следствие представления моего об учреждении Звания Главного Ситхинского Колошенского Тоёна и об исходатайствовании сего Звания Михаилу Кухкану и о награде его почетною одеждою во уважение личных его достоинств доказанных постоянною преданностию к Русским и усердием в исполнении воли Колониального начальства, входило с представлением об этом к Г^{НУ} Министру Финансов, в следствие чего Его Сиятельство* предписанием дал знать Главному Правлению Компании, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, по представлению Комитета Гг. Министров в 8 день Декабря 1842 года ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил допустить учреждение в Российско-Американских Колониях звания Главного Тоёна с тем, чтобы утверждение онаго зависело от Министерства Финансов и на сем основании утвердить в звании Главного Тоёна Колоша Михаила Кухкана // а во уважение личных его достоинств выдать ему ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалованную почетную одежду. Во исполнение таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА воли, объявлено мною о том к общему здесь сведению, дабы всяк и каждый, как Русские, так и туземцы отныне признавали Михаила Кухкана Главным Ситхинским Колошенским Тоёном и оказывали ему должное по сему званию уважение. ВЫСОЧАЙШЕ пожалованная ему почетная одежда торжественно мною возложена на него сего числа, 10 октября 1843 года, после чего он в здешней Соборной Церкви на звание Главного Тоёна приведен к должной присяге. Во удостоверение чего и дано ему, Михайле Кухкану, Сие Свидетельство за подписанием Моим и с приложением печати и в твердой уверенности что он всеми силами постарается вполне оказать себя достойным таковой великой МОНАРШЕЙ Милости, всегдашнюю непоколебимую преданностию // к Русским; благонравным поведением служить примером для его соотечественников и еликовозможно способствовать к укрощению зверских их нравов, и вообще честно усердно и с готовностию всегда исполнять все распоряжения Колониального Начальства. Порт Ново-Ар-

л.540об.

л.541

* Граф Е. Ф. Канкрин, министр финансов.

хангельск, на Северо-Западных берегах Америки. 10
Октября 1843 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ Моег^р,
Флота Капитан 1го ранга,
Российских Колоний в Америке
Главный Правитель /подлин. подписал/
А. Этолин

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1011, л. 312об. /Копия/
[1845 г.] № 267, Мая 14. Ново-Архангельской Конторе
[Предписание А.К. Этолина]

л.312об. Во уважение того что Служитель [РАК] Карл Дальстрем*, призрел у себя малолетнюю крещенную Колошенскую девушку, Прасковью Ларионову**, мать коей бежала к Колошам, предлагаю Ново-Архангельской Конторе, на пропитание и одежду сей девушки выдавать Дальстрему по 100 рублей ежегодно, пока она не будет в таком возрасте, то есть 7^{ми} лет, что можно будет ее принять в здешнюю школу девушек; теперь же ей 5^й год.

Там же, л. 151об.

[1845 г.] № 5, Мая 30. Ново-Архангельской Конторе
[Предписание помощника главного правителя
Д.Ф. Зарембо]

л.151об. Согласно словестнаго приказания Г^{на} бывшего Главнаго Правителя Колоний Адольфа Карловича Этолина за отсутствием его предлагаю Ново-Архангельской конторе выдать Колошенскому Тоену Нак-ахан товарами на 150 рублей, за малолетнаго Колошу Федора, побочнаго сына служителя Компании Михайлы Иванова и сумму по производству вывести в расход.

*"Из финдляндских уроженцев", т.е. финский швед. Служил в русских колониях с 1822 г. парусным мастером. Был женат на русско-глинкитской метиске (креолке) Наталье Кабачаковой и имел от нее ^{**}четыре детей.

^{**}Это была незаконнорожденная дочь "служителя" РАК Прокофия Ларионова.

[1846 г.] № 270, мая 5. В Главное Правление Компании [Донесение М.Д. Тебенькова*] О Колошенской игрушке

л.206об. Следуя по возможности во всех действиях моему Предместнику**, по приходе в Ситху я объявил Колошам, что в Марте я намерен сделать для них игрушку, как доказательство нашей к ним приязни и расположения. К объявленному времени их собралось до 1500 человек одних свободных исключая рабов. Игрушка была как и прежде два дня 12го и 16го апреля, и стоит 1389 руб. 91^{3/4} коп.

На счет игрушек для Колош я с мнением Предместника моего согласен, что весьма достаточно сделать одну игрушку каждому Главному Правителю раз в 5^{ти} ление, — собственно как я упомянул, для того чтобы показать Колошам с нашей стороны им приязнь, — других же видов тут ожидать нельзя.//

л.207 Я предварил [предупредил] Колош в Сентябре что будет игрушка в Марте или Апреле, предварил, чтобы с пустыми руками не ездили, но игрушка не принесла в этом случае никакой пользы, исключая как я упомянул в Донесении своем за № 256 что во время этаго съезда Колош, рынок завален был съестными припасами: палтусиной, яманиной, дичью и проч. — Это одна польза которую игрушка нам могла доставить***.

О чем Главному Правлению имею честь донести.

[1847 г.] № 370, мая 12. В Главное Правление Компании [Донесение М.Д. Тебенькова] О выкупе калог (рабов)

л.57об. Главному Правлению Компании конечно не известны варварские, безчеловечные нравы и обычаи Колош. При всем напряжении со стороны нашей около полу столетия на смягчение сего варварскаго народа, влияние наше в этом случае еще весьма малозаметно. Известно, что Колоши // разделяются по

л.58

* Тебеньков Михаил Дмитриевич, главный правитель Русской Америки в 1845—1850 гг.

** Имеется в виду А.К. Этолин, главный правитель Русской Америки в 1840—1845 гг.

*** Странно было бы рассчитывать на ответные дары со стороны тлинкитов: это противоречило бы регламенту традиционного потлача.

л.58об.

л.59

родам, считая происхождение или рождение свое кто от Ворона, кто от Волка, Орла и проч. Каждый род в предании своем знает место своего возрождения, и селение то считает родоначальным. Через известный промежуток времени (8 лет) весь род собирается в родоначальное свое селение и составляет так называемую игрушку [потлач]. Тут вспоминают о делах прошедших, совещаются о предприятиях будущих, сзывают гостей из других родов, пьют, едят, пляшут и дарят кому что и как попало. В сем последнем тщеславии доходит иногда до такого беснования, что Колош выносит на лайду (отмель) все свое состояние: разрезывает на куски лучшие свои меха, или материи, разбрасывает бисер, табак — все что есть у него, — и наконец в неистовстве тороватости доходит до того, что тут же предает (семьею своею) // смерти своих рабов (калог), принимая в этом случае раба как вещь. Безчеловечный обычай сей, коего корень тщеславие, нельзя сказать, чтобы был необходимостью этаго празднества, иногда проходит и без крови человеческой; но весьма неистовый позыв тщеславия приходит мгновенно при этом случае славолюбивому, и несчастныя жертвы падают под ударами или кинжала или положенной на шею длинной палки*. Участие в празднестве должен принимать весь род, и если бы по чему-нибудь Колош рода того не мог быть в это время на празднестве в родоначальном селении, то он должен почти также поступать в том селении, где он живет. Таким образом Колоши Вороньяго рода, имея родоначальное Селение свое в Ледяном Проливе, а проживая под нашими стенами в Ситхе** ныне должны были праздновать эту эпоху или родовое // празднество свое. Неистовство празднующих именно доходило, как я упомянул, до того, что многие вынесли все свое состояние на лайду и разбросали по лоскутам, а некоторые кто имел у себя рабов начали колоть и душить их. — Это было в начале Марта, и так скрытно, что по совершении уже злодейства, когда убито было уже 8 душ (все женскаго пола) мы узнали об этом. Я послал тотчас толмача*** объявить, чтобы под стенами

* То есть рабов душили с помощью палки, положенной на шею жертвы.

** Очевидно, речь шла о роде тлюкнахади, чьи представители переселились на Ситху из куана Хуна.

*** Никтополиона Гедеонова.

нашими такого душегубства не было, если же в этом заключается тщеславие — ничего не жалеть — то пускай калог лучше продадут нам, возьмут товаров и их уже разбросают как хотят. — Это подействовало на Колош, и мы таким образом приобрели одного годовалого мальчика (взятого на воспитание по желанию бывшим бухгалтером Кондаковым) и 2 взрослые девки. //

л.59об. Это есть одно из важнейших убийств у Колош совершаемых во время мира и даже увеселения.

Другого рода убийство существует у Колош от суеверия. У них почетный [т.е. знатный] или Тобен: сам он или его жена, или дети никак не могут умирать естественною смертью. Ищут причины и шаман отыскивает наконец, что покойник был такою-то (виноваты всегда большею частию женщины бедных семейств) испорчен. Здесь существует у Колош понятие такого рода: мнимовиноватую схватывает родня покойника и делает над нею все истязания, чтобы она призналась. Меры истязания таковы, что не было примера, чтобы мнимовиноватые жертвы не признались в вине своей, что действительно покойник или покойница умерли от порчи. Тогда несчастная становится в положение окончательное. //

л.60 Если бы нашлось сострадание в истязателях, и они захотели бы даровать ей жизнь — простить ее, то в то самое время ее поразит кинжал родовича своего семейства: брата, дяди и даже иногда сына, — от стыда иметь такую родню.

Таким образом со смертью некоторых из почетных Колош, истязаемы были две жертвы ныне: одна молодая девка, — а другая женщина, имеющая мужа и 4^х детей. Голос убеждения, а более выкуп за девку 5 одеял поколебал Колош, они ее отпустили к нам в крепость, и я заплатил за нее не на счет Компании, а сбором приношения от почетных [жителей Ново-Архангельска], дабы они [глинкиты] видели на деле [христианское] учение наше, и вместе видели пред глазами своими те лица, которые готовы в подобном случае жертвовать чтобы спасти ближняго. — Женщину отпустили без платы, //

л.60об. но ее надлежало вылечить: у ней разрезан был ножом живот. Искусством медиков наших она вылечена, и ни за какие

* Одну из них звали Каттахель, а другая была крещена в Ново-Архангельске и получила имя "Ирина" (Ирина Хаске).

блага не хочет возвращаться в свое селение. Из опасения, чтобы Колоши когда нибудь не возобновили притязания своего на нее опять, она и все семейство ее: муж, два сына и две дочери отправлены мною (по просьбе их) на Кадьяк (№ 29 протокола). Девоч же по этой самой причине я отправил на Курильския острова* (№ 109 протокола).

Есть третий род убийства у Колош, но только также одних рабов (калог), — это отправлять на тот свет покойникам прислугу: раба к мужчине, а рабыню к женщине**.

л.61

По убеждению моему спасен один ныне и из таковых рабов — и даже без выкупа. Я его принял и отправил на житье в Михайловский редут, // на службу.

Представляя Главному Правлению варварския обычаи Колош и принимаемая мною в сем случае меры к отвращению и спасению несчастных жертв, в настоящее время спасением вышеупомянутых 10 душ я вполне обязан нашему толмачу (из Колош) Никтополиону Гедеонову, объявившему Колошам мое мнение и распоряжение и принимавшему им самим не меньшее участие в спасении сих несчастных. За каковой подвиг, равно и за постоянную его преданность и усердие к Компании (с 1822 года), я покорнейше прошу Главное Правление Компании исходатайствовать Гедеонову приличную Монаршую награду, которая может произвести великое полезное влияние на Колош.

О чем Главному Правлению Компании имею честь донести.

Там же, л. 114об.

[1847 г.] № 424, Мая 21. Управляющему Михайловским редутом Петру Епифанову [Предписание от М.Д. Тебенькова]

О расчете Колоши
Павла Литинахкути

л.114об. Вывезенный в прошлом году на бриге Охотск из Михайловскаго редута состоявший там на службе Колош Павел Литинахкути объявил претензию, что

*Выкупленные из рабства индианки были отправлены на бриге "Промысел" на о-в Уруп, где в то время находилась промысловая артель РАК.

**То есть речь идет о погребальном потлаче.

он не вполне удовлетворен следующим ему за службу его жалованьем. — Почему предписываю тебе Епифанов, для разъяснения дела сего, представить в Ново-Архангельскую Контору подробный и ясный Счет сего Колоша на все время пребывания его у тебя в редуте.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1018, л. 373об.—374 /Копия/

[1850 г.] № 113 Декабря 28. В Ново-Архангельское
Духовное Правление [Запрос Н.Я. Розенберга*]

л. 373об.

Состоящий на службе Российско-Американской Компании, Ярославской губернии крестьянин Павел Семенов вошел ко мне с просьбою, в которой прописывает, что он “в 1843 году, с дозволения Колониального Начальства, вступил в законный брак с девицею Авдотьей Игнатьевой, дочерью // умершаго служителя Компании Поликарпа Игнатьева, которая прожив с ним Семеновым до 1845 года, по неизвестным ему причинам, бежала от него к Колошам, где и по сие время находится, — и что все предпринимаемые им в продолжении пяти лет старания к возвращению ее оттуда остались совершенно безуспешными, почему он Семенов и просит ныне меня употребить зависящая от меня меры к возвращению от Колош законной жены его Авдотьи“.

л. 374

Для разрешения каковой просьбы служителя Компании Павла Семенова мне необходимо нужно сведение о том был ли умерший служитель Компании Поликарп Игнатьев венчан с Колошенкою Макридою, от которой он имел дочь Авдотью, — нынешнюю жену Павла Семенова, — или же он жил с нею и имел от нее детей, и в том числе дочь Авдотью, вне законного брака?

В следствие чего покорнейше прошу Ново-Архангельское Духовное Правление приказать кому следует учинить о сем из подлинных метрических книг здешняго Собора справку, и о последующем почтить меня уведомлением.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1020, л. 411об.—412об.

/Копия/

*Розенберг Николай Яковлевич — главный правитель Русской Америки в 1850—1853 гг.

О нападении Колош на Горячие Ключи *

л.411об. В дополнение к депеше моей 7го прошлого Июня за № 501 спешу Главному Правлению Компании довести, что спустя около десяти дней после ухода корабля "Кадык" в Аян, именно 14го того же Июня месяца не в дальнем от Озерского редута разстоянии Колошами (по подозрению Стахинскими) ограблены совершенно донага десять человек редутских служителей наших неводивших в одной из близлежащих к редуту бухт рыбу, а в тот же день сделано теми же или другими, а только (по подозрению) также Стахинскими Колошами открытое нападение на Горячие Ключи наши, кончившееся совершенным ограблением всех проживавших на Ключах, для пользования ими, наших людей, убиением одного из них и сожжением до тла всех бывших там Компанейских строений.

л.412 Во время этого нападения на Ключах находились для пользования ими: Лейтенант Мацкевич, проживавший в Ситхе американец Чайт, сын прибывшего нынеию весною в Колонии на службу Дружинина Николай, // служители: Николай Матвеев, Алексей Панов, Густав Лундстрем и Николай Набоков; кроме сих лиц на Ключах находились: Заведовавший Ключами Лекарский ученик Платон Бенземан и при Г[-не] Мацкевиче вестовой его Ян Раевский. Из них: ГГ[-да] Мацкевич и Чайт, и служители Панов и Лундстрем а также Раевский и Бенземан спаслись бегством с Ключей через лес и горы в Озерский редут, откуда на другой день и привезены в Ново-Архангельск на Пароходе Николай I^й. Дружинин Николай спасен бывшими в то время в Ключевской бухте кайганскими Колошами и также на другой день привезен на Пароходе в Порт. Служитель Матвеев, будучи оглушен ударом в голову, почти целые сутки пролежал под пнем дерева, не будучи замечен грабителями, и тем только спасся. Через 4 дня после случившегося происшествия служитель этот перевезен Кайганскою Колошенкою в Озерский Редут, от-

* Так называлось место к югу от Ново-Архангельска, где были горячие серные источники, использовавшиеся тлинкитами и служащими РАК для лечения различных болезней. Компания построила на ключах три небольших домика для больных.

л.412об. куда потом на Пароходе привезен в Порт. Служитель же Набоков убит. Обезглавленный труп коего спустя несколько дней доставлен был в Порт Ситхинскими Колошами, и по удостоверению ГГ[-д] Медиков, что труп этот действительно // был труп Набокова, предан по Христианскому обряду погребению.

Там же, д. 1024, л. 124об. /Копия/

№ 318, 11 июня 1858 г., Ново-Архангельской Конторе
О Колошенском мальчике Сахля [Предписание
С.В. Воеводского*]

л.124об. На барке Нахимов отправляется в Аянский Порт на два года для изучения Русского языка Колошенский мальчик Сахля коего имеет Ново-Архангельская Контора прилично снабдить обувью и одеждою до Аянского Порта.

На содержание его в Аянском Порте назначено до 300 руб. асс. в год каковой расход по отчислениям Аянской конторы а также и расход на нынешнюю экипировку Сахля имеет Ново-Архангельская Контора списывать в торговый расход по Колониальному производству.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 78об.—79 /Копия/

Список раненым и убитым во время сражения с Колошами
11го Марта 1855 года

л.78об.

	С которого года в службе компании	Оклад Жалова- ние	
1. Иванов Александр, 4 ^{го} Флот. Экипажа боцман	1840	700	убит на месте
2. Панфилов Аполинарий, Тюменский крестьянин	1850	350	убит на месте
3. Ключев Алексей, 25 ^{го} Флот. Экипажа боцман	1850	500	умер от раны
4. Кузнецов Федор, Рыбин- ский Мещанин, Помощник Содержателя Комп. лавки	1852	450	умер от раны
5. Самойлов Николай, С. Петербургский мещанин,	1849	2500	умер от раны

* Воеводский Степан Васильевич — главный правитель Русской Америки в 1854—1859 гг.

Содержатель Обществен-
ного Магазина

Матросы Флот. Экипаж[а]

л. 79	6. Спиридонов Афонасий 1854	350		
	16 ^{го} Экип.			
	7. Немчинов Игнатий 16 ^{го} Экип.	1854	350	умер от раны
	8. Иванов Иван 17 ^{го} Экипаж	1854	350	
	9. Ларионов Григорий 18 »	1854	350	
	10. Николаев Лавр 11 »	1854	350	
	11. Максимов Николай 16 »	1854	350	
	12. Васильев Михайло 26 »	1850	350	
	13. Патенга Гржегоуш 22 »	1850	350	[был ранен колошами еще 10 марта, когда охранял дровяной сарай]

Сибирского Линейного № 14 Баталиона

Прапорщик

14. Алексей Баранов	1854	2338	
Рядовые:			
15. Балувев Самойло	1854	350	
16. Карпов Карп	1854	350	
17. Чебукин Роман	1854	350	

Служители Финляндцы:

18. Ильман Карл	1851	400	
19. Нюлунд Александр	1848	450	
20. Шведберг Иоган	1851	350	
21. Андерсон Карл	1851	350	

Креол

22. Рысев Иван	1821	450	умер от раны
----------------	------	-----	--------------

Там же, л. 136об.—137

л. 136об. № 215, 30 сентября 1855 г. В Главное Правление
О Стахинских Колошах [Донесение
С.В. Воеводского]

Состоящие в ведении Ново-Архангельской Духов-
ной семинарии семинаристы Иона Сторожевский и
Иван Надеждин и жена Артиллерийского Ун-
тер-Офицера Липатова* с 4^х летним воспитанни-

* Унтер-офицер Гаврила Липатов был женат на креолке Екатерине Ереминой.

ком*, наняв двух гребцов из Колош, отправились на бату в Озерский редут, но на дороге застигнуты были семью батами Стахинских Колош, которые напав на них, убили с первых выстрелов Семинариста Сторожевского, Колош и жену Липатова, а Надеждина тяжело ранив, отвезли на Горячие ключи и узнав от него что он Русский, там оставили.

л.137

Из ключей Надеждин перешел через горы в Озерский Редут, а оттуда доставлен сюда [в Ново-Архангельск] и // ныне выздоравливает. Он передал все подробности этого происшествия, из коего видно, что Стахинцы сделали это нападение из мщения Колошам нашим [т.е. ситкинцам] за убийство ими Стахинцев в 1850 году**.

Ныне через Колош же дошло до сведения моего, что бывший с Липатовою воспитанник ее 4^х летний мальчик остался живым и находится у Стахинцев. Почему я отнесся к Г. Дугласу***, Главному начальнику в Гудзонбайских владениях, о выкупе этого мальчика и доставлении к нам при первом случае****.

Вообще отношения наши к Стахинцам представляют затруднения во время продолжения аренды Форта Стахин, так как даже при средствах наказать Стахинцев, могли бы возникнуть жалобы со стороны Гудзонбайской Компании за могущую произойти помеху в их делах.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1024, л. 106—106об. /Копия/

№ 293, 20 июня 1859 г. Свидетельство
[от С.В. Воеводского]

л.106 Дано сие свидетельство Колошенскому родовому
л.106об. Тоену Алексею в том, что он с Апреля 1855 года вел// себя безукоризненно и смирно и оказывал хорошее расположение к Русским — за что и подарен

* Приемный сын, мальчик-креол Плотницын.

** Дата указана неверно. Следует: 1852 г.

*** См. письмо С.В. Воеводского к Дж. Дугласу от 13/25 сентября 1855 г., в котором описывается этот эпизод и содержится просьба о содействии в выкупе креола Плотницына [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1022, л. 127—127об.].

**** Позднее сами стахинцы рассказали русским, что мальчик-креол погиб во время их нападения [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1025, л. 164—164об.].

ему от меня медный тын (щит)*. В удостоверение чего и дано ему сие свидетельство за моим подписанием и с приложением печати.

Там же, д. 1025, л. 217 /Копия/

№ 646, 30 декабря 1860 г. Ново-Архангельской Конторе.
О назначении жалования Тоену Калях
[Предписание И.В. Фуругельма**]

л.217 Предлагаю конторе производить с 1 Января наступающего года Колошенскому тоену Алексею Калях жалования по 240 рб. асс. в год без пайка.

Там же, л. 102об. /Копия/

л.102об. № 346, 10 июля 1861 г. Свидетельство [от И.В. Фуругельма]

Дано Ситхинскому Колоше Михаилу Кинукве в том, что он поведения хорошаго и всегда исполнял желания Колониального Начальства с усердием. — В удостоверение чего и дано ему Кинукве сие свидетельство за подписанием моим и приложением печати. — Порта Ново-Архангельска. Июля 10 дня 1861 года.

АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 1025, л. 120об. /Копия/

№ 424, 9 октября 1861 г. В Главное Правление
Об отпуске Ситхинскими Колошами на волю калог***
[Донесение И.В. Фуругельма]

л.120об. Имею честь донести Главному правлению, что Ситхинские Колоши, по случаю возобновления барабор**** и поминок умерших, внимая моим убеждениям подарили Компании или отпустили на волю всех назначенных к убиению Колош всего 3 мужчины и 16 женщин которые и живут теперь в Порте.

Там же, л. 125—125об. /Копия/

*То есть медная пластина (по-тлинкитски — “тинна”).
**Фуругельм Иван Васильевич — главный правитель Русской Америки в 1859—1863 гг.

***Калга —этим камчадалским словом русские обозначали рабов у коренных жителей Русской Америки.

****То есть по случаю реконструкции домов, которая заканчивалась обычно потлачем с человеческими жертвоприношениями.

№ 448, 9 октября 1861 г. Свидетельство
[от И.В. Фуругельма]

1.125
1.125об.
Дано сие уроженке Российско-Американских колоний из племени Колош девице Александре, имеющей ныне от роду 14 лет, в том, что она в 1852 году//с дозволения Колониального Начальства принята на воспитание Ахтырским Купеческим сыном Александром Ивановым Дзюбиным и ныне при нем следует на выезд из Колоний в Россию. В удостоверение чего и дано ей сие свидетельство за подписанием и приложением печати Главного Правителя Колоний. — Порт Ново-Архангельск на Северо-Западном берегу Америки. — Октября 9 дня 1861 года.

СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ, СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, МЕСТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ*

Автохтонный (греч. "аутохтонес" — данной, собственной земли) — принадлежавший по происхождению данной территории, местный, коренной по происхождению.

Авункулат (лат. "авункулус" — дядя со стороны матери) — система особых отношений между дядей со стороны матери и его племянником, когда брат матери считается более ответственным за воспитание племянника и его жизненную судьбу, чем родной отец.

Авункулокальность брака — поселение брачной пары у брата матери мужа.

Адмиралтейство — предприятие для постройки, ремонта и снаряжения кораблей.

Аманат (араб.) — заложник, даваемый в обеспечение договора.

Анимализм (от лат. "анималь" — животное) — почитание животных в различных религиях.

Анимизм (от лат. "анима" — душа) — вера в души и духов, необходимый элемент любой религии.

Анкау (анкаву) — тлинкитский термин, означающий старейшину линиджа или рода.

Антропологический тип — исторически сложившиеся биологические особенности определенной человеческой группы (рост, структура и цвет волос, форма черепа и т.д.).

Анъяди (а-ниати) — тлинкитский термин, обозначающий знатного человека.

Аршин — старинная русская мера длины, равная 71,12 см.

Байдара — многovesельная открытая лодка с обшивкой из дубленых шкур морских животных (тюленей, моржей) и каркасом из деревянных планок. Крупные байдары вмещали до 40 чел., использовались алеутами и эскимосами для морской охоты, торговых и военных походов. Байдары, которыми пользовались русские на Аляске, имели иногда мачту с четырехугольным парусом и навесной руль.

Байдарка — длинная узкая плоскодонная кожаная лодка с каркасом из деревянных планок. В отличие от *байдары* обтянута кожей со всех сторон: для гребца-охотника в крышке оставляется круглое отверстие, отороченное кожей, которое с помощью ремня плотно стягивается вокруг корпуса сидящего в байдарке. Встречаются байдарки с двумя и тремя отверстиями (двух- и трехлучные), соответственно вме-

* Курсивом выделены термины и этнонимы, включенные в Словарь-указатель и в Указатель этнических названий.

щающие двух или трех человек. Байдарка (каяк) использовалась алеутами и эскимосами для рыболовства и охоты на морских животных; на промыслах Российско-Американской компании употреблялись главным образом двухлучные байдарки, а трехлучные служили для перевозки грузов (в том числе легких пушек) и пассажиров.

Байка — мягкая толстая ворсистая шерстяная или хлопчатобумажная ткань.

Барбора (баробора — от камчадальского слова “барабаж” — шалаш) — термин, употреблявшийся русскими на Аляске для обозначения жилищ местных жителей — алеутов, эскимосов и индейцев — вне зависимости от их конструкции и размеров.

Бат — сибирское слово, употреблявшееся русскими для обозначения лодки-долбенки индейцев Северо-Западного побережья (см. *каноэ*).

Бриг (англ. “бриг” — сокр. от итал. “бригантино” — бригантина) — небольшой двухмачтовый корабль с прямым парусным вооружением на обеих мачтах и косым парусом на грот-мачте.

Бригантина (шхуна-бриг, от итал. “бриганте” — разбойник) — небольшое двухмачтовое судно с прямым парусным вооружением на фок-мачте и косым — на грот-мачте; американские бригантины часто представляли собой нечто среднее между классической бригантиной и *бригом*.

Бобр морской — см. *калан*.

Вельбот (англ. “увэйл-боут” — китобойная лодка) — мореходная лодка с острыми носом и кормой, использовавшаяся для охоты на китов; отличалась быстроходностью и имела мачту с парусом.

Галион (исп.) — крупный парусный военно-торговый корабль XVI—XVII вв. с высокими носовыми и кормовыми надстройками.

Галиот (фр.) — небольшое транспортное двухмачтовое судно.

Галлон (анг.) — мера объема жидкостей и сыпучих тел. В Англии галлон содержит 4,546 л, в США — 3,785 л для жидкостей и 4,405 л для сыпучих тел.

Генерационный скос типа кроу — “поколенный скос”, при котором в поколении Эго (лат. “эго” — “я” — обозначение точки отсчета в системах родства) перекрестные кузены не имеют специальных терминологических обозначений и объединяются с родственниками матери нисходящего поколения и с восходящим поколением родственников — со стороны отца.

Гризли — обозначение американского подвида бурого медведя.

Грог (англ.) — напиток из рома или коньяка с кипятком и сахаром.

Денталиум (лат.) — лопатоногий моллюск (морской зуб), чье тело заключено в трубчатую раковину 7—12 см длины; раковины денталии активно использовались индейцами, эскимосами и алеутами как украшение и средство обмена.

Джонка (малайск. “джонг”, искаженное кит. “чуань” — судно) — плоскодонное парусное судно, распространенное в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока; имеет широкие приподнятые нос и корму и может нести до пяти мачт с четырехугольными парусами.

Доля — русская единица веса, равная 0,044 г.

Жило (устар.) — жилье, поселение коренных народов Русской Америки.

Запор рыбный — деревянное или каменное сооружение (ловушка) для ловли рыбы, ставившееся обычно поперек течения речки или ручья.

Золотник — русская единица веса, равная 4,266 г.

Игрушка — сибирское слово, служившее в Русской Америке для обозначения *потлача*.

Инициация (лат. “инитиаре” — начинать) широко распространенный обряд посвящения юношей и девушек (обычно в возрасте 12—15 лет) в полноправные члены рода, переход в группу взрослых, сопровождавшийся нередко ритуальными истязаниями и испытаниями.

Итальянская миля — единица расстояния, равная 1,481 км.

Калан (морской бобр, морская выдра) — один из крупнейших представителей семейства куньих (вес доходит до 40 кг, а длина вместе с хвостом — до 1,5 м); обитает на Тихоокеанском побережье Северной Америки (включая Алеутские о-ва) и побережье Северо-Восточной Азии (Курильские о-ва, п-ов Камчатка). Питается калан морскими ежами, моллюсками, рыбой, крабами; обладает великолепным густым мехом темно-коричневого оттенка.

Калга — так в Русской Америке обозначали раба (рабыню), принадлежащих коренным жителям Аляски (обычно знатным и богатым вождям и старейшинам).

Калужка (от алеутск. “калуга” — деревянная посуда) — термин, использовавшийся русскими для обозначения деревянных, костяных или каменных втулок, вставлявшихся тлинкитками и индианками некоторых других племен Северо-Западного побережья в разрез под нижней губой.

Камлание — ритуал общения шамана с духами.

Каноз (каное, кану) — лодка индейцев Северной Америки; у тлинкитов и других индейцев Северо-Западного побережья — деревянная лодка-долбленка различных размеров (5—14 м) с приподнятыми носом и кормой.

Карабин (фр.) — ружье или винтовка с укороченным стволом (использовался главным образом в кавалерии).

Карронада (каронада) — короткоствольная пушка крупного калибра.

Картель — чугунные пули, использовавшиеся при стрельбе из пушек для уничтожения живой силы противника.

Каюр (ненецк.) — 1) в Сибири — погонщик собак, запряженных в нарты; 2) в Русской Америке каюрами называли первоначально *калгоз*, отнятых у хозяев русскими для услужения себе, а позднее каюрами стали именовать наиболее бесправную часть работников Российско-Американской компании из числа туземцев, которые находились фактически на положении ее рабов (как отдельная категория туземного населения каюры сохранялись до 1820-х гг., пополняясь за счет преступников и военнопленных).

Каяк (эским.) — эскимосский эквивалент *байдарки*.

Кижучь (кижуч) — одна из разновидностей лосося (см. *лососевые*).

Киноварь (греч. "киннабари") — минерал, сульфид ртути ярко-красного цвета; растертый в порошок, использовался туземцами Русской Америки для раскрашивания лица и тела.

Клан (кельтск.) — см. гл. 1, раздел 4.1

Контрабандист (исп. "контрабандиста") — человек, занимающийся контрабандой, т.е. тайным, запрещенным провозом через государственную границу товаров, ценностей и других предметов помимо таможенных пунктов.

Кошлок — непереогодававший детеныш калана старше 6—7 месяцев.

Крейсер (гол. "круисер") — боевой корабль, предназначенный для нарушения морских коммуникаций противника, защиты своих морских сообщений, обеспечения обороны побережья, разведки и т.д.; как самостоятельный класс боевых кораблей крейсера оформились в 60-е гг. XIX в. (самые сильные среди скорых, самые быстрые среди сильных).

Куан — глинкаитский термин, служащий для обозначения: 1) определенной территории, района; 2) живущего на данной территории населения (см. гл. 1, раздел 1.4).

Куттер (нем. "куттер" — бот, катер) — небольшое одномачтовое парусное судно для прибрежного плавания.

Левират (лат. "левир" — брат мужа) — обычай заключения брака с вдовой брата, право или обязанность вдовы выйти замуж за брата умершего мужа.

Линидж (от лат. "линеа" — ряд, поколение, род) — в данной работе под этим термином понимается локализованная часть рода (см. гл. 1, раздел 4.1).

Лососевые — семейство рыб отряда лососеобразных, распространенны в реках и озерах Европы, Северной Азии и Северной Америки; в реках и озерах Аляски нерестится пять разновидностей лосося: 1) чавыча (чинук, или королевский лосось), 2) нерка (сокояе, или красный лосось), 3) горбуша (пинк, или хампбэк), 4) кижучь (кохо, или серебряный лосось), 5) кета (шум, или дог-саемон).

Магия (греч.) — действия и обряды, совершаемые с целью повлиять сверхъестественным путем на явления природы, животных или человека.

Марки РАК — денежные знаки Российско-Американской компании, имевшие хождение только в Русской Америке; изготовлялись из кожи, окрашенной в различные цвета (сообразно номиналу), со штемпелем РАК на одной стороне и указанием номинала на другой.

Матрилинейность (лат. "матер" — мать, "линеа" — ряд, поколение, род) — счет родства по материнской линии.

Медведь черный (барibal) — вид медведя в Северной Америке; отличается от обыкновенного бурого медведя меньшими размерами, более острой мордой, высокими конечностями с длинными когтями и гладкой короткой шерстью обычно черного цвета.

Миля (англ.) — единица расстояния, различная в разных государствах; английская миля равна 1609, 344 м, морская миля — 1852 м, географическая — 7420 м.

Миткаль (араб.) — хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения; в отделанном виде — ситец.

Мифология (от греч. "мифос" — предание, сказание, рассказ) — совокупность мифов, т.е. созданных народной фантазией сказаний, в которых в наглядно-образной бессознательно-художественной форме отражаются явления природы и общественной жизни.

Мокасины — индейская обувь из замши, нередко украшенная раскрашенными иглами дикобраза или бисером.

Морской бобр — см. *калан*.

Морской лев — см. *сивуч*.

Москит (исп. "москита") — мелкие кровососущие насекомые, в том числе различные виды комаров.

Мушкетон (фр.) — короткоствольное ружье крупного калибра с раструбом на конце ствола для стрельбы картечью.

Нок (гол.) — внешний конец любого горизонтального или наклонного рангоутного дерева (нок-рея, нок гафеля и т.д.) на судне.

Обедня (литургия, месса) — главное христианское богослужение, во время которого совершается таинство причащения (кормление верующих хлебом и вином, в которых якобы воплощены "тело и кровь" Христа); во время обедни совершаются различные ритуалы, молитвы, поются религиозные песни, читается проповедь и т.д.

Одекуй — мелкий бисер.

Пакетбот (гол. "паккетбоот") — небольшое двух-, трехмачтовое транспортное судно.

Палтус — морская рыба отряда камбалообразных, самая крупная разновидность камбалы (длина — до 4,7 м, вес — до 330 кг).

Папуша (рум.) — связка, пучок табачных листьев.

Парка — длинная глухая рубаша (обычно с капюшоном) и длинными рукавами; изготовлялась из шкурки птиц, сусликов, сурков, тюленей.

Партовщик — термин, использовавшийся в Русской Америке для обозначения: 1) туземца — участника промысловой партии, 2) руководителя (обычно русского) промысловой партии, состоявшей из нескольких байдарочных отрядов.

Пират (греч. "пейратес" — грабитель, разбойник) — человек, занимающийся морским разбоем и грабежом, потоплением или задержанием торговых судов.

Плавник — выброшенное прибоем или приливом на берег дерево.

Полати — в русских избах широкие деревянные полки для сна, располагавшиеся обычно рядом с печью.

Полиэikonия (греч. "поли" — много, "эйкон" — образ, изображение) — см. гл. 1, раздел 6.4.

Потлач (от слова индейцев нутка "патсхатл" — давать подарок) — см. гл. 1, раздел 4.3.

Престижная экономика (фр. "престіж" — влияние) — термин, обозначающий особую сферу экономической и социальной жизни позднего первобытного общества, характеризующую развитым церемониальным обменом между общинами. Обменивались, как правило, особенно ценные "престижные" предметы, которые поднимали ранг и статус дарителя (дарителей) и усиливали его (их) социальное влияние.

Прогнатизм (греч. "про" — впереди, "гнатхос" — челюсть) — сильное выступание вперед нижней части лица.

Промышленник (устар.) — так в Сибири и Русской Америке называли охотника за пушным зверем (аналог в Канаде — траппер).

Протоиерей (от греч. “протос” — первый, “хиерос” — священный) — старший православный священник, настоятель соборной церкви.

Пуд — старая русская мера веса, равная 16,38 кг.

Ранг (нем.) — в общем смысле категория, разряд в любой иерархии.

Редут (фр.) — полевое земляное укрепление с валом и рвом; в Русской Америке редутами называли небольшие укрепленные фактории с гарнизонами около 20 чел. Обычно русские строили на Аляске редуты следующего типа: несколько изб окружались четырехугольной оградой из бревен с двумя деревянными башнями на противоположных углах, вооруженными легкими пушками.

Ровдуга (устар.) — дубленая оленья, лосиная или баранья кожа (замша).

Рыба-свеча (зулахон, талеихт) — небольшая рыба семейства колюшковых, обитающая вдоль Тихоокеанского побережья Северной Америки.

Сарана (рябчик) — растение семейства лилейных, чьи небольшие луковички употреблялись в пищу коренными жителями Камчатки (отсюда другое название — камчатская лилия) и Русской Америки.

Сивуч (морской лев) — наиболее крупный вид семейства ушатых тюленей (длина тела — до 340 см, масса — до 1120 кг).

Симбиоз (греч. “симбиосис” — сожительство) — биологический термин, означающий сожительство двух совершенно различных организмов, при котором они взаимно извлекают друг из друга пользу (например, актиния и рак-отшельник).

Синкретизм (греч. “синкретисмос” — соединение) — слитность, нерасчетливость, характеризующая первоначальное, неразвитое состояние, например синкретизм первобытного искусства, в котором пляска, пение и музыка существовали в органическом единстве.

Скальп (лат. “скальпере” — скоблить) — волосы с кожей, срезанные с головы побежденного врага в качестве трофея. Военный обычай скальпирования был широко распространен среди индейцев Северной Америки.

Сорорат (лат. “сорор” — сестра) — брак с несколькими сестрами одновременно, а также обязанность или возможность жениться в дальнейшем на сестре умершей жены.

Старовойжный — так в Русской Америке обозначали русского промышленника, участвовавшего в торгово-промысловых экспедициях на Аляску еще до образования Российско-Американской компании (1799 г.).

Статус (лат., “положение”) — объективная позиция индивида или группы в заданной социальной системе.

Стрелка (устар.) — так в Русской Америке называли легкий дротик, который алеуты и кадьякцы использовали на морском промысле, посылая его в цель с помощью копьеметалки.

Сублинидж — подразделение линиджа.

Тайон — см. тоён.

Тарбаган (монг.) — обыкновенный сурок, один из самых крупных грызунов семейства беличьих (длина тела — до 70 см, вес — до 9 кг).

Тобогган — примитивные индейские сани, состоящие из одного широкого полоза, загнутого на переднем конце.

Тоён, тоен (якут.) — родовой старейшина у якутов; в Русской Америке тоенами русские называли богатых и знатных туземцев (владельцев, как правило, рабами).

Тойон — см. тоён.

Толмач (устар.) — переводчик.

Топонимика (греч. “топос” — место, местность; “онома” — имя) — 1) наука, изучающая собственные географические названия, их происхождение и историю; 2) совокупность географических названий какой-либо территории.

Топорик (топорок) — самый крупный из морских птиц тупиков (отряд чистиков), распространен в северной части Тихого океана.

Тотем (слово индейцев оджибве, означающее “его род”) — см. гл. 1, раздел 6.1.

Тотемизм — см. гл. 1, раздел 6.1.

Умиак (эским.) — см. *байдара*.

Фальконет (англ.) — легкая пушка 1—3-фунтового калибра XV—XIX вв. (калибр орудия определялся весом чугунного или свинцового ядра в так называемых артиллерийских фунтах (480 г)).

Фетишизм (португ. “фейтишо” — амулет) — см. гл. 1, раздел 6.1.

Фратрия (греч. “фратрия” — братство) — подразделение племени, объединяющее несколько родов, которые, как правило, произошли из одного первоначального рода; браки между представителями родов одной фратрии были обычно запрещены.

Фрегат (гол.) — крупное трехмачтовое военное судно с прямым парусным вооружением.

Фриз — толстая *байка*.

Фунт (нем. “пфунд”, от лат. “пондус” — вес, тяжесть, гиря) — единица массы и веса; в разных странах фунты неодинаковые — от 320 до 560 г; русский фунт равен 409, 512 г (1 фунт = 1/40 пуда = 96 золотникам = 9216 долям); английский торговый фунт равен 453, 592 г.

Хэмлок (гемлок, тсуга) — хвойное растение из рода тсуга, произрастающее в Северной Америке.

Чилкат-блэнкит (англ. “одеяло-чилкат”) — название церемониальной тлинкитской накидки со сложным тотемным орнаментом.

Чинук — см. гл. 3, раздел 6.

Чиф фактор (англ. “чиф” — глава, начальник; “фактор” — агент) — “офицерский” чин в Компании Гудзонова залива, соответствующий примерно званию “*партовщика*” в Русской Америке; чиф фактору подчинялись младшие офицеры КГЗ — “чиф трайдеры” (в Русской Америке этому чину соответствовало звание “*байдарщика*”) и рядовые агенты компании.

Цесаревич (устар.) — царевич, наследник царского престола.

Шаман (эвенк. “самань”) — см. гл. 1, раздел 6.1.

Шаманизм — см. гл. 1, раздел 6.1.

Шкипер (дат. “скиппер” — корабельщик) — владелец или капитан торгового судна.

Шлюп (гол. “слоеп”) — небольшой трехмачтовый военный корабль XVIII—XIX вв. с прямым парусным вооружением.

Шлюпка (морск.) — общее название малого гребного судна или лодки.

Шуга — мелкий битый лед.

Шхуна (англ.) — парусное судно с косыми парусами; обычное число мачт — две-три.

Экзогамия (греч. “эксо” — снаружи, вне; “гамос” — брак) — обычай избегать браков между мужчинами и женщинами внутри какой-либо социальной группы (например, рода).

Этникос (греч.) — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований.

Этногенез (греч. “этнос” — народ; “генезис” — рождение) — происхождение народа, возникновение новой этнической общности.

Этноним (греч. “этнос” — народ; “онома” — имя) — название этноса.

Этнос (греч. “народ”) — 1) в узком смысле слова то же, что и *этникос*; 2) в широком смысле слова — это народ, обладающий не только этнической, но и социально-экономической и политической общностью.

Ялик (гол. “йол”) — маленькая (обычно двухвесельная) шлюпка.

Яман (сибирск., устар.) — так в Русской Америке обозначали горных баранов и снежных коз.

Ясак (тюрк.) — натуральная подать (в Сибири и на Аляске обычно выплачивалась мехами).

Акой-тлюкнахади — линидж рода *тлюкнахади* в куане Акой (район зал. Драй-Бэй).

Акойцы — так русские называли тлинкитов куана Акой (район залива Драй-Бэй).

Алеуты — коренное население Алеутских о-вов и юго-западной оконечности п-ова Аляска с прилегающими островами до зал. Моллер; в конце XVIII — начале XIX в. этноним “алеуты” стал использоваться русскими и для обозначения эскимосов *конягмиутов*; иногда термин “алеут” употреблялся ранними русскими авторами в значении “наемный работник-туземец Российско-Американской компании” безотносительно к его этнической принадлежности.

Американцы — 1) собирательное название, употреблявшееся со второй половины XVIII в. русскими для обозначения коренного населения Северной Америки и Алеутских о-вов — алеутов, эскимосов и индейцев; 2) жители США, которых в Русской Америке нередко называли также “*бостонцы*”.

Атапаски (атабаски) — группа индейских племен, принадлежащих к языковой семье на-дене. Атапаски широко расселены в западной части Канады, на западе и юго-западе США, а также в Северной Мексике; атапаски Аляски составляют западную группу северных атапасков, в которую входят ингалики (инкалики), койюконы, танаина (танайна), танана, хан, кучин, атена (атна).

Атена (атна) — индейское племя из группы западных атапасков, обитавшее в бассейнах рек Коппер (Медной) и Суситна; в ранних русских источниках индейцы атена были известны под именем “медновцев”.

Ашанти — один из народов группы акан, населяющий Западную Африку (Гвинейское побережье, центральные районы Ганы, западные районы Того и юго-восточную часть Кот-д’Ивуар).

Белла-белла (хейлтсук) — индейское племя языковой группы вакашей, населявшее северо-западное побережье Северной Америки в районе 53°—52° с.ш.; вместе с *хайсла* и *уикено* относятся к группе северных квакиютлов.

Белла-кула — индейское племя группы *сэлишей* (*селишей*) населявшее северо-западное побережье Северной Америки в районе 52° с.ш.

Береговые сэлиши (селиши) — группа индейских народов, населявших западные районы Канады и США (главным образом Тихооке-

анское побережье); к береговым сэлишам относились племена белла-кула, комокс, лиллуэт и др.

Бостонцы — так в Русской Америке обозначали граждан США, поскольку они прибывали на Северо-Западное побережье главным образом из г. Бостон (штат Массачусетс); этим же термином граждане США обозначались и на межплеменном жаргоне чинук.

Васхинеди (вашинеди) — тлинкитский род фратрии Волка.

Ватанеди — обособившаяся часть (линидж) рода *киксади* в куане Ситка.

Внутриматериковые тлинкиты — потомки поселившихся в середине XIX в. в бассейне Юкона береговых тлинкитов, образовавших две территориальные общины — Атлин и Теслин.

Вушкетан — тлинкитский род фратрии Орла, имевший линиджи аук-вухкетан, хуна-вухкетан и хуцнуву-вухкетан.

Гавайцы — полинезийский народ, коренное население Гавайских о-вов.

Гаро — народ сино-тибетской языковой семьи, населяющий западную часть Индии (штат Мегхалая) и соседние районы Бангладеш.

Горные народы — так изредка русские обозначали *атапасков* Скалистых гор.

Дактлауеди (дактлаведи) — тлинкитский род фратрии Волка/Орла, имевший линиджи тонгасс-дактлауеди, хуцнуву-дактлауеди и чилкат-дактлауеди; кроме того, обособившейся ветвью дактлауеди был род цагуеди в куане Кэйк.

Декина (тыкинна) — этноним, которым тлинкиты обозначали индейцев *хайда*.

Дешитан (дешу'иттан) — самый значительный род фратрии Воро́на в куане Хуцнуву.

Индейцы Северо-Западного побережья — собирательное название для группы индейских племен, населявших северо-западное побережье Северной Америки от 45° до 60° с.ш. во второй половине XVIII в. и имевших сходные черты материальной и духовной культуры.

Ирокезы — 1) группа индейских народов, населявших восточные районы США и Канады; 2) собственно ирокезы — представители племен могаук, онейда, онондага, кайюга и сенека, образовавших в XVI в. так называемую Лигу Ирокезов.

Кагвантан (кагуантан, каукан'иттан) — один из самых могущественных родов фратрии Орла у северных тлинкитов.

Кадьякцы — см. *конягмиуты*.

Кайгани — часть индейцев *хайда*, поселившаяся в XVIII в. на южной половине о-ва Принц Уэльский.

Кайганские колоши — см. *кайгани*.

Камчадалы — устаревшее русское название коренных жителей п-ова Камчатка — ительменов.

Канахада — один из родов индейцев *цимшиан*.

Канахеди — см. *канахтеди*.

Канахтеди (канахеди) — один из самых крупных и влиятельных тлинкитских родов фратрии Воро́на, имевший линиджи тонгасс-канахтеди, таку-канахтеди и чилкат-канахтеди.

Каска — одно из племен внутриматериковых *атапасков*.

Каскагуеди (каскагведи) — тлинкитский род высокого ранга фратрии Вóрона из куана Стикин; предками этого рода, согласно преданиям, были индейцы *хайда* с о-вов Королевы Шарлотты.

Качади — тлинкитский род фратрии Вóрона, имевший линиджи кэйк-качади и стикин-качади.

Квакиютлы (квакиутль) — собирательное название, употребляемое для обозначения группы индейских племен, обитавших на северо-западном побережье Северной Америки и относившихся к языковой группе вакашей; различаются северные квакиютлы (хейлтсук, хайсла и уикено) и южные — собственно квакиютлы.

Кенайцы — так русские обозначали в XVIII—XIX вв. *атапасков* танаина, обитавших по берегам зал. Кука на Аляске.

Киксади (хихчади) — один из наиболее значительных тлинкитских родов фратрии Вóрона, имевший линиджи санъя-киксади, стикин-киксади и ситка-киксади.

Киткатла — один из родов индейцев *цимшиан*.

Кóлоши (колюжи, калюжи, калоши, колюши) — собирательное название, использовавшееся русскими в XVIII—XIX вв. для обозначения *индейцев Северо-Западного побережья*; чаще всего этот этноним употреблялся в отношении тлинкитов, так как из всех племен Северо-Западного побережья именно с ними у русских были наиболее продолжительные и интенсивные контакты.

Колоши Кекувские — так русские обозначали тлинкитов куана Кэйк.

Колоши Стахинские — так русские обозначали тлинкитов куана Стикин.

Колоши Такувские — так русские обозначали тлинкитов куана Таку.

Колоши Хуцновские — так русские обозначали тлинкитов куана Хуцнуву.

Конягмиуты (коняги, кадьякцы, кадьякские алеуты) — эскимосы о-ва Кадьяк и близлежащих островов; ветвь конягмиутов, расселившихся на материковом побережье пролива Шелихова, была известна русским под названием “аляскинцы”.

Креолы — так в Русской Америке обозначали потомство от браков и связей русских с алеутскими, эскимосскими и индейскими женщинами; потомки креолов (независимо от того, с кем они вступали в брак) также причислялись к креолам; в своих правах креолы были приравнены к сословию мещан.

Куашкуан (кашкекуан) — наиболее значительный тлинкитский род фратрии Вóрона в куане Якутат; согласно преданиям, предками куашкуан были смешавшиеся с *зяками* атапаски *атена*.

Кэйк — тлинкиты куана Кэйк.

Маори — полинезийский народ, коренное население Новой Зеландии; в XIX в. оказали ожесточенное сопротивление английской колонизации.

Медновцы — см. *атена*.

Минангкабау — народ в Индонезии, населяющий западные районы о-ва Суматра; язык минангкабау относится к малайской подгруппе австронезийских языков, а традиционная культура близка к малайской.

На-дене — языковая семья, объединяющая языки *атапасков*, *зяков* и тлинкитов.

Нангъяйи — самый могущественный род южных тлинкитов из фратрии Волка в куане Стикин.

Настеди — тлинкитский род в куане Кую из фратрии Волка.

Нехади — тлинкитский род в куане Сангья, представители которого могли заключать браки с членами обеих фратрий племени тлинкитов; особо почитали Орла.

Ниска-цимшиан — диалектально-территориальное подразделение индейцев *цимшиан*; обитали в бассейне р. Наас.

Нутка — индейское племя группы вакашей, населявшее западное побережье о-ва Ванкувер.

Полинезийцы — группа родственных народов, коренное население Полинезии, говорящее на полинезийских языках австронезийской языковой семьи и имеющее сходные черты материальной и духовной культуры.

Северные тлинкиты — часть тлинкитского этноса, обитавшая на побережье материка и островах архипелага Александра от проливов Фредерик и Чатам на юге до пролива Кросс на севере.

Секани — племя внутриматериковых *атапасков*, обитавшее в западной части Канады.

Ситка-киксади — один из линиджей рода киксади, чьи представители жили в куане Ситка.

Ситкинцы (ситхинцы) — так русские обозначали тлинкитов куана Ситка (западная половина о-ва Баранова и южная часть о-ва Чичагова с прилегающими мелкими островками).

Ситкоеди — тлинкитский род в куане Таку (Самдам), чьи предки, согласно преданиям, были древнейшими насельниками этой части американского побережья.

Ситхинские Колоши — см. *ситкинцы*.

Стахинцы — см. *стикинцы*.

Стикинцы (стахинцы) — тлинкиты куана Стикин (район нижнего течения р. Стикин (Стахин), также восточное побережье о-ва Купреянова, северо-восточная часть о-ва Принц Уэльский с прилегающими к ним островами).

Сэлиши (селиши) — группа индейских народов, обитавших в западных районах США и Канады и говоривших на сэлишских языках алгонкино-мосанской языковой семьи.

Тагиш — первоначально племя внутриматериковых *атапасков*, обитавшее в районе оз. Тагиш; в XIX в. подверглись языковой и отчасти культурной ассимиляции со стороны береговых тлинкитов.

Такестина — тлинкитский род в куане Чилкат; возможно, линидж рода *шинкукеди* из фратрии Орла.

Таковцы — так русские обозначали тлинкитов куана Таку (нижнее течение р. Таку и побережье материка в этом районе, а также восточная часть о-ва Адмиралти).

Таку (таку-тине) племя внутриматериковых *атапасков*, обитавшее в районе верхнего течения р. Таку; в XIX в. были ассимилированы тлинкитами с побережья.

Талтан — племя внутриматериковых *атапасков*, обитавшее в бассейне Верхнего Стикина и Таку; в XIX в. подверглись сильному куль-

турному влиянию со стороны береговых тлинкитов (главным образом из куана Стикин).

Танта-канахтеди (тонгасс-канахади) — линидж тлинкитского рода *канахтеди* в куане Танта (Тонгасс).

Текуеди (текведи) — один из самых крупных и влиятельных тлинкитских родов фратрии Волка/Орла, имевший линиджи тонгасс-текуеди, санъя-текуеди, хуцнуву-текуеди, акой-текуеди, а с XIX в. еще и якутат-текуеди.

Тихиттан (ти'иттан) — тлинкитский род фратрии Вёрона в куане Стикин.

Тлахаик-текуеди — тлинкитизированный род *эяков*, обитавший на побережье и островах залива Якутат; в 1806 г. были разгромлены тлинкитами рода тлюкнахади.

Тленеди — тлинкитский род фратрии Вёрона в куане Аук.

Тлинкиты залива Аляска — часть тлинкитского этноса, сформировавшаяся в XVIII в. на побережье залива Аляска в результате ассимиляции тлинкитами местных *атапасков* и *эяков*.

Тлинкиты Ситка — см. *ситкинцы*.

Тлюкнахади — один из наиболее крупных и могущественных тлинкитских родов фратрии Вёрона, имевший линиджи акой-тлюкнахади и ситка-тлюкнахади.

Тутчен (тутчоны) — племя внутриматериковых *атапасков*, обитавшее в бассейне Верхнего Юкона; подразделялись на южных и северных тутченов.

Угалахмюты — см. *эяки*.

Хайда — индейское племя, населявшее о-ва Королевы Шарлотты, а с XVIII в. — также южную часть о-ва Принц Уэльский (см. *кайганы*); традиционная материальная и духовная культура хайда была очень близка к тлинкитской.

Хайда-скидегейт — диалектально-территориальное подразделение индейцев хайда, населявшее южную часть архипелага Королевы Шарлотты (в северной части архипелага жили хайда-массет, а на Аляске — хайда-кайганы).

Хайсла — индейское племя языковой группы вакашей, населявшее Северо-Западное побережье в районе 53° с.ш.; вместе с белла-белла (хейлтсук) и уикено относится к группе северных квакиютлов.

Хан — племя внутриматериковых *атапасков*, обитавшее в среднем течении Юкона.

Хуцновцы — так русские обозначали тлинкитов куана Хуцнуву (южная часть о-ва Адмиралти, юго-восточная оконечность о-ва Чичагова и северо-западная часть о-ва Баранова).

Хуцнуву-текуеди — линидж тлинкитского рода *текуеди* в куане Хуцнуву.

Чилкат-канахтеди — линидж тлинкитского рода *канахтеди* в куане Чилкат.

Чилкатцы — так русские обозначали тлинкитов куана Чилкат (районы, прилегающие к заливу Линн-Канал и бассейн р. Чилкат).

Чугачи (шугачи, чюгачикмиут) — группа тихоокеанских эскимосов, заселившая побережье и острова залива Принс-Вильям (Чугатский залив).

Чуканеди — тлинкитский род фратрии Орла в куане Хуна.

Чучкан (чучхан) — этноним, которым тлинкиты обозначали индейцев *цимшиан*.

Цагуеди — тлинкитский род фратрии Волка в куане Кэйк.

Цецаут (веталтх) — племя *атапасков*, обитавшее в районе залива Бем-Канал; в XIX в. подвергались систематическим набегам тлинкитов куана Санъя; остатки племени присоединились в конце XIX в. к индейцам *цимшиан*.

Цимшиан — индейское племя, населявшее бассейн среднего и нижнего течения рек Скина и Насс и побережье материка от устья р. Наас до 53⁰ с.ш.; известны три диалектально-территориальных подразделения — ниска, гитксан и собственно цимшиан; язык цимшиан относится к изолятам, а культура была близка к культуре других индейцев *Северо-Западного побережья*.

Шинкукеди (шанкукеди) — тлинкитский род фратрии Орла в куане Акой.

Эвенки (тунгусы) — один из коренных народов Сибири, населяющий огромные территории от левобережья Енисея до Охотского моря и от Заполярья до Ангары и Амура; язык эвенков относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи.

Эскимосы (инуит) — группа народов, широко расселившихся в арктических районах Канады, в Гренландии и на побережье Аляски и Чукотки; представляют собой несколько языковых этнокультурных общностей; традиционная культура эскимосов связана (за некоторым исключением) с морским зверобойным промыслом.

Эяки (ияк, угалахмюты, угаленцы) — небольшое индейское племя, обитавшее на Тихоокеанском побережье Аляски от устья р. Италио (или даже еще южнее) до устья р. Коппер; в XVIII—XIX вв. большая часть эяков была либо ассимилирована, либо оттеснена на северо-запад тлинкитами; традиционная культура эяков была близка к культуре других *индейцев Северо-Западного побережья*, а язык входил в качестве самостоятельной ветви в языковую семью *на-дене*.

Южные тлинкиты — часть тлинкитского этноса, населявшая побережье материка и прилегающие острова архипелага Александра от залива Портленд-Канал и о-ва Принц Уэльский на юге до проливов Фредерик и Чатам на севере; южные тлинкиты испытали большее культурное влияние своих соседей — индейцев *хайда* и *цимшиан*, чем *северные тлинкиты*.

Южные тутчены — часть атапаскского племени *тутчен*; в XIX в. испытали сильное культурное влияние береговых тлинкитов.

Юкагиры — один из коренных народов Восточной Сибири; юкагирский язык — изолят; традиционная культура базировалась на таежной охоте и рыболовстве.

Якутатцы — так русские обозначали тлинкитов куана Якутат (район залива Якутат (Глахаик) и побережье материка от устья р. Италио до залива Айси-Бэй).

Якуты — народ в Восточной Сибири (бассейны рек Лены, Индигирки, Колымы); язык якутов относится к тюркской группе алтайской языковой семьи; традиционная культура базировалась на скотоводстве, таежной охоте и рыболовстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Документы и материалы государственных архивных учреждений

Архив внешней политики России:

- ф. РАК, оп. 888, д. 5, 36, 68, 105, 108, 126, 130, 170, 172—174, 181, 207, 215, 222, 284, 285, 318, 320, 351, 357, 382, 385, 393, 396, 491, 747, 855, 856, 945/25, 947/27, 949/29, 951/31, 961/41, 988, 989, 992, 993, 995, 998, 1000—1016, 1018, 1020—1027;
- ф. Гл. архив 1—7, 1802 г., д. 1, папки 1, 12, 35, 45;
- ф. Гл. архив 1—9, 1852 г., д. 15; 1859—1867 гг., оп. 8, д. 3;
- ф. Гл. архив 1—13, 1805—1808 гг., д. 12;
- ф. Гл. архив II-3, 1805—1811 гг., оп. 34, д. 7, 8;
- ф. Гл. архив. II-5, 1844—1860 гг., оп. 38, д. 3.

Центральный государственный исторический архив СССР:

- ф. 18, оп. 5, д. 1244, 1262, 1270, 1271, 1282, 1291, 1306, 1312, 1316, 1317, 1321, 1329;
- ф. 523, оп. 1, д. 366;
- ф. 796, оп. 90, д. 273; оп. 174, д. 2949;
- ф. 994, оп. 2, д. 829, 830, 833, 838, 848, 851, 857, 859, 864, 872.

Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР:

- ф. 7, оп. 1, д. 8, 14—16;
- ф. 15, оп. 1, д. 8, 9;
- ф. 213, оп. 1, д. 104, 110;
- ф. 214, оп. 1, д. 25.

Центральный государственный архив древних актов:

- ф. 1605, оп. 1, д. 161, 187, 190, 352, 353, 355, 356, 360—362, 364.

Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР:

- ф. 46, оп. 1, ед. хр. № 2, 3;
- ф. 53, оп. 1, ед. хр. № 2/1—2;

Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина:

- ф. 204, к. 32, ед. хр. № 2—6, 12.

Отдел рукописей Государственной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград):

- ф. 7, ед. хр. № 139, 143;
- Сб. Q IV. 311.

*Опубликованные источники
(документы, записки, исследования, мемуары)*

1. *Анатолий*, архимандрит. Индиане Аляски: Быт и религия их. — Одесса, 1906.
2. *Архив графов Мордвиновых*. — Спб., 1902. — Т. 6.
3. *Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.* / Под ред. и с введ. А.В. Ефимова. — М., 1964.
4. Берх В.Н. Предисловие // Макензи А. Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану... — Спб., 1808. — С. I—XIII.
5. *Берх В.Н.* Известие о меховой торговле, производимой россиянами при островах Курильских, Алеутских и северо-западном берегу Америки. — Спб., 1823.
6. *Вавилов М.И.* Последние дни в Русской Америке: 1867—1868 гг. // *Русская старина*. — 1886. — Т. XLIX. — С. 549—560; Т. L. — С. 593—598; Т. LI. — С. 605—614.
7. *Ванкувер Дж.* Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света... — Спб., 1830. — Кн. 4; 1833. — Кн. 5.
8. *Вениаминов И.Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. — Спб., 1840. — Ч. III.
9. *Вениаминов И.Е.* Состояние православной церкви в Российской Америке // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1840. — Ч. XXVI, отд. V. — С. 3—58.
10. *Вениаминов И.Е.* Замечания о колошенском и кадьякском языках. — Спб., 1846.
11. *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел* / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. — М., 1963—1985. — Сер. I, т. III—VII; Сер. II, т. I—VI.
12. *Врангель Ф.П.* Краткие статистические замечания о российских колониях в Америке // *Телескоп*. — 1835. — Т. XXVIII, № 13. — С. 104—133.
13. *Врангель Ф.П.* Обитатели северо-западных берегов Америки // *Сын Отечества*. — 1839. — Т. VII. — С. 51—82.
14. *Гильсен К.* Путешествие на шлюпе “Благонамеренный” для исследования берегов Азии и Америки за Беринговым проливом с 1819 по 1822 год // *Отечественные записки*. — 1849. — Т. LXVII, № 10. — С. 213—281; Т. LXVII, № 11/12. — С. 275—340.
15. *Головин П.Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке // *Морской сб.* — 1862. — Т. LVII, ч. III. — С. 19—192.
16. *Головин П.Н.* Из путевых заметок П.Н. Головина с предисловием В. Римского-Корсакова // *Морской сб.* — 1863. — № 5. — С. 101—182; № 6. — С. 275—340.
17. *Головин П.Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке капитана 2-го ранга Головина // *Приложения к докладу Комитета об устройстве Русских Американских колоний*. — Спб., 1863. — С. 268—462.
18. *Головин В.М.* Сочинения и переводы Василия Михайловича Головина. — Спб., 1864. — Т. IV, V.
19. *Головин В.М.* Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе “Камчатка” в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головиным. — М., 1965.

20. Головнин В.М. Путешествие на шлюпе "Диана" из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. — М., 1961.
21. Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. — Спб., 1810. — Ч. I; 1812. — Ч. II.
22. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. — Спб., 1863.
23. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний: Приложения. — Спб., 1863.
24. Донской В. Ситха и колоши // Прибавление к церковным ведомостям. — 1893. — № 22. — С. 823—828; № 23. — С. 856—862.
25. Дорошин П.П. Из записок, веденных в Русской Америке // Горн. журн. — 1866. — Ч. I, № 3. — С. 365—400.
26. Завалишин Д.И. Дело о колонии Росс // Русский вестник. — 1866. — Т. 62, № 3. — С. 36—65.
27. Завалишин Д.И. Российско-Американская компания. — М., 1865.
28. Завалишин Д.И. Кругосветное плавание на фрегате "Крейсер" // Древняя и новая Россия. — 1877. — Т. II, № 5—7; Т. III, № 9—11.
29. Завойко В.С. Впечатление моряка во время двух путешествий кругом света. — Спб., 1840. — Ч. 1, 2.
30. Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. — М., 1956.
31. Зеленой К.С. Из записок о кругосветном плавании (1861—1864 гг.) // Морской сб. — 1865. — Т. LXXVIII, № 5; Т. LXXIX, № 7, 8; Т. LXXX, № 9.
32. К истории Российско-Американской компании: Сб. документальных материалов. — Красноярск, 1957.
33. Костливецов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний действительного статского советника Костливецова // Приложения к докладу Комитета об устройстве Русских Американских колоний. — Спб., 1863. — С. 1—267.
34. Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 16, 17 и 1818 годах... — Спб., 1821. — Ч. I; 1822. — Ч. II; 1823. — Ч. III.
35. Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. — М., 1987.
36. Кук Дж. Третье плавание капитана Джеймса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. — М., 1971.
37. Лазарев Алексей П. Записки о плавании военного шлюпа Благонмеренного в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах. — М., 1950.
38. Лазарев Андрей П. Плавание вокруг света на шлюпе Ладога: в 1822, 1823 и 1824 годах шлюпом начальствовал капитан-лейтенант Андрей Лазарев... — Спб., 1832.
39. Лазарев М.П. Документы. — М., 1952. — Т. I.
40. Лебедев Д.М. Плавание А.И. Чирикова на пакетботе "Св. Павел" к бережьям Америки: С приложением судового журнала 1741 г. — М., 1951.
41. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... — Спб., 1812. — Ч. I, II.

42. *Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света, совершенное... на военном шлюпе "Сенявин" в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах... — Спб., 1834. — Ч. I.
43. *Маласпина А.* Путешествие в Южном море, к западным берегам Америки и островам Марианским и Филиппинским, совершенное в 1789, 90, 91, 92, 93 и 94 годах... // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом. — Спб., 1824. — Ч. VI, VII; 1825. — Ч. VIII, IX; 1827. — Ч. XII, XIII.
44. *Мамышев В.Н.* Американские владения России // Библиотека для чтения. — 1855. — Т. СXXX, № 2. — С. 204—292.
45. *Марков А.* Русские на Восточном океане. — Спб., 1856.
46. *Материалы* для истории русских заселений по берегам Восточного океана. — Спб., 1861. — Вып. 1—4.
47. *Николай, епископ Алеутский и Аляскинский.* Из моего дневника: Путевые заметки и впечатления во время путешествия по Аляске и Алеутским островам. — Спб., 1893. — Ч. I.
48. *Новоархангельск* и колоши // Вокруг света. — 1862. — Т. II. — С. 30—36.
49. *Обозрение* состояния действий Российско-Американской компании с 1797 по 1819 год // Журнал мануфактур и торговли. — 1835. — № 1—3.
50. *Окончательное* обозрение северных берегов Америки П.В. Дизом и Т. Симпсоном летом и осенью 1837 г. // Сын Отечества. — 1839. — Т. VII. — С. 83—114.
51. *Отчет* Российско-Американской компании за 1858 год. — Спб., 1859.
52. *Отчет* Российско-Американской компании за 1859 год. — Спб., 1860.
53. *Разумовская Р.С.* Плетеные изделия северо-западных индейцев // Сб. МАЭ. — Л., 1967. — Т. XXIV: Культура и быт народов Америки. — С. 93—123.
54. *Ратнер-Штернберг С.А.* Музейные материалы по тлингитскому шаманству / Там же. — Л., 1927. — Т. VI. — С. 79—114; табл. I—IV.
55. *Ратнер-Штернберг С.А.* Музейные материалы по тлингитам: Очерк II // Там же. — Л., 1929. — Т. VIII. — С. 270—301; табл. I—IV.
56. *Ратнер-Штернберг С.А.* Музейные материалы по тлингитам: Очерк III // Там же. — Л., 1930. — Т. IX. — С. 167—186; табл. I—V.
57. *Романов В.П.* О Колюжах или Колошах вообще // Северный Архив. — 1825. — № 17 (XVII). — С. 1—28.
58. *Россия* и США: Становление отношений: 1765—1815. — М., 1980.
59. *Русская Тихоокеанская эпопея.* — Хабаровск, 1979.
60. *Русские* открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.: Сб. материалов / Под ред. и со вступ. ст. А.И. Андреева. — М.; Л., 1944.
61. *Русские* открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. ст. А.И. Андреева. — М., 1948.
62. *Русские* экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. документов. — М., 1984.
63. *Сарычев Г.А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952.

64. *Ситников Л.А.* Материалы для истории Русской Америки: ("Отчеты" Филиппа Кашеварова) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1986. — С. 82—103.
65. *Тебеньков М.Д.* Гидрографические замечания к Атласу северо-западных берегов Америки... — Спб., 1852.
66. *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. — Спб., 1861. — Ч. I; 1863. — Ч. II.
67. *Труфанов И.Т.* Кенайские томагавки из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского // Культура и быт народов Америки. — Л., 1967. — С. 85—92. — (Сб. МАЭ; т. XXIV).
68. *Унковский С.Я.* Из "истинных записок моей жизни" лейтенанта С.Я. Унковского // Лазарев М.П. Документы. — М., 1952. — Т. I. — С. 11—60.
69. *Хлебников К.Т.* Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. — Спб., 1835.
70. *Хлебников К.Т.* Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. — Спб., 1861. — Вып. IV. — С. 40—56.
71. *Хлебников К.Т.* Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой. — Л., 1979.
72. *Хлебников К.Т.* Русская Америка в "записках" Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / Сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Федоровой. — М., 1985.
73. *Хрущов С.П.* Плавание шлюпа Аполлона в 1821—1824 годах // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом. — Спб., 1826. — Ч. X. — С. 200—272.
74. *Шамиссо А.* Путешествие вокруг света. — М., 1986.
75. *Шелихов Г.И.* Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. — Хабаровск, 1971.
76. *Шемелин Ф.И.* Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара... — Спб., 1816. — Ч. I; 1818. — Ч. II.
77. *Bancroft H.H.* History of Alaska, 1730—1885. — Darien, 1970.
78. *Barbeau M.* Tsimshian Myths // National Museum of Canada. — Ottawa, 1961. — Bull. N 174. — P. 1—97.
79. *Birket-Smith K.* The Chugach Escimo. — Kobenhavn, 1953.
80. *Birket-Smith K., Laguna F. de.* The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. — Kobenhavn, 1938.
81. *Boas F.* Ts'ets'at, an Athapascan Language from Portland Canal, British Columbia // International Journal of American Linguistics. — 1924. — Vol. 3, N 1. — P. 1—35.
82. *Boas F.* Bella Bella Texts. — N.Y., 1928.
83. *Boas F.* The Primitive Art. — N.Y., 1955.
84. *Dauenhauer N.M., Dauenhauer R.* "Who Painted the Face of the Little Old Man?" — The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from the Tlingit, Russian, and British Points of View // A Report on Work in Progress. — August, 1987. — P. 1—32 (получено из личного архива Л.С. Блэк).
85. *Emmons G.T.* The Basketry of the Tlingit // Memoirs of the American Museum of Natural History. — 1903. — Vol. III. — P. 229—277.

86. *Emmons G.T.* The Whale House of Chilkat // Raven's Bones. — Sitka. — 1982. — P. 68—90.
87. *Erman A.* Ethnographische Wahrnehmungen und Erfahrungen an den Küsten des Bering-Meers // Zeitschrift für Ethnologie. — 1870. — Bd II. — S. 295—327, 369—393.
88. *Feder N.* American Indian Art. — N.Y., 1973.
89. *Garfield V.E.* Tsimshian Clan and Society // University of Washington Publications Anthropology. — 1939. — Vol. 7, N 3. — P. 167—349.
90. *Garfield V.E.* Historical Aspects of Tlingit Clans in Angoon // AA. New Ser. — 1947. — N 49. — P. 438—452.
91. *Grinnel G.B.* Natives of the Alaska Coast Region // Alaska Narrative, Glaciers, Natives. Harriman Alaska Expedition, 1899. — N.Y., 1902. — Vol. 1. — P. 137—183.
92. *Hallock Ch.* Our New Alaska. — N.Y., 1886.
93. *Holm B.* Northwest Coast Indian Art. — Seattle; London, 1965.
94. *Holm B.* The Box of Daylight. Northwest Coast Indian Art. — Seattle; London, 1984.
95. *Holm B., Reid W.A.* Dialogue on Form and Northwest Coast Freedom Indian Art. — Houston, 1972.
96. *Holmberg H.J.* Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika. — Helsingfors, 1855. — Bd I.
97. *Howey F.W.* A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785—1825 // Materials for the Study of Alaskan History. — 1973. — N 2. — P. 1—209.
98. *In Honor of Eyak: The Art of Anna Nelson Harry* / Compl. and ed. with Introduction and Commentary by Michael E. Krauss. — Fairbanks, 1982.
99. *Jacobs M. Jr., Jacobs M. Sr.* Southeast Alaska Native Foods // Raven's Bones. — Sitka, 1982. — P. 112—130.
100. *Kittlitz F.H.v.* Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem Russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka von F.H. von Kittlitz. — Gotha, 1858. — Bd I, II.
101. *Krause A.* The Tlingit Indians. — Seattle; London, 1956.
102. *Laguna F. de.* The Prehistory of Northern North America as Seen from the Yukon // Current to American Antiquity. — 1947. — Vol. XII, N 3. — P. 3—360.
103. *Laguna F. de.* The Story of a Tlingit Community: a Problem in the Relationship between Archeological, Ethnological, and Historical Methods // Bull. BAE. — 1960. — N 172. — P. 1—254.
104. *Laguna F. de.* Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit. — Washington, 1972. — Pt 1—3.
105. *Laguna F. de.* Aboriginal Tlingit Sociopolitical Organization // The Development of Political Organization in Native North America: 1979 Proceedings of the American Ethnological Society/Ed. by E. Tooker. — Washington, 1983. — P. 71—85.
106. *Laguna F. de et al.* Archeology of the Yakutat Bay Area, Alaska // Bull. BAE. — 1964. — N 192. — P. 1—245.
107. *Langsdorff G.H.v.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807 von G.H. von Langsdorff. — Frankfurt-am-Main, 1812. — Bd I—II.
108. *La Perouse J.T.G.de.* A Voyage round the World, Performed in Years 1785, 1786, 1787 and 1788 by the Boussole and Astrolabe. — N.Y., 1968.

109. *McClellan C.* Wealth Woman and Frogs among the Tagish Indians // *Anthropos*. — 1963. — Vol. 58, N 1—2. — P. 121—128.
110. *McClellan C.* The Girl Who Married the Bear // *National Museum of Canada/National Museum of Man. Publications in Ethnology N 2*. — Ottawa, 1970. — P. 1—58.
111. *McClellan C.* Indian Stories about the First Whites in Northwestern America // *Ethnohistory in Southwestern Alaska and the Southern Yukon*. — Lexington, 1970. — P. 103—133.
112. *McClellan C.* My Old People Say: An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. — Ottawa, 1975. — Pt 1—2.
113. *McIlwraith T.F.* The Bella Coola Indians. — Toronto, 1948. — Pt 1—2.
114. *Maurelle F.A.* Journal of a Voyage in 1775 to Explore the Coast of America, Northward of California... — London, 1781.
115. *Maurer E.M.* The Native American Heritage: A Survey of North American Indian Art. — Chicago, 1977.
116. *Murdock G.P.* Culture and Society. — Pittsburgh, 1965.
117. *Niblack A.P.* The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia // *Annual Report of the United States National Museum, 1888*. — Washington, 1890.
118. *Oberg K.* Crime and Punishment in Tlingit Society // *Indian of the North Pacific Coast* / Ed. by T. McFeat. — Seattle; London, 1967. — P. 209—222.
119. *Oberg K.* The Social Economy of the Tlingit Indians. — Seattle; London, 1973.
120. *Olson R.L.* Some Trading Customs of the Chilkat Tlingit // *Essays in Anthropology*. — Berkeley, 1936. — P. 211—214.
121. *Olson R.L.* Social Structure and Social Life on the Tlingit in Alaska // *Anthropological Records*. — 1967. — Vol. 26. — P. 1—123.
122. *Petroff I.I.* Report on the Population, Industries, and Resources of Alaska (10th US Census, 1880). — Washington, 1884.
123. *Salisbury O.M.* The Customs and Legends of the Tlingit Indians of Alaska. — N.Y., 1985.
124. *Siebert E., Forman W.* Indianerkunst der amerikanischen Nordwestküste. — Praha, 1967.
125. *Simpson G.* Narrative of a Journey round the World during the Years 1841 and 1842. — London, 1847. — Vol. 1—2.
126. *Swanton J.R.* Haida Texts and Myths. Skidegate Dialect // *Bull. BAE*. — 1905. — N 29. — P. 1—448.
127. *Swanton J.R.* Social Conditions, Beliefs, and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // *AR BAE*. — 1908. — N 26. — P. 391—512.
128. *Swanton J.R.* Tlingit Myths and Texts // *Bull. BAE*. — 1909. — N 39. — P. 1—451.
129. *Teit J.* Notes on the Tahltan Indians of the British Columbia // *Anthropological Papers Written in Honor of Franz Boas* / Ed. by B. Laufer. — N.Y., 1906. — P. 337—349.
130. *Tsimshian Narratives*. — Ottawa, 1987. — Vol. 1—2.
131. *Voyages of the "Columbia" to the Northwest Coast 1787—1790 and 1790—1793* / Ed. by F.W. Howey. — Boston, 1941.
132. *Whympfer F.* Travel and Adventure in the Territory of Alaska. — Ann Arbor, 1966.
133. *Woldt A.* Capitain Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerikas, 1881—1883... — Leipzig, 1884.

134. *Wrangell F.P.v.* Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. — St. Petersburg, 1839.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

135. *Аверкиева Ю.П.* Рабство у индейцев Северной Америки. — М.; Л., 1941.
136. *Аверкиева Ю.П.* К истории металлургии у индейцев Северной Америки // СЭ. — 1959. — № 2. — С. 71—77.
137. *Аверкиева Ю.П.* К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у глинокитов, хайда и цимшиан) // ТИЭ. — М., 1960. — Т. LVIII: Американский этнографический сборник. — С. 5—126. — (Нов. сер.).
138. *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки // ТИЭ. — М., 1961. — Т. LXX. — С. 1—275. — (Нов. сер.).
139. *Аверкиева Ю.П.* Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества // От Аляски до Огненной Земли. — М., 1967. — С. 72—84.
140. *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. — М., 1974.
141. *Аверкиева Ю.П.* О культе медведя у индейцев Северной Америки // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981. — С. 142—148.
142. *Агранат Г.А.* Об освоении русскими Аляски // Летопись Севера. — М., 1971. — Т. 5. — С. 180—193.
143. *Агранат Г.А.* Коренное население Аляски и Канадского Севера: Современные социально-экономические и политические проблемы // СЭ. — 1982. — № 6. — С. 66—80.
144. *Алексеев А.И.* Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975.
145. *Алексеев А.И.* Илья Гаврилович Вознесенский. — М., 1977.
146. *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — М., 1982.
147. *Батуева Т.М.* Экспансия США на севере Тихого океана и покупка Аляски в 1867 году // Американский экспансионизм. — М., 1985. — С. 66—89.
148. *Беленкин И.Ф.* “Крестители” // Атеистические чтения. — 1988. — Вып. 17. — С. 20—35.
149. *Белов М.И.* О продаже Аляски // Наука и жизнь. — 1967. — № 1. — С. 69—73.
150. *Берг Л.С.* Открытия русских в Тихом океане // Тихий океан: Русские научные исследования. — Л., 1926. — С. 1—24.
151. *Бломквист Е.Э.* Рисунки И.Г. Вознесенского (экспедиция 1839—1849 гг.) // Сб. МАЭ. — 1951. — Т. XIII. — С. 230—303.
152. *Бломквист Е.Э.* История изучения в России североамериканских языков // Сб. МАЭ. — Л., 1975. — Т. XXXI: Из культурного наследия народов Америки и Африки. — С. 94—117.

153. *Болховитинов Н.Н.* Становление российско-американских отношений: 1775—1815. — М., 1966.
154. *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения: 1815—1832. — М., 1975.
155. *Болховитинов Н.Н.* Изучение русско-американских отношений: Некоторые итоги и перспективы // Новая и новейшая история. — 1981. — № 6. — С. 54—64.
156. *Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро: происхождение, характер и эволюция // Американский экспансионизм. — М., 1985. — С. 49—65.
157. *Болховитинов Н.Н.* Зарубежные исследования о Русской Америке // США: экономика, политика, идеология. — 1985. — № 4. — С. 81—95.
158. *Болховитинов Н.Н.* Как продали Аляску // Международная жизнь. — 1988. — № 7. — С. 120—131.
159. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М., 1983.
160. *Ван Стоун Дж. У.* Этноисторические исследования на Аляске: обзор // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981. — С. 212—228.
161. *Варшавский С.Р.* Увековеченная слава России. — Магадан, 1982.
162. *Васильевский Р.С., Резун Д.Я.* Воспитание историей. — Новосибирск, 1987.
163. *Войтов В.* Океанские дороги человечества // Наука и жизнь. — 1984. — № 8. — С. 143—149.
164. *Гринев А.В.* Колонизация Русской Америки и французская колонизация Канады: Общее и особенное // Научно-техническому прогрессу — творческий поиск вузов. — Барнаул, 1983. — С. 66. — (Тез. докл. 1-й Краевой межвуз. науч.-практ. конф. 27—28 апреля 1983 г.).
165. *Гринев А.В.* Об этнониме “колоши” // СЭ. — 1986. — № 1. — С. 104—108.
166. *Гринев А.В.* Товарообмен между индейцами тлинкитами и атапасками Скалистых гор в XIX веке // СЭ. — 1986. — № 5. — С. 113—122.
167. *Гринев А.В.* Забытая экспедиция Дмитрия Тарханова на Медную реку // СЭ. — 1987. — № 4. — С. 88—100.
168. *Гринев А.В.* Годовой хозяйственный цикл тлинкитов // Экология американских индейцев и эскимосов. — М., 1988. — С. 117—124.
169. *Гринев А.В.* Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате // СЭ. — 1988. — № 5. — С. 110—120.
170. *Гринев А.В.* Тотем в традиционном тлинкитском обществе // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. — М., 1989. — С. 38—40. — (Тез. докл. Междунар. конф. 29 мая — 2 июня 1989 г.).
171. *Дзенискевич Г.И.* Сказание о Вороне у атапасков Аляски // СЭ. — 1976. — № 1. — С. 73—83.
172. *Дзенискевич Г.И.* Товарообмен у атапасков Аляски в первой половине XIX в. // Проблемы истории и этнографии Америки. — М., 1979. — С. 254—264.
173. *Дзенискевич Г.И.* Медведь в фольклоре индейцев Аляски // Фольклор и этнография. — Л., 1984. — С. 16—23.

174. *Дзенискевич Г.И.* Медведь в искусстве индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Сб. МАЭ. — Л., 1985. — Т. X: Культура народов Америки. — С. 59—73.
175. *Дзенискевич Г.И.* Атапаски Аляски: Очерки материальной и духовной культуры, конец XVIII — начало XIX в. — Л., 1987.
176. *Дзенискевич Г.И.* Роль тотемной символики в погладче у тлинкитов // СЭ. — 1987. — № 3. — С. 106—114.
177. *Дивин В.А.* Русские мореплавания к берегам Америки после Беринга и Чирикова // От Аляски до Огненной Земли. — М., 1967. — С. 85—94.
178. *Дивин В.А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. — М., 1971.
179. *Ефимов А.В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане: Первая половина XVIII века. — М., 1948.
180. *Ефимов А.В.* США. Пути развития капитализма. — М., 1969.
181. *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. — М., 1971.
182. *Ивашинцов Н.* Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. — Спб., 1872.
183. *Индейцы Америки* // Сб. ТИЭ. Нов. сер. — М., 1955. — Т. XXV.
184. *Истомин А.А.* Селение Росс и калифорнийские индейцы // СЭ. — 1980. — № 4. — С. 57—69.
185. *Истомин А.А.* Русско-тлинкитские контакты (XVIII—XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев. — М., 1985. — С. 155—165.
186. *История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины.* — М., 1986.
187. *История первобытного общества: Эпоха классовобразования.* — М., 1988.
188. *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. — М., 1986.
189. Колоши и их орудия // Воскресный досуг. — 1866. — Т. VII, № 159. — С. 141—142.
190. *Краусс М.Е.* Языки коренного населения Аляски: Прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981. — С. 149—182.
191. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. — М., 1967.
192. *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. — М., 1988.
193. *Ларионова Н.* Соседи через пролив // Правда. — 1988. — 12 нояб.
194. *Лопухин А.* Там русский дух... // Правда. — 1989. — 16 янв.
195. *Лютый А.* Русская Америка // Правда. — 1989. — 16 февр.
196. *Ляпунова Р.Г.* Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Сб. МАЭ. — Л., 1967. — Т. XXXIV: Культура и быт народов Америки. — С. 5—33.
197. *Ляпунова Р.Г.* Очерки этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.). — Л., 1975.
198. *Ляпунова Р.Г.* Записки иеромонаха Гедеона (1803—1807) — один из источников по истории и этнографии Русской Америки // Проблемы истории и этнографии Америки. — М., 1979. — С. 215—229.
199. *Ляпунова Р.Г.* К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) //

- Исторические судьбы американских индейцев. — М., 1985. — С. 293—305.
200. *Ляпунова Р.Г.* Алеуты: Очерки этнической истории. — Л., 1987.
 201. *Магидович И.П.* История открытия и исследования Северной Америки. — М., 1962.
 202. *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII—XVIII в.). — М., 1984. — Т. 3.
 203. *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий: Географические открытия и исследования нового времени (XIX — начало XX в.). — М., 1985. — Т. 4.
 204. *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968.
 205. *Макарова Р.В.* Внешняя политика России на Дальнем Востоке: Вторая половина XVIII в. — М., 1974.
 206. *Макарова Р.В.* К истории ликвидации Российско-Американской компании // Проблемы истории и этнографии Америки. — М., 1979. — С. 264—274.
 207. *Малаховский К.В.* История Новой Зеландии. — М., 1985.
 208. *Маретин Ю.В.* Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра) // Социальная организация народов Азии и Африки. — М., 1975. — С. 60—132.
 209. *Маретина С.А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. — М., 1980.
 210. *Марков С.Н.* Летопись Аляски. — М.; Л., 1948.
 211. *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. — М., 1979.
 212. *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношения Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981. — С. 182—200.
 213. *Морган Л.Г.* Древнее общество. — Л., 1934.
 214. *Морган Л.Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов. — М., 1983.
 215. *Морской энциклопедический справочник: В 2 т.* — Л., 1986.
 216. *Народы Америки* / Под ред. А.В. Ефимова и С.А. Токарева. — М., 1959. — Т. 1.
 217. *Народы мира: Историко-этнографический справочник.* — М., 1988.
 218. *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860—1895. — М., 1956.
 219. *Невский В.В.* Первое путешествие россиян вокруг света. — М., 1951.
 220. *Новоархангельск и колоши // Вокруг света.* — 1862. — Т. II. — С. 30—36.
 221. *Окладников А.П.* Иннокентий Вениаминов // Первопроходцы. — М., 1983. — С. 130—181.
 222. *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. — М.; Л., 1939.
 223. *Пасенюк А.М.* Иду по Командорам. — М., 1985.
 224. *Пасецкий В.М.* В погоне за тайной века. — Л., 1967.
 225. *Пасецкий В.М.* Впереди — неизвестность пути. — М., 1969.
 226. *Пасецкий В.М.* Очарованный надеждой. — Л., 1970.
 227. *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. — М., 1974.
 228. *Полевой Б.П.* Григорий Шелихов — Колумб российский: Биографический очерк. — Магадан, 1960.

229. *Попов В.А.* Ашантийцы в XIX в.: Опыт этносоциологического исследования. — М., 1982.
230. *Разумовская Р.С.* Символический орнамент северо-западных индейцев // Сб. МАЭ. — Л., 1985. — Т. XL: Культура народов Америки. — С. 74—90.
231. *Романов Д.М.* Бурям навстречу. — Тула, 1986.
232. *Свет Я.М., Федорова С.Г.* История пятнадцати // Бригантина. — М., 1971. — С. 48—64.
233. *Сегал Д.М.* Мифологические изображения у индейцев северо-западного побережья Канады // Ранние формы искусства. — М., 1972. — С. 321—369.
234. *Семенов Ю.И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // СЭ. — 1968. — № 4. — С. 75—86.
235. *Семенов Ю.И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. — М., 1976. — С. 7—86.
236. *Семенов Ю.И.* Эволюция экономики раннего первобытного общества // Исследования по общей этнографии. — М., 1979. — С. 61—124.
237. *Скарбек И.Ю.* За тридевять земель. — М., 1988.
238. *Солдаткин Е.* Мастер из племени тлинкитов // Лес и человек. — М., 1989. — С. 172—173.
239. *Тишков В.А.* Страна кленового листа: начало истории. — М., 1977.
240. *Тишков В.А., Кошелев А.В.* История Канады. — М., 1986.
241. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. — М., 1986.
242. *Тумаркин Д.Д.* Вторжение колонизаторов в “край вечной весны”: гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в конце XVIII — начале XIX в. — М., 1964.
243. *Тумаркин Д.Д.* Материалы экспедиции М.Н. Васильева — ценнейший источник по истории и этнографии Гавайских островов // СЭ. — 1983. — № 6. — С. 48—62.
244. *Файнберг Л.А.* Общественный строй эскимосов и алеутов от материнского рода к соседской общине. — М., 1964.
245. *Файнберг Л.А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера. — М., 1971.
246. *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 г. — М., 1971.
247. *Федорова С.Г.* Первое постоянное поселение русских в Америке и Дж. Кук // Новое в изучении Австралии и Океании. — М., 1972. — С. 228—236.
248. *Федорова С.Г.* Этнические процессы в Русской Америке // Национальные процессы в США. — М., 1973. — С. 158—180.
249. *Федорова С.Г.* Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова // Проблемы истории и этнографии Америки. — М., 1979. — С. 229—253.
250. *Федорова С.Г.* Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981. — С. 244—265.
251. *Феест К.* Искусство коренных народов Северной Америки. — М., 1985.
252. *Фирсов И.И.* Полвека под парусами. — М., 1988.

253. *Фрадкин Э.К.* Полиэйкония в искусстве тлинкитов // Сб. МАЭ. — Л., 1985. — Т. XL: Культура народов Америки. — С. 91—110.
254. *Чекуров М.В.* Загадочные экспедиции. — М., 1984.
255. *Членов М.А.* Об эяках // СЭ. — 1985. — № 1. — С. 166—167.
256. *Шашков С.С.* Российско-Американская компания // Собр. соч. — Спб., 1898. — Т. II. — С. 632—652.
257. *Шумилов А.* “Мост” через Берингов пролив // Правда. — 1989. — 28 февр.

На западноевропейских языках

258. *Adam L.* Stammesorganisation und Häuptlingstum der Tlinkitindianer Nordwestamerikas // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. — 1913. — Bd 29. — S. 86—120.
259. *Andrews C.L.* The Story of Alaska. — Caldwell, 1947.
260. *Andrews C.L.* The Settlement of Sitka // Alaska and Its History / Ed. by M.B. Sherwood. — Seattle; London, 1967. — P. 47—55.
261. *Barbeau M.* Pathfinders in the North Pacific. — Caldwell, 1958.
262. *Barratt G.* Russia in Pacific Waters, 1715—1825. — Vancouver; London, 1981.
263. *Barratt G.* Russian Shadows of the British Northwest Coast of North America, 1810—1890. — Vancouver, 1983.
264. *Chevigny H.* Lord of Alaska: Baranov and Russian Adventure. — N.Y., 1944.
265. *Chevigny H.* Russian America: The Great Alaska Venture, 1741—1867. — London, 1965.
266. *Clark H.W.* Alaska: The Last Frontier. — N.Y., 1930.
267. *Colby M.A.* Guide to Alaska: Last American Frontier. — N.Y., 1945.
268. *Cook W.L.* Flood Tide of Empire: Spain and Pacific Northwest, 1543—1819. — New Haven; London, 1973.
269. *Corser H.P.* Totem Lore of the Alaska Indian and Land of the Totem. — Wrangell, 1940.
270. *Curtis E.S.* The North American Indian. — N.Y., 1970. — Vol. 10.
271. *Cutter D.C.* Spain and the Oregon Coast // The Western Shore: Oregon Country Essays / Ed. by T. Vaughan. — Portland, 1975. — P. 29—46.
272. *Drucker Ph.* Indians of the Northwest Coast. — N.Y.; Toronto; London, 1955.
273. *Drucker Ph.* The Native Brotherhoods: Modern Intertribal Organizations of the Northwest Coast // Bull. BAE. — 1958. — N 168.
274. *Drucker Ph.* Cultures of the North Pacific Coast. — San Francisco, 1965.
275. *Drucker Ph.* Rank, Wealth, and Kinship in Northwest Coast Society // Indians of the North Pacific Coast / Ed. by T. McFeat. — Seattle; London, 1967. — P. 55—65.
276. *Duff W.* The Indian History of British Columbia. — Vol. 1: The Impact of the White Man // Anthropology in British Columbia. — 1964. — Memoir N 5.
277. *Fisher R.* Contact and Conflict: Indian-European Relations in British Columbia, 1774—1890. — Vancouver, 1977.
278. *Fuller G.W.* A History of the Pacific Northwest. — N.Y., 1931.

279. *Galbraith J.S.* The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821—1869. — Berkeley; Los Angeles, 1957.
280. *Garfield V.E., Forrest L.A.* The Wolf and the Raven. — Seattle, 1961.
281. *Gibson J.R.* Bostonians and Muscovites on the Northwest Coast, 1788—1841 // The Western Shore: Oregon Country Essays / Ed. by T. Vaughan. — Portland, 1975. — P. 81—120.
282. *Gibson J.R.* Imperial Russian in Frontier America. — N.Y., 1976.
283. *Gibson J.R.* Russian Dependence upon the Natives of Russian America // Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper N 70. — 1979. — P. 1—36.
284. *Gibson J.R.* The Maritime Trade of the North Pacific Coast // Handbook of North American Indians: History of Indian-White Relations / Vol. ed. W.E. Washburn, gen. ed. W.C. Sturtevant. — Washington, 1988. — Vol. 4. — P. 375—390.
285. *Goddard P.E.* Indians of Northwest Coast. — N.Y., 1924.
286. *Gough B.M.* The Northwest Coast in Late 18th Century British Expansion // The Western Shore: Oregon Country Essays / Ed. by T. Vaughan. — Portland, 1975: — P. 47—80.
287. *Gunther E.* Indian Life of the Northwest Coast. — Chicago; London, 1972.
288. *Handbook of North American Indians; Subarctic* / Vol. ed. J. Helm, gen. ed. W.C. Sturtevant. — Washington, 1981. — Vol. 6.
289. *Hulley C.C.* Alaska 1741—1953. — Portland, 1953.
290. *Hunt W.R.* Alaska: A Bicentennial History. — N.Y., 1976.
291. *Johannsen U.* Versuch einer Analyse dokumentarischen Materials über die Identitätsfrage und kulturelle Position der Eyak-Indianer Alaskas // Anthropos. — 1963. — Bd 58. — S. 868—896.
292. *Kan S.* Words that Heal the Soul: Analysis of the Tlingit Potlach Oratory // Arctic Anthropology. — 1983. — Vol. 20, N 2. — P. 47—59.
293. *Kan S.* Russian Orthodox Brotherhoods among the Tlingit: Missionary Goals and Native Response // Ethnohistory. — 1985. — Vol. 32, N 3. — P. 196—223.
294. *Kan S.* The Russian Orthodox Church in Alaska // Handbook of North American Indians: History of Indian-White Relations / Vol. ed. W.E. Washburn, gen. ed. W.C. Sturtevant. — Washington, 1988. — Vol. 4. — P. 506—521.
295. *Krauss M.E.* Native People and Languages of Alaska (map). — Fairbanks, 1975.
296. *Kushner H.J.* Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest, 1790—1867. — Westport; London, 1975.
297. *Miller P.* Lost Heritage of Alaska. — N.Y., 1967.
298. *Morison S.E.* The Maritime History of Massachusetts, 1783—1860. — Boston; N.Y., 1922.
299. *Ogden A.* The California Sea Otter Trade, 1784—1848. — Berkeley, 1941.
300. *Ormsby M.A.* British Columbia: A History. — Vancouver, 1958.
301. *Oswalt W.H.* This Land Was Theirs: The Study of the North American Indian. — N.Y., 1966.
302. *Pierce R.A.* Russian and Soviet Eskimo and Indian Policies // Handbook of North American Indians: History of Indian-White

- Relations / Vol. ed. W.E. Washburn, gen ed. W.C. Sturtevant. — Washington, 1988. — Vol. 4. — P. 119—127.
303. *Rich E.E.* Hudson's Bay Company 1670—1870. — Toronto, 1960. — Vol. 3.
304. *Richards B.* A Place Apart // National Geographic. — 1984. — Vol. 165, N 1. — P. 50—87.
305. *Rosman A., Rubel P.G.* Feasting with Mine Enemy: Rank and Exchange among Northwest Coast Societies. — N.Y.; London, 1971.
306. *Spencer R.F. et al.* The Native Americans. — N.Y.; Hagerstown; San Francisco, 1977.
307. *The World of the American Indian* / Ed. by J.B. Bullard. — N.Y., 1974.
308. *Tompkins S.R.* Alaska, Promyshlennik and Sourdough. — Norman, 1945.
309. *Turner G.* Indians of North America. — Dorset, 1979.
310. *Wherry J.H.* The Totem Pole Indians. — N.Y., 1964.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России (Москва)
- КГЗ — Компания Гудзонова залива
- ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра I АН СССР
- ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (Москва)
- ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
- РАК — Российско-Американская компания
- СЭ — Советская этнография
- ТИЭ — Труды Института этнографии
- ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (Ленинград)
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)
- АА — American Anthropologist
- BAE — Bureau of American Ethnology
- AR BAE — Annual Reports BAE

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ИНДЕЙЦЫ ТЛИНКИТЫ ДО КОНТАКТОВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ.....	15
1. Племя тлинкитов: общие характеристики.....	—
2. Виды хозяйственной деятельности тлинкитов.....	31
3. Материальная культура.....	38
4. Традиционная социальная организация тлинкитов.....	46
5. Роль войны в тлинкитском обществе.....	66
6. Духовная культура.....	73
Глава 2. ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТЛИНКИТОВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ.....	89
1. Первые контакты (1741—1794 гг.).....	—
2. Основание на землях тлинкитов русских поселений и контакты тлинкитов с английскими и американскими скупщиками пушнины (1795—1801 гг.).....	105
3. Восстание индейцев 1802 г. Его причины и последствия. Вторичное основание русского поселения на о-ве Сит- ха (1804 г.). Захват индейцами Якутата (1805 г.).....	114
4. Русско-тлинкитские и американо-тлинкитские отноше- ния в период с 1805 по 1821 г.	134
5. Тлинкиты и европейцы в 1821—1867 гг.	142
Глава 3. ВЛИЯНИЕ КОНТАКТОВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ НА КУЛЬТУРУ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ТЛИНКИТОВ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ.....	186
1. Изменения в хозяйственной деятельности тлинкитов.....	—
2. Изменения в области материальной культуры.....	200
3. Влияние европейской колонизации на социальную орга- низацию тлинкитов в период Русской Америки.....	211
4. Военное дело у тлинкитов в период Русской Америки.....	218
5. Духовная культура тлинкитов в период Русской Америки.....	221
6. Языковые заимствования.....	233
7. Контакты и браки тлинкитов с представителями других народов в период Русской Америки.....	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	245

ПРИМЕЧАНИЯ.....	250
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	263
СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ, СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, МЕСТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ.....	290
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....	298
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	304
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	318

Научное издание

Гринев Андрей Вальтерович

Индейцы тлинкиты
в период
Русской Америки
(1741 — 1867 гг.)

Редактор издательства И.Г. Зыкова
Художник Н.А. Пискун
Иллюстрации выполнены А.В. Гриневым
Художественный редактор В.И. Шумаков
Технический редактор Л.П. Минеева
Корректор Л.А. Шербакова
Оператор набора Н.Н. Проенко
Оператор электронной верстки О.П. Хмелева

ИБ № 42601

Сдано в набор 30.04.91. Подписано к печати 01.11.91. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура таймс. Офсетная печать. Усл. печ.
л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17. Уч.-изд. л. 18. Тираж 2000 экз. Заказ № 821.
Цена 2 р. 10 к. 3 = 97

Ордена Трудового Красного Знамени издательства "Наука", Сибирское
отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

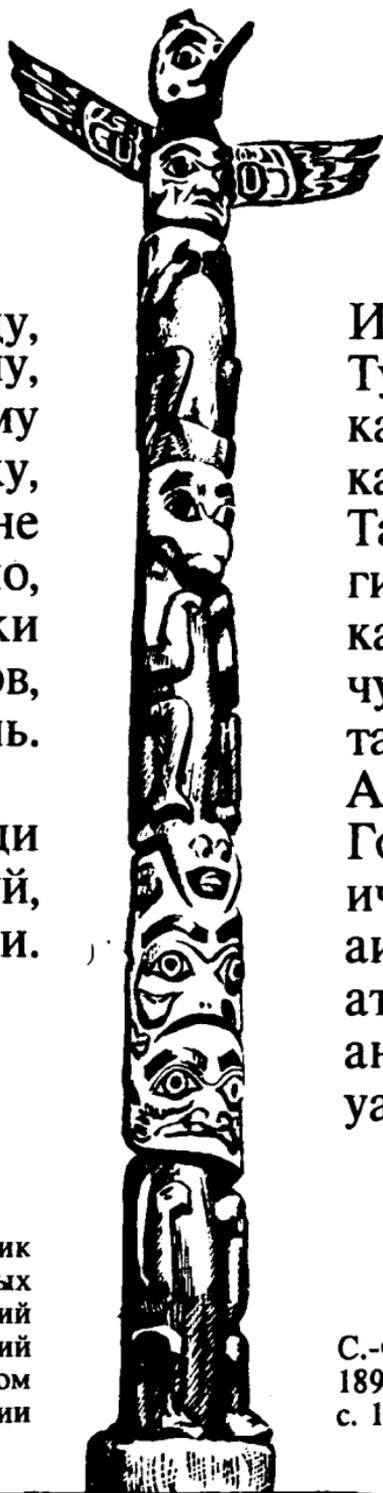
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
4-я типография издательства "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станис-
лавского, 25.

3 р. 10 к.
3 = 97

Слава Отцу,
и Сыну,
и Святому
Духу,
и ныне
и присно,
и во веки
веков,
Аминь.

Господи
помилуй,
благослови.

Сборник
церковных
песнопений
и молитвословий
на колошинском
наречии

Илясаги
Туишъ.
ка Тугит
ка Катыканья
Тасеку
гитат
ка чатляку
чу тляку-
тахъ,
Аминь.
Господи
ичиуан
аикъ
атгате
анальтлех
уанъ.

С.-Франциско,
1896,
с. 18—19.